

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

научный
журнал
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
Филология

и психология

2/2025

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиушенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларинова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремиёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышик** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larinova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, Тел: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru v.korobova-latyntseva@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». Протокол № 2 от 28.02.2025 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 2/2025

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Кувшинов Ф. В. Лингвопоэтические особенности романа Тихона Чурилина «Тяпкатань»	5
Соснина Л. В. Украинизмы в дискурсе специальной военной операции	14
Абрамова И. Ю. Репрезентация концепта ‘творчество’ в стихотворной части Охридского пролога Николая Сербского (Велимировича)	26
Безус С. Н., Смирнова М. А. Документы испанской инквизиции как источник национально-культурного и языкового наследия средневековой Испании	39
Бестолкова Г. В. Процесс развития окситанского языка в Италии и Испании: сопоставительный аспект	51
Будник М. В. Трансформация печатных СМИ, их место и роль в развитии медиасистемы Японии	62
Глазунова О. И. О наречиях <i>немного</i> , <i>несколько</i> , <i>еле</i> , <i>едва</i> со значением низкой и крайне низкой степени интенсификации признака	74
Захарова Н. В. Грамматические средства выразительности в современном франкоязычном политическом дискурсе и способы их передачи на русский язык	84
Козлова Л. Я. Категория субъективной модальности в военно-политическом дискурсе (на материале британских, американских и российских СМИ)	95
Авилов А. А. Социолект англоязычного блогера: лексико-стилистический аспект	106
Бурляй А. С. Специфика языковой личности современного российского военного корреспондента	116

<i>Каньчи.</i> Образ императора-демиурга в нарративах народной этимологии, объясняющих топонимику России и Китая	125
<i>Кварчия В.Б.</i> Специфика репрезентации жанров устно-речевого дискурса в произведениях русскоязычного писателя Ф. Искандера (на материале благопожеланий, проклятий, клятвенных обещаний и причитаний)	136
<i>Косс Е.В.</i> Средства выражения категории определенности/неопределенности в сочетаниях с термином родства <i>дядя</i>	146
<i>Котомцев Д.О.</i> «Целебная ткань, облепившая знанье»: опыт прочтения цикла О.А. Седаковой «Вторая тетрадь»	159
<i>Смольянина Т.А.</i> Мир провинции в романе А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»	170
<i>Сорокин А.А.</i> Семантические и визуальные паттерны патриотизма в социальных сетях и на медиаплатформах	180

Слово молодому учёному

<i>Громова Е.А.</i> «Твоё лицо да богу в уши»: о модификации устойчивых единиц в целях создания комического образа женщины в интернет-пространстве	191
--	-----

Психология

<i>Барышева Е.И.</i> Содержательные особенности отношения к воинской службе юношей-призывников	206
<i>Великанова Е.В.</i> Проблема классификации трудных жизненных ситуаций взрослой личности	216
<i>Яновский М.И.</i> Фашизация личности: психологический анализ	226
<i>Правила для авторов</i>	237

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

***Series D: Philology and
Psychology***

No 2/2025

CONTENTS

Philology

<i>Kuvshinov F. V.</i> Linguistic and poetic features of novel “Tyapkatan” by Tikhon Churilin	5
<i>Sosnina L. V.</i> Ukrainianisms in special military operation discourse	14
<i>Abramova I. Yu.</i> Representation of concept ‘creativity’ in poetic part of Ohrid prologue by Nikolai Serbsky (Velimirovich)	26
<i>Bezus S. N., Smirnova M. A.</i> Documents of the Spanish Inquisition as a source of national-cultural and linguistic heritage of medieval Spain	39
<i>Bestolkova G. V.</i> Occitan Language’s Development Process within Italy and Spain: Comparative Aspect	51
<i>Budnick M. V.</i> Transformation of print media, their place and role in development of Japanese media system	62
<i>Glazunova O. I.</i> On Russian adverbs <i>nemnogo</i> , <i>neskol’ko</i> , <i>ele</i> , <i>edva</i> with meaning of low and extremely low degree of intensification	74
<i>Zakhарова N. V.</i> Expressive grammatical means in contemporary French political discourse and ways of translating them into Russian	84
<i>Kozlova L. Ya.</i> Category of subjective modality in military-political discourse (based on British, American and Russian media)	95
<i>Avilova A. A.</i> Sociolect of English-speaking blogger: lexical and stylistic aspect	106
<i>Burlyai A. S.</i> Specifics of modern Russian military correspondent’s linguistic personality	116
<i>Kang Anqi.</i> Image of emperor-demiurge in folk etymology narratives explaining toponymy of Russia and China	125
<i>Kvarchyna V. B.</i> Specifics of representation of oral discourse genres in works by F. Iskander (based on material of well-wishes, curses, oaths, and lamentations)	136
<i>Koss E. V.</i> Means of expressing certainty / uncertainty in collocations with term of kinship <i>ðядя</i> ‘uncle’	146

K o t o m t s e v D . O . "The healing tissue that clings to knowledge": experience of reading "Second notebook" cycle by O.A. Sedakova 159

S m o l y a n i n o v a T . A . Province world in novel "The Gardenins, their serfs, adherents and enemies" by A.I. Ertel 170

S o r o k i n A . A . Semantic and visual patterns of patriotism in social networks and media platforms 180

Commencing scholars, have your say!

G r o m o v a E . A . «Tvoyo lico da bogu v ushi»: set expressions modification as way of creating woman's comic image in Internet 191

Psychology

B a r y s h e v a E . I . Content features of young concruits' attitude to military service 206

V e l i k a n o v a E . V . Problem of classifying difficult life situations of adult personality 216

Y a n o v s k y M . I . Fascization of personality: psychological analysis 226

Guidelines for authors 237

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.15121052

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ТИХОНА ЧУРИЛИНА «ТЯПКАТАНЬ»

© 2025 **Ф.В. Кувшинов**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

ORCID 0000-0002-1974-6158

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Роман Тихона Чурилина «Тяпкатань», российская комедия (хроника одного города и его народа)», с одной стороны, является ярким образцом провинциального текста, с другой, ярким образцом литературного эксперимента. При этом он почти не известен читателю и мало изучен в рамках филологической науки. Вместе с тем он представляет собой образец эволюции русской литературной футуристической поэтики (словотворчество, архаизация повествования, эпатаж) и является сложным произведением как в смысле архитектоники, жанра, литературного памятника о России пред- и пореволюционной, так и в отношении его лингвопоэтического аспекта. В статье анализируются особенности поэтики романа (лингвопоэтические) и делается вывод, что они обусловлены авторской установкой, в том числе, на его художественное, декламационное чтение и даже, возможно, на сценическое воплощение.

Ключевые слова: Чурилин, футуризм, поэтика романа, окказионализмы, языковая игра, провинциальный текст, ономастика, словотворчество.

Для цитирования: Кувшинов Ф.В. Лингвопоэтические особенности романа Тихона Чурилина «Тяпкатань» / Ф.В. Кувшинов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 5–13. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15121052>.

Введение. Роман Тихона Васильевича Чурилина «Тяпкатань» (1935) является ярким примером нарочитой, сознательной, продуманной игры писателя и поэта с языком. Во многом эта игра предопределена тем, что автор «Тяпкатани» испытал «сильное влияние символизма (А. Белого в частности), а затем и футуризма (прежде всего В. Хлебникова)» и продолжал эти традиции «на протяжении всего своего творческого пути» [2, с. 208]. Причем эта игра очевидна на всех уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Она придает тексту особую стилистическую окраску и делает его в смысловом отношении многослойным. При этом языковые опыты Чурилина неподготовленному читателю представляются отражением психического состояния писателя, действительно страдавшего душевным недугом. Неслучайно публикатор наиболее расширенной и полной версии романа О.К. Крамарь замечает касательно одного только пунктуационного рисунка этого произведения: «Только на первый взгляд написанное Чурилиным может показаться бессмысленным нагромождением пунктуационных знаков. Вчитываясь в страницы его романа,

понимаешь безусловную функциональную значимость использованных им многоточий, тире, восклицательных знаков, круглых и квадратных скобок» [5, с. 14]. Однако «Тяпкатань» является не просто примером разнообразных лингвопоэтических экспериментов, а представляет собой попытку создания целостного художественного произведения, ориентированного не только на чтение «про себя», но и на чтение вслух.

Основная часть. Лингвопоэтический анализ романа Чурилина показывает, что с точки зрения языковой игры он чрезвычайно богат на различные приемы, среди которых легко можно выделить следующие.

1. Неологизмы и авторские слова. Окказионализмы конструируются Чурилиным в рамках футуристического опыта зауми («Если старые слова кажутся нам неубедительными, мы создаем свои» [12, с. 324]), который включает в себя все способы создания новых слов (Р.Ю. Намитокова выделяет среди них редеривацию, субституцию, наложение, контаминацию и тмезис [8, с. 144]). Например, само уже название города Тяпкатань построено по принципу объединения корня местного (лебедянского) топонима *Тяпкина гора* (в свою очередь, образованного от имени мифологического разбойника Тяпки) и окончания названия города Лебедянь. Вообще Чурилин активно использует морфологические конструкции с помощью префиксов, суффиксов, соединения корней, усечения и при этом – комбинирует их: *городовишка, содомочадцы* (интересно то, что в этом окказионализме раскрывается сразу несколько смысловых слов: ‘жители одного и того же дома’ и ‘люди, погруженные в разврат’), *смутница, одуховенство, ухарь-купчик, блудодевственник, подпрыга, белобубенчики, одиннадцаточасье, густотемный, утло, лапко* (в значении ‘умело’), *плыв* (в значении ‘плывя’), *злец, городовань* и проч.

Все это позволяет автору создать особую атмосферу художественного пространства, которое само по себе неоднородно и специфично. Это обусловлено тем, что оно создается в рамках двух точек зрения: взрослого повествователя и повествователя-ребенка. Поэтому оно проникнуто, с одной стороны, сказочностью и былинностью (например, в использовании особой формы имени – *Волександра* или *Париско*), в основе которых лежит детское восприятие мира, которое находит обыденным явлениям новые названия, с другой – сатирией.

В отношении последней стоит заметить, что Чурилин сатирически изображает не только провинциальный мир рубежа XIX–XX веков (непосредственно город Лебедянь и окружающее его Черноземье) и не только внешнее окружение, но и столичный мир и самого себя.

Так, например, примечательна характеристика, данная автором и представителям «дикаденства» (уже в этом окказионализме видна сложная смысловая игра), и представителям более умеренного направления в русской литературе, построенная на нелицеприятном обыгрывании личных имен представителей отечественного искусства. В главе «Выдвиженцы» Чурилин представляет их следующим образом:

«Народный артист Феодор Шляпин
Застуженные деятели искусства:
Дмитрий Бережковский,
Зинаида Гоптиус,
Иоанн Гунин,
Народный поэт Константин Палдйонт
Никол Пердяев
Марина Расцветаява
Алексис Кручинский

Эжен Смятин
Застуженный деятель науки
Павел Малюков

u de profundis: Н.С. Помелев» (об именах см. ниже. – Ф.К.) [16, с. 167–168].

Комментарии тут, разумеется, излишни, однако нельзя пройти мимо оригинального обыгрывания проблемы с правильным ударением в фамилии Бальмонт. Вместе с тем вызывающая, эпатажная игра с именами известных деятелей искусства, современных Чурилину, вполне укладывается в футуристическую модель поведения, которой писатель следовал на протяжении всей жизни, пытаясь «так или иначе воплощать в своем творчестве футуристические программы» [10, с. 190].

2. Аллитерация, ассонанс, звукоподражание. Чурилин активно использует звуковое оформление текста для создания наиболее полного образа, соединяя оба вида фонетического повтора. Например, в главе «Событие первое. Песня» так описывается песня:

«И вот, ниоттуда-ниотсюда, тишину нарушил звук серебряный тонкий, тонкий, в светотени. Родилась песня, жутко и утло, но уютно, взвенела в высъ и пала около жилья – жилейка. Слушал верх, молчал, льня к нему, низ и леса – середина – упрямо сопя от ветра – листвой, ветвенным арсеналом, – слушали присяжными поседателями – угрюмо торжественно. И неторжественно сияла звучаль родившейся песни. Песня пела, утро шло, солнце накипало под подкладкой вверху. Забледнел, уже ярко, небный край. Пополавело. И сильней, дерзче, запела песня песней. И в согласование ей зародились тонкие урчанья серебристых ма-а-аленьких металльчиков. То зазвенели-прозвонили колокольчики, белобубенчики. И пошёл топот мягких тяжёлых ног, и ещё ног нежных, тонких, и ещё – бег собак. Шли массы. Шло стадо» [16, с. 25–26].

В своем романе Чурилин активно использует звукоподражание, причем в рамках той же установки совместить сказочность (как в приведенном выше фрагменте) и грубую сатиру в рамках одного текста. В последнем случае примечателен следующий фрагмент:

«В нужнике:

....Хлопс, бобах – Вввотс... и... ииияяя. Чткrrр... Пффф... У!.. и – свеетт... хrrрусттоф...осв..ик! щцаить всяаа-а! Угм! Ху, ху, ху. Ннуу, Гаврилфедо...ссаддис... вввипп...ик! буль, бул, бул... Ахмка-а-аа...кка-а! Ук! чч...мматть...свиччя т'... Пффф паатухл...аааа-а! Нукит...хм... хрррр...хррр-пффф...ммм...» [16, с. 95].

Удалась или нет эта попытка описать с помощью звукоподражания интимную физиологию, разумеется, решать читателю, но сама попытка вызывает уважение.

При этом Чурилин использует несколько приемов для передачи звуков. Первый – непосредственное звукоподражание:

«А в белом зальце, где сияла горка, где пел герофон и гармоньи, где изливались всю ночь звуки страстные и чудные Лермонтова Тамарина замка где молились днями ночами еще пуще, и страстней – там кенареечный завод.

– Ти ти ти пиу пиуу у, тен тень – тээннн, дррь, дрррр, дррр.

Дррь – тиу тиуу дрррь, дрррь!!

Дззз и и, дрррь!!» [16, с. 83–84].

Второй – использование ремарок:

«– Вася, умираю, прости мне все. – Ну, ну, тьфу, тьфу, ты чево? чево ты? (сморк)
– Вася, ты не женись в третий, не бери мачеху Тиме, ты няню не сгони до поры, ты его не обирай – я тебе вымолю на том свете у бога у богона – все твои грехи отмалю.
– Ну, ну, тьфу, тьфу, – ты чево? Чево, глупая, ещио неизвестно, може не помреиш, дохтура не пустють – и я тибе мази дам на ночь тибе Марья натреть – ты не робеи!
Я то здесь! Я то что? Прохфессороф... из... Москвы (сморк). Я разве (сморк) Сашь, а?

Яя, чито... (плачет). – Вася, ты не плачь, Вася, я ведь тебя любила и сейчас жалею, ты ведь хороший Вася... он...тот.... – Ну, ну, ну, Саша, ннн – а, ццццзздрр!! (скрыпит, рыдает)» [16, с. 63–64].

3. Лексическая и стилистическая игра. Чурилин сталкивает в своем тексте как просторечия, так и слова, относящиеся к профессиональной лексике. Например, у него встречаются названия танцев: *лансье, матом, шенконь*; правильные названия духовных чинов: *protoиерей, protопоп, диакон*; медицинские термины: *кахексия* (истощение организма), *луэс* (первичный сифилис), *лейкемия, нимфомания* и т.д. И вместе с тем роман перенасыщен не просто просторечиями (*шемашедший, ванпир, скапидар, двести тыщ, пузень, бумажёнка, дядичка, побалакаемс, болярин, прохфессор* и проч.), но и вульгаризмами. Все это создает эффект неожиданности и придает тексту особую выразительность.

4. Ономастическая игра. Чурилин активно обыгрывает написание имен собственных, придавая им местный колорит для того, чтобы читатель погрузился в атмосферу провинциального мира: *Вольга, Волександра, Одарья, Вальдемар*. При этом он нарочито меняет написание имен, пытаясь создать образ аутентичного этому провинциальному миру рассказчика: *Кинстантин, Авессалимо, Илец* (то есть город Елец), *Линид* (то есть Леонид) и т.д. С другой стороны, придавая реальным именам собственным (не исключая и своего) новое написание, Чурилин обнажает новые смыслы, имеющие значение в рамках художественного мира романа: *Тихон Василкович Чудилин, Эхигумов* (варианты: *Эх'иумнов, ЭХ'ИУНОВ*, то есть знаменитый отечественный музыкальный деятель К.Н. Игумнов), *Тонбов, Вранеж* и т.д. Эти смыслы нетрудно выявить.

Так, например, отчество *Васильевич* обыгрывается в рамках выдуманного отчества *Василкович* (равно как и само выдуманное имя *Василиск*, которым назван Василий Иванович Чурилин, его отчим), отсылающего к мифическому василиску – существу с головой петуха, телом жабы и хвостом змеи, – который может убивать взглядом, дыханием и ядом. Так, Чурилин демонизирует своего «юридического» отца, выражая к нему откровенную неприязнь, связанную с тем, что тот стал причиной гибели матери писателя. При этом в романе подчеркивается щеголеватость Чудилина-старшего, пестрота его одежды. И если помнить о том, что василиск – это существо с головой петуха, то описание наряда Чудилина вполне соответствует идиоме *вырядился как петух*:

«Одет был Чудилин, как денди, как сноб. Длинный сертук – зимой чёрного крепу, летом из серого альпаги. На верх, суточно, поддевка на лисе, крытая аглицким сукном, празднично – шуба хорьковая, соболий редкостный воротник, другая – бобер, на одно плечо спустив в двунадесятый, у входа в алтарь с левой стороны. Суточно – на грудях шелковая манишка и галстук, черный, узлобанточной лентой, в бок. Празднико: белый крахмал, золотой гарнитур, белый галстух, бант-батист, и медаль золотая: “усердие” на анютиковской ленте. Калоши – кожаные, лаковые, зимой – боты, валеные, сапоги под брюки, золотая царская-кучерская цепь с шеи, сердолик красный – печать в золоте, на пупе, с чепи вниз. Брюки – аглицкие, в полос белый полос на серачерном трике – ренс!!» [16, с. 24].

Фамилия известного пианиста и педагога Константина Николаевича Игумнова, напротив, обыгрывается Чурилиным в рамках положительных коннотаций: эх можно трактовать и как эхо (известность Игумнова далеко за пределами Лебедяни), и как удальский выкрик при танце, а вторая часть фамилии -умнов явно отсылает к слову ум.

Также вполне четко «прочитывается» фамилия Чудилин, в основе которой лежит корень *-чуд-*. В свою очередь, этот корень образует слова *чудной, чудесный,*

чудаковатый, чудовищный, чудный. В зависимости от контекста повествования все эти значения улавливаются в этой фамилии:

«В городе, в Тяпкатани тоже играли на гармониках-гармонях, но пуще всех – Волександра Васильна Чудилина, жонка красавица» [16, с. 23];

«Василиск был рыж и раж, но косолап, телом бел, рылом – копия Никола Мирликийский чудотворец. Недаром, недаром был, звался Чудилином» [16, с. 23];

«Тимка – прынец, голова большиущая, лоб – агромадный, а сам шемашедший, чудной» [16, с. 24];

«Чудилина жена, Волександра, красавица из красавиц всехсветных» [16, с. 46];

«И вспомнил я: чужсак-то, тот выблядок-то, шемашедший, чудной, жид, – свой он ныне» [16, с. 55] и т.д.

5. Поэтические приемы. В романе встречаются ритмические структуры и рифмы, более присущие поэтическим или лиро-эпическим произведениям. Вот как описывается бой:

«И нача восход – нача всходить пурпур солнца багрового, при луне, багровой тож. И запылал монастырь и коланча на полицей и от пожара занялись все пять слобод, горя кольцом рубиново огненным и персты Тяпкатани, леса и рощи, – были одеты сими перстнями пожаров. И тут натрави Тяпка всех против всех – и разделившаяся круг на две стены и одна пойдя на другую войной непощадно-кулачной. Был бой. В одной стене – холопи, служки, рабы, во другой – власти и горождане белоей кости. И началось стражение, воина, бой, говорю и пишу, злой бой, на смерть, последний, в остань. И завалялись вповал оубитые и сраненые, звукнули мечи, сабли, шашки, штыки, и забухали оружия – и винтовки и фузеи, и пистолеты, и кольты и ружья кремневые тож» [16, с. 51].

Подобные языковые опыты в истории русской литературы, конечно, были не новы и хорошо известны самому писателю. Достаточно обратиться, например, к романам Андрея Белого. С другой стороны, Чурилин должен был быть знаком с автобиографической прозой других поэтов – О.Э. Мандельштама («Шум времени», 1925) или Б.Л. Пастернака («Охранная грамота», первая часть была опубликована в 1929 году), – о личных встречах с которыми он упоминает в своих мемуарных записях «Встречи на моей дороге» и относительно, например, последнего – Пастернака – делает ряд интересных замечаний: «В 1923 г. я познакомился и сблизился с Н.Н. Асеевым и через него с Б.Л. Пастернаком» [15, с. 463]; «В числе своих был Пастернак, с которым у меня тогда очень ладилась приязнь и дружба» [15, с. 468]. Однако как раз автобиографические произведения Мандельштама и Пастернака сильно отличаются от, в том числе, автобиографического романа Чурилина.

При этом автобиографизм Чурилина – автобиографизм горький. С болезненной безжалостностью, например, он подчеркивает и в своих мемуарах, и в романе, и в своих анкетных справках факт своего бастардства («По закону – сын купца, водочника-складчика-трактирщика. По факту – сын провизора, служащего, еврея, незаконнорожденный, выб...ядок. С детства дразнили: жид, Александрый, у-у-у!!» [15, с. 413]). В романе этот факт биографии Чурилина ложится в основу сюжета четвертой главы («Рождение – Смерть, станции») и описывается без прикрас:

«Ну, а через годик повезло гостиной вновь: вороной рабенок там родился – матери в любовь и муку, а вотцу (вотциму) – на позор и горе и нелюбу – вы-бляд-док!! Да жидовский!! Да от учёнова-попровизора. Аптека то – для всяково человека: и скапидар пользу принес, сына наддал, наследново прынца, с участью необыкновенной: выдвинул ево городд, выбросило навек свое сословье – не купецкой и не человекецкой, свой, – вы-бляд-док!! и чужой гой, гой» [16 с. 54–55].

Не менее беспощадно он выставляет напоказ историю своей семьи:

«Родился у левой стены в красной гостиной, потом – аптеке. Там же, у левой стены в красной гостиной умерла слепой зараженная сифилисом мать в 1894 г. Она была красавицей на весь город, лунатичкой, ходила ночью по стульям, бессознательно. Доведенная импотентом, вдовцом уже 53-летним мужем-сифилитиком до нимфомании, стала разгульно пить и отдаваться направо, налево, прямо, вдоль и поперек всем в городе. Была музыкальна, играла на гармонике отлично, любила музыку, даже шарманку. Умерла ненавидимая всеми в доме, даже нянькой любимого единственного сына, ругавшего ее отраженно – сволочью» [15, с. 413].

И несмотря на то, что в романе психическое расстройство матери Чурилина показано в более мягкой форме, писатель словно торопится уже в первой главе рассказать о нем:

При этом совершенно справедливо замечание О.К. Крамарь, согласно которому «автобиографическая проза Чурилина – сложнейший эстетический феномен, возникший на стыке разных художественных языков, разных художественных поэтик, разных жанровых установок» [6, с. 76].

Безусловно, роман Чурилина радикально отличается и от романов А. Белого, и от произведений Мандельштама и Пастернака. Отличается, в первую очередь тем, что максимально ориентирован на передачу разговорной речи. В этом смысле особенности речи персонажей и самого повествователя «Тяпкатани» уже обращали на себя внимание. Например, А.А. Семина указывает на частотное использование Чурилиным диалектизмов, просторечий, звукоподражаний и вместе с тем совершенно правильно подмечает тот факт, что Чурилин не уходит полностью в имитацию речи малограмотного человека, используя лексику специфическую (*реминисценция, аккомпанемент*) [9, с. 22]. Более того, автор, безусловно, приглашает к своей языковой игре и читателя, который обязан распознать сам факт этой игры.

Но это не просто имитация разговорной речи. Подобный прием часто используют писатели для создания определенного образа. Однако всегда эта имитация легко прочитывается вслух читателем.

Вот пример из И.С. Тургенева («Касьян с Красивой Мечи»): «Да... горячка... Третьего дня за дохтуром посыпал управляющий, да дома дохтура не застали... А плотник был хороший; зашибал маненько, а хороший был плотник. Вишь, баба-то его как убивается... Ну, да ведь известно: у баб слезы-то некупленные. Бабы слезы та же вода... Да» [13, с. 107]. Тургенев воссоздает колорит крестьянской речи, однако не делает ее непонятной и не затрудняет ее устное произнесение.

Вот пример из повести А.П. Чехова «Мужики»: «Этот самый стариочек, с узелком-то, генерала Жукова дворовый... У нашего генерала, царство небесное, в поварах был. Приходит вечером: "пусти, говорит, ночевать"... Ну, выпили по стаканчику, известно... Баба заходилась около самовара – старишка чаём попоить, да не в добрый час заставила самовар в сенях, огонь из трубы, значит, прямо в крышу, в солому, оно и того. Чуть сами не сгорели. И шапка у старика сгорела, грех такой» [14, с. 296].

Вот пример из «Темных аллей» («Баллада») И.А. Бунина: «*А потому, что потаенная, когда лишь алектор, петух, по-нашему, да еще нощный вран, сова, может не спать. Тут сам господь землю слушает, самые главные звезды начинают играть, проруби мерзнут по морям и рекам*» [11, с. 18].

И такие примеры можно множить и далее. Все они могут быть прочитаны вслух, тогда как речь персонажей Чурилина в большинстве случаев прочитана быть не может, а может быть только сыграна. Само по себе речевое оформление «Тяпкатали» больше соответствует задачам инсценировки. Это некий сценарий, в котором автор-режиссер-сценарист расписывает не только роли, но и интонации. Мало кому удастся прочитать, например, следующий отрывок:

«*В отдельной:*

– Нук, Гаврилфёдрч, сидись, сидись, сидись! – *Д' вот сам акалачиваетс' – Ладн' ну его к кляту! Нук, Гаврь, – вот нашицской ... ахм, ххррр, боббу! Дёргай! жрри!! нук всю! эт' такс! Горчичкой почичкай – и всё! Стоп! тонер – сыть, при, жарь, еди!!! Тонс, тонс, тонс.*

В опчей:

Аааадиноктыюуу д' моеууу-юю!! Ааадиноооокооостью-уууу!!! Раззз-з' адениуууу иияааа высооооккк ююуу ды гоооррркууу д' пустыннныилю мааайюууу! И-и-и-ии в пустынн! уйддууу-у! И-и-ии в пустынн уий-и-и-дддууу-у! И-ии подд дуббб приииддуу! Сяддуу, сяддуу иияааа под дууубб, плаакать буддууу иии-и-и рывыддааатт – и-и-и рывдддааатт... Позаабуддуу д' ияаа мааатт! позаабуддуу д' отцаа-а-а!! Тольяа-а д' види-и-или-ии тадышь минеене, д'-добрааа моладцаа-а!

Аа-а-аа! Дрзбац, дрзбац, бац!! Клацц!

– *Ет'што шишио? Нук, Тимош', кликн суды, знаешь ковоо? – Дрзбац. – Ей, будушник, Лаврентии-и-ичч! поодь, подьсуд! – Кумочек, кумочек, ну к чему, ну к чиму, ну – кч... фррррр! фррррр, ррр... Сццццццц... Отворь дверь. Отворь! Так иво, ттак!! Нук, силёдкой т' под жоп' а-аахх! – Эх, под камень мордой, зззачем?»* [16, с. 85–86].

Этот текст невозможно прочитать вслух, не используя актерские навыки художественной декламации и не сопровождая ее актерской мимикой и движениями. В этом смысле можно предположить, что Чурилин буквально разыгрывает перед читателем трагикомедию под названием «Тяпкатали» – не просто «эпохронику одного города, народа, мира» (по авторскому определению жанра своего произведения), а целое представление, в котором он является и автором, и персонажем, и актером.

Заключение. Роман Тихона Чурилина является ярким примером эволюции футуристической поэтики. С одной стороны, в его романе очевидна приверженность таким конститутивным ее чертам, как словотворчество, выстраивание повествования по принципу рапида, эпатаж, архаизация повествования. Не случайно еще в свое время Л.Е. Аренс писал о том, что «будетлянство не есть футуризм; в то время как последний вовсе отрицает традицию, будетлянство есть новотворчество, вскормленное великолепными традициями русской древности» [1, с. 25]. Несмотря на то, что М.Л. Гаспаров определяет Чурилина как «тщетного подражателя Маяковского» [3, с. 283], думается все же, что поэт нашел собственную манеру повествования, избежав эпигонства при всей своей очарованности и В. Маяковским, и В. Хлебниковым [7]. Кропотливая работа [5, с. 9, с. 11] над сложным во всех отношениях произведением свидетельствует о принципиальной установке писателя на поиск собственного «я». Ориентация на «живое» прочтение романа «Тяпкатали» говорит о том, что его автору это удалось. При этом стоит заметить, что принцип «сценичности» вообще присущ творчеству Чурилина. Так, О.К. Крамарь, анализируя чурилинскую повесть «Конец

Кикапу», дает следующий комментарий: «Будучи человеком театральным, Чурилин стремился привнести в литературное произведение средства сценической выразительности, прибегая при этом к жестовой детализации словесных описаний, к использованию таких сценических и игровых ресурсов, как декорация, освещение, костюмы, музыка, жесты, позы, взгляд» [4, с. 62]. Языковая сложность романа «Тяпката́нь» также обусловлена, вероятно, именно установкой на его экспериментальное вхождение в сознание читателя не через традиционное чтение, а через чтение в рамках художественной декламации. Не случайно в названии романа Чурилин использует слово «комедия», намекая, в том числе, и на драматическую природу своего произведения, рассчитанного, в таком случае, на его сценическое воплощение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аренс Л.Е. Хлебников – основатель будетлян / Л.Е. Аренс // Книга и революция. – 1922. – № 9–10 (21–22). – С. 20–25.
2. Безносов Д.Д. Неизвестная пьеса Тихона Чурилина (по материалам РГАЛИ) / Д.Д. Безносов // Вестник ТГПУ. – 2012. – №3 (118). – С. 208–212.
3. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях / М.Л. Гаспаров. – М. : Фортуна Лимитед, 2001. – 288 с.
4. Крамарь О.К. К вопросу о сценическом алгоритме «полной повести» Т.В. Чурилина «Конец Кикапу» / О.К. Крамарь // Филологос. – 2017. – № 34(3). – С. 62–68.
5. Крамарь О.К. От публикатора / О.К. Крамарь // Чурилин Т.В. Тяпката́нь, российская комедия (хроника одного города и его народа). – М. : Гилея, 2014. – С. 9–17.
6. Крамарь О.К. Повесть Т.В. Чурилина «Тайна» в контексте единства художественного мира писателя / О.К. Крамарь // Филологос. – 2016. – № 28(1). – С. 76–83.
7. Мирзоев А.М. Тихон Чурилин и Владимир Маяковский (к вопросу о влияниях, отталкиваниях и противостояниях) / А.М. Мирзоев // Филологос. – 2015. – №25 (2). – С. 83–88.
8. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р.Ю. Намитокова. – Ростов-н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 156 с.
9. Семина А.А. Специфика сказа в романе Тихона Чурилина «Тяпката́нь» / А.А. Семина // Жанр романа: его прошлое, настоящее и будущее в русской литературе. – М., 2021. – С. 21–22.
10. Яковлева Н.А. «Лил миллионы распевов распесен» («Песни» Тихона Чурилина в контексте литературы 1930-х годов) / Н.А. Яковлева // Русская литература. – 2017. – № 1. – С. 190–207.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Бунин И.А. Баллада / И.А. Бунин // Бунина И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 6. «Темные аллеи». Книга рассказов (1938–1953); Рассказы последних лет (1931–1952); «Окайяные дни» (1935). – М. : Воскресенье, 2006. – 488 с.
12. Маяковский В.В. Без белых флагов / В.В. Маяковский // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. – С. 321–324.
13. Тургенев И.С. Касьян с Красивой Мечи / И.С. Тургенев // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 3. – М. : Наука, 1979. – С. 106–123.
14. Чехов А.П. Мужики / А.П. Чехов // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. [Рассказы. Повести], 1894–1897. – М. : Наука, 1977. – С. 281–312.
15. Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступительная статья, публикация и комментарии Н. Яковлевой // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. – СПб. : Феникс, 2004. – С. 419–494.
16. Чурилин Т.В. Тяпката́нь, российская комедия (хроника одного города и его народа) / Т.В. Чурилин. – М. : Гилея, 2014. – 359 с.

REFERENCES

1. Arens L.E. (1922) Xlebnikov – osnovatel' budetlyan [Khlebnikov, the founder of budetlyan] in Kniga i revolyuciya [The Book and the Revolution], 9–10 (21–22), pp. 20–25 (In Russian).
2. Beznosov D.D. (2012) Neizvestnaya p'esa Tixona Churilina (po materialam RGALI) [An unknown play by Tikhon Churilin (based on materials from RGALI)] in Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 3 (118), pp. 208–212 (In Russian).

3. Gasparov M.L. (2001) Russkij stix nachala XX veka v kommentariyax [Russian verse of the early twentieth century in the comments]. Moscow: Fortuna Limited, 288 p. (In Russian).
4. Kramar O.K. (2017) K voprosu o scenicheskem algoritme «polnoj povesti» T.V. Churilina «Konec Kikapu» [On the issue of the scenic algorithm of T.V. Churilin's "The Complete Story" "The End of Kickapoo"] in Filologos [Philologos], 34 (3), pp. 62–68 (In Russian).
5. Kramar O.K. (2014) Ot publikatora [From the publisher] in Churilin T.V. Tyapkatan, rossijskaya komediya (xronika odnogo goroda i ego naroda) [Churilin T.V. Tyapkatan, the Russian Comedy (The chronicles of a city and its people)]. Moskva: Gileya, pp. 9–17 (In Russian).
6. Kramar O.K. (2016) Povest' T.V. Churilina «Tajna» v kontekste edinstva xudozhestvennogo mira pisatelya [T.V. Churilin's novel "The Mystery" in the context of the unity of the writer's artistic world] in Filologos [Philologos], 28 (1), pp. 76–83 (In Russian).
7. Mirzoev A.M. (2015) Tixon Churilin i Vladimir Mayakovskij (k voprosu o vliyaniyax, ottalkivaniyax i protivostoyaniyax) [Tikhon Churilin and Vladimir Mayakovskij (on the question of influences, repulsions and oppositions)] in Filologos [Philologos], 25 (2), pp. 83–88 (In Russian).
8. Namitokova R.Yu. (1986) Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatelnyj aspekt [Author's neologisms: the word-formation aspect]. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Rostovskogo universiteta, 156 p. (In Russian).
9. Semina A.A. (2021) Specifika skaza v romane Tixona Churilina «Tyapkatan» [The specifics of the tale in Tikhon Churilin's novel "Tyapkatan"] in Zhanr romana: ego proshloe, nastoyashhee i budushhee v russkoj literature [The genre of the novel: its past, present and future in Russian literature]. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova, pp. 21–22 (In Russian).
10. Yakovleva N.A. (2017) «Lil billiony' raspevov raspeseni» («Pesni» Tixona Churilina v kontekste literatury' 1930-x godov) ["Billions of Songs were Sung" (Tikhon Churilin's "Songs" in the Context of 1930s Literature)] in Russkaya literature [Russian literature], 1, pp. 190–207 (In Russian).

Поступила в редакцию 08.01.2025 г.

**LINGUISTIC AND POETIC FEATURES OF NOVEL "TYAPKATAN"
BY TIKHON CHURILIN**

F.V. Kuvshinov

The novel "Tyapkatan, a Russian comedy (a chronicle of a city and its people)" by Tikhon Churilin is a vivid example of a provincial text, on the one hand, and a vivid example of a literary experiment, on the other. At the same time, it is almost unknown to the reader and is understudied within the framework of philology. At the same time, it represents an example of the evolution of Russian literary futuristic poetics (word creation, archaization of narrative, shocking) and is a complex work both in terms of architecture, genre, and literary monument about pre- and post-revolutionary Russia, as well as in terms of its linguistic and poetic aspect. The article analyzes the linguopoetic features of the novel and concludes that they are conditioned by the author's intention concerning its artistic, declamatory reciting and even stage embodiment.

Keywords: Churilin, futurism, poetics of the novel, occasionalisms, language game, provincial text, onomastics, word creation.

Кувшинов Феликс Владимирович

Доктор филологических наук, доцент.

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация.

Профессор кафедры русского языка и литературы.

ORCID 0000-0002-1974-6158.

E-mail: f.kuv@yandex.ru

Kuvshinov Felix Vladimirovich

Doctor of Philology, Associate Professor.

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russian Federation.

Professor of Russian Language and Literature Department.

ORCID 0000-0002-1974-6158.

E-mail: f.kuv@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.15121011

УКРАИНИЗМЫ В ДИСКУРСЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

© 2025 Л.В. Соснина

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет»

ORCID 0000-0002-9823-5152

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье анализируется проблема реализации украинизмов в русском языке через призму специальной военной операции. Противопоставление украинского и русского языков является одной из самых острых проблем современного медийного дискурса. Актуальность исследования определяется необходимостью установления лингвистического статуса украинизмов. Научная новизна работы заключается в том, что впервые украинизмы рассматриваются как средство экспликации речевой агрессии. Описательный метод позволяет определить особенности включения украинизмов в язык-реципиент. Метод квантитативного анализа используется для определения частотности употребления заявленных языковых единиц и тем самым для подтверждения результатов исследования. При помощи метода сопоставительного анализа изучены особенности взаимодействия двух близкородственных языков, он также позволил сравнить существующие научные концепции и определить теоретическую значимость работы. Итогом нашего исследования явилась классификация украинизмов, извлеченных способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов. Украинизмы при вхождении в русский язык обладают преимущественно отрицательными коннотациями и могут рассматриваться как средство выражения речевой агрессии. Они используются для достижения комического эффекта, для выражения скрытых и явных противоречий между коммуникантами, для усиления негативного отношения к украинцам или даже для полной нигилизации всего украинского.

Ключевые слова: речевая агрессия, коннотация, медиадискурс, дериват, украинизм, лингвокреативность, лингвистический статус, языковой конфликт/

Для цитирования: Соснина Л.В. Украинизмы в дискурсе специальной военной операции / Л.В. Соснина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 14–25. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15121011>.

Введение. В современной лингвистике существует много работ, посвященных заимствованиям из украинского языка. В разное время к данной проблеме обращались такие ученые, как И.П.Зайцева, А.В.Савченко, Н.Г. Колесник, Т.И.Колесник, Т.М.Полякова, О.И. Красовская, Е.М. Услanova, Т.И. Иванюк. Интерес к новейшим украинским заимствованиям во многом обусловлен интересом к событиям специальной военной операции и их освещению масс-медиа. Современные средства коммуникации часто демонстрируют «резко негативное, излишне эмоциональное отношение к дискуссионным вопросам в жизни общества и государства» [11, с. 273]. Считаем вполне справедливым замечание А.В. Кузнецовой о том, что «медиадискурс современной России во многом подвержен влиянию медиатизации и массмедиальности» [11, с.274]. Полагаем, что основной гипотезой нашего исследования может служить утверждение о том, что украинизмы могут рассматриваться как один из способов экспликации речевой агрессии средствами массовой коммуникации, в т.ч. телеграм-каналами.

Современное состояние отношений между Украиной и Российской Федерацией способствует проникновению в русский язык большого количества так называемых украинизмов, отражающих реалии общественно-политической жизни на Украине и особенности взаимоотношений двух стран в данный исторический период, например, *майдан*, *Незалежная*, *самостийный*, *свидомый*. Отметим, что чаще всего их употребление заключает в себе негативные коннотации, особенно в языке СМИ, где они сопровождаются соответствующим видеорядом или устными комментариями, которые должны наглядно подтвердить негативность образа. Согласимся с утверждением А.В. Савченко, который приписывает украинизмам способность «создавать в контексте больший комический эффект, выражать повышенную иронию, даже сарказм; нередко они также служат элементом «языкового стеба», а в некоторых случаях и языковой агрессии» [15, с.1119].

По мнению Н.Г. Колесник, украинизмы при вхождении в русский язык обладают «уничижительными оценочными коннотациями», которые «направлены не на сам украинский язык и его «статус», а на общую политическую ситуацию в этой стране или же на вполне конкретные явления, имевшие место на Украине, и это обусловлено политическими и идеологическими установками говорящих» [7, с.51]. Ученый утверждает, что «таким единицам присущее идеологически связанное значение» [там же, с.51]. **Актуальность** нашего исследования определяется необходимостью установления лингвистического статуса украинизмов, проникающих в русский язык новейшего периода, а также активизацией интереса ученых к анализу механизмов манипулятивного воздействия и формирования общественного мнения в условиях информационного противостояния. Как справедливо замечает Н.И. Иванюк, изучение заимствований из украинского языка в русский является актуальным, «поскольку позволяет выявить не только различие лексического состава двух близкородственных языков, но и влияние украинской лексической системы на функционирование русского языка (как в самой Российской Федерации, так и за ее пределами), что позволяет проследить динамику развития русского языка» [6, с.136]. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые украинизмы рассматриваются как средство экспликации речевой агрессии, в т.ч. жителями Донецкой Народной Республики. **Целью** нашей работы является описание направлений адаптации украинизмов в современном русском языке с последующим определением их лингвистического статуса.

Материалы и методы исследования. В данной статье мы использовали традиционные методы и модели изучения языковых единиц. Эмпирическим материалом послужили украинизмы, извлеченные способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов. Описательный метод явился ведущим в определении особенностей включения украинизмов в язык-реципиент. Метод квантитативного анализа оказался полезным для оценки частотности употребления заявленных языковых единиц и тем самым для подтверждения результатов исследования. При помощи метода сопоставительного анализа изучены особенности взаимодействия двух близкородственных языков, он также позволил сравнить существующие научные концепции и определить теоретическую значимость работы. Метод дистрибутивного анализа использовался для изучения взаимосвязи украинизмов с их окружением или контекстом.

Основная часть. Языковая ситуация в Донбассе всегда находилась в центре внимания ученых-лингвистов ввиду наличия внутренней и внешней интерференции близкородственных языков – русского и украинского. Так, В.И. Теркулов, занимаясь проблемами донецкого региолекта, оперирует термином «интерферентное впитывание», когда «некоторый региональный или близкородственный иноязычный языковой элемент

включается в речь большинства проживающих на данной территории не в процессе смены кода общения, а в результате простого заимствования из отличной, но легко понимаемой речи отдельных языковых личностей, из их идиолекта» [17, с.215-216]. Мы же предлагаем рассмотреть так называемые «иноязычные вкрапления» или «квазицитаты», которые лингвисты в своем большинстве называют украинизмами. Наше исследование выстраивается на материале авторской картотеки с использованием примеров из современных масс-медиа.

Противопоставление украинского и русского языков является одной из самых острых проблем современного медийного дискурса. Деятели украинской культуры считают русский язык языком «блатняка и попсы», настаивая на придании украинскому языку статуса «языка титульной нации» и называя его «соловьиной мовой». Данные нашей картотеки подтверждают неприятие такого подхода российскими СМИ и ироничное отношение к украинскому языку как к чему-то второстепенному и подчас забавному. Для жителей Донбасса зачастую украинский язык является своеобразным триггером негативных эмоций по отношению ко всему украинскому. Общественно-политическая ситуация заставляет их отторгать привычные когда-то культурные ценности и продвигать новые, русские. По данным нашей картотеки, для ироничного обозначения слова **мова** используется лексема **мойва** (83 словоупотребления), а одной из самых частотных атрибутивных конструкций оказалось словосочетание **соловьиная мова** (52 словоупотребления), например: *Производители тортов начали писать не на мойве* [22]; *Еще все северные корейцы идеально говорят на мойве, чтобы понять про борщ и галушки* [21]; *А он так старался, так старался, даже мойву выучил, ведь еще в прошлом году мойву родной называли 91% школьников и 94% педагогов* [30]; *Мойву разумеет, но размовляет по-русски* [21]; *По "соловьиной мове" не сразу понятно, что боец элитных погранвойск пытается объяснить* [24]; *Бандеровцы в печали: даже учителя "соловьиной мовы" в повседневной жизни говорят на русском* [30]; *На соловьиной мове говорить так и не научилась* [21]; *В свете происходящих событий мэр Харькова стал учить украинскую соловьиную мову* [26]; *Не услышать соловьиной ни на улицах, ни в подвалах, где прячутся местные жители* [26]; *Ради экономии средств, государственных постов должны быть лишены русскоязычные — пока не выучат «соловьиную мову»* [30].

Т.Ю. Власкина совершенно справедливо замечает, что «среди наиболее заметных языковых явлений, связанных с проблемами означивания субъектов новой реальности, на начальном уровне изучения собранных материалов было выделено интенсивное осмысление дихотомии «свой/чужой»». Автор указывает на развитие просторечных форм политонимов и соционимов, например, укры, нацики – ‘сторонники киевского Майдана, украинские националисты’, сепары, вата – ‘сторонники «Русского мира» и ЛДНР’ и т.п.) [4, с.128].

Считаем важным утверждение И.П. Зайцевой о том, что «украинизмы, обладающие выраженной экспрессией и явным лингвокультурным потенциалом, практически всегда используются в качестве элементов текста с отрицательной коннотативной семантикой, подчеркивающих негативные стороны общественной жизни, черты отдельной личности, которые сатирически изображаются автором-журналистом» [5, с.257], например: *Дрон-бомбардировщик был сбит и теперь послужит на благо русской армии* [24]; *Не хватает чего-нибудь "жовто-блакитного"* [19]; *Могли бы ведь и какой-нибудь гигантский вареник в форме трызуба отправить* [30].

В настоящее время не существует единого подхода к определению слов, которые мы традиционно относим к украинизмам. Лингвисты называют их «чужими словами»,

«квазицитатными вкраплениями», «лексемами-лозунгами» или «политическими аффективами» из официальной политической риторики Украины [10, с.35]. К числу наиболее известных традиционно относятся лексемы *перемога* (рус. *победа*), *здобулы* (рус. *достили*), *революція гідності* (рус. *революция достоинства*), которые, как показывают факты, «принадлежат актуальному словарю информационного противостояния между Россией и Украиной» [там же, с.35]. О.В. Красовская заявляет о том, что в украинских (неоппозиционных) текстах они порождают пафосную апологетическую тональность, в русских функционируют как протестные ключевые слова [там же, с.35].

Однако тот факт, что украинские слова и выражения при весьма редком использовании выступают исключительно средством усиления комического или саркастического эффекта, свидетельствует о сознательном отторжении украинского языка [4, с.127]. Включение лексических украинизмов в русскую речь обычно происходит непреднамеренно, спонтанно. Причиной обращения говорящих к подобной лексике является отсутствие в их речевом сознании чёткого разграничения лексических единиц русского и украинского языков, что приводит к межъязыковому паронимическому словоупотреблению и к образованию гибридных, контаминированных форм [2, с.39].

Известно, что конфликтные и негативные высказывания, обладающие этнокультурными коннотациями, в большинстве своем мотивированы определенными историческими событиями. Говоря о заимствованиях из украинского языка в русский, необходимо отметить, что в процессе функционирования в русском языке они подвергаются лексико-семантической ассимиляции, что выражается в возможности их переносного употребления, в изменении характера экспрессивной окраски, расширения их семантики в целом. Такие процессы напрямую зависят от частоты и характера употребления слова в СМИ [6, с.137]. Языковые конфликты в интернет-пространстве являются отражением социальной и этнической напряженности в обществе, они позволяют оценить состояние и характер развития межнациональных и межэтнических отношений [1, с.146].

В современной лингвистике существует несколько подходов к изучению так называемых новоукраинизмов. Новоукраинизмы – это корпус достаточно многочисленных заимствований, хлынувших в русский язык во время и сразу же после событий 2013-2014 гг., обладающих набором специфических общих признаков, на формирование которых повлияли условия появления, цели и способы использования [7, с.49]. Т.И. Колесник выделяет следующие основные «группы украинизмов с пейоративным значением: лексемы с семантическим сдвигом, композиты и эрративы, которые в свою очередь разделяются на графические, фонетические и семантические [8, с.46]. Ученый утверждает, что получение отрицательного значения является одной из главных характеристик украинизмов, используемых в современном интернет-дискурсе. Таким образом авторы «выражают свои политические взгляды, придают текстам эмоционально-экспрессивную окраску, что способствует расширению читательской аудитории» [там же, с.46]. Вместе с тем исследователь полагает, что продолжительность жизни таких слов ограничена уровнем интереса общества к социально-политической ситуации [там же, с.48].

На современном этапе определение лингвистического статуса ряда новоукраинизмов вызывает некоторые затруднения в силу того, что данной группе единиц свойственна в этом отношении известная внутренняя противоречивость [7, с.58]. Используя метод квантитативного анализа для обработки данных нашей картотеки, мы

разделили украинизмы на шесть основных групп. Отметим, что в количественном отношении украинизмы распределены неравномерно и наша классификация может быть расширена и дополнена:

1. Первая группа – **обозначение лица захисник /захисник (защитник), ухилянт (уклонист), свидомит/свидомник (сознательный, но употребляется исключительно в отрицательном значении ограниченный, тупой, безнадежно зомбированный), зрадник (предатель), хлопчик (парень, юноша), громадяне (граждане)**, например: *Они сознательно оставили несколько тысяч своих захыстников* **ещё в Мариуполе** [26]; *Кроме того, новых захисников отправляют в окопы соверенно неподготовленными* [27]; *Инцидент произошел в частном доме, который заняли захисники* [30]; **Свидомиты** жалуются, что в Мариуполе местные жители сдают нацистов, которые прячутся в домах [27]; *Данное видео распространяют украинские свидомиты в тик-таке* [26]; *Антикоммунизм в свидомых громадянах* оказался сильнее всех прочих чувств [27]; *Всех беглых ухилянтов* Украина найдет и покарает [27]; *Этот ухилянт порвался, несите нового* [26]; *Помощь, которую можно будет блокировать ухилянтом* [30]; *Киевские ухилянты демонстрируют чудеса трансформации* [19]; *Он сразу же был записан в зрадники и на него натравили полицию* [30]; *Далее на Украине начинается скандал: наши-то работают на москалей! На ножи зрадников!* [20]; *Традиционное шоу «Вечерний зрадник» с Алексеем Арестовичем* [26]; *В Черновцах хлопчик показал пару приёмов карате местным военкомам и был таков* [27]; *Завезли новый чугунный хлопчикам* в Новомихайловке [26]; *Сидят теперь грустные ФСБ нейтрализовали хлопчиков, а одного уцелевшего взяли в плен* [26]; *Чтобы громадяне досыта нанюхались гуманитарной обстановки* Донецка с доставкой на дом [19]; *Громадяне, фронт у нас посыпался!* [29]; *Тут же громадяне из X (бывший Twitter) это заметили и подняли вой* [30].

2. Вторая группа – **обозначение предмета літаки (самолеты), паляніця (хлеб), гроши (деньги), зброя (оружие), трывуб (трезубец), пиороздилы (подразделения)**, например: *Байден тупой старикиша, дай літаки и ракеты!* [26]; *В Броварах упали вертольом, вертолит, гвинтокрыл и геликоптер.* Барражирующие боеприпасы серии «Ланцет» сокращают популяцию хохлятских літаков [26]; *Однако в Киеве, следуя букве национального сюрреализма, успели присвоить все лавры от сбития «літака» себе* [27]; *Как обычно, гроши и літаки* придется подождать и «героически» повоевать еще [27]; *Сейчас этот список контактов будет по сути главной аргументацией Зеленского при требовании новых грошей и оружия* [32]; Глава МИД Украины Дмитрий Кулеба рассказал, чем он занимается на рабочем месте и куда тратит «гроши» западных кредитов [27]; *Хотя и так известно, что деньги громадян он использует не для закупок зброя, а прокручивает и получает с них прибыль* [30]; *Под эти сказки он попросил их дать побольше зброя* [21]; *Случайно набрели на подвал с ВСУшниками, после криков про паляніцю, закидали сидельцев гранатами* [26]; *Гетьман Порошенко показал свою паляніцю* [26]; *Это уже бавовна или пока паляніця?* [19]; *Тут все логично - конструктор хотел наверное делать самолеты, а его заставляли учить "паляніцю"* [19]; *Под Волчанском их пиороздилы сильно потрепало* [19]; *Насколько дорого-богато были оснащены по крайней мере некоторые пиороздилы* [30].

3. Третья группа – **обозначение события / явления / локации / состояния перемога (победа), зрада (предательство), наступ/контрнаступ (наступление / контрнаступление), мрія (мечта)** например: *Наши агент Арестович выдал зраду для украинцев* [30]; *Наши агент Люсьен Арестович продолжает сеять зраду чубоносцам* [21]; *Прошло совсем немного времени - и началась плотная зрада и ганьба* [26]; *Вероятно появление конкурентов, что чрезвычайно опасно в условиях провального*

«контрнаступа» с большим количеством жертв [21]; Глава МИД Украины Дмитрий Кулеба рассказал, чем он занимается на рабочем месте и куда тратит «гроши» западных кредитов [27]; Задвигать в медийное пространство "чемоданы с пэрэмогой" [30]; Глава МИД Украины Дмитрий Кулеба рассказал, чем он занимается на рабочем месте и куда тратит «гроши» западных кредитов [27]; С такими кадрами в ВСУ *перемога за перемогой* [30]; Чубатые мрии выходят на новый уровень [26]; Война за влажные мрии [23]; Сегодня все украинские СМИ выдали очередную перемогу. Или *мрию* – это как посмотреть! [21]; Украинцам довольно сложно понять, почему их *мрии* о европейской жизни сначала вызывали у нас умиление [23].

К этой же группе относим лексему майдан, которая занимает совершенно особое место среди украинизмов. Особенностям реализации данной номинативной единицы в медийном дискурсе посвящены работы многих ученых, в частности, О.Н. Кондратьевой, О.А. Давыдовой, Е.М. Услановой, Л.А. Лекаревой, Л.В. Сосниной, Т.М. Поляковой, Е.М. Ходасевич. Ученые сходятся во мнении, что лексема *майдан* является производящей основой для множества дериватов (*евромайдан*, *антимайдан*, *майданить*, *майданяще*, *майдауны*, *майданутые* и др.), т.е. высокий лингвокреативный потенциал данного слова не вызывает сомнений. Т.М.Полякова отмечает, что «фиксируются единичные контекстуальные лексико-семантические варианты, свидетельствующие о различных семантических трансформациях украинизма майдан», среди которых она выделяет «развитие значений на основе метонимической связи, обобщение денотативного компонента, утрату периферийных сем» [13, с.178]. Так, например, *майдан* трактуется как революция, борьба за смену режима, силовые действия, направленные на смену режима, общественный протест [там же, с.178].

В наших предыдущих статьях мы пришли к выводу, что лексема *майдан* с точки зрения дериватологии существует в современном русском языке в роли вершинного слова словообразовательного гнезда - *майданить*, *майдановцы*, *замайданцы*, *майдауны*, *майданики*, *майданутые* [16, с.152]. Вместе с тем отмечается значительное увеличение частотности и продуктивности метафорических моделей, репрезентирующих концепт «майдан» в разных видах дискурса, что вполне закономерно, поскольку «расширение объема концептуального содержания требует осмысления, политики, журналисты и обыватели активно задействуют аналоговые когнитивные механизмы, лежащие в основе метафор, для уяснения сути нового социально-политического феномена» [9, с.80]. Удивительным является тот факт, что лексема *майдан* стала чрезвычайно популярной в близкородственном словацком языке. Так, лексическая единица *majdan*, которая в рассматриваемом значении в словацком языке до украинской «оранжевой» революции отсутствовала, стала в настоящее время «вершиной» довольно обширного словообразовательного гнезда, включающего в себя 37 единиц: 15 имен существительных, в числе которых названия лица и слова с абстрактной семантикой, 12 глаголов и 10 имен прилагательных [14, с.213].

4. Четвертая группа – глаголы *вмирати* (умирать), *здобулы* (получили, обрели), *захищати* (защищать), *перемогати* (побеждать), *размовляти* (разговаривать), *мрияти* (мечтать), *дякувати* (благодарить), например: *Сам Потап скрывается в Европе, тому що вмирати за Бандерку не желаз* [21]; *Либо сдаемся, либо вмираем* [19]; *Легенда о том, как казаки за Ичкерию вмирали*, дутая почти на 100% [27]; *А вы, кто таскаетесь со своей тряпкой и лозунгами - будете вмирати дальше в чернозем* [21]; *Особо не миндальничают — менее суток на сборы и вперёд, «захищати державу»* [30]; *Саня изъявил желание захищати свою незалежную краину на фронтах* [22]; *Как ненькуто захищати!?* [28]; *Всушники, гибнущие на фронте и нуждающиеся в оружии, дякуют*

такому гордому и принципиальному президенту [22]; *А от Виталика - только «дякую»* [21]; *Азовцы ещё не подохли? Так пусть размовляют державно!* [30]; Понятно, что хлопчина родился в Луцке и размовляет с акцентом [22]; *Обидели укромальца.. Такси, говорит, не вызвать, потому что на соловьиной мове не размовляю* [26]; *Ну, а после 2013-го – того, кто родился в селе, размовляе* выключено державно мовою, люто ненавидит всё русское и является поборником концепции "агарной сверхдержавы" [30]; *Она не размовляет соловьиною* [30]; *Интересно, когда Христо Грозев мриял о скором сломе России* [19]; *Они, как и весной, начнут считать высокоточные сверхмощные бомбы на наших складах, и мриять, что они вот-вот закончатся* [30]; *Вы же не забыли, как на Украине и в Европе мрияли* [19].

Характерной особенностью языка телеграм-каналов является употребление глагола **здобулы** в конце предложения или целого текста, **здобулы** обозначает итог неосмотрительного поведения, откровенной глупости, например: *К границе им можно пробраться только со специальными пропусками. Здобулы, не иначе* [30]; *ЕС видит Украину не высокомодернизированной страной, как это было до 2014 года, а тупо, как огород. Здобулы* [24]; *Ну всё, здобулы! Побегут в Европу без ушных палочек и с железными вилками:)* [30] *Здобулы и перемогли. Два года змагары ждали плюшек от Польши и получили, хотя более жирные подачки здобулы укробеженцы и сразу* [20]; *Здобулы так здобулы!* [30]; *Что тут скажешь - здобулы!* [21]; *А теперь беспредел будет ещё и законным. Здобулы.* [30].

5. Пятая группа – **адъективи жовто-блакитний** (желто-голубой), **самостийний** (самостоятельный), **повитряний** (воздушный), **збройний** (вооруженный), например: *Повитряний* дристунец скорее всего связан с взлетом самолета в Беларуси [20]; Любовь это рисовать сердечки на карте **повитряних** тревог [20]; Тут для **жовто-блакитних** тварей нет никаких ограничителей [29]; *В Киеве жовто-блакитний* флаг — все... [20]; С целью создания очередной информационной перемоги, ВСУиники колонной пытались заехать в центр поселка и поставить там свой **жовто-блакитний** прапор [20]; Украинская сторона не забирает своих «добролюбных воинов збройних сил» [19]; *А вот Украина прошла пик, и теперь «Збройные силы» помаленьку теряют в числе, теряют в боеспособности, теряют вооружение и технику* [32]; Потери боеспособности частей и соединений **збройних** сил Украины [29]; Вместо полного комплекта одежды из-за коррупции враг получает **самостийную** фигу [19]; Тризуб - символ украинской самостийности, изготавляют из европейской стали, потому как сама **самостийная** сталь не подошла [26]; *Несмотря на протесты сторонников самостийной* варваризации, *российскую* пилотируемую космонавтику загубить не удалось [25]; *Кажется, Самостийная* держава начала ломаться [19].

6. Шестая группа – **слова-индикаторы национальной идентичности** **ридна мова** (родной язык), **ненька** **Украина** (Украина-мать), **Незалежна/Незалежная** (независимая) **гідність** (достоинство), **щеневмерла** (еще не умерла). «Ненька» – это не просто слово, оно отражает национальную идентичность и чувство принадлежности к украинскому народу, для украинцев **«ненька»** — это олицетворение родины, культуры и истории. В русском же языке слово **ненька** и словосочетание **ридна мова** употребляются с отрицательными коннотациями для выражения презрения ко всему украинскому, например: *Естественно, в более нецензурной форме* **ридни мовы** [27]; *Бородатый "активист", который почему-то сам не защищает* **ридну мову** на фронте [30]; *Укутываться в украинский флаг не глупо, а петь на* **ридний мове** (родном языке), - глупо? [30]; *Выступая всеми силами за свободу «ридни неньки»* [27]; *Депутат Куницкий, который всегда был пламенным патриотом Украины и «размовляя* выключено

на ридний мове» [30]; Пошёл в итоге домой, с больным зубом и ридной мовой [29]; И скоро мы его вернём в лоно "ридной неньки" [30]; Известный в Киеве проститут-содомит Артур Озеров "AuRa", грудью встал на защиту ридной Неньки [30]; Певец Ярослав Евдокимов, всем сердцем любит ридну неньку Украину [30]; Но в этой истории о ритуальном перевоплощении Родины-матери в ридну неньку удивляет вовсе не кощунство [27]; Но сосед не проникся такой гидностью [26]; Все логично: революция гидности пожирает своих детей [21]; Можно по зданию ООН разбросать лепестков, устроить такой Месяц Гидности [23]; Калибры - отличный денацификатор украинского нацизма и рагульской гидности [30]; На Украине, спустя 34 года гидности, в том числе 10 лет майданной демократии, предметами достатка и успеха стали стиралки, лего, гамбургер [29].

Рассмотрим подробнее особенности реализации номинативной единицы **незалежная** в медийном дискурсе. Считаем уместным процитировать Н.И.Иванюк, которая подтверждает активное использование лексемы **незалежный** в российских СМИ и отмечает, что она «перестала восприниматься как экзотизм, заменяя слова «Украина», «украинский» и приобретая негативные, зачастую пренебрежительно-саркастические коннотации [6, с.139]. Отметим, что слово **Незалежна/незалежна/незалежная** встречается в нашей выборке чаще, чем другие украинизмы (147 примеров): *Президент незалеженой отметил «значительные результаты» работы СБУ [27]; А пока сами украинцы осознают свое величие, по объектам незалежной отрабатывают русские «Герани» [27]; От него в Незалежной полыхало как в аду [22]; Основная часть средств (\$24,1 млрд) пошла на поддержание макроэкономической стабильности незалежной в сотрудничестве со Всемирным банком [27]; Это далеко не первый случай попытки массового побега из "незалежной" [22]; Сам Саркисян также неоднократно получал угрозы расправой — ранее он был гражданином незалежной [32]; Политическое руководство незалежной, по его словам, беспокоится только о победе на выборах [27]; Запустили в небо Донбасса огромный флаг незалежной [27]. Отмечаем вариант незалежные для обозначения украинцев: Трамп через микроскоп разглядывает Украину с целью выяснения, что у самостийных и незалежных можно отобрать [31].*

По мнению современных лингвистов, голофразис направлен на экономию речевых усилий и дает возможность к новому осмыслению русского словообразования. Если говорить о голофрастической конструкции **щеневмерла**, то здесь не идет речь о каком-то новом переосмыслении, скорее это указывает на уверенное вхождение украинизма в систему современного русского языка. Она может рассматриваться как пример транспозиции, поскольку адаптируется в современном русском языке как существительное и как транспонированное прилагательное, выступая производящей основой для множества дериватов, самыми распространенным из которых являются прозвища **щеневмерлы** и **щеневмерлики**. По мнению И.В.Ляшенко, «щеневмерлье/щеневмерлики - прозвище, мотивированное названием гимна Украины «Ще не вмерла Україна», которым с иронией называют тех, кто слепо пускается в патриотизм, бездумно опериуя государственными символиками – гимном, флагом и т.п.» [12, с.116]. Т.И. Колесник причисляет данные языковые единицы к окказиональным композитам, образованным путем соединения нескольких основ, и выделяет их в отдельную категорию украинизмов с отрицательной коннотацией. Ученый пишет, что «одним из ярких примеров является первая строчка гимна Украины (Ще не вмерла України ні слава, ні воля), первые три слова объединились в одно существительное, которое в контексте получает разные значения» [8, с.47].

Дальнейший анализ отобранного речевого материала позволяет выделить три направления реализации конструкции *щеневмерла* - для обозначения гимна Украины, для уничтожительного названия самой Украины и как производящую основу для возникновения дериватов, категориально относящихся к разным частям речи, например:

1. гимн Украины:

Твоё лицо, когда ты с Потапом рубила бабло на российских сценах, а теперь вынуждена во дворе дома выть щеневмерлу [26]; *Расправа над пьяными ногомячистами началась после требования исполнить щеневмерлу* [30]; *Главное, уметь стрелять из автомата и петь щеневмерлу* [21]; *Женичина каждое утро в 6 часов начинает петь «Ще не вмерлу»* [26]; *Толпа в киевском метро уныло поет щеневмерлу* [30]; *Налог на щеневмерлу пора вводить. Пусть платят за исполнение "хита"* [30]; Предположим, что руководство украинских СМИ справедливо решило, что от «Щеневмерлой» украинского зрителя уже порядком мутит [30];

2. именование Украины:

Немного исторических "фактов" из щеневмерлы [26]; *Они ведут против Украины беспощадную экономическую войну, в которой у бедной щеневмерлы попросту нет шансов* [26]; *Надеюсь, этот коллектив и коллектив @rlz_the_kraken останутся и будут также забавно писать о щеневмерлой* [25];

3. дериваты:

Что с лицом, щеневмерлики? [26]; *Щеневмерлики* как обычно свои поступки перекладывают на нас [26]; *Вполне здоровый, призывного возраста щеневмерлик* [26]; *Про какую независимость говорят щеневмерлики* [26]; *Щеневмерлы* притащили разбитую российскую технику на Хрецатик [26]; *Щеневмерлы*, вы готовы еще пять лет потерпеть? [30]; *Щеневмерлы скучают по Януковичу* [22].

Отметим, что на телеканале «Оплот ТВ» существует проект «Щеневмерла», который рассказывает о нынешней ситуации на Украине, например: «Щеневмерла». Зеленский на Генассамблею ООН [33]; *Щеневмерла*# «Слуги народа» готовятся к «выборам» [33]; *Щеневмерла*. Враг скунит по Авдеевке [33].

Следует отметить, что уже сейчас наблюдаются признаки утраты актуальности у некоторых единиц, что объясняется, безусловно, изменениями в самой социально-политической реальности. Слова *ухилянт*, *захисник*, *перемога* вряд ли останутся настолько же популярными после окончания СВО. Однако это утверждение не вполне справедливо в отношении «знаковых слов», являющихся индикаторами украинской идентичности, например, *Незалежна, ридна ненька, ридна мова, жовто-блакитний*.

Заключение. Освещение событий специальной военной операции современными масс-медиа, которое квалифицируют как манипулятивное воздействие, оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения. Украинизмы вполне можно отнести к конфликтогенным единицам, которые при вхождении в русский язык обладают преимущественно отрицательными коннотациями и могут рассматриваться как средство выражения речевой агрессии. Итогом нашего исследования явилась классификация украинизмов, извлеченных способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов. Отмечаем неравномерное в количественном отношении распределение по группам заявленных языковых единиц. Прежде всего, они используются для достижения комического эффекта, для выражения скрытых и явных противоречий между коммуникантами, для усиления негативного отношения к украинцам или даже для полной нигилизации всего украинского. Необходимо уточнить, что такое вольное и подчас пренебрежительное отношение к украинскому языку характерно не только для жителей Донбасса. Анализ эмпирического материала позволил

предположить, что в реальности украинизмы понятны жителям всех регионов Российской Федерации, которые следят за событиями СВО. Отмечаем их значительный прагмалингвистический потенциал, заключающийся в эффективном воздействии на массовую аудиторию, способность управлять общественным мнением и включать в сознание необходимые представления о важнейших политических событиях.

Перспективы нашего исследования видятся нам в составлении полной классификации украинизмов, актуализированных современным политическим дискурсом. Необходимо также проанализировать их деривационный потенциал и определить модели образования новых слов, которые, возможно, будут включены в лексическую систему русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баязитова Р.Ф. Языковые и этнические конфликты на постсоветском пространстве в интернет-коммуникации: функционирование и типология / Баязитова Р.Ф. [Электронный ресурс] // Социолингвистика. –2021. – № 2(6). – С. 145-163. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-2-6-145-163>
2. Богданович Г.Ю., Рудницкая Л.И. Об особенностях коммуникативной компетенции языковой личности в полилингвокультурном пространстве Крыма / Г.Ю.Богданович, Л.И. Рудницкая // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – 2016. – Том 2 (68). – С. 37-40.
3. Валгина Н.С. Основные проблемы изучения языка современных СМИ/ Н.С. Валгина // Язык и стиль современных средств массовой информации: межвуз. сб. науч. тр. М.: МГУП, 2007. – С. 7-18.
4. Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей непризнанных республик Донбасса: по материалам общения в Интернете /Т.Ю. Власкина // Вопросы психолингвистики. –2021. – №1 (47). – С.126- 139. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-126-139>
5. Зайцева И.П. Взаимодействие близкородственных языков в современной публицистике: возможности повышения экспрессивности / И.П.Зайцева // Медиалингвистика. – 2021. – №8 (3).–С.248–260. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.304>
6. Иванюк Н.И. Функционирование лексемы незалежный в современном русском медийном дискурсе / Н.И. Иванюк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. –2015. – Том 1 (67). № 4. – С. 136-138.
7. Колесник Н.Г. Новейшие украинские заимствования в современном русском языке / Н.Г.Колесник // Социолингвистика. – 2021. – № 4 (8). – С. 47-59. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-8-47-59>
8. Колесник Т.И. Украинизмы с пейоративной семантикой в современном медиадискурсе: лингвоэкологический аспект / Т.И. Колесник // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. –Т. 97(№ 2). – С. 45-49.
9. Кондратьева О.Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа / О.Н.Кондратьева // Политическая лингвистика. – 2017. – №5(65). – С. 80-84.
10. Красовская О.В. «Чужое слово» в дискурсе информационной войны / О.В.Красовская // Политическая лингвистика. – 2017. – №6. – С.34-38.
11. Кузнецова А.В. Современный медиадискурс в парадигме лингвоэкологии: проблемы и перспективы/ А.В. Кузнецова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. № 4(29). –С. 273-275.
12. Ляшенко И.В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах / И.В.Ляшенко // Научный результат. Серия Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – №2. – С. 110-119.
13. Полякова Т.М. Функционирование украинизма майдан в русском политическом медиадискурсе / Т.М. Полякова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 173–179.
14. Саболова Д. Новообразования на базе лексической единицы майдан в Интернет-пространстве / Д. Саболова // Славянские языки в условиях современных вызовов. –2018. – №52. – С 207-220. <https://doi.org/10.17223/18572685/52/15>
15. Савченко А.В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект /А.В.Савченко // Коммуникативные исследования. – 2019. –Т. 6. № 4. – С. 1105-1124.
16. Соснина Л.В. Языковые инновации как отражение политической борьбы на Украине /Л.В.Соснина // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и

иностранных языков: Материалы II Международной научно-методической конференции (23 мая 2019 г.). – Донецк: ДонНТУ. – 2019. – С. 149-155.

17. Теркулов В.И. Интерферентные явления в донецком региолекте /В.И. Теркулов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №3. – С. 209–223.

18. Усланова Е. М. Номинативное поле медиаконцепта «майдан» в российских СМИ / Е. М. Усланова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2 (74). – С. 113-118. DOI <https://doi.org/10.26170/pl19-02-13>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Борис Рожин Colonelcassad. URL: https://t.me/boris_rozhin (дата обращения 18.12.2024).
20. Белорусский силовик. URL: https://t.me/belarusian_silovik (дата обращения 30.09.2024).
21. Злой Пруф. URL: <https://t.me/proofzzz> (дата обращения 12.02.2025).
22. Енот из Херсона. URL: <https://t.me/EnotHersonVDV> (дата обращения 11.02.2025).
23. Империя очень зла. URL: <https://t.me/verysexydasha> (дата обращения 14.01.2025).
24. Неофициальный Безсонов. URL: <https://t.me/NeoficialniyBeZsonoV> (дата обращения 21.01.2025).
25. МИГ России. URL: <https://t.me/mig41> (дата обращения 11.02.2025).
26. Петя Первый. URL: https://t.me/Petya_perviy (дата обращения 27.01.2025).
27. Ридовка. URL: <https://t.me/readovkanews> (дата обращения 31.01.2025).
28. Салобой. URL: <https://t.me/SALOBOY> (дата обращения 11.09.2024).
29. Тройка. URL: <https://t.me/rustroyka1945> (дата обращения 11.11.2024).
30. Украина.ру. URL: https://t.me/ukraina_ru (дата обращения 16.02.2025).
31. Fighterbomber. URL: https://t.me/fighter_bomber (дата обращения 30.01.2025)
32. Reverse side of the medal. URL: <https://t.me/rsotmdivision> (дата обращения 30.01.2025)
33. Оплот TB (Z). URL: <https://t.me/oplottv> (дата обращения 10.03.2025).

REFERENCES

1. Baiazitova R.F. (2021) Otrazhenie iazykovykh i etnicheskikh konfliktov na postsovetskom prostranstve v internet-kommunikatsii: funktsionirovanie i tipologiya [Reflection of linguistic and ethnic conflicts in the post-soviet space in internet communication: functioning and typology]. Sotsiolingvistika,2(6), 145-163. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-2-6-145-163>
2. Bogdanovich G.IU., Rudnitskaia L.I. (2016) Ob osobennostyakh kommunikativnoj kompetencii yazy'kovoj lichnosti v polilingvokul'turnom prostranstve Kry'ma [On the communicative competence features of a linguistic personality in Crimea multilingual and cultural space]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie nauki, 2 (68), 37-40 (In Russian).
3. Valgina N.S. (2007) Osnovnye problemy izucheniiia iazyka sovremennoy SMI [The main problems of modern media language studying]. Iazyk i stil' sovremennoy sredstv massovoi informatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Moskva: MGUP, 7-18 (In Russian).
4. Vlaskina T.IU. (2021) Samoidentifikatsiia zhitelei nepriznannykh respublik Donbassa: po materialam obshcheniiia v Internete [Self-identification of Donbass republics residents: based on the Internet communication]. Voprosy psicholingvistiki (47),126-139, <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-126-139> (In Russian).
5. Zaitseva I.P. (2021) Vzaimodeistvie blizkorodstvennykh iazykov v sovremennoi publitsistike: vozmozhnosti povysheniia ekspressivnosti [Closely related languages interaction in modern journalism: possibilities for increasing expressiveness]. Medialingvistika,8(3),248–260. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.304> (In Russian).
6. Ivaniuk N.I. (2015) Funktsionirovanie leksemy nezalezhnyi v sovremennom russkom mediinom diskurse [The functioning of the lexeme nezalezhnyi in modern Russian media discourse]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie nauki, 1 (67),4, 136-138 (In Russian).
7. Kolesnik N.G. (2021) Noveishie ukrainskie zaimstvovaniia v sovremennom russkom iazyke [The latest Ukrainian borrowings in modern Russian Language]. Sotsiolingvistika, 4 (8),47-59 <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-8-47-59> (In Russian).
8. Kolesnik T.I. (2023) Ukrainizmy s pejorativnoi semantikoi v sovremennom mediadiskurse: lingvoekologicheskii aspekt [Ukrainisms with pejorative semantics in modern media discourse: linguoecological aspect]. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 97(2), 45-49 (In Russian).
9. Kondrat'eva O.N. (2017) Maidan v metaforicheskem zerkale rossiiskikh massmedia [Maidan in the metaphorical mirror of Russian mass media]. Politicheskaiia lingvistika,5(65), 80-84 (In Russian).
10. Krasovskaia O.V. (2017) «CHuzhoe slovo» v diskurse informatsionnoi voiny ["Borrowings" in the information war discourse]. Politicheskaiia lingvistika, 6, 34-38 (In Russian).

11. Kuznetsova A.V. (2019) Sovremennyi mediadiskurs v paradigme lingvoekologii: problemy i perspektivy Modern media discourse in the linguoecology paradigm: problems and prospects]. Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal, 8, 4(29), 273-275 (In Russian).
12. Liashenko I.V. (2014) Etnicheskie prozvishcha ukrainstev v rossiiskoi i ukrainskoi blogosferakh [Ukrainians ethnic nicknames in Russian and Ukrainian blogospheres]. Nauchnyi rezul'tat. Seriia Voprosy teoretycheskoi i prikladnoi lingvistiki, 2, 110-119 (In Russian).
13. Poliakova T.M. (2014) Funktsionirovaniye ukrainizma maidan v russkom politicheskem mediadiskurse [Maidan ukrainism functioning in the Russian political media discourse]. Politicheskaya lingvistika, 4 (50), 173-179 (In Russian).
14. Sabolova D. (2018) Novoobrazovaniya na baze leksicheskoi edinitsy maidan v Internet-prostranstve [New words on the basis of maidan lexical unit in the Internet space]. Slavianskie iazyki v usloviakh sovremennoy vyzovov, 52, 207-220 <https://doi.org/10.17223/18572685/52/15> (In Russian).
15. Savchenko A.V. (2019) Leksiko-semanticheskie ukrainizmy v russkom iazyke: stilistiko-pragmatischeeskii aspekt [Lexical and semantic ukrainisms in Russian Language: stylistic-pragmatic aspect]. Kommunikativnye issledovaniya, 6 (4), 1105-1124 (In Russian).
16. Sosnina L.V. (2019) IAzykovye innovatsii kak otrazhenie politicheskoi bor'by na Ukraine [Language innovations as a reflection of the political struggle in Ukraine]. Lingvisticheskie issledovaniya i ikh ispol'zovanie v praktike prepodavaniya russkogo i inostrannyykh iazykov: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii Donetsk: DonNTU, 149-155 (In Russian).
17. Terkulov V.I. (2021) Interferentnye iavleniya v donetskrom regiolekte [Interference phenomena in Donetsk region]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki, 3, 209-223 (In Russian).
18. Uslanova E. M. (2019) Nominativnoe pole mediakonsepta «maidan» v rossiiskikh SMI [The nominative field of the media concept "maidan" in Russian media]. Politicheskaya lingvistika, 2 (74), 113-118 <https://doi.org/10.26170/p119-02-13> (In Russian).

Поступила в редакцию 21.02.2025 г.

UKRAINISMS IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION DISCOURSE

Sosnina L.V.

The article addresses the problem of Ukrainianisms implementation in the Russian language through the prism of special military operation. The Ukrainian and Russian languages opposition is one of the most acute problems of modern media discourse. The study relevance is determined by the necessity to define the Ukrainianisms linguistic status. The article scientific novelty lies in the fact that Ukrainianisms are considered as a means of speech aggression explication. The descriptive method allows to determine the peculiarities of the Ukrainianisms inclusion in the recipient language. The method of quantitative analysis is used to analyse the frequency of the declared linguistic units usage and confirm the study results. The application of comparative analysis method has enabled to study the features of two closely related languages interaction; it also has allowed to compare the existing scientific concepts and determine the work theoretical significance. The result of our study is estimated as the classification of Ukrainianisms extracted from popular Telegram channels by means of continuous sampling. Ukrainianisms in the Russian language have mainly negative connotations and can be considered as a means of speech aggression expressing. They are used to achieve a comic effect, to express hidden and obvious contradictions between communicants, to strengthen negative attitudes towards Ukrainians.

Keywords: speech aggression, connotation, media discourse, derivative, Ukrainianism, linguocreativity, linguistic status, language conflict.

Соснина Людмила Васильевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Донецкий национальный технический
университет, Россия, г.Донецк.
заведующий кафедрой «Английский язык».
ORCID 0000-0002-9823-5152.
e-mail: ludmilasosnina@gmail.com.

Sosnina Lyudmila Vasiliyevna.

Doctor of Philology. Associate Professor.
Donetsk National Technical University, Donetsk.
Head of English Language Department.
ORCID 0000-0002-9823-5152.
e-mail: ludmilasosnina@gmail.com.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.15120952

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘ТВОРЧЕСТВО’ В СТИХОТВОРНОЙ ЧАСТИ ОХРИДСКОГО ПРОЛОГА НИКОЛАЯ СЕРБСКОГО (ВЕЛИМИРОВИЧА)

© 2025 И.Ю. Абрамова

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

ORCID 0000-0002-8909-5936.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье обсуждаются способы репрезентации концепта ‘творчество’ в лирических произведениях Николая Сербского. Материалом исследования являются 40 стихотворений в Охридском прологе, посвященных богословам, духовным писателям и гимнографам, что позволило выявить общий метафорический ряд и ключевые образы, репрезентирующие идею богодохновенности творчества. Показано, что в стихотворной части Охридского пролога творчество представлено в рамках богословского понимания со-творческого процесса Бога и человека, выражающегося не только в духовной работе святого и действии Божественной благодати, но и во внутреннем изменении воспринимающих такие со-творчения. Метафорическая реализация этой идеи основана на перцептивных признаках: зрительных (отражение света), звуковых (действие музыкальных инструментов) и вкусовых (сладость благодатного меда). Делается вывод о том, что использование автором традиционных для Православия образов и метафор в представлении творчества выводит этот концепт за рамки индивидуального поэтического концепта и вписывает его в общую религиозную речетворческую традицию православных авторов.

Ключевые слова: религиозная лингвоконцептология, православные концепты, концепт ‘творчество’, перцептивные признаки, агиографический текст, Охридский пролог, Николай Сербский, сербская лингвокультура

Для цитирования: Абрамова И.Ю. Репрезентация концепта ‘творчество’ в стихотворной части Охридского пролога Николая Сербского (Велимировича) / И.Ю. Абрамова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 26–38. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15120952>.

Введение. На современном этапе развития лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований наблюдается интерес к проблемам вербализации базисных религиозных концептов, что обусловило формирование направления теоконцептологии (В.И. Постовалова) [25], или религиозной лингвоконцептологии (М.С. Берендеева) [6]. Рассматривая проблемы объективации религиозного сознания, данное направление ставит вопрос о возможности выделения национальных и индивидуальных особенностей религиозной картины мира представителей тех или иных конфессий. В сербском культурном поле базисные православные концепты тесно связаны с идеями национальной независимости и избранничества Сербии на пути защиты и хранения своей веры.

Выделение типов концептов на основании их принадлежности определенным группам индивидов представлено в работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина [23], М.В. Пименовой [21], Н.Ф. Алефиренко [1] и др. Основанием разработанных типологий становится возможность концепта как мыслительной единицы включать в себя общие

для людей, объединенных по какому-либо признаку (этническому, возрастному, профессиональному и т.д.), знания и оценки. Данная особенность позволяет ряду исследователей выделять в отдельную группу религиозные концепты, носителями которых являются люди одной конфессии. С возрастанием интереса в начале XXI в. к проблеме реализации на языковом уровне религиозной картины мира (РКМ) начинает формироваться направление теоконцептологии (В.И. Постовалова) [25], или религиозной лингвоконцептологии (М.С. Берендеева) [6].

Так, согласно М.С. Берендеевой, ведущей свою научную деятельность в рамках православной лингвоконцептологии, основой исследования православных концептов является разграничение догматической религиозной картины мира, «отражающей представления Московского Патриархата», и недогматической РКМ (НРКМ), представленной религиозными и обыденными взглядами прихожан [6, с. 11]. Однако если вести речь именно о догматах, являющихся базисом конкретного вероисповедания, то подобный подход дает возможность выделить только основные концептуальные смыслы, сформировавшиеся в конфессиональном направлении в целом, а не в его этническом варианте. Попытка конструирования недогматической РКМ ставит перед исследователем проблему ее разграничения с наивной картиной мира, что, по замечанию М.С. Берендеевой, невозможно сделать в полной мере. В рамках этой проблемы ученый обосновывает ряд специфических свойств РКМ как ментального образования: сакральности, конфессиональной ориентированности, синкретичности, ценностности и реализации в религиозном дискурсе, одной из специфических черт которого является прецедентность [6, с. 10].

Анализируя другие работы в рамках данной проблематики, мы встречаем следующие распространенные подходы к исследованию религиозных концептов: анализ концептов в конкретных этнических или конфессиональных культурах на определенных этапах развития и их сопоставление [8; 19]; сравнение религиозного и светского содержания концептов [11; 28]; выявление индивидуально-авторских особенностей вербализации религиозных концептов в художественных произведениях [7; 27].

Исходя из содержания теоретических и методологических вопросов, поднимаемых лингвистами, можно выделить несколько проблемных точек в рамках исследования религиозных концептов: 1) необходимость знания ученым догматического богословия и основ вероисповедания, в котором реализуется концепт; 2) невозможность провести четкую границу между экспликацией РКМ и НРКМ; 3) сложность в определении границ существования тех или иных концептуальных смыслов (этнических или конкретных общинных и т.д.), а также степени индивидуального восприятия религиозного концепта.

Немаловажным признаком церковнославянской литературы, формирующим понятие «духовности» литературы, является ее богословование: размышление о Боге, понимание его свойств, понимание своего отношения к нему и, наконец, способность посредством слова выразить Божественную сущность. Это позволяет Житию приобретать характер назидательности, спасительный характер, так как богоопознание является путем ко спасению. В связи с богословствованием агиографии как жанра церковнославянской книжности возникает проблема выражения его на языковом уровне.

Богословование как идеологическая основа средневековья является составляющей общей языковой картины мира. В агиографическом тексте богословование выступает как основная идея, выраженная в основных текстовых категориях, формирующих жанр жития. Идейное содержание, выраженное определенными языковыми средствами, выбранными на основе эстетических

представлений автора, передается при помощи основных констант, определяющих построение текста, концептов. При таком подходе концепт выступает как главная текстовая категория, определяющая жанр.

Фундаментальным концептом, заключающимся в причастности человека Богу через состояние обоженности, целостного преображения под действием благодати Божьей, как и христианства в целом, так и церковной литературы, является Святость. «Во время причастия вечность преображенного бытия (Царствия Небесного, пакибытия) реально присутствует во временном бытии, в земной жизни церковной общины. Вхождение верующих в вечность, в пакибытие, подготовленное их очищением, и образует их святость. Святость, таким образом, есть принадлежность к вечной жизни, причастность Божеству, предвосхищение в этом бытии грядущего пакибытия» [37, с. 92–93].

Наиболее широкое осмысление феномена святости в святоотеческой, философской и лингвистической литературе представлено его отношением к духовной и практической жизни человека, включающей и творческую составляющую, в связи с чем большая часть исследований данного концепта проводится на материале агиографических текстов [5; 26; 31]. В строгом богословском понимании «святость» есть исключительное свойство Бога [35, с. 381]. Однако в результате праведной и богоугодной жизни человек, по православному вероучению, соединяется с Богом и достигает состояния обожения, в святоотеческой традиции и религиозной философии обозначаемого как «стяжание Духа Святого» (преп. Серафим Саровский), «стяжание благодати» (преп. Силуан Афонский), достижение «христонравственности» (свт. Николай Сербский), «обожение» и «охристосование» (преп. Иустин Попович). Пути достижения святости как конкретные модели поведения также становятся объектом концептуализации, что подтверждает, например, закрепление Православной Церковью системы ликов святости.

Святость, являясь, с точки зрения М.В. Ильина, высшим нравственным идеалом поведения, центральным для русской идеи, предполагала и обращение человека к богоподобному творчеству. [13, с. 38]. Человек способен к творчеству потому, что имеет в себе образ Божий, однако это не означает, что всякая его деятельность является богоподобной: если утрачено единство человека с Богом, то творчество становится несовершенным. В православном богословии творчество рассматривается как выражение богообразности человека [34, с. 86–97]. «Как персона человек обладает свободой воли, выражаящейся не в творении из "ничто" чего-либо совершенно не бывшего, нового, но как конвергенция (согласованность) с волей Бога, подлинно Творца, или же дивергенция (уклонение или даже отвержение) воли Еgo. Только то творчество, которое совпадает с волей Отца Небесного, производит плоды, могущие перейти в вечность; всякое иное впадает в небытие: "всякое растение, которое не Отец Мой насадил, искоренится" (Мф.15:13)» [2].

Таким образом, творчество напрямую связано в христианстве со святостью: чтобы стать к нему способным, необходима душевная чистота и преданность Богу.

Исходя из этого, можно заключить, что концепт «творчество», выражающий в том числе и идею богословствования, функционирует в едином концептуальном поле с концептом ‘святость’, взаимодействуя также с концептами ‘подвиг’, ‘юродство’, ‘мученичество’ и др.

Для любого художника данный концепт является важной составляющей его картины мира, и, как любой процесс, в сознании человека творчество раскладывается на несколько этапов: мотивировка и подготовка к созданию произведения, сам процесс создания, рефлексия результата и последующая «жизнь» произведения в отрыве от автора. В зависимости от эпохи и мировоззренческих установок художники по-разному

решали для себя проблемы цели, мотивировки произведения, методов работы, отношений художника и зрителя. средневековая православная словесность складывается на основе теоцентрической картины мира, а взгляд на человека проникнут идеей его богоподобия. Наряду с разумностью, свободой воли, бессмертием, духовным основанием человека, созданного по образу Божьему, является и способность к творчеству. Восприятие Бога как Творца мироздания и уподобление Ему в средневековый период возводили проблему творческой деятельности в статус главной задачи жизнетворчества, т.е. устроения своей жизни благообразно Божиим заповедям. Таким образом, в религиозной литературе любой творческий акт, будь то написание текста или построение здания, рассматривался как приближающий к Богу или, наоборот, отдаляющий от Него, и подвергался строгому духовному пересмотру.

В этой связи важным представляется отмеченное исследователями [1; 3; 16; 40] еще одно свойство церковной книжности, отличающее ее от литературы в современном понимании и характеризующее в целом отношение средневекового православного книжника к любому процессу творчества – отношение к дару творить как к оказанной милости Божьей. Служение словом – это процесс совместного творчества с Богом, что накладывает определенную ответственность на автора: во-первых, он должен соответствовать своему Великому Соавтору, и, во-вторых, осознавать, что акт творения отрицает самовыражение в слове. Этот факт породил отношение к церковной литературе как к литературе нехудожественной в современном понимании, поскольку, что справедливо, авторы следовали канону написания, следовательно, в какой-то степени были ограничены в ресурсах выразительности. Книжники Древней Руси разграничивали два противопоставленных понятия - *хитрость* и *художество* - как два разных способа создания произведения искусства: если *хитрость* предполагала самовыражение в слове, самостоятельное творчество, то *художество* понималось как дар, исходящий от Бога, и в этом смысле было выше книжной хитрости [16; 40]. Подробно об омонимичности значений лексем *хитрый* и *художный* в современных словарях и об их этимологии пишет Л.В. Левшун, анализируя философию творчества и творческие методы средневековой литературы [16, с. 37 - 41]. Для темы данного исследования важным оказывается мысль, которая подчеркивает общее отношение средневекового книжника к творческому процессу: *хитрец* сам присваивает себе право Творить, сам его инициирует и создает художественный образ своим разумом и руками, *художник* же действует согласно чудесному дару, исходящему от Бога. «Показательно в этом смысле то, что в некоторых контекстах Бог называется «*хитростником*» и «*хитрецом*» всего мира [38] как самовластный его Творец и Создатель» [16, с. 40]. *Хитрости* можно научиться, *художество* же – это доверие Господа, именно поэтому творить для художника – это ответственность перед Богом, это в какой-то мере несвобода, потому что ему поручена совершенная мысль Божья для воплощения ее в Слово. Максимальная способность к творчеству достигается только в процессе со-творчества с Богом. Этот критерий разграничения, как и обращение к каноническим формам написания произведения, давал средневековым авторам твердое основание для определения истинного произведения искусства – оно должно быть исполнено божественным смыслом, быть продуктом *художества*. Именно поэтому идолы – дело рук человеческих, сотворенное *хитростью*, умением – не являются для средневекового автора продуктом истинного творчества.

Эволюция концепта, «представления о фрагменте мира или части такого фрагмента», свидетельствует о тенденциях изменения культуры народа и его языковой

картины мира [22, с. 10]. С появлением и развитием художественной литературы содержание концепта ‘творчество’ в славянском мире претерпело ряд существенных изменений. Процессу десакрализации подверглась идея о со-творческом процессе Бога и человека, его богодохновенности, свойственной для христианского мировоззрения. Исследование данного концепта, в том числе и в духовной литературе, открывает перспективу изучения взаимовлияния религиозного и светского представлений о творческом процессе.

Большинство исследований древнерусских концептов ведется в когнитивно-семиологическом направлении: ученые производят лексикографический анализ и контент-анализ, описывают сдвиги семантики вербализаторов концепта, объясняют появление и утрату сем. Таким образом описаны древнерусские концепты ‘ум’ (Е.В. Дзюба) [10], ‘честь’ (С.В. Терина) [30], ‘святость’ (В.П. Завальников) [12].

В нашей сфере интересов возможность описания концепта ‘творчество’ на материале стихотворной части Охридского пролога. Ряд ученых указывают на процесс десакрализации ключевой идеи божественного «творения» мира. В связи с этим меняется и содержание концепта ‘творчество’, основу которого в древнерусский период составляло представление о со-творческом процессе Бога и человека. Появление художественного вымысла в произведениях словесности, так называемое «самосмыщление» иконописцев (т.е. использование символов и аллегорий), литературная обработка «некнижных» житий свидетельствуют об изменении точки зрения на установку к правдивости, смиренному отображению книжником мира, созданного и устроенного Творцом.

Исследование авторского отношения к процессу создания произведения ведется с позиций следующих категорий: облик древнерусского книжника (Д.С. Лихачев) [17; 18], сознание книжника (А.С. Демин) [9], образ автора, авторское самосознание (Е.Л. Конявская) [15]. В литературоведении эта задача решается анализом структуры книжных предисловий, выделением топосов, формул самоуничтожения.

Однако для описания концепта ‘творчество’ необходимо охватить более широкий круг контекстов и выделить, какими лингвистическими средствами пользуется автор не только при рефлексии своей деятельности, но и описании творческого процесса других агиографов, летописцев, сочинителей канонов и духовных книг, иконописцев и др. А.М. Моторин дает лингвистический комментарий воображению древнерусского книжника и иконописца, которое можно считать одним из репрезентантов древнерусского концепта ‘творчество’ [20]. Воображение в сознании древнерусского человека выступало и как процесс, созидание святого образа в иконописи и агиографии, и как сам этот воплощенный, «овеществленный» образ. Уже к 70-м годам XVIII века происходит переосмысление воображения как произвольного, самочинного вымысла, близкого к греческому «фантасма» и недопустимого для средневекового сознания агиографа или изографа [20, с. 118-119].

Однако изучение лишь семантического наполнения репрезентантов не дает возможности описать концепт с точки зрения метафорических моделей. Работу в этом направлении на материале древнерусских текстов ведет представитель Кемеровской школы концептуальных исследований О.Н. Кондратьева. Исследователь обосновывает метод метафорического моделирования как способ анализа концептов и реализует его при описании концептов ‘душа’, ‘сердце’, ‘ум’ на материале русских летописей [14]. Разработанная методика диахронического анализа метафор «как когнитивных механизмов, имеющих языковое воплощение и обладающих определенной

лингвокультурной и дискурсивной спецификой», открывает новые возможности для глубокого исследования средневекового представления о мире [14, с. 25].

Цель нашего исследования – выявление способов репрезентации концепта ‘творчество’ в лирических произведениях Николая Сербского, являющихся наряду с краткими житийными текстами, рассуждением, созерцанием и беседой важной структурной частью Охридского пролога.

В сербской богословской мысли XX в. путь к святым воспринимается как следование путем Христа и повторение Его подвига, примером чего стали апостолы, которые «носили Христа в себе» и «проживали жизнь Христову», продолжающуюся во всех Его верных последователях [41, с. 15]. Отсюда острое осознание важности опыта жизни святых как примера возможного пути достижения состояния обожения и необходимости систематизации, перевода и создания агиографических текстов, что стало одной из главных задач деятельности свт. Николая Сербского (1880–1956 гг.), автора обширного жития свт. Саввы Сербского и создателя первого сербского Пролога, и преп. Иустина Поповича (1894–1979 гг.), составившего 12-томное собрание житий святых.

Выбор текста обусловлен культурной значимостью и популярностью Охридского пролога в Сербии, названного другим известнейшим богословом Иустином Поповичем «Сербским Евангелием» [24, с. 5]. Этот религиозный труд Николая Велимировича имеет огромное значение для сербской культуры как первый сербский Пролог, включающий жития и тех святых, канонизация которых произошла на рубеже XIX–XX веков. В настоящее время Охридский пролог, отрывки из которого включаются в церковные богослужения в качестве причастна, ежедневно транслируются на одном из сербских телеканалов и публикуются в газетах, является неотъемлемой частью духовной жизни православного народа Сербии [4, с. 53].

Материалы и методы исследования. Методологической основой предлагаемого исследования являются принципы лингвофилософского описания религиозного сознания в его соотношении с языком и культурой, представленные в работах русского философа и богослова П.А. Флоренского [32]. Ядро религиозного – в нашем случае православного – миропонимания имеет характер наднациональной и надязыковой системы: «...наряду с этим этническим христианством, в православном сознании живет и, конечно, не сливается без остатка с ним – вселенская церковность» [33, с. 546]. Выделение этого ядра невозможно без изучения основных догматов церкви, формирующих представление о мире, которое, в свою очередь, в религиозном обществе, по Флоренскому, определяет и культуру: «Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура» [32, с. 39]. Наряду с общими догматическими представлениями в человеческом сознании в зависимости от этнической принадлежности, социальной группы, индивидуальных особенностей формируется вариативная часть религиозного концепта, которая и становится объектом изучения в настоящей работе.

Все сказанное выше позволяет определить и конкретную процедуру исследования, которая базируется на методике теолингвистического анализа религиозных концептов, предложенной в работах В.И. Постоваловой. Исследователь выделяет семь слоев концептуального смысла базисных религиозных концептов:

- 1) ядерный смысл, общий для всех ветвей определенного вероисповедания (например, для христианства в целом);
- 2) смыслы, сформированные в конкретном конфессиональном направлении (католичество, православие и др.);

- 3) духовные смыслы этнических конфессиональных ветвей (русское, сербское или греко-византийское православие и др.);
- 4) смысловые оттенки, которые возникают при восприятии концептов с помощью символов конкретной духовной культуры (так, смирение в православной культуре часто передают образами земли и пепла);
- 5) смысловые оттенки, привносимые народно-этимологическим восприятием лексемы, выражающей концепт;
- 6) смысловые оттенки, возникающие при осмыслинении концепта в различных обществах различных эпох (например, монастырские уставы, складывающиеся на разных территориях);
- 7) индивидуально-смысловые оттенки [25, с. 139–143].

По нашему мнению, выделение четвертого уровня в данной системе смещает ракурс исследования от смысловых оттенков к способам их презентации, которые могут быть средством экспликации как ядерного, так и этно-конфессионального смысла. Такое многоуровневое представление концепта позволяет исследователю выявить и систематизировать его вариативную часть.

Указанный выше научной инструментарий анализа вариативной части религиозного концепта предполагает использование методов контекстуального анализа, культурно-фоновой интерпретации, полевого структурирования и элементов методики метафорического моделирования.

Материалом исследования являются 40 стихотворений, посвященных богословам, духовным писателям и гимнографам, в составе стихотворной части Охридского пролога. Выбор именно этих стихотворений позволил выявить общий метафорический ряд и ключевые образы, репрезентирующие идею богодохновенности творчества в Охридском прологе.

Основная часть. Концепт ‘творчество’ служит одним из базовых понятий религиозной коммуникации и, как правило, актуализируется посредством метафоры. В лирической части пролога святые сочинители представлены с позиции как активного субъекта, так и объекта Божественной благодати. Частым синтаксическим явлением становится соединение агентивных и пассивных конструкций в одном предложении, что является отражением богословской мысли о двусторонности творческого процесса Бога и человека. Следующим образом Владыка Николай говорит о «Лествице» Иоанна Лествичника: «*To нам Јован даде, Богом просвећени...*» [36, с. 225].

Эта мысль репрезентируется и с помощью концептуальных метафор ‘сияния’, ‘горения’, понимаемых в библейском ключе, с одной стороны, как Бога «Света миру» и «Солнца Правды» (Пс. 26:1, 35:10; Ис. 60:19; Ин. 8:12), а с другой стороны, Его учеников как «света миру» (Мф. 5:14) и связанного с этим события Пятидесятницы – сошествия Святого Духа на Апостолов в виде огненных языков: «*Буктиња светлости што са неба сиће / Апостол'ма најпре у срца униће, / Апостоли њоме људе просветише...*» [36, с. 496]. Например, о свт. Василии Великом, архиепископе Кесарийском: «*Свој пламени пример нама оставише. Василије дивни, сличан сјајној луци*» [36, с. 10], о преп. Серафиме Саровском: «*К'о сунце кроз звезде Тик роз свеће сијаш, смерним силу дајеш, у Рај их узвијаш*» [36, с. 12], о св. муч. Агафье: «*Ко се с Христом венч'о, тамница му сјајна...*» [36, с. 93].

Символика событий Пятидесятницы становится основой для описания действия Божественной благодати в жизни святых, в понимании Николая Сербского они «Христовим су огњем истим зажежени» [36, с. 192]. Образы небесного света и огня сопутствуют святым, занимавшимся составлением религиозных трудов, канонов и

житий, созданием святоотеческой традиции и учительством. Так описан равноапостольный Наум Охридский: «*Наум преподобни. апостол Словена, / Христовом светлоићу обасјан свецело...*» [36, с. 938]. Именно этот свет апостолы и святители несут другим людям. Так, апостол Кодрат «*Обасја их Христовом светлоићу. / Свет просвети Христовом мудроићу...*» [36, с. 683].

Традиционная вертикальная модель «Бог – святой – люди», являющаяся основой творчества в богословском понимании, наиболее ярко выражена в многочисленных конструкциях с предлогом *кroz*: «*Мудрост се засија кroz Атанасија...*» [36, с. 43]; «*Светлост беше у Антиохији, / Засја Црква кroz његова уста...*» [36, с. 402].

В связи с этим важно отметить, что Владыка Николай не акцентирует внимание на самом творении того или иного святителя (каноны, жития, наставления или богословские труды), его интересует то просвещение, которое происходит с другими людьми после знакомства с творениями. То есть главным результатом со-творческого процесса становится другой процесс – приобщение человека ко Христу, его внутреннее изменение.

Такая вертикальная модель реализуется на основе метафор отражения не только света, но и звука. В этом контексте Николай Сербский использует традиционные образы музыкальных инструментов, одним из символических значений которых в тексте Библии обладают Евангельская проповедь, Евангелия, сами апостолы и учителя (Пс. 88:16; Ис. 58:1; Ос. 8:1). Из множества музыкальных инструментов, представленных, например, в Псалтири (Пс. 97:5–6), Владыка Николай избирает трубу и арфу как символ святого, способного облечь в слова свой опыт богоопознания: «*Свети Јован, труба златоковна. / Милост Божју људима раструби...*» [36, с. 65]; «*Дубокога и срца и ума, / А на речи харфа златоструна...*» [36, с. 830]. В данном случае Господь представлен как музыкант, оживляющий струны арфы, и трубач, возвещающий через свои трубы о вечной жизни:

*Он глас даде јасан Андреји немоме
И учини немог својом гласном трубом... [36, с. 468]
О чудесна трубо вере православне,
О монаше славни обитељи славне,
<...>
Прослављен си сада, прослављачу Бога,
Бесмртан – трубачу живота вечнога... [36, с. 886]*

Наиболее употребляемой и последовательно реализуемой в стихотворной части Охридского пролога становится метафора ‘благодать’, ‘мудрость’ – ‘мёд’. Здесь находят своё отражение сразу несколько библейский метафор: последователи Христа как «избранные сосуды» (Деян. 9:15; 2Кор. 4:7), благодатное Его учение как «сладость» (Пс. 35:9) и, собственно, как сам «мёд» (Пс. 18:11, 118:103; Притч. 24:13–14): «*Тело блаженога Духом напуњено, / Медом благодати срце заслађено...*» [36, с. 337].

Следует отметить, что и эта метафора-контейнер не является замкнутой структурой. Вл. Николай репрезентирует мысль о просвещении людей угодниками Божиими, сравнивая их с пчелами, приносящими (но не производящими самостоятельно) этот мед людям: «*Ходисте за Христом, о Христове пчеле! / Свет налисте медом, напунисте зделе!*» [36, с. 10]; «*А Јефремов језик збори / Јеванђелску мудрост чисту. / Јефрем пчела медоносна...*» [36, с. 402].

В христианской символике пчела является, с одной стороны, олицетворением мудрости и трудолюбия (Притч. 6:8), а с другой стороны, ассоциируется с местью и яростью по отношению к врагам (Втор. 1:44; Пс. 117:12). В Охридском прологе актуализированы положительные коннотации этого образа, связанные с трудолюбием, что, в свою очередь, отрицает пассивность святителей в духовной и творческой жизни,

невозможной без аскетического подвига: «*Петочисленици, Божји угодници, / Јеванђелског меда вредни носиоци...*» [36, с. 532]; «*Свуда мед небесни вредно разносећи, / Мед лековит, чудан, са Христових уста...*» [36, с. 734].

Заключение. Таким образом, в стихотворной части Охридского пролога творчество представлено в рамках богословского понимания со-творческого процесса Бога и человека, выражавшегося не только в духовной работе святого и действии Божественной благодати, но и во внутреннем изменении воспринимающих такие со-творчения. Метафорическая реализация этой идеи основана на перцептивных признаках: зрительных (отражение света), звуковых (действие музыкальных инструментов) и вкусовых (сладость благодатного меда). Использование автором традиционных для православия образов и метафор в представлении творчества выводит этот концепт за рамки индивидуального поэтического концепта и вписывает в общую религиозную речетворческую традицию, что имеет большое значение для развития сербской гимнографии и духовной поэзии.

Как видим, концепт ‘творчество’ в картине мира средневековой православной агиографической литературы имеет существенную специфику, обусловленную тесной связью представления о творчестве с идеями о богоподобии человека, о спасении души, об обязанности автора перед Богом и пр. Секуляризация литературы привела к тому, что светская литература, утратив свою религиозность, стала ориентироваться собственно на словесную изощренность, *хитрость* как способность творить человеческим разумом и человеческими руками.

В целом семантическое наполнение концепта ‘творчество’ в средневековых православных агиографических текстах вкратце можно описать следующим образом: основанием для творческой деятельности человека является его богоподобие; цель творчества – спасение души (своей и читателей); единственный возможный способ реализации – стяжание благодати, путь к ее получению – покаяние и самоотвержение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2010. – 288 с.
2. Архимандрит Софоний (Сахаров). Таинство христианской жизни [Электронный источник]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sofronij_Saharov/tainstvo_hristianskoj_zhizni/8 (дата обращения: 03.02.2025).
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 345 с.
4. Баич Р. Охридский пролог св. Владыки Николая Велимировича как материал для обучения церковнославянскому языку / Р. Баич // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2012. – №8. – С. 52–56.
5. Башелеишвили Л.О. Домостроительство святости в памятниках древнегрузинской агиографической литературы / Л.О. Башелеишвили // Ломоносовские чтения. Востоковедение : Тезисы докладов науч. конф., Москва, 18 апреля 2016 г. / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; отв. ред. В.Е. Смирнов. – М. : Тезаурус, 2016. – С. 183–184.
6. Берендеева М.С. Структурные особенности религиозной концептосферы: на материале концептов жертвоприношение, молитва и подвиг: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Берендеева Мария Сергеевна; [Место защиты: Новосиб. гос. пед. ун-т]. – Новосибирск, 2015. – 26 с.
7. Бугакова Н.Б. Индивидуально-авторские особенности отбора языковых средств для вербализации религиозных концептов (на примере концепта «Церковь» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне») / Н.Б. Бугакова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – №4. – С. 261–266.
8. Грушко К.А. Языковая объективация концепта «святость» в русской и английской когнитивных системах (на материале «Жития Кирилла Белозерского» и «Жития св. Колумбана») / К.А. Грушко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №6. – С. 149–153.

9. Дёмин А.С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.) / А.С. Дёмин; отв. ред. доктор филологических наук В.П. Гребенюк. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 408 с.
10. Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре : Монография / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 224 с.
11. Емельянова О.Н. Концепт «Духовность» в русской языковой картине мира: светский и религиозный компоненты (по материалам толковых словарей современного русского языка) / О.Н. Емельянова // Сибирский филологический форум. – 2020. – №4. – С. 44–48. – <http://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-59>.
12. Завальников В.П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии : автореферат дис. ... канд. филол. наук / В.П. Завальников. – Омск, 2003. – 28 с.
13. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. – М. : РОССПЭН, 1997. – 432 с.
14. Кондратьева О.Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре: XI–XX вв. : дис. кандидат наук / О.Н. Кондратьева. – Кемерово : Русский язык, 2014. – 404 с.
15. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) / Е.Л. Конявская. – М. : Языки русской культуры, 2000 – 199 с.
16. Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI- XVII вв. /Л. В. Левшун. — Минск : Экономпресс, 2001. — С. 37–46.
17. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачёв. – М. : Наука, 1970. – С. 127–135.
18. Лихачев Д.С. Поэтика Древнерусской литературы / Д.С. Лихачёв. – М. : Наука, 1979. – 360 с.
19. Медведева Д.И. Концепт «гордость» в религиозных и светских текстах (на материале русского и сербского языков) / Д.И. Медведева // Homo loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира: Всероссийская научно-практич. конф. с международным участием : Сборник материалов докладов и сообщений, Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2018 года / под ред. О.Г. Оленчук. – СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2018. – С. 9–14.
20. Моторин А.В. Концепция воображения в древнерусской иконописи и житиях / А.В. Моторин // Икона в русской словесности и культуре : сб. ст. / Сост. В.В. Лепахин. – М. : Паломник, 2012. – С. 109–138.
21. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность / М.В. Пименова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4. – С. 126–132.
22. Пименова М.В. Предисловие / М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику. – Выпуск № 4. – Кемерово : Наука, 2004. – 208 с.
23. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2009. – 314 с.
24. Поповић Јустин. Предговор / Н. Велимировић. Охридски пролог. – Шабац : Глас Цркве, 2001. – С. 3–5.
25. Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном миросозерцании (опыт теолингвистического анализа) / В.И. Постовалова // Критика и семиотика. – 2014. – № 2. – С. 127–148.
26. Растворин А.В. Русская концепция святости: культурологический аспект изучения житийной традиции / А.В. Растворин // Язык – культура – сознание : международный сборник научных трудов по лингвокультурологии / отв. ред. Е.Е. Стефанский. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2005. – С. 101–103.
27. Розанова Н.Ф. Образные средства вербализации концепта *la tentation* – искушение в индивидуально-творческом сознании Г. Флобера / Н.Ф. Розанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №9. – С. 285–289.
28. Сереброва Т. Поле как категория представления словарного состава в концепции Йоста Трира / Т. Сереброва // Общие проблемы строения и организации языковых категорий : Материалы науч. конф. 23–25 апреля 1998. – М., 1998. – С. 137–141.
29. Сертакова Е.А. Концепт «город» в русской культуре / Е.А. Сертакова // Человек и культура. – 2014. – № 2. – С. 97–126. – <http://doi.org/10.7256/2306-1618.2014.2.12044>
30. Терина С.В. Древнерусский концепт честь и его языковая презентация в летописи «Повесть временных лет» : автореферат дис. ... канд. филол. наук / С.В. Терина. – Тамбов, 2007. – 25 с.
31. Тихонова Е.П. Почитание святости и святых в православной традиции (на примере образа великомученицы Параскевы) / Е.П. Тихонова // Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси : Материалы XXV Духовно-исторических чтений памяти равноап. Кирилла и Мефодия, Томск, 12–24 мая 2016 г. – Томск : Иван Федоров, 2016. – С. 197–202.
32. Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1 / свящ. П.А. Флоренский. – М. : Мысль, 1994. – 799 с.

33. Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / свящ. П.А. Флоренский. – М. : Мысль, 1996. – 880 с.
34. Чурсанов С.А. Богословские истоки и ключевые аспекты христианского понимания творчества / С.А. Чурсанова // Христианское чтение – № 5. – 2017. – С. 86–97. – <http://doi.org/10.24411/1814-5574-2017-00096>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

35. Библейский богословский словарь / под ред. свящ. В. Михайловского. – М. : Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1995. – 567 с.
36. Велимировић Н. Охридски пролог / Н. Велимировић. – Шабац : Глас Цркве, 2001. – 987 с.
37. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М. : Гнозис, 1994. – 110 с.
38. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. – Спб., 1903.
39. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.
40. Церковно-богослужебная терминология / сост. свящ. Н. Богатырев. – Ставрополь : Типография М.Т. Тимофеева. – №6. – 1891. – 153 с.
41. Јустин (Поповић), архим. Житија светих / архим. Јустин (Поповић). – Београд, 1972. – 901 с.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. (2010). Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka [Linguoculturology. The value-semantic space of language]. Moscow: Flinta (In Russian).
2. Arximandrit Sofronij (Saharov). Tainstvo xristianskoj žizni. [The Mystery of the Christian Life]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sofronij_Saharov/tainstvo_xristianskoj_zhizni/8 (In Russian).
3. Babushkin A.P. (1996). Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike jazyka [Types of concepts in lexical and phraseological semantics of language]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. (In Russian).
4. Baich R. (2012). Oxridskij prolog sv. Vladyki Nikolaja Velimiroviča kak material dlja obuchenija cerkovnoslavjanskemu jazyku [The Ohrid Prologue of St. Bishop Nicholas Velimirovich as a material for teaching the Church Slavonic language]. Perevod i sopostavitel'naja lingvistika, 8, 52–56 (In Russian).
5. Bašeleišvili L.O. (2016) Domostroitel'stvo svyatosti v pamjatnikax drevnegruzinskoy agiograficheskoy literatury [The Building of Sanctity in the monuments of Ancient Georgian Hagiographic Literature] // Lomonosovskie čtenija. Vostokovedenie: Tezisy dokladov nauč. konf., Moskva, 18 aprelja 2016 g. / Moskovskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova, In-t stran Azii i Afriki; ott. red. V. E. Smirnov, 183–184 (In Russian).
6. Berendeeva M.S. (2015). Strukturnye osobennosti religioznoj konceptosfery: na materiale konceptov zhertvoprinoshenie, molitva i podvig [Structural features of the religious conceptual sphere: based on the concepts of sacrifice, prayer and feat]. Novosibirsk (In Russian).
7. Bugakova N.B. (2015). Individual'no-avtorskie osobennosti otbora jazykovyx sredstv dlja verbalizacii religioznyx konceptov (na primere koncepta «Cerkov'» v proizvedenii I.S. Shmeleva «Leto Gospodne») [Individual author's features of the selection of linguistic means for the verbalization of religious concepts (on the example of the concept "Church" in the work of I.S. Shmelev "Summer of the Lord")]. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiky, 4, 261–266 (In Russian).
8. Grushko K.A. (2011). Jazykovaja ob"ektivacija koncepta «svyatost'» v russkoj i anglijskoj kognitivnyx sistemax (na materiale «Zhitija Kirilla Belozerskogo» i «Zhitija sv. Kolumbana») [Linguistic objectification of the concept of "svyatost'" in the Russian and English cognitive systems (based on the material of "The Life of Kirill Belozersky" and "The Life of St. Columbana")]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 6, 149–153 (In Russian).
9. D'omin A.S. (2009). Poëtika drevnerusskoj literatury (XI–XIII vv.) [Poetics of Ancient Russian literature (XI–XIII centuries)]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi (In Russian).
10. Dzjuba E.V. (2011). Koncept «um» v russkoj lingvokul'ture [The concept of "mind" in Russian linguoculture]. Ekaterinburg (In Russian).
11. Emel'janova O.N. (2020). Koncept «Duxovnost'» v russkoj jazykovoj kartine mira: svetskij i religioznyj komponenty (po materialam tolkovyx slovarej sovremennoj russkogo jazyka) [The concept of "Duxovnost'" in the Russian linguistic worldview: secular and religious components (based on the materials of explanatory dictionaries of the modern Russian language)]. Sibirskij filologicheskij forum, 4, 44–48. <http://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-59> (In Russian).
12. Zaval'nikov V.P. (2003). Jazykovoj obraz svyatogo v drevnerusskoj agiografii [The linguistic image of a saint in ancient Russian hagiography]. Omsk (In Russian).

13. Il'in M.V. (1997). Slova i smysly. Opyt opisanija klučevyx političeskix ponjatij [Words and meanings. The experience of describing key political concepts]. Moscow: ROSSPÈN (In Russian).
14. Kondrat'eva O.N. (2014). Dinamika metaforičeskix modeley v russkoj lingvokul'ture: XI–XX vv. [Dynamics of metaphorical models in Russian linguoculture: XI–XX centuries]. Kemerovo (In Russian).
15. Konjavskaja E.L. (2000). Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knižnika (XI – seredina XV v.). [The author's self-awareness of the ancient Russian scribe (XI – mid XV century)]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury (In Russian).
16. Levšun L. V. (2001). Istorija vostočnoslavjanskogo knižnogo slova XI- XVII vv. [The history of the East Slavic book word of the XI- XVII centuries]. Minsk: Èkonompres, 37–46 (In Russian).
17. Lixačev D.S. (1970). Čelovek v literature Drevnej Rusi [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow: Nauka, 127–135 (In Russian).
18. Lixačev D.S. (1979). Poètika Drevnerusskoj literatury [The Poetics of Ancient Russian literature]. Moscow: Nauka (In Russian).
19. Medvedeva D. I. (2018). Koncept "gordost'" v religioznyx i svetskix tekstax (na materiale russkogo i serbskogo jazykov) [The concept of "gordost'" in religious and secular texts (based on Russian and Serbian)]. Homo loquens: jazyk i kul'tura. Dialog kul'tur v uslovijax otkrytogo mira: Vserossijskaja naučno-praktich. konf. s mezdunarodnym uchastiem. Sbornik materialov dokladov i soobsh'enij, Sankt-Peterburg, 13–14 aprelja 2018 goda. Sankt-Peterburg: Russkaja xristianskaja gumanitarnaja akademija, 9–14 (In Russian).
20. Motorin A.V. (2012). Koncepcija voobraženija v drevnerusskoj ikonopisi i žitijax [The concept of imagination in ancient Russian iconography and lives]. An icon in Russian literature and culture. Moscow: Palomnik, 109–138 (In Russian).
21. Pimenova M.V. (2011). Konceptual'nye issledovaniya i nacional'naja mental'nost' [Conceptual research and national mentality]. Gumanitarnyj vector, 4, 126–132 (In Russian).
22. Pimenova M.V. (2004). Predstovanie. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku [The preface. Introduction to cognitive linguistics]. Kemerovo: Nauka. (In Russian).
23. Popova Z.D., Sternin I.A. (2009). Kognitivnaja lingvistika: uchebnoe izdanie [Cognitive Linguistics: an educational publication]. Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Voronezhskij gos. un-t. Moscow: AST: Vostok – Zapad (In Russian).
24. Popović Justin (2001). Predgovor. [The preposition]. N. Velimirović. Oxridski prolog (pp. 3–5). Šabac : Glas Crkve (In Serbian).
25. Postovalova V.I. (2014). Religioznye koncepty v pravoslavnom mirosozercanii (opyt teolinguisticheskogo analiza) [Religious concepts in the Orthodox worldview (experience of theolinguistic analysis)]. Kritika i semiotika, 2, 127–148 (In Russian).
26. Rastjagaev A.V. (2005). Russkaja koncepcija svyatosti: kul'turologičeskij aspekt izučenija žitijnoj tradicij [The Russian concept of holiness: the cultural aspect of the study of the hagiographic tradition]. Jazyk – kul'tura – soznanie: mezdunarodnyj sbornik naučnyx trudov po lingvokul'turologii [Language – culture – consciousness : an international collection of scientific papers on linguoculturology]. Samara : Samarskaja gumanitarnaja akademija, 101–103 (In Russian).
27. Rozanova N.F. (2019). Obraznye sredstva verbalizacii koncepta la tentation – iskushenie v individual'no-tvorcheskom soznanii G. Flobera [Figurative means of verbalization of the concept of la tentation – temptation in the individual creative consciousness of G. Flaubert]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 9, 285–289 (In Russian).
28. Serebrova T. (1998). Pole kak kategorija predstavlenija slovarnogo sostava v koncepcii Josta Tria [Field as a category of vocabulary representation in the concept of Jost Trier]. Obsh'ie problemy stroenija i organizacij jazykovyx kategorij: Materialy nauch. konf. 23–25 aprelja 1998, 137–141 (In Russian).
29. Sertakova E.A. (2014). Koncept «gorod» v russkoj kul'ture. [The concept of "city" in Russian culture]. Čelovek i kul'tura. 2, 97–126. <http://doi.org/10.7256/2306-1618.2014.2.12044> (In Russian).
30. Terina S.V. (2007). Drevnerusskij koncept čest' i ego jazykovaja reprezentacija v letopisi "Povest' vremennyx let". [The ancient Russian concept of honor and its linguistic representation in the chronicle "The Tale of Bygone Years"]. Tambov (In Russian).
31. Tixonova E.P. (2016). Počitanie svyatosti i svyatyx v pravoslavnoj tradicij (na primere obraza velikomučenicy Paraskevy) [Veneration of sanctity and saints in the Orthodox tradition (on the example of the image of the Great Martyr Paraskeva)]. Knjaz' Vladimir. Civilizacionnyj vybor Rusi: Materialy XXV Duxovno-istoričeskix čtenij pamjati ravnoap. Kirilla i Mefodija, Tomsk, 12–24 maja 2016 g. Tomsk : Ivan Fedorov, 197–202 (In Russian).
32. Florenskij P.A., svjash'. (1994). Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 1 [Collected works. In 4 vols. Vol. 1]. Moscow : Mysl' (In Russian).
33. Florenskij P.A., svjash'. (1996). Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 2 [Collected works. In 4 vols. Vol. 2]. Moscow : Mysl' (In Russian).

34. Čursanov S.A. (2017). Bogoslovskie istoki i ključevye aspekty xristianskogo ponimanija tvorčestva. [The Theological origins and key aspects of the Christian understanding of creativity]. Xristianskoe čtenie, 5, 86–97. <http://doi.org/10.24411/1814-5574-2017-00096> (In Russian).

Поступила в редакцию 20.01.2025 г.

**REPRESENTATION OF CONCEPT ‘CREATIVITY’ IN POETIC PART OF OHRID PROLOGUE
BY NIKOLAI SERBSKY (VELIMIROVICH)**

I.Yu. Abramova

The article deals with ways of representing the concept ‘creativity’ in the lyrical works by Nikolai Serbsky. The research material consists of 40 poems in the Ohrid prologue dedicated to theologians, spiritual writers and hymnographers. Common metaphorical series and key images representing the idea of inspired creativity have been revealed. It is shown that in the poetic part of the Ohrid prologue, creativity is presented within the framework of the theological understanding of the co-creative process of God and man, expressed not only in the spiritual work of the saint and the action of Divine grace, but also in the inner change of those who perceive such co-creations. The metaphorical realization of this idea is based on perceptual signs, among which are as follows: visual (reflection of light), sound (action of musical instruments) and gustatory (sweetness of blessed honey). The conclusion is made that the author's use of traditional Orthodox images and metaphors in the representation of creativity takes this concept beyond the individual poetic concept and makes it embodied into the general religious speech-making tradition of Orthodox authors.

Key words: religious linguistic conceptology, Orthodox concepts, concept 'creativity', perceptual signs, hagiographic text, Ohrid prologue, Nicholas of Serbia, Serbian linguoculture.

Абрамова Ирина Юрьевна.

Кандидат филологических наук.

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,

Российская Федерация.

Доцент кафедры славянской филологии и
культуры.

ORCID 0000-0002-8909-5936.

E-mail: irabra@yandex.ru

Abramova Irina Yurevna.

Candidate of Philology.

National Research Lobachevsky State University of

Nizhny Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russian
Federation.

Associate Professor of Department of Slavic
Philology and Culture.

ORCID 0000-0002-8909-5936.

E-mail: irabra@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.5281/zenodo.15120757

ДОКУМЕНТЫ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ КАК ИСТОЧНИК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО НАСЛЕДИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

© 2025 С.Н. Безус¹, М.А. Смирнова²

¹Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет»

²Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

¹ORCID 0000-0001-7051-1533

²ORCID 0000-0002-5963-4249

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Исследование посвящено ранней документации испанской Инквизиции. Цель работы – выявление специфических черт испанского языка конца XV в. – сер. XVI в., зафиксированного в текстах документов Инквизиции, а также определение доминант национальной ментальности зарождающегося нового испанского общества в период позднего Средневековья. Результаты: Содержание инквизиционных документов позволило определить как позицию Церкви, в лице Инквизиции, по некоторым вопросам поведения в социуме, так и тип мышления простого населения. Доминантой национальной ментальности в указанный период, прежде всего, видится религиозность и сопутствующие духовно-нравственные ценности. Однако местному населению не чужды были и явления, противоположные строгой христианской морали. С лингвистической точки зрения ранние тексты инквизиционной документации уже демонстрируют единство с определенными тенденциями и характерными языковыми формами. Некоторые из них еще неустойчивы, противоречат правилам современного испанского языка, однако все это свидетельствует о живом эволюционном процессе «нашупывания» нормы единого национального языка. Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы при изучении истории Испании и испанского языка, а также национально-культурной специфики испанского общества.

Ключевые слова: испанский язык, староиспанский язык, языковая норма, средневековая Испания, Инквизиция, документация, деловая письменность, доминанты национальной ментальности.

Для цитирования: Безус С.Н. Документы испанской Инквизиции как источник национально-культурного и языкового наследия средневековой Испании / С.Н. Безус, М.А. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 39–50. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15120757>.

Введение. Внушающее страх слово *инквизиция* происходит от вполне нейтрального латинского слова *inquisitio*, что значит ‘расследование’. В средние века в Европе Инквизиция представляла собой судебно-полицейскую организацию, целью которой была борьба с противниками святой католической веры. Непосредственно в Испании, а точнее в Кастилии, Супрема (как иногда называют Инквизицию) появилась лишь в конце XV века. Разнообразие вопросов и проблем, с которыми приходилось сталкиваться этому карательному органу, превратило Святую Инквизицию в «машину по производству документов» [11, с. 495] (перевод с испанского языка на русский здесь и далее выполнен авторами статьи – С.Б., М.С.) По словам Х.К. Галенде Диаса и

С. Кабесас Фонтанилья, «Святая Канцелярия была крупнейшим производителем документации на протяжении всего времени своего существования» [10, с. 140]. А просуществовал этот институт вплоть до 15 июля 1834 г.

Несмотря на огромный массив различного рода инквизиционных документов, большая часть из них остается неисследованной. Тексты доступных на сегодняшний день всевозможных бумаг, свидетельствующих о работе испанской Инквизиции, открывают многочисленные возможности для ученых разных областей, включая историков, социологов, архивариусов, экономистов, этнологов, юристов, лингвистов и др. Тем не менее, отечественные исследования испанской Инквизиции немногочисленны. Особого внимания заслуживает фундаментальный труд С.Г. Лозинского «История Инквизиции в Испании» 1914 г. [4], а также книга русского поэта и переводчика В. Парнаха (1891–1951) «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции» [3], в которую вошли переводы уникальных документов (протоколов допросов, описания аутодафе, обвинительные акты и приговоры) из архивов испанской Инквизиции, обнаруженные автором во Франции в Париже и в других европейских библиотеках. (В последнем издании, к сожалению, не приводятся оригинальные тексты документов, что было бы особенно ценно для лингвистического исследования.)

Современных отечественных работ, основанных на реальных текстах испанской Инквизиции, обнаружить не удалось.

Испанские исследователи, напротив, обращают пристальное внимание на документацию Инквизиции, поэтому трудов в этой области довольно много. Однако большинство из них касается исторического [9; 12] или дипломатического аспекта [11] (т.е. манускрипты анализируются с точки зрения формы, структуры, графики, эволюции реквизитов, традиций оформления и т.п.).

В этой связи, по справедливому замечанию М.М. Раевской, ощущается «необходимость формирования концептуального фундамента исторической культурологии в проекции на историю языка как хранилища коллективной памяти и культурного наследия, который подразумевает создание общей теории и консолидированной базы научно обоснованных и достоверных данных, что становится возможным в ходе систематизированного освещения тем, представляющих непреходящий теоретический и практический интерес» [7, с. 44–45].

Одной из таких тем является Инквизиция и ее документы, которые имеют неоценимое значение не только для реконструкции истории этого органа, государственной и общественной жизни, но также для реконструкции староиспанского языка периода позднего Средневековья.

Таким образом, большой временной разрыв между первыми исследованиями документов Инквизиции и настоящим временем, скучное количество современных работ по данной проблематике, открытие новых документальных источников, появление современных способов обработки языкового материала, необходимость в уточнении, подтверждении и перепроверке полученных ранее данных обуславливает **актуальность** настоящего исследования.

Научная новизна работы заключается в анализе текстов инквизиционной документации под лингвистическим углом. Кроме того, в исследовании предложена интерпретация взаимосвязи между содержанием документов испанской Инквизиции и доминантами национальной ментальности формирующегося испанского общества.

Теоретическая значимость состоит в расширении и углублении знаний о языковой картине мира испанского общества позднего Средневековья, в выявлении связей между языком и культурой, в обосновании возможности использования

документов Инквизиции как ценного источника для изучения истории испанского языка и национальной ментальности, открывающего новые перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Цель данной статьи – выявление специфических черт испанского языка конца XV в. – сер. XVI в., зафиксированного в текстах документов Инквизиции, а также определение доминант (главных идей) национальной ментальности зарождающегося нового испанского общества в период позднего Средневековья. **Предмет исследования** – содержательно-тематические, орфографические, морфо-синтаксические характеристики испанских инквизиционных документов.

Методы и материал исследования. Цель и характер описываемого материала определили выбор методов исследования: *описательный*, дающий возможность передать содержательно-тематические особенности текстов документов Инквизиции и специфические языковые черты на разных уровнях: орфографическом, морфологическом и синтаксическом; методы *интерпретационно-текстового* и *контекстуального анализа*, позволяющие определить морально-нравственные ценности или доминанты национальной ментальности средневекового испанского общества.

Материалом для настоящего исследования послужил, прежде всего, *Compilacion de las instrucciones del oficio de la Santa Inquisicion, hechas por... Fray Tomas de Torquemada... primero Inquisidor General de... Espana* (см. Рисунок 1) – «Сборник инструкций Святой Инквизиции, составленных... братом Томасом Торквемадой... первым великим инквизитором... Испании...» (50 страниц), а также различные документы, приведенные в научных статьях испанских исследователей (около 20 текстов).

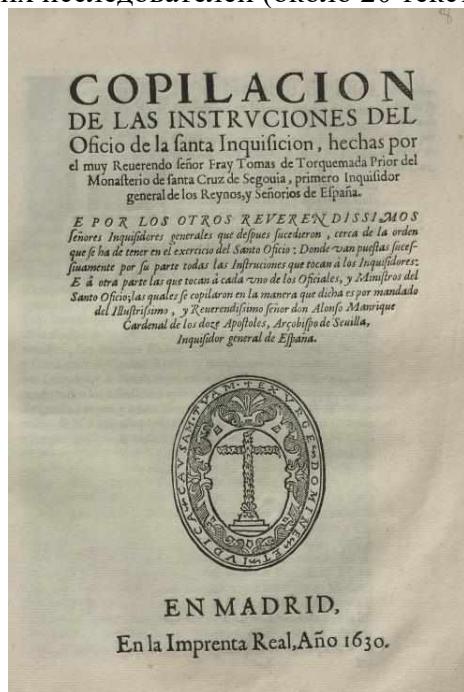

Рисунок 1. Титульный лист «Сборника инструкций Святой Инквизиции» (издание 1630 г.) [13, с. 1].

Исследовательские результаты и их интерпретация.

1. Начало испанской Инквизиции. Территория Пиренейского полуострова, где расположена современная Испания, пережила три волны завоеваний (*conquistas*): римское с 218 г. до н.э., германское с 409 г. н.э. и арабское с 711 г.

Реконкиста (*reconquista*), или обратное отвоёвывание земель у арабов, зародилась на севере полуострова, куда переместилось местное христианское население, не пожелавшее подчиняться маврам.

Арабское государство Андалусия (*Al-Andaluz*) представляло собой вполне толерантное общество, в котором в течение нескольких веков мирно сосуществовали три религии: мусульманская, христианская и иудейская. Более того, «нередки были переходы из одной религии в другую, в основном, по чисто материальным причинам, однако они не влекли за собой репрессивных мер» [12, с. 39].

Широким массам народа в ту эпоху, по словам С.Г. Лозинского, была чужда всякая «фобия». «Испанская масса» в Средние века была столь же мало достойной названия веротерпимой, как и противоположного названия. Политика того времени отражала чувства и интересы не широких классов народа, а лишь привилегированных слоев общества, включая короля и высшее духовенство. Поэтому Инквизиция зародилась не в умах простых граждан, а в лоне католической церкви средневековой Европы.

В Кастилии Инквизиция появилась во время правления католических королей – Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, которые, вступив на престол, впрочем, не сильно спешили с введением этого органа. К супругам-королям обратился папа Сикст IV с указанием учредить Инквизицию, но монаршая чета решила молча обойти папскую буллу.

Однако представители местного влиятельного духовенства убеждали монархов в наличии новообращённых христиан (*марранов*), которые распространяют «ересь иудействующих». В докладной записке, представленной специальной комиссией, было сказано, что «большая часть жителей Севильи охвачена ересью, при чём очень высокопоставленные и влиятельные лица не составляют при этом исключения; ересь заразила ... не только Андалузию, но и Кастилию, и спасти страну от этой язвы можно лишь введением Инквизиции» [4, с. 46]. В этих условиях Изабелла и Фердинанд вынуждены были обратиться к папе Сиксту IV за буллой, которая бы разрешала им ввести в Кастилии Инквизицию.

Такая булла была выпущена 1 ноября 1478 г., что ознаменовало начало «Новой Инквизиции» в Испании, несколько отличавшейся от более суровой средневековой.

17 сентября 1480 г. король и королева назначили двух первых инквизиторов – доминиканцев Хуана де Сан Мартина и Мигеля де Морильо (см. перевод [2, с. 58]). Поначалу сфера деятельности указанных инквизиторов должна была ограничиваться только Севильей и её окрестностями, считавшимися «очагом маранской ереси». Однако уже первый акт инквизиционного трибунала, а именно эдикт от 2 января 1481 г. (см. текст и перевод [2, с. 59–60]), подписанный Мигелем де Морильо и Хуаном де Сан Мартином, расширил полномочия Супремы за пределы города Севильи, которую спешно стали покидать марраны.

Три упомянутых выше документа – буллу, королевское назначение инквизиторов и эдикт инквизиторов – Х.А. Эскудеро назвал «*las requeñas tiñecas rusas*» [9, с. 157] (букв.: ‘маленькими русскими куклами’, т.е. матрёшками), так как каждый последующий документ включал содержание предыдущего: полный текст буллы (папы Сикста IV) цитируется в «назначении инквизиторов», которое, в свою очередь, вместе с текстом буллы слово в слово приводится в «эдикте первых инквизиторов».

2. Типология документов испанской Инквизиции. При всей кажущейся с современной точки зрения беспринципностью деятельности Инквизиции, работа этого органа строго регламентировалась на разных этапах. В службе Инквизиции четко

различались две сферы: институциональная (*institucional*) и процессуальная (*procesal*) [16, с. 48]. Каждая из них обеспечивалась соответствующими документами.

К документам первой сферы относятся *Instrucciones, Cartas acordadas, Provisiones* и *Consultas*.

Инструкции – это высшие постановления/решения Святой Канцелярии, которым должны были подчиняться все вовлеченные в этот орган. В Инструкциях прописывались разнообразные вопросы: состав органа, порядок работы, правила хранения документов, зарплата, наказания самих инквизиторов, взаимодействие с заключенными и т.п.

Разрешительные письма представляли собой своеобразные резолюции/ решения, принятые совместно верховным инквизитором и всеми членами Верховного совета.

Предписания – это различные распоряжения/ постановления/ приказы, составляемые по инициативе Верховного Совета Инквизиции или даже верховного инквизитора. Как правило, они касались частных вопросов: возложение обязанностей, организация комиссий, выдача документов, управление имуществом, вызов в суд и т.п.

Консультации содержали обращения Верховного Совета Священной Канцелярии к монархам с просьбой дать совет или рекомендацию в случае возникновения определенных проблем, когда не было никакой возможности решить их по закону. Полученные ответы служили моделью для действий в других подобных инцидентах, которые могли произойти в будущем.

В процессуальной сфере различались доносы, явки с повинной, материалы дел или протоколы судопроизводства, компургации, отречения и т.п. Существовала особая форма представления компургации (свидетельство защиты, очищение обвиняемого от обвинения клятвой в том, что свидетель считает его невиновным) – *«La forma que fe ha de tener en la compurgacion»* [13, с. 27]. Подобным образом составлена форма отречения: *«La forma de la abjuracion»* [там же].

Содержание инквизиционной документации отражает, с одной стороны, позицию Церкви, представленную Инквизицией, по ключевым вопросам, с другой, менталитет народных масс, который, как можно предположить, охватывал довольно большой слой зарождающегося испанского общества в период позднего Средневековья. Документы Инквизиции проливают свет на некоторые проблемы и главенствующие идеи (доминанты), которые превалировали в обществе, определяли видение мира людей в ту эпоху, и, как следствие, влияли на их поведение и на тип мышления.

3. Некоторые доминанты национальной ментальности испанского общества конца XV– начала XVI в. Конец XV века – это не только время завершения реконкисты и создания Инквизиции, это еще и период начала формирования нового государства, которое сейчас известно, как Испания. Объединять разнородные территории, по словам испанского историка Жана Севиллы, было решено на основе принципа «Одна вера, один закон, один король» [8]. Французский историк и антрополог Кристиан Дюверж, в свою очередь, писал: «Фердинанду и Изабелле был брошен вызов: им предстояло объединить страну, раздробленную противоречивым ходом истории и средневековой политической организацией. Изабелла приняла простое решение: центром единства Испании станет религия» [8]. Поэтому **религиозность** можно считать одной из ведущих доминант национальной ментальности испанского общества конца XV века. В староиспанской деловой письменности (и не только в инквизиционной) эта доминантная идея репрезентируется в такой характеристики, как **теологичность**. Под предлагаемым термином мы понимаем «функционально-семантический признак, который выражается в связи различных компонентов высказывания … с Божественным началом» [1, с. 189]. Теологические компоненты или упоминания о Боге или святых встречаются как в начальном протоколе документов, так и в их завершающей части, в дате, при упоминании

некоторых субъектов и в других реквизитах документа: «*dando a Dios lo que es de Dios y a César lo que es de César*» [16, с. 49] – ‘отдавая Богу – божье, а Кесарю – кесарево’.

Проиллюстрируем эту и другие доминанты ментальности средневекового испанского общества, инкорпорированные в тексты Инквизиции.

Религиозность.

• «*En el Nombre de Dios*» [14, с. 2] (начало документа) – ‘Во имя Господа Бога’ (см. Рисунок 2).

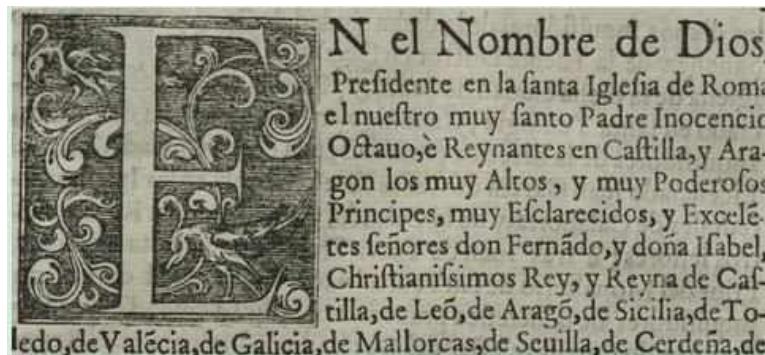

Рисунок 2. Начало инструкции, составленной в Севилье в 1484 г. [13, с. 3]

• «*Dada en la muy noble, y muy leal ciudad de Seuilla a nueve dias del mes de Enero año del Nacimiento de nuestro Salvador Iesu Christo de M.CCCC.LXXXV*» [14, с. 12]. – ‘Составлено в благороднейшем и преданном городе Севилье 9 января в год 1485 от Рождества нашего Спасителя Иисуса Христа’.

Честность (в инструкциях прописывается подобие антикоррупционных мероприятий).

Кроме религиозности/служения Богу в Инструкциях Инквизиции большое значение уделяется **честности** её служителей. Так, например, существовал запрет на родственные связи в одном учреждении:

• «*que en ninguna Inquisición se ponga Inquisidor, ni Oficial que fea pariente, ni criado de Inquisidor, ni de Oficial alguno en la misma Inquisición*» [13, с. 25] – ‘чтобы ни в какой инквизиционный орган не назначался ни инквизитор, ни другой служитель, который бы был **родственником** или **воспитанником** Инквизитора или какого-либо другого служителя в одном и том же учреждении’.

Хранить документы предписывалось в ларце с тремя ключами, которые находились бы у трех разных человек:

• «*OTROSI, q̄ en cada Inquisiciō aya vna arca, ó camara de los libros, registros, y escrituras del Secreto, con tres cerraduras, y tres llaues; y q̄ de las dichas llaues, las dos tengan los dos Notarios del Secreto, y la otra el Fiscal, porque ninguno pueda facar escritura alguna fin que todos esten presentes*» [13, с. 30] – ‘а также, чтобы в каждом Инквизиционном отделении был один ларец или специальная комната для книг, дел/досье и различных секретных бумаг, с **тремя замками и тремя ключами**; и чтобы два ключа находились у двух тайных нотариусов, а третий ключ – у обвинителя, потому что никто не может изъять ни один документ, пока все трое не будут присутствовать’.

Ответственность.

Честность была тесно связана с **ответственным отношением** к выполняемым обязанностям, поэтому ответственность также можно рассматривать, как доминантную идею Церкви: предписывался регламент работы инквизиторов, порядок занятия должностей, жалование, взыскания и т.п. Например:

• «*que los Inquisidores deuen mucho trabajar, y procurer por q estén en concordia, y buena conformidad, por q la honestidad del oficio q tiene así lo require*» [13, с. 16] – ‘… что Инквизиторы **должны много работать** и заботиться о том, чтобы быть в согласии и гармонии, потому что честность занимаемой ими должности этого требует’;

• «*que ... trabajen así en verano como en invierno feis horas quando menos: tres horas antes de comer, y otras tres despues de comer*» [13, с. 26] – ‘… чтобы они так работали **как летом, так и зимой** не менее шести часов: три часа до обеда и остальные три часа после обеда’;

• «*que ningun Inquisidor, ni otro Oficial de la Inquisicion tenga dos oficios, ni lleue dos falarios*» [13, с. 42–43] – ‘… чтобы ни один Инквизитор, ни другой служитель Инквизиции не занимал **две должности** и не получал два жалования’.

Так обязывали действовать Инструкции. Однако на деле служители Инквизиции не всегда следовали данным предписаниям. Например, в письме от 8 мая 1500 г. король Фердинанд выражает недовольство работой своего подданного:

• «*Pedro de Badía, mi receptor de los bienes confiscados por el delicto y crimen de la herejía y apostasía en la ciudad y obispado de Barcelona, yo he seyo informado cómo poneys poca diligencia en vuestro oficio y que lo servís por substituto, lo qual es en daño de mi fisco*» [10, с. 141] – ‘Педро де Бадиа, мой получатель имущества, конфискованного за преступления в ереси и вероотступничестве в городе и епископате Барселоны, мне сообщили, что вы **проявляете мало усердия** в своем деле, … что наносит ущерб моей казне …’.

Помимо деятельности самих инквизиторов, Инструкции регламентировали положение приговоренных: порядок допроса, обвинение, оправдание, содержание и т.п. Например:

• «*que las mugeres tengan fu carcel apartada de los hombres*» [13, с. 26] – ‘чтобы женщины содержались в камерах отдельно от мужчин’.

Подобная норма может говорить о доминанте **культы морали и страха перед греховностью**. Инквизиция видела себя защитником нравственности в обществе, и раздельное содержание мужчин и женщин в тюрьме было одним из способов поддержания этого порядка. Кроме того, по словам Н.И. Нарышкиной, целью разделения заключенных по гендерному признаку в средневековых тюрьмах Европы была не только защита женщин от сексуальных домогательств и насилия, но и предотвращение нежелательной беременности, и как следствие, исключение рождения детей в неволе [6, с. 33].

Что касается простого народа, то его видение мира можно интерпретировать по текстам обвинительных заключений, отречений, обращений и т.п. Так, с одной стороны, известны многочисленные случаи доносов, оговоров, ложных обвинений, признания вины под страхом пыток или после перенесенных истязаний и т.п. С другой стороны, нередки случаи проявления **духа бунтарства, стойкости и мужества**, следования своим принципам и идеалам, несмотря на мучения. Так, например, в 1506 г. заключенные инквизиционной тюрьмы в Хаэне, воодушевленные приездом короля Филиппа I, послали монарху ходатайство с заявлением об издевательствах и пытках, которым они подвергались со стороны инквизиторов. Документ в деталях описывает действия служителей Супремы по отношению к узникам:

• «*que algun preso con los pies todos asados e quemados ..., con los tormentos que le dieron, ... no quiso confesar la mentira de que era acusado...*» [17, с. 10] – ‘один заключенный с обожженными ногами, после примененных к нему пыток, не захотел признать ложь, в которой его обвиняли’.

Суть предъявляемых Инквизицией обвинений документирует действия, которые совершили (или намеревались совершить) обвиняемые, а действия, в свою очередь,

отражают особенности ментальности. Проанализировав эту цепочку, мы можем понять, что волновало население на разных ступенях социальной иерархии. Так, например, более образованных людей (владеющих несколькими языками) обвиняли в «неверной» интерпретации и переводе Священного писания; в высказывании идей, противоречащих Ветхому или Новому Завету; в предположениях, что еврейские или мусульманские служители веры тоже могут быть правыми по каким-либо вопросам [5, гл. XIV]. Более простые люди, которые часто были даже неграмотными, страдали не только за религиозные предпочтения, но и за нарушение морально-нравственных принципов. Так, Х. Льоренте в главе XXIII, п. X пишет об аутодафе в Мурсии 20 мая 1563 г.: «В числе сожженных было шестнадцать человек иудействующих и один магометанин. Среди эпитетийных одиннадцать человек были примирены с Церковью как подозреваемые в лютеранстве, тринадцать как многоженцы, двое произнесли отречение от иудаизма и пятеро – от магометанства; трое были наказаны как богохульники, четверо – за то, что утверждали, что простой блуд дозволен, а один – за защиту того же мнения относительно кровосмесления; другие высказывали разные предположения или еретические, или отзывающиеся ересью» [5]. Кроме того, были процессы в отношении ведьм, колдунов и чернокнижников, к услугам которых часто прибегали обычные люди (гадание на картах, бобах и т.п.), что свидетельствует о чисто анимистическом мировоззрении простого населения.

4. Специфические языковые черты документов испанской Инквизиции.

Документация Новой Инквизиции является также свидетельством функционировавшего в то время староиспанского языка: образовывалось новое государство, формировалось новое общество, происходил процесс становления единого национального языка. К началу появления испанской Инквизиции еще не была написана «Грамматика кастильского языка» Антонио де Небрихи, однако тексты инквизиционной документации демонстрируют единое лингвистическое образование с определенными тенденциями на разных языковых уровнях.

На **орфографическом уровне** демонстрируется неустойчивость (даже в начале XVII в.): (1514 г.) *en los reinos / en todos los reynos, ordenamos / hordenamos, Consejo / Consejo* [16, с. 49]; (1514 г.) *officio* [16, с. 49] / (1517 г.) *Ofizio* [16, с. 50]; (1514 г.) *emos visto* [16, с. 49] / (1517 г.) *havemos acordado* [16, с. 50]; (1567 г.) *se a dado una petición diciendo que ella ha tratado* (в одном предложении глагол *haber* употреблен в двух разных вариантах – *a/ha*); (1603 г.) *cassa bieja* [16, с. 50].

На **морфологическом уровне** имеют место различные явления, нехарактерные для современной нормы испанского языка: в пассивном залоге несогласование в числе вспомогательного глагола и причастия, употребление особых (не употребляемых в настоящее время) форм глаголов и т.д.

- *Несогласование в числе* (редко, возможно, речь идет о невнимательности писца):

- (1513 г.) «*Hauemos sido informado*» [10, с. 143] – ‘мы были проинформированы’;
- (1521 г.) «*somos informado*» [16, с. 54] – ‘мы проинформированы / нас проинформировали’ (встречается дважды в одном и том же документе).

Однако в письме 1514 г. причастие от глагола *informar* согласовано в числе со вспомогательным глаголом: «*Sepades que somos informados*» [10, с. 143; 15, с. 24] – ‘Да будет Вам известно, что мы были проинформированы’.

Ср. также причастия от других глаголов: (1514 г.) «*los oficiales que son salariados y assi mesmo los oficiales que no son salariados*» [16, с. 49] – ‘служители, получающие жалование, и служители, не получающие жалование’; «*fuymos y somos certificados*» [там же] – ‘мы были и есть уполномочены’.

- Употребление *особых форм глагола* в простом прошедшем времени с местоимением **vos** (при обращении к лицу в ед. ч.):

- «*Vos, fulano, fuistes acusado de tal, y de tal delito*» [13, с. 27] – ‘Вы, такой-то, были обвинены в таком-то преступлении’;
- «*si cometistes, o fezistes, o creistes estas cofas*» [там же] – ‘совершили ли Вы или сделали или верили в эти вещи’.

Ср. формы 2 л. ед. ч. *Pretérito perfecto simple* в современном испанском языке: *fuiste, cometiste, hiciste, creiste*.

В то же время в настоящем времени (при обращении как к лицу в ед. ч., так и к лицам во мн. ч.) формы глагола соответствуют современной форме *vosotros* (т.е. 2 л. мн. ч.). Ср.:

- «*los delitos ... de los cuales eftais vehementer fofpechofo*» [13, с. 27] – ‘преступления, в которых Вы подозреваетесь’ (обращение к одному лицу);
- (1500 г.) «*yo he seydo informado cómo poneys poca diligencia en vuestro officio*» [10, с. 141] – ‘мне сообщили, что Вы не проявляете должного усердия в своей работе’ (обращение к одному лицу);
- (1520 г.) «*Benerables Ynq^{is} ... debéis tambien proveer*» [15, с. 25] – ‘Преподобные Инквизиторы ... Вы также должны обеспечить ...’ (обращение к нескольким лицам).

Ср. формы 2 л. мн. ч. *Presente de indicativo* в современном испанском языке: *estáis, ponéis, debéis*.

На **синтаксическом уровне** тексты ранней инквизиционной документации также демонстрируют некоторые явления, противоречащие современной норме испанского языка: наличие двойного отрицания, ненормативное расположение в предложении и/или словосочетании некоторых категорий слов, употребление соединительных союзов (*y* вместо *e, e* вместо *y*), опущение союзных слов (*que*) и др.

- **Двойное отрицание:**

- «*ningun Inquisidor, ni otro Oficial entre folo en la carcel de la Inquificion a fablar con ninguno de los prefos, ...*» [13, с. 42] – ‘[чтобы] **ни один** Инквизитор, **ни другой** служитель [не] входил один в камеру, чтобы поговорить с каким-нибудь (букв.: с **никаким**) из заключенных’. (*con alguno de los presos*);
- (1514 г.) «*Y porque ninguno no pretender ignorancia*» [16, с. 50] – ‘**никто не** должен [впадать в заблуждение] заблуждаться’.

В то же время более частотны примеры без отрицания *no* перед глаголом. Ср.:

- «*mandamos... que ningún official se pueda absentar de su officio sin licencia vuestra*» [16, р. 54] – ‘мы приказываем ..., чтобы **ни один** служитель [не] мог отсутствовать на своей службе без Вашего дозволения’;
- (1520 г.) «*que ningún Inquisidor se los pueda quitar ni quite sin nuestra Licencia*» [15, р. 25] – ‘чтобы **ни один** Инквизитор [не] мог с них их [санбенитос] снять без нашего дозволения’.

- **Порядок слов** (например, позиция возвратного местоимения, позиция наречия):

- «*prometo de nunca me juntar con ellos*» [13, с. 29] – ‘обещаю никогда не присоединяться к ним’ (в совр. исп.: *juntarme*);
- «*q los Inquisidores deuen mucho trabajar...*» [13, с. 16] – ‘что Инквизиторы должны много работать’ (в совр. исп.: *deben trabajar mucho*).

- Соединительный союз *y* перед словом, начинающимся на гласную *i*:

- «*y ir*» [13, с. 33] – ‘и идти’ (в совр. исп.: *e ir*).

• Отсутствие подчинительного союза *que* в придаточных дополнительных предложениях после глаголов волеизъявления (*pedir, mandar* и т.п.):

- (1567 г.) «*nos ha pedido [que] le mandásemos dar nuestra carta de diligencias contra el dicho receptor*» [16, с. 54] – ‘она нас попросила, [чтобы] мы ей вручили письмо-протокол против указанного судебного исполнителя’;
- (1567 г.) «*vos encargamos y mandamus [que] nos embieis el proceso del dicho pleito*» [там же] – ‘мы вам приказываем [чтобы вы прислали] прислать нам документы по указанному делу’.

Следует заметить, однако, что наличие союза *que* в подобных случаях – более частотная тенденция. Ср.:

- (1521 г.) «*mandamus que todos los officiales sirvan sus officios personalmente*» [там же] – ‘мы приказываем, чтобы все служители исполняли свои обязанности лично’.
- Введение даты предлогом *a*, употребление союза *y/e* между словом «тысяча» и сотнями, между сотнями и десятками:
 - «*Dada en la ciudad de Cordoua a veinte y vn dias del mes de Março, año del Nacimiento de nuestro Saluador Iefu Chrifto de mil y quatrocientos y ochenta y fiete años*» [13, с. 52] – ‘Составлено в Кордобе 21 марта в год от Рождества нашего Спасителя Иисуса Христа 1487’;
 - «*Despacháronse en la villa de Valladolid a XXVIII días del mes de agosto año de mil quinientos y quatorze*» [16, с. 49] – ‘Отправили в Вальядолиде 28 августа 1514 г.’;
 - «*Dada en la villa de Tordesillas a XVI días del mes de abril del año del nascimiento de nuestro Señor de mil y quinientos y veinte y uno*» [16, с. 54] – ‘Составлено в Тордесильяс 16 апреля в год от рождения нашего Господа 1521’;
 - «*Dada en Madrid a veinte y ocho días del mes de noviembre de mil e quinientos y sesenta y siete años*» [там же] – ‘Составлено в Мадриде 28 ноября 1567 г.’.

В то же время фиксируются случаи введения даты и без предлога:

- «*En el Monasterio de fanto Tomas de Auila, veinte y cinco días de Mayo de nouenta y ocho, los dichos feñores, juntamente con el feñor Prior de fanta Cruz, publicaron eftas Inſtrucciones*» [13, с. 30] – ‘В Монастыре св. Томаса де Авила, 25 мая 1498 г., названные сеньоры, вместе с господином настоятелем (приором) св. Креста опубликовали эти Инструкции’.

Выходы. В конце XV – середине XVI в. на территории Пиренейского полуострова образовывалось новое централизованное государство, формировалось новое общество, происходило становление единого национального языка, что нашло свое отражение в различного рода деловой письменности, в т.ч. в документации Инквизиции. Содержание инквизиционных документов, предписывающих определенные правила поведения в социуме, а также суть обвинений, предъявляемых Супремой тем, кто попал в поле ее зрения, можно интерпретировать как отражение фрагментов испанской национальной картины мира и национальной ментальности периода позднего Средневековья, доминантой которой, прежде всего, видится религиозность и ее высшие духовно-нравственные ценности. Однако не чужды были местному населению и явления, противоположные строгой христианской морали, такие как анимизм, богохульство, греховное поведение и т.п.

К началу появления испанской Инквизиции еще не была написана кодифицирующая «Грамматика кастильского языка» А. де Небрихи, однако тексты инквизиционной документации конца XV века уже демонстрируют лингвистическое единство с определенными тенденциями и характерными языковыми формами. Некоторые из них еще неустойчивы (вариативны), противоречат правилам современного

испанского языка, однако все это свидетельствует о живом эволюционном процессе «нащупывания» нормы единого национального языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безус С.Н. Деловое письмо в средневековой Испании: историческая прагмалингвистика текста / С.Н. Безус. – М. : АВАНГЛИОН-ПРИНТ, 2013. – 279 с.
2. Безус С.Н. Первые документы испанской Инквизиции / С.Н. Безус // Вестник экспертного совета. – 2017. – № 4 (11). – С. 54–60.
3. Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции / пер. с исп. и португ., сост. и комм. В. Парнаха. – СПб. : Гиперион. 2012. – 224 с.
4. Лозинский С.Г. История инквизиции в Испании / С.Г. Лозинский. – С.-Петербург : Издание Брокгауз-Ефронъ, 1914. – 507 с.
5. Льоренте Х. Критическая история испанской Инквизиции / Х. Льоренте. – М. : Соцэкиз, 1936. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/history/16/liorentelior_10.html (дата обращения: 02.02.2025).
6. Нарышкина Н.И. Раздельное содержание заключенных в тюрьмах России и Европы: исторический аспект / Н.И. Нарышкина // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 12. – С. 32–36.
7. Раевская М.М. Язык ладино в домене мировой интеллектуальной истории / М.М. Раевская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4. – С. 43–59.
8. Рыжов В.А. Изабелла Кастильская, Торквемада и «черная испанская легенда» / В.А. Рыжов // Военное обозрение, 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/238042-izabella-kastilskaja-torkvemada-i-chernaja-ispanskaja-legenda.html> (дата обращения: 25.01.2025).
9. Escudero J.A. Los reyes católicos y el establecimiento de la Inquisición / J.A. Escudero // ICADE. Revista De La Facultad De Derecho. – 2004. – Num. 63. – Pp. 153–179.
10. Galende Díaz J.C. Historia y documentación del Santo Oficio Español: el período fundacional / J.C. Galende Díaz, S. Cabezas Fontanilla // III Jornadas Científicas sobre Documentación en Época de los Reyes Católicos, 2004. – Pp. 119–145.
11. Galende Díaz J.C. El proceso inquisitorial a través de su documentación. Estudio diplomático / J.C. Galende Díaz // Espacio, Tiempo y Forma, Serie IV, H. Moderna. – 2001. – t. 14. – Pp. 491–517.
12. Figueroa Aroca J.V. Historia de la Inquisición y la Reforma en España / J.V. Figueroa Aroca. – 1977. – 156 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Copilación de las Instrucciones del Oficio de la Santa Inquisición / hechas por... Tomás de Torquemada. Madrid, 1630. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uvadoc.uva.es/handle/10324/23390> (дата обращения: 02.02.2025).
14. Compilacion de las Instrucciones del Oficio de la Santa Inquisicion. – Madrid, 1667. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/BRes14068130Despacho> (дата обращения: 25.01.2025).
15. Fernández-Turégano C.P. Cartas acordadas de la Inquisición española / C.P. Fernández-Turégano // Revista de la Inquisición. Intolerancia y Derechos Humanos. – 2017. – Volumen 21. – Pp. 13–33.
16. Galende Díaz J.C. Diplomática inquisitorial: documentación institucional y procesal / J.C. Galende Díaz // Archivo secreto: revista cultural de Toledo. – 2002. – № 1. – Pp. 47–61.
17. Sánchez Tostado L.M. Las cárceles de la Inquisición en el reino de Jaén / L.M. Sánchez Tostado // Historia de las prisiones en la provincial de Jaén. Capítulo IV. – España: Editorial "Jabalcuz", 1997. – Pp. 1–12.

REFERENCES

1. Bezus S.N. (2013). Delovoe pis'mo v srednevekovoj Ispanii: istoricheskaja pragmalingvistika teksta [Formal Letter in Medieval Spain: Historical Pragmalinguistics of the Text]. Moscow: AVANGLION-PRINT (In Russian).
2. Bezus S.N. (2017). Pervye dokumenty ispanskoj Inkvizicii [The first documents of the Spanish Inquisition]. Vestnik ekspertnogo soveta, 4 (11), 54–60 (In Russian).
3. Parnah V. (translate) (2012) Ispanskie i portugal'skie poety, zhertvy inkvizicii [Spanish and Portuguese poets, victims of the Inquisition]. Saint Petersburg: Giperion (In Russian).
4. Lozinskij S.G. (1914). Iстория inkvizicii v Ispanii [History of the Inquisition in Spain]. Saint Petersburg: Izdatie Brokgauz-Efron (In Russian).
5. L'orente H. (1936). Kriticheskaya istoriya ispanskoj Inkvizicii [A Critical History of the Spanish Inquisition] (In Russian).

6. Naryshkina N.I. (2017). Razdel'noe soderzhanie zaklyuchennyh v tyur'mah Rossii i Evropy: istoricheskij aspekt [Separation of prisoners in Russian and European prisons: a historical aspect]. Vedomosti ugovolnov-ispolnitel'noj sistemy, 12, 32–36 (In Russian).
7. Raevskaya M.M. (2022). Yazyk ladino v domene mirovoj intellektual'noj istorii [Ladino language in the domain of world intellectual history]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, 4, 43–59 (In Russian).
8. Ryzhov V.A. (2024). Izabella Kastil'skaya, Torkvemada i «chernaya ispanskaya legenda» [Isabella of Castile, Torquemada and the "Black Spanish Legend"]. Voennoe obozrenie (In Russian).
9. Escudero J.A. (2004). Los reyes católicos y el establecimiento de la Inquisición [The Catholic Monarchs and the Establishment of the Inquisition]. ICADE. Revista De La Facultad De Derecho, 63, 153–179 (In Spanish).
10. Galende Díaz J.C., & Cabezas Fontanilla S. (2004). Historia y documentación del Santo Oficio Español: el período fundacional [History and documentation of the Spanish Holy Office: the founding period]. In: III Jornadas Científicas sobre Documentación en Época de los Reyes Católicos, 119–145 (In Spanish).
11. Galende Díaz J.C. (2001). El proceso inquisitorial a través de su documentación. Estudio diplomático [The Inquisition process through its documentation. Diplomatic study]. Espacio, Tiempo y Forma, Serie IV, H. Moderna, 14, 491–517 (In Spanish).
12. Figueroa Aroca J.V. (1977). Historia de la Inquisición y la Reforma en España [History of the Inquisition and the Reformation in Spain] (In Spanish).

Поступила в редакцию 17.02.2025г.

DOCUMENTS OF SPANISH INQUISITION AS SOURCE OF NATIONAL-CULTURAL AND LINGUISTIC HERITAGE OF MEDIEVAL SPAIN

S.N. Bezus, M.A. Smirnova

The present addresses the early documentation of the Spanish Inquisition. The research objective is to identify specific features of the Spanish language at the end of the XVth – in the middle of the XVIth centuries, used in the documents of the Inquisition, as well as to determine the dominants of the national mentality of the emerging new Spanish society in the late Middle Ages. The content of the inquisition documents made it possible to determine both the position of the Church, represented by the Inquisition, on certain issues of behavior in the society and the type of thinking of the common people. The dominant national mentality at that period is, first of all, religiosity and the related spiritual and moral values. However, some phenomena, which are opposite to the strict Christian morality, were not alien for the local people. From the linguistic point of view the early texts of the Inquisition documentation already demonstrate a unity of certain tendencies and characteristic linguistic forms. Some of them are still unstable. They contradict the rules of the modern Spanish language, but all this testifies to the living evolutionary process of "finding" the norm of the single national language. The results of the study can be used in studying the history of Spain and the Spanish language, as well as the national and cultural specifics of the Spanish society.

Keywords: the Spanish language, the Old Spanish language, language norm, medieval Spain, Inquisition, documentation, formal writing, dominants of national mentality.

Безус Светлана Николаевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Российский новый университет, г. Москва,
Российская Федерация.
Доцент кафедры теории и практики перевода.

ORCID 0000-0001-7051-1533.

E-mail: luzazul@list.ru.

Смирнова Мария Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.
Заведующая кафедрой романских языков.
ORCID 0000-0002-5963-4249.
E-mail: ms@romancedpt.ru.

Bezus Svetlana Nickolaevna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Russian New University, Moscow, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Theory and Practice of Translation.
ORCID 0000-0001-7051-1533.

E-mail: luzazul@list.ru.

Smirnova Maria Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russian Federation.
The Head of the Department of Romance Languages.
ORCID 0000-0002-5963-4249.
E-mail: ms@romancedpt.ru.

Научная статья

УДК 8.81

DOI: 10.5281/zenodo.15120666

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ОКСИТАНСКОГО ЯЗЫКА В ИТАЛИИ И ИСПАНИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2025 Г.В. Бестолкова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID 0009-0009-2438-8461

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье подвергнут детальному анализу процесс развития окситанского языка на территории Италии и Испании. Проведенное исследование показало, что процесс развития окситанского языка на территории данных стран включает три периода: период рассвета (X–XV вв.), период упадка (XVI – XVIII вв.), период возрождения (XIX в. – по наст. время). В целом, развитие окситанского языка на территории Италии и Испании происходило практически с одинаковой скоростью и по схожим причинам. Исследование также позволило проследить как менялась диглоссийная ситуация в Испании и Италии с X века по настоящее время: окситанский + другие региональные языки Испании / Италии vs латинский язык (X–XV вв.) => окситанский + другие региональные языки Испании / Италии vs литературный язык на основе кастильского / тосканского языка (XVI в. – наст. время). Материал, содержащийся в статье, позволяет заполнить лакуну, возникшую в описании окситанского языка из-за отсутствия точных структурированных данных о процессе его развития.

Ключевые слова: окситанский язык, трубадуры, куртуазность, Италия, Испания, периодизация процесса развития, литературное движение, диглоссийная ситуация.

Для цитирования: Бестолкова Г.В. Процесс развития окситанского языка в Италии и Испании: сопоставительный аспект / Г.В. Бестолкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 51–61. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15120666>.

Введение. Окситанский язык — романский язык, ареал распространения которого включает ряд регионов Франции, Италии, Испании и Монако. В данной статье мы рассмотрим периоды процесса развития окситанского языка на территории Италии и Испании.

Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами.

- Окситанский язык — исторически значимый язык, сформировавший культурную самобытность различных регионов Италии и Испании, следовательно, его изучение помогает сохранять и популяризировать это уникальное языковое наследие, предотвращая утрату важной части местной культуры.

- Исследование окситанского языка в Италии и Испании может пролить свет на языковые изменения, диалектные вариации и явления языковых контактов, которые формировали языковой ландшафт региона на протяжении всей истории, а также понять динамику языковых контактов и процесса смены языка.

- Изучение окситанского языка дает возможность исследовать социолингвистические явления, такие как модели использования языка и языковая идеология. Понимание того, как люди воспринимают окситанский язык и используют

его в процессе коммуникации может дать ценную информацию о социальной, культурной и политической динамике в регионах, где на нем говорят.

В целом, исследование окситанского языка в Италии и Испании служит как академическим, так и общественным целям, способствуя его сохранению и популяризации.

Предметом настоящего исследования служит процесс развития окситанского языка на территории Италии и Испании.

Цель данного исследования заключается в периодизации процесса развития окситанского языка.

В соответствии с поставленной целью решается следующая задача: составляется описание периодов процесса развития окситанского языка на территории Италии и Испании.

Основными методами при проведении настоящего исследования стали описание и сравнительно-сопоставительный анализ.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что оно заполняет лакуну, возникшую в описании окситанского языка из-за отсутствия точных структурированных данных о процессе его развития в Италии и Испании.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материал, содержащийся в статье, может послужить основой фундаментальных научных трудов в отечественной науке, а также будет интересен лингвистам, филологам и преподавателям при подготовке к занятиям по истории и диалектологии романских языков.

Процесс развития окситанского языка в Италии и Испании.

Процесс развития окситанского языка на территории Италии и Испании можно разделить на три основных периода:

- период рассвета (X–XV вв.);
- период упадка (XVI–XVIII вв.),
- период возрождения (XIX в. – наст. время).

Рассмотрим каждый из указанных выше периодов более детально.

Период рассвета (X–XV вв.). Средневековый период (X–XV вв.) является периодом рассвета окситанского языка, т.е. периодом его наибольшего развития и распространения, что впоследствии оказало глубокое влияние на формирование литературного и культурного ландшафта Европы.

На протяжении всего Средневековья, вплоть до конца независимости Герцогства Аквитания (Duchy of Aquitaine) в 1453 году, окситанская цивилизация сияла по всей Европе как родина трубадуров.

Слово *трубадур* происходит от окситанского глагола *trobar* ‘находить, сочинять’, т.е. *трубадур* (окс. *trobador*) – сочинитель песен, поэт, музыкант [19, с. 30].

Трубадуры происходили из разных социальных слоев: от дворян, рыцарей до простолюдинов, например, граф Гильен де Пейтеу (Guilhen de Peiteu) [13], крестоносец принц Блейский Джакуфре Рюдель (Prince de Blaye Jauffré Rudel) [27], простолюдин Маркабрю (Marcabru) [23].

Более того, среди трубадуров были и женщины (окс. *trobairitz*) [15], например, Клара д’Андуза (Clara d’Anduza) [14], Беатриц де Диа (Beatritz de Dia) [16], Гарсенда де Сабран (Garsende de Sabran) [8] и др.

Путешествуя по разным регионам Европы, трубадуры исполняли свои поэтические композиции (окс. *cansós*) [19, с. 18] и стали родоначальниками новой формы литературы и искусства, получившей название *куртуазной* (придворной) от окситанского слова *cort* ‘двор’ [19, с. 19].

Как следует из названия, изначально новая форма культуры и литературы была создана для феодальных дворов, однако, само понятие куртуазности не соответствовало придворным обычаям и нравам эпохи, а напротив противостояло им: идеалы куртуазности были своеобразным протестом против не очень поэтичной повседневности. Куртуазные идеалы благородства и верности, самоотверженности и бескорыстия отражали не эгоистичные интересы рыцарства, а более широкие и передовые воззрения эпохи. Практически, куртуазия превратилась в новую религию средневековой Европы со своим божеством (Прекрасной Дамой), своей системой ценностей и своими ритуалами. Однако куртуазная литература и искусство как комплекс моральных и этических норм всегда имел светский, внецерковный характер [3, с. 4–5].

Однако, несмотря на то что в средневековый период окситанский был языком с многочисленными диалектами и региональными вариациями, поэзия трубадуров сыграла решающую роль в развитии стандартизированной формы окситанского языка, известной как «лимузен» (limousin). Именно лимузенский диалект стал литературной нормой и использовался трубадурами из разных регионов.

Поэзия трубадуров вдохновляла поэтов и музыкантов других языковых традиций, включая итальянскую и испанскую, что привело к распространению окситанских литературных форм и стилей в Италии и Испании. В данный период диглоссийную ситуацию на территории этих двух стран можно определить как: окситанский + другие региональные языки Италии / Испании vs латинский язык.

Из-за непосредственной близости между окситаноязычными регионами и **Испанией** влияние поэзии окситанских трубадуров на испанскую литературу было значительным и подтверждается поэтическими сборниками, созданными в данный исторический период времени. К примеру, поэтическое собрание лирики каталанских поэтов XIV века, известное под названиями «Кармина Риулпулленса» (лат. *Carmina Riulpullensa*) или «Сборник песен Риполла» (исп. *Cancionero de Ripoll*) [9]. Следует отметить, что данный поэтический сборник содержит не только лирику каталанских поэтов (Дальмау де Кастельноу (*Dalmau de Castelnou*), Капелья де Болкера (*Capellà de Bolquera*) и др.), но и тексты песен окситанских трубадуров (Даниэль Арнаут (*Daniel Arnaut*), Гильем де Кабестань (*Guillem de Cabestan*) и др.).

Наглядным примером высокой степени окситанского влияния на формирование испанской поэтической традиции служат также следующие сборники текстов песен галисийских трубадуров: Сборник песен Ажуда (*Cancionero da Ajuda* (XIII в.)) [18], Сборник песен библиотеки Ватикана (*Cancionero da Vaticana* (XII в.)) [11] и Сборник песен Колосси-Бранкути / Сборник песен Национальной библиотеки (*Cancionero Colocci-Brancuti / Cancionero de Biblioteca Nacional* (XII в.)) [10].

В **Италии** куртуазная форма литературы и искусства появилась в XIII веке, что привело к возникновению поэтической традиции под названием «сладостный новый стиль» (*dolce stil nuovo*), представителями которой стали такие поэты, как Гвиттоне д'Ареццо (*Guittone d'Arezzo*), Гвидо Кавальканти (*Guido Cavalcanti*), Данте Алигьери (*Dante Alighieri*), Франческо Петрарка (*Francesco Petrarca*), Пьетро делла Винья (*Pietro della Vigna*), Чекко Анджольери (*Cesco Angiolieri*) и Чино да Пистойя (*Cino da Pistoia*). Эти поэты вслед за окситанскими трубадурами сочиняли любовные песни, в которых восхищение своей прекрасной дамой приобретает религиозный подтекст и где главную роль играют благородство сердца (*cor gentil*) и преклонение перед богоподобной дамой (*donna*).

Таким образом, окситанский язык посредством литературы и искусства трубадуров сыграл решающую роль в формировании ранней испанской и итальянской литературы: обмен идеями и культурное взаимодействие между окситаноязычными трубадурами и испаноязычными / италоязычными общинами привели к обогащению народной поэзии и литературных традиций.

Влияние окситанской поэзии на итальянскую и испанскую литературу можно увидеть через принятие и адаптацию трубадурских традиций, придворных любовных тем, замысловатых стихотворных форм и поэтических выражений эмоций. Наследие окситанских трубадуров до сих пор чувствуется в богатых литературных традициях Италии и Испании.

Период упадка (XVI–XVIII вв.). Период с XVI века по XVIII век ознаменовал собой сложный этап в истории окситанского языка, поскольку последний столкнулся с подавлением и маргинализацией.

Отправной точкой процесса подавления и маргинализации окситанского языка в Европе стал эдикт Виллер-Котре (Villers-Cotterêts), принятый во Франции в 1539 году [12, с. 52]. Целью данного законодательного акта был запрет на использование всех языков, кроме французского, для написания официальных документов. Несмотря на то, что принятие эдикта должно было гарантировать, что латынь больше не будет выполнять роль государственного языка Франции, его влияние на окситанский и другие региональные языки было значительным, особенно с учетом того, что окситанский язык конкурировал с латынью как один из основных юридических и административных языков во Франции в эпоху Средневековья. Данную политику в отношении окситанского и других региональных языков подхватили монаршие дворы Испании и Италии: были приняты все возможные меры для продвижения своих национальных языков (испанского (кастильского) и итальянского (тосканского)) и подавления региональных языков, таких как окситанский.

В целом XVI век в процессе развития окситанского языка на территории Испании и Италии можно охарактеризовать как период социального обесценивания окситанского языка, т.е. подавления любой возможности функционирования окситанского языка как культурной составляющей общественной жизни, а также маргинализацией окситанской литературы и культуры.

Хотя упадок окситанского языка был очевиден, он не исчез полностью, а трансформировался и адаптировался: начал включать элементы из доминирующих языков, в результате чего возникла гибридная форма, известная как «гасконизированный» окситанский. Данная гибридная форма позволила носителям окситанского языка ориентироваться в изменяющемся языковом ландшафте, сохраняя при этом свою культурную самобытность.

В Италии в период с XVII века по XVIII век происходило укрепление позиций итальянского как единого литературного языка страны, а региональные языки и в том числе окситанский начинают рассматриваться как «диалекты».

Фундаментом для формирования государственного языка Италии стал тосканский язык: благодаря династии Медичи (Medici) регион Тоскана (Toscana) с центром в городе Флоренция (Firenze) превратился в крупнейший центр мировой торговли [5], что позволило не только создать экономическую основу для развития страны в целом, но и способствовало распространению тосканского языка на всей территории страны и в дальнейшем его использованию в качестве государственного языка.

После провозглашения единого итальянского королевства в 1861 году процесс объединения (Il Risorgimento = Унификация) затронул все регионы, которые на

протяжении долгой истории были разобщены и говорили на разных языках: на момент объединения только 2,5% населения итальянского полуострова говорили на диалектах, близких к архаичному варианту тосканского, остальные использовали различные региональные языки и диалекты [6].

Таким образом, полностью вытеснить региональные языки из всех сфер коммуникационной деятельности и заменить их единым государственным языком не удалось, они используются в сфере повседневного общения вплоть до настоящего времени. Так, в современной Италии наряду с итальянским (тосканским) языком используются и другие языки: окситанский, французский, франко-провансальский, сардинский, каталанский, албанский, хорватский, греческий, фриульский, ладинский, немецкий и словенский. Более того, немецкий язык имеет равные права с итальянским в провинции Больцано (Bolzano), а французский выступает на равных с итальянским в регионе Валле д’Аоста (Valle d’Aosta) [2, с. 31].

Аналогичные процессы происходили и в Испании: после Реконкисты (Reconquista (VIII–XV вв.)) властями страны были предприняты все необходимые меры для распространения единственного государственного языка, основой для которого стал кастильский язык, что было обусловлено ключевой ролью Кастилии в Реконкисте.

Следует отметить, в XV веке территория пиренейского полуострова представляла собой конгломерат, состоящий из пяти королевств: Арагона (Reino d’Aragón), Гранады (Reino de Granada), Португалии (Reino de Portugal), Наварры (Reino de Navarra) и Кастилии (Reino de Castilla). Наибольшее влияние из них имели королевства Арагона (Reino d’Aragón) и Кастилии (Reino de Castilla). Благодаря союзу этих государств, произошедшему в результате заключения брака между их правителями Фердинандом Арагонским (Ferrando d’Aragón) и Изабеллой Кастильской (Isabel de Castilla), еще до полного завершения Реконкисты (Reconquista) возникло единое пиренейское (испанское) королевство. Однако несмотря на объединение, оба королевства сохраняли свою автономию и национальные языки [1]. Такая разобщенность влекла за собой уязвимость страны перед внешними агрессорами, следовательно, объединенному королевству нужен был единый язык, обслуживающий все сферы коммуникации и объединяющий подданных, а также способствующий устойчивому развитию и процветанию.

В силу ряда историко-политических причин арагонский язык начал постепенно выходить из употребления, а кастильский приобрел статус государственного языка объединенного королевства.

Период со второй половины XVI века до первой половины XVII века получил название «Золотого века» Испании, поскольку именно этот период, несмотря на нестабильность политической жизни испанского государства, ознаменован расцветом литературы, культуры и живописи. Расцвет испанского языка и литературы в этот период связан с двумя именами Мигель де Сервантес (Miguel de Cervantes (1547–1616)) и Лопе де Вега (Lope de Vega (1562–1635)).

Впоследствии доминирование кастильского языка выражалось в запрещении или игнорировании других романских и нероманских языков [4].

Итак, главной причиной упадка окситанского языка в Италии и Испании стала политическая централизация обеих стран, которая способствовала продвижению и распространению официальных языков: испанского (кастильского) в Испании и итальянского (тосканского) в Италии. Рост национализма и стремление сформировать единую национальную идентичность привели к маргинализации региональных языков, в том числе и окситанского языка.

На данном этапе развития окситанского языка диглоссийную ситуацию в исследуемом регионе можно описать так: окситанский + другие региональные языки Испании / Италии vs литературный язык на основе кастильского / тосканского языка.

Период возрождения (XIX в. – наст. время). В XIX веке возобновляется интерес к окситанскому языку: интеллектуалы, ученые и писатели становятся сторонниками окситанского языка, стремясь восстановить и популяризировать его литературное наследие. В этот период были опубликованы произведения на окситанском языке и созданы литературные общества (например, Фелибриж (*Félibrige*¹)), целью которых было стандартизировать окситанский язык и способствовать его возрождению.

Окситанское литературное движение набрало обороты в начале XX века, его лидерами были такие выдающиеся авторы, как лауреат Нобелевской премии Фредерик Мистраль (*Frédéric Mistral* (1830–1914)). Произведения Ф. Мистраля, в том числе его эпическая поэма «Мирей» (*Mirèio*), сыграли решающую роль в популяризации окситанского языка и литературы. Среди других известных писателей и поэтов, занимавшихся продвижением окситанского языка и литературы, можно назвать Антонена Пербоска (*Antonin Perbosc* (1861–1944)), Роберта Лафона (*Robert Lafont* (1923–2009)) и Макса Рукета (*Max Roqueta* (1908–2005)).

Однако самой трудной проблемой, мешающей устойчивому развитию окситанского языка, является отсутствие единого языкового стандарта. Решение данной проблемы облегчило бы общение на окситанском языке и позволило бы расширить круг читателей окситанской литературы, а также объединить окситаноязычные регионы.

Начало современному процессу стандартизации окситанского языка положили публикации французского лингвиста Луи Алибера (*Louis Alibert* (1884–1959)):

1) «Окситанская Грамматика: Лангедокский Диалект» (*Gramatica Occitana segon los Parlars Lengadocians* (1935)) [22];

2) «Франко-Окситанский Словарь: Лангедокский Диалект» (*Dictionnaire Occitan-Français selon les Parlers Languedocien* (1966)) [21]. Следует отметить, что словарь был издан после смерти автора.

Разработкой единого стандарта окситанского языка также занимались Пьер Бек (*Pèire Bèc* (1921–2014)), Роберт Лафон (*Robèrt Lafont* (1923–2009)), Патрик Созе (*Patrick Sauzet* (род. 1953)) и Жозиана Убо (*Josiana Ubaud* (род. 1947)).

Среди публикаций, вносящих значительный вклад в разработку единого стандарта окситанского языка, следует упомянуть: словарь (в трех частях) Жозианы Убо (*Diccionari Ortografic, Gramatical e Morfològic de l'Occitan* (2022)) [36] и пособие по спряжению окситанского глагола Патрика Созе (*Conjugaison Occitane* (2016)) [35].

Сейчас разработка единого стандарта окситанского языка продолжается – формируется «окситанский ларг» (*occitan larg* ‘широкий окситанский’) [17], соединяющий в себе основные черты окситанских диалектов и говоров.

Наряду с литературным возникло культурное движение: появились ассоциации, занимающиеся сохранением и популяризацией окситанской культуры, музыки, танцев и традиций посредством проведения фестивалей, музыкальных мероприятий и театральных представлений. Например, ежегодный окситанский фестиваль «FESTIJO'C: culture, jeux, sport, balèti, concert, atelier, animation jeunesse, théâtre» [26], как следует из его названия, сочетает в себе и культурные мероприятия, и театральные представления, и даже спортивные игры. Эти фестивали не только возродили окситанские традиции, но и способствовали возрождению и

¹ www.felibrige.org

популяризации окситанского языка. Наглядной иллюстрацией данного факта служит то, что даже за пределами окситанского региона в нашей стране проходят аналогичные мероприятия, например, в Библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино (Москва) в 2021 году прошла лекция-концерт с говорящим названием «Окситания: как музыка и танцы вернули забытый язык» [20].

Благодаря деятельности окситанских ассоциаций в итальянском регионе Пьемонт (Piemonte) расположена окситанская ассоциация «Espaci Occitan» [25], а в испанском автономном сообществе Валенсия (Valencia) находится окситанская ассоциация «Ос València» [31]), в Испании и Италии государственная языковая политика по отношению к окситанскому языку изменилась с деструктивной на конструктивную.

Одним из значимых результатов в борьбе за возрождение окситанского языка в данный период стало его признание частью культурного и языкового наследия некоторых регионов Италии и Испании.

В Испании получил распространение восточно-пиренейский говор гасконского диалекта окситанского языка – аранский (aranese). Ареал, которого расположен в долине Валь-д’Аран (Valle de Arán) автономной области Испании – Каталонии (Catalunya). В соответствии с законом 35/2010 (LLEI 35/2010), данный говор был признан самостоятельным языком и получил официальный статус в Каталонии (целью закона является защита в Каталонии окситанского языка, известного как аранский, как языка, принадлежащего этой территории, его продвижение и распространение во всех областях и секторах, а также регулирование его официального использования. (L’objecte d’aquesta llei és la protecció a Catalunya de l’occità, denominat aranès a l’Aran, com a llengua pròpia d’aquest territori, en tots els àmbits i sectors, el foment, la difusió i el coneixement d’aquesta llengua i la regulació del seu ús oficial) [30]. В настоящее время практически 90% жителей долины Валь-д’Аран (Valle de Arán) понимают его и около 65% используют в повседневной коммуникации [7].

В Италии виваро-альпийский (vivaro-alpine) диалект окситанского языка приобрел статус «языка, находящегося под защитой государства» (Конституция Итальянской Республики (Costituzione della Repubblica Italiana), Статья 6 (Articolo 6): «Во исполнение статьи 6 Конституции и в соответствии с общими принципами, установленными европейскими и международными организациями, Республика защищает язык и культуру албанского, каталонского, германского, греческого, словенского и хорватского населения, а также тех, кто говорит на французском, франко-провансальском, фриульском, ладинском, окситанском и сардинском языках» (In attuazione dell’articolo 6 della Costituzione e in armonia con i principi generali stabiliti dagli organismi europei e internazionali, la Repubblica tutela la lingua e la cultura delle popolazioni albanesi, catalane, germaniche, greche, slovene e croate e di quelle parlanti il francese, il franco-provenzale, il friulano, il ladino, l’occitano e il sardo.) [29] и ареал его распространения включает область Пьемонт (Piemonte) на северо-западе страны, а также административную область Лигурия (Liguria) на северном побережье Лигурийского моря (mar Ligure).

В данном периоде развития окситанского языка на территории Испании и Италии диглоссийную ситуацию можно, как и в предыдущем периоде, описать как: окситанский и другие региональные языки Испании / Италии vs литературный язык на основе кастильского / тосканского языка.

Следует отметить, что большой вклад в распространение и популяризацию окситанского языка в Италии и Испании вносят интернет-ресурсы: различные веб-сайты, форумы и онлайн-платформы предоставляют информацию, материалы и учебные

ресурсы для тех, кто интересуется окситанским языком и культурой. Например, Chambra d’Oc [24]; Occitan: the Origins, the History [32]; Learn more about Occitan [28] и т.д.

Окситанский язык также широко представлен в средствах массовой информации, что способствует его популяризации. К примеру, радио «Окситания» (Radio “Occitania” [33]), радиоподкаст в окситанских шоу (*Radio Podcast en Occitan Shows* [34]), телеканал с акцентом “*Vià Occitanie: la Chaîne avec un Accent*” [37]) и т.п.

Заключение. Проведенное исследование позволило выделить три периода в процессе развития окситанского языка на территории Италии и Испании:

- период рассвета (X–XV вв.),
- период упадка (XVI–XVIII вв.),
- период возрождения (XIX в. – н.в.).

Следует отметить, что развитие окситанского языка на территории данных стран происходило практически с одинаковой скоростью и по схожим причинам.

Проведенное исследование также позволило проследить как менялась диглоссийная ситуация в Испании и Италии с X века по настоящее время:

- X–XV вв. => окситанский + другие региональные языки Испании / Италии **vs** латинский язык;
- XVI в. – н.в. => окситанский + другие региональные языки Испании / Италии **vs** литературный язык на основе кастильского / тосканского языка.

Таким образом, несмотря на появление в Италии и Испании доминирующих государственных языков (испанского (кастильского) и итальянского (тосканского)) и деструктивную языковую политику данных стран по отношению к региональным языкам и в том числе к окситанскому языку, диглоссийная ситуация, сформировавшаяся в XVI–XVIII вв., сохранилась до настоящего времени: окситанский язык не исчез, а его диалекты признаны частью культурного и языкового наследия Италии и Испании.

Отметим также, что и в Италии, и в Испании предпринимаются усилия по популяризации окситанского языка: культурные ассоциации, образовательные учреждения и исследователи-лингвисты работают над проблемой интеграции окситанского языка в современную коммуникацию. Однако общая ситуация с окситанским языком в обеих странах является сложной: по-прежнему признается необходимость защиты и продвижения этого исчезающего языка, чтобы будущие поколения могли его изучать и использовать в повседневной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведюшкин В.А. История Испании. С древнейших времен до конца XVII века / В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова. – М. : Индрик, 2012. – Том 1 – 696 с.
2. Гаврилова Ю.В. Краткий обзор диалектальной ситуации в Италии / Ю.В. Гаврилова // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. – №3. – С. 25–32.
3. Михайлова Л.Д. Любовная лирика средневекового Запада / Л.Д. Михайлова // Прекрасная дама. Из средневековой лирики. – М. : Московский рабочий, 1984. – С. 3–14.
4. Писанова Т.В. Кастильский язык и региональные языки Испании: особенности билингвизма и гибридизации / Т.В. Писанова // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2018. – №1. – С. 109–133.
5. Сказкин С.Д. История Италии в 3-х томах / С.Д. Сказкин, К.Ф. Мизиано, В.И. Рутенбург; АН СССР, Институт всеобщей истории – М. : Наука, 1970.
6. Andriguetti T.L. Setting a New Standard: a Sociolinguistic Analysis of the Regional Italian of Sicily in Andrea Camilleri’s Commissario Montalbano Mystery Series / T.L. Andriguetti // The University of Texas at Austin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://repositories.lib.utexas.edu/server/api/core/bitstreams/ef0fd1c3-87d3-4b5f-a187-d9ebe72332a0/content> (дата обращения: 11.07.2024)

7. Aranese, the Language of the Aran Valley // Inici – Web GOIB [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.caib.es/conselleries/educacio/dgpoling/user/catalaeuropa/angles/angles9.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).
8. Bogin M. The Women Troubadours / M. Bogin. – USA : Paddington Press, 1976. – 190 p.
9. Cancionero de Ripoll. Carmina Riulpullensa. – Barcelona : Bosch, 1986. – 336 p.
10. Cancionero Colocci-Brancuti // Crítica de Libros [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.criticadelibros.com/sin-clasificar/cancionero-colocci-brancuti/> (дата обращения: 11.06.2023).
11. Cancioneiro da Vaticana // Biblioteca Virtual Fandom [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://biblioteca-virtual.fandom.com/es/Cancioneiro_da_Vaticana (дата обращения: 14.02.2024).
12. Graham R. The Discovery of France. – United Kingdom : Picador, 2007. – 454 p.
13. Guilhen de Peiteu: Complete Works // Baroque Forms of Poetry [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://trobar.org/troubadours/coms_de_peiteu (дата обращения: 28.05.2023).
14. L'histoire de Clara d'Anduze, la Femme Troubadour [Электронный ресурс] // Midi Libre [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.midilibre.fr/2019/09/05/lhistoire-de-clara-danduze-la-femme-troubadour,8393801.php> (дата обращения: 7.09.2023).
15. Les troubairitz [Электронный ресурс] // Troubadours and European Identity: The Role of Catalan Courts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trob-eu.net/ca/les-troubairitz.html> (дата обращения: 30.06.2022).
16. Medievalists.net – Beatriz de Dia – Woman Troubadour [Электронный ресурс] // Medievalists.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.medievalists.net/2011/08/women-troubadours-in-southern-france-personal-character-unhappiness-and-revolting-against-conventions/beatriz_de_dia_bn_ms1247_3/ (дата обращения: 23.03.2023).
17. Sumien D. La Standardisation Pluricentrique de l'Occitan: Nouvel Enjeu Sociolinguistique, Développement du Lexique et de la Morphologie / D. Sumien. – Turnhout : Publications de l'Association Internationale d'Études Occitanes (Brepols), 2006 – 501 p.
18. Un Códice de Historia Material Compleja: el “Cancionero da Ajuda” // Revista de Literatura Medieval – Madrid : Universidad de Alcalá, 2009. – № 21. – P. 77–124.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Бестолкова Г.В. Окситанский язык. Словарь для начинающих / Г.В. Бестолкова. – М. : КДУ – Добросвет, 2022. – 43 с. – <http://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1217-4-2022-43>
20. Лекция и концерт «Окситания: как музыка и танцы вернули забытый язык» // YouTube [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AMZ8MiBqj80> (дата обращения: 02.08.2024).
21. Alibert L. Dictionnaire Occitan-Français selon les Parlers Languedocien / L. Alibert. – Toulouse : Institut d'Estudis Occitans, 1966. – 699 p.
22. Alibert L. Gramatica Occitana segon los Parlars Lengadocians / L. Alibert. – Toulouse : Institut d'Estudis Occitans, 1935. – 530 p.
23. Britannica – Marcabru (Gascon poet-musician) // Encyclopædia Britannica, Inc. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Marcabru> (дата обращения: 28.03.2023).
24. Chambra d'Oc [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chambradoc.it/chambraDoc.page> (дата обращения: 08.08.2024).
25. Espaci Occitan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.espaci-occitan.org> (дата обращения: 08.08.2024).
26. Festij’Oc: culture, jeux, sport, balèti, concert, atelier, animation jeunesse, théâtre // La Région Occitanie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.laregion.fr/Festij-Oc-2024> (дата обращения: 12.08.2024).
27. Larousse – Jaufré Rudel – Prince de Blaye // Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/Jaufré_Rudel/125639 (дата обращения: 28.05.2023).
28. Learn more about Occitan // Rosetta Stone [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.rosettastone.com/occitan-spanish/> (дата обращения: 09.08.2024).
29. Legge 482 // PARLAMENTO ITALIANO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parlamento.it/parlam/leggi/994821.htm> (дата обращения: 02.06.2024).
30. LLEI 35/2010, d'1 d'octubre, de l'occità, aranès a l'Aran // Portal Jurídic de Catalunya [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portaljuridic.gencat.cat/ca/document-delpjur/?documentId=560046> (дата обращения: 02.06.2024).
31. Òc València [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oc-valencia.org> (дата обращения: 09.08.2024).

32. Occitan: the Origins, the History // Unione Montana Valle Stura [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.visitstura.it/en/events-and-traditions/occitan/occitan-the-origins-the-history/> (дата обращения: 11.08.2024).
33. Radio “Occitania” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://radio-occitania.com> (дата обращения: 08.08.2024).
34. Radio Podcast en *Occitan* Shows // Mixcloud [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mixcloud.com/discover/radio-podcast-en-occitan> (дата обращения: 11.08.2024).
35. Sauzet P. *Conjugaison Occitane*. – Toulouse: Institut d’Études Occitanes, 2016. – 317 p.
36. Ubaud J. *Diccionari Ortografic, Gramatical e Morfològic de l’Occitan* (119 000 intradas). – France: Éditions Vent Terral, 2022. – 864 p. + 32 p. + 200 p.
37. Vià Occitanie: la Chaîne avec un Accent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://viaoccitanie.tv/> (дата обращения: 11.08.2024).

REFERENCES

1. Vedyushkin V.A., Popova G.A. (2012) *Istoriya Ispanii. S Drevnejshih Vremen do Konca XVII Veka* [History of Spain. From Ancient Times to the End of the 17th Century]. Moscow: Indrik. Volume №1. 696 p. (In Russian).
2. Gavrilova Yu.V. (2020) *Kratkij Obzor Dialektal’noj Situacii v Italii* [Brief Overview of Dialectal Situation in Italy]. Nauchnye Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta [Scientific Works of Moscow Humanitarian University]. №3. pp. 25–32 (In Russian).
3. Mihajlova L.D. (1984) *Lyubovnaya Lirika Srednevekovogo Zapada* [Love Lyrics of the Medieval West]. Prekrasnaya Dama. Iz Srednevekovoj Liriki [Beautiful Lady. From Medieval Lyrics]. Moscow: Moskovskij rabochij. pp. 3–14 (In Russian).
4. Pisanova T.V. (2018) *Kastil’skij Yazyk i Regional’nye Yazyki Ispanii: Osobennosti Bilingvizma i Gibrizizacii* [Castilian Language and Regional Languages of Spain: Features of Bilingualism and Hybridization]. Chelovek: Obraz i Sushchnost’. Gumanitarnye Aspekyt. [Human: Image and Essence. Humanitarian Aspects]. №1. pp. 109–133 (In Russian).
5. Skazkin S.D., Miziano K.F., Rutenburg V.I. (1970) *Istoriya Italii v 3-h Tomah* [History of Italy in 3 Volumes]. Moscow: Nauka, 546 p. (In Russian).
6. Andrighetti T.L. Setting a New Standard: a Sociolinguistic Analysis of the Regional Italian of Sicily in Andrea Camilleri’s Commissario Montalbano Mystery Series. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/server/api/core/bitstreams/ef0fd1c3-87d3-4b5f-a187-d9ebe72332a0/content> (In English).
7. Aranese, the Language of the Aran Valley. URL: <http://www.caib.es/conselleries/educacio/dgpoling/user/catalaeuropa/angles/angles9.pdf> (In English).
8. Bogen M. (1976) *The Women Troubadours*. Paddington Press. 190 p. (In English).
9. Cancionero de Ripoll. *Carmina Riulpullensa* (1986). Barcelona: Bosch, 336 p. (In Spanish).
10. Cancionero Colocci-Brancuti. URL: <https://www.criticadelibros.com/sinclasificar/cancionero-colocci-brancuti/> (In Spanish).
11. Cancionero da Vaticana. URL: https://biblioteca-virtual.fandom.com/es/Cancionero_da_Vaticana (In Spanish).
12. Graham R. (2007) *The Discovery of France*. United Kingdom: Picador. 454 p. (In English).
13. Guilhen de Peiteu: Complete Works. URL: http://trobar.org/troubadours/coms_de_peiteu (In English).
14. L’histoire de Clara d’Anduze, la Femme Troubadour. URL: <https://www.midilibre.fr/2019/09/05/lhistoire-de-clara-danduze-la-femme-troubadour,8393801.php> (In French).
15. Les *trobairitz*. URL: <https://www.trob-eu.net/ca/les-trobairitz.html> (In Catalan).
16. Medievalists.net – Beatriz de Dia – Woman Troubadour. URL: https://www.medievalists.net/2011/08/women-troubadours-in-southern-france-personal-character-unhappiness-and-revoltingagainst-conventions/beatriz_de_dia_-_bn_ms12473/ (In English).
17. Sumien D. (2006) *La Standardisation Pluricentrique de l’Occitan: Nouvel Enjeu Sociolinguistique, Développement du Lexique et de la Morphologie*. Turnhout: Publications de l’Association Internationale d’Études Occitanes (Brepols). 501 p. (In French).
18. Un Códice de Historia Material Compleja: el “Cancionero da Ajuda” in *Revista de Literatura Medieval* (2009). Madrid: Universidad de Alcalá, № 21. pp. 77–124 (In Spanish).

Поступила в редакцию 21.01.2025 г.

**OCCITAN LANGUAGE DEVELOPMENT PROCESS IN ITALY AND SPAIN:
COMPARATIVE ASPECT**

G.V. Bestolkova

The article provides a detailed analysis of Occitan language development process in Italy and Spain. The research revealed that the Occitan language development process in Italy and Spain includes three following periods: the period of dawn (X-XV centuries), the period of decline (XVI – XVIII centuries), the period of renaissance (XIX century – up to the present time). In general, the Occitan language development in these countries proceeded at almost the same rate and for similar causes. The research enabled to reveal a diglossia situation trend in Spain and Italy from the Xth century up to the present, i.e. Occitan + other regional languages of Spain / Italy vs Latin (X-XV centuries) => Occitan + other regional languages of Spain / Italy vs a literary language based on Castilian/ Tuscan language (XVI century – up to the present time). The material contained in the article allows to fill in the gap in the Occitan language description caused by lack of accurate structured data on its development process.

Keywords: Occitan language, troubadours, courtesy, Italy, Spain, periodization of development process, literary movement, diglossia situation.

Бестолкова Галина Васильевна.

Кандидат филологических наук.

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская
Федерация.

Преподаватель кафедры французского языка и
культуры.

ORCID 0009-0009-2438-8461.

E-mail: best_talk@mail.ru

Bestolkova Galina Vasilievna.

Candidate of Philology.

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation.

Lecturer at Department of French Language and
Culture.

ORCID 0009-0009-2438-8461.

E-mail: best_talk@mail.ru

Научная статья

УДК 070:37

DOI: 10.5281/zenodo.15120528

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕЧАТНЫХ СМИ, ИХ МЕСТО И РОЛЬ В РАЗВИТИИ МЕДИАСИСТЕМЫ ЯПОНИИ

© 2025 *М.В. Будник*

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

ORCID 0009-0001-4144-8034

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Данная статья посвящена изучению высокоразвитой японской медиасистемы, процессов её трансформации под влиянием новых технологий и переходу традиционных СМИ, в частности газет и журналов, в онлайн-формат. В статье рассматриваются исторические предпосылки формирования современной медиасистемы Японии: от «предгазет» до онлайн-прессы. Представлен краткий обзор основных этапов происхождения и развития газет и журналов. Автор также анализирует изменения, происходящие в системе СМИ с появлением Интернета, переходом традиционных СМИ на онлайн-платформы, представляет сравнительные кейсы традиционных и онлайн-изданий. Делаются выводы о том, какое место в медиасистеме страны занимает пресса и какую роль она играет в современной системе СМИ. Рассматриваются крупнейшие медиаконцерны страны, которые созданы на основе общенациональных газет и сегодня объединяют множество различных медиа. Проводится анализ ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие медиасистемы Японии.

Ключевые слова: пресса, печать, газеты, журналы, Интернет, Япония, медиасистема, трансформация, конвергенция.

Для цитирования: Будник М.В. Трансформация печатных СМИ, их место и роль в развитии медиасистемы Японии / М.В. Будник // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 62–73. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15120528>.

Введение. Японские средства массовой информации – одна из самых высокоразвитых отраслей народного хозяйства, играющая важную роль в экономической, социальной и культурной жизни страны. На протяжении многих лет газеты, радио и телевидение занимают в японском обществе собственное, заметное место, образуя многообразную национальную медиасистему. Особое место принадлежит газетам и журналам, т.к. японцы издавна считаются читающей нацией. С появлением и развитием Интернета многие СМИ перешли в обновленный формат, не проиграв конкуренцию с новыми СМИ и не потеряв таким образом востребованность аудитории. Данная статья посвящена изучению японской медиасистемы, процессов ее развития под влиянием новых технологий, Интернет-версий традиционных газет и журналов.

Степень разработанности темы обеспечивается осмыслением научных трудов российских, японских, американских специалистов по журналистике и системе средств массовой информации и коммуникации. Основополагающие принципы и выводы по вопросам современного развития газет и журналов в Японии представлены в трудах Блиновой М.В. [1], Лазарева А.М., Поляковой Н.А., Смирнова Б.В. [6], Сеферовой М.В. [8], Евстафьева В.А. [5], Витязевой М.Л. [3]. Исследование истории и трансформации национальной медиасистемы под влиянием новых технологий и глобальных идей

основано на работах Чугрова С.В. [10], Горячевой Е.А. [4], Фесюн А.Г. [9]. Кроме того, данной проблематике посвящены исследования иностранных специалистов: Морита К. [17], Стейнберг М. [15], Цутия Р., Мэйсон М. [16].

Методика исследования. Учитывая многогранность исследуемой проблематики, мы используем междисциплинарный подход, основанный на концептуальном, а также структурно-функциональном анализе процессов, происходящих в сфере медиа. Метод анализа контента использован, чтобы показать своеобразие онлайн-версий основных японских газет.

Основная часть. Из истории японской прессы. Первые периодические издания – прообразы современных газет – «каварабан» – появились в Японии в начале XVII в. Их своеобразие заключалось в том, что каждый выпуск имел своё название и посвящался какому-то конкретному событию. Это были скандальные городские новости, подробности жизни обитательниц веселых кварталов и т.п.

Зарождение в Японии газетного дела относят к XIX веку. Тогда в стране издавались просто переводы иностранных газет. Живущие в Йокогаме иностранцы, в основном англичане и голландцы-миссионеры, выпускали самостоятельные издания, в которых содержались по большей части зарубежная информация и немногие местные новости. Первой газетой современного типа считают «Nagasaki Shipping List and Advertiser», которую с июня 1861 года раз в две недели издавал англичанин Хансард А.В. Примерно в это же время сёгунат Токугава начал издавать переводную голландскую правительенную газету, назвав ее «Камран бабаиша Shinbun». «Газеты, которые выходили в Японии в 1865–1868 годах, представляли собой небольшие, достаточно недорогие по стоимости издания с мизерным тиражом, выходящие раз в неделю, а то и реже» [1, с. 8].

Первой японской ежедневной газетой, освещавшей зарубежные и внутренние новости, была «Йокогама симбун» («Yokohama Mainichi Shimbun»), опубликованная впервые в 1870 году. Одним из значительных нововведений этой газеты стало замена ксилографического метода печати на наборный шрифт. Ее основатель Мориёси Идзеки четко сформулировал цель издания – распространение внутренних новостей и зарубежной информации по всей территории Японии.

Начало XX века в Японии характеризуется широким распространением изданий среди массовой аудитории. В это же время подобные процессы происходили в Соединенных Штатах Америки и в некоторых европейских странах. Газеты выходили в массы и в борьбе за своего читателя вынуждены были искать новые формы привлечения внимания к своим изданиям. Так же, как и в Америке, в Японии стали появляться вечерние выпуски, значительное внимание уделялось спорту. Газеты удивляли читателей богатым изобразительным рядом, а также новыми жанрами. «Асахи» печатала интервью с известными в стране людьми, другие издания просто публиковали романы с продолжениями. Некоторые общенациональные и региональные газеты принимали участие в организации выставок, картинных галерей, спортивных мероприятий. «Всё это привело к значительному увеличению тиражей японских газет, в первую очередь, общенациональных – "Асахи" (350 тыс. экз.) и "Майнити" (300 тыс. экз.) и токийской "Асахи" (80 тыс. экз.)» [6, с. 24].

В начале XX в. развитие капитализма в стране сопровождалось активизацией рекламы в прессе, оказавшей большое влияние на процессы организации информационного и, в частности, газетного бизнеса. Именно в этот период начала складываться система средств массовой информации, важное место в которой занимали печатные СМИ. Считается, что печатный газетный рынок в Японии сформировался в начале 1930-х годов. В то время в стране выходило более 7 тысяч газет, среди которых

более тысячи ежедневных и почти 500 еженедельных. «Примерно 30% всех газет распространялись в Токио и Осаке. Тиражи ежедневных японских газет в то время колебались от 4 тыс. до почти 1,5 млн экз.» [8, с. 5].

Во второй половине 1940-х годов в Японии издавалось 125 ежедневных газет и появилось большое количество новых журналов [8, с. 6].

Отметим, что японские газеты всегда играли центральную роль в вопросах свободы слова и свободы прессы. Пройдя непростой период первой половины XX столетия, когда в Японии существовала официальная довольно строгая цензура, в 1951 году свобода слова была закреплена в статье 21 Конституции Японии.

Начало 1950-х годов в Японии называют «тэрэби дзидай» – эрой телевидения. В этот период радио и газеты, которые были самыми популярными средствами массовой информации, стали менее значимыми. Телевидение стало мощным конкурентом в создании и распространении информации. В борьбе за место на медиарынке и внимание аудитории газетным компаниям приходилось прибегать к рискованным мерам, в частности повышать стоимость месячной подписки. Однако это привело к относительной стабилизации газетного производства вплоть до 1970-х годов. При этом практически каждая газета опубликовала за год более 2000 рекламных полос. Благодаря подобным мерам печатный рынок оставался конкурентоспособным звеном в национальной медиасистеме.

«В начале 1990-х годов Япония занимала третье место в мире после Гонконга и Норвегии по количеству газет на душу населения – 577 экз. на 1 тыс. человек. Во второй половине 1990-х годов она завоевала уже второе место после Норвегии (592 экз./тыс. чел.) по степени распространения изданий и первое место по суммарному тиражу ежедневных газет – 72,7 млн экз.» [13, с. 239]. За первые десять с небольшим лет XXI столетия Япония снова стала третьей, но уже вслед за Китаем и Индией [9, с. 15].

Современная газетно-журнальная составляющая медиасистемы Японии. На протяжении многих десятилетий о Японии говорят как об одной из самых читающих стран мира. В среднем японские семьи подписаны на 1-2 общенациональные газеты. Среднестатистический современный японец ежедневно читает газеты примерно 25 минут [2, с. 49].

Исследователи разделяют рынок медиаконтента на три сегмента: видеоконтент, аудиоконтент и текстовый контент. Текстовый контент включает такие продукты, как газеты, комиксы, журналы и книги. Индустрия медиаконтента также включает онлайн-медиаконтент, на долю которого в 2022 году пришлось около 46% рынка медиаконтента [14].

Если еще в начале 2000-х суммарный тираж ежедневных газет составлял более 72 млн экз. [7], то по данным на 2023 год он представлен лишь 28,6 млн экземпляров [14]. Сокращение бумажных копий объясняется переходом газет в онлайн-формат. Интернет-версии газет становятся более востребованной платформой для получения информации из привычной и любимой японцами прессы. Однако это не значит, что японцы перестали читать бумажные газеты. Зачастую они и получают информацию из традиционных бумажных изданий, и одновременно читают онлайн-версии тех же газет.

Газеты Японии подразделяются на два основных типа согласно тиражу и географии распространения: общенациональные и местные. Последние, в свою очередь, делятся на региональные и префектуральные.

В настоящее время в стране издается чуть более 100 ежедневных газет, в том числе общенациональные: «Йомиури» (более 10 млн экз.), «Асахи» (около 8 млн экз.), «Майнити» (ок. 4,5 млн экз.), «Никкэй» (ок. 4,6 млн экз.) [9].

Следует подчеркнуть, что газеты «Асахи» и «Йомиури», появившиеся в Японии в период Мэйдзи, считаются самыми старыми в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Говоря о газетах, необходимо упомянуть о «сэтто» – комплект утреннего и вечернего выпусков. Вечерний выпуск как бы является продолжением утреннего, что дает значительные экономические преимущества газетным компаниям. В Японии почти 94% газет распространяются по подписке, что обеспечивает им устойчивый тираж вечернего выпуска [2, с. 52].

Газета «Йомиури» («Репортёр») получила своё современное название только в начале 1900-х годов, до этого на протяжении двух с половиной десятилетий в Токио издавался небольшой листок, в котором печатались сообщения о наиболее интересных событиях дня, очерки на социально-бытовые темы и т.п. Интересен способ распространения новостного листка: продавец громко читал заголовки и наиболее интересные отрывки и продавал газету всем заинтересовавшимся. Продавцы-глашатаи назывались «йомиури», что переводится с японского языка как «читает и продает». Отсюда пошло и название газеты, правда теперь слово «йомиури» приобрело новое значение – «репортёр».

Название одной из старейших одной из первых по значимости и тиражу газеты «Асахи» переводится с японского языка как «восходящее солнце». Первый выпуск газеты, вышедший в Осаке в январе 1879 года, состоял всего из четырех страниц. Сегодня «Асахи» является газетой с четко выраженной либеральной направленностью, которая пользуется популярностью среди интеллектуалов и людей с современными взглядами на жизнь. В Японии даже существует определение «человек Асахи». В основном это молодёжь, а также разновозрастные представители среднего класса, которые считают газету одной из наиболее объективных.

«Асахи», как и другие общенациональные газеты, четко структурирована. Каждая рубрика имеет свое постоянное место в газете. Пролистав несколько номеров последних лет, можно отметить, что на первой странице выпуска представлены анонсы материалов номера, тогда как последующие страницы посвящены политике, освещению международных событий и новостей, социальным вопросам, экономическим материалам, спортивной хронике и культурным новостям. Внимание уделяется образовательным и научным статьям, а также литературным произведениям. В газете имеется раздел «Семейная страница», основные темы которой – вопросы домашнего уюта, здоровье и новости столицы. В конце номера обычно публикуются телепрограмма и радиопрограмма, а также прогноз погоды для 27 городов Японии.

Газета «Майнити» («Ежедневная») вместе с «Йомиури» и «Асахи» входит в «большую тройку» газетного мира Японии. Газета известна тем, что в 1985 году стала одной из первых «цветных» газет Японии. Сегодня ее лозунг: «Для новостей нет близких путей».

Как известно, в Японии традиционно под материалом имя журналиста не указывается. Это объясняют единым корпоративным духом редакции, мнение журналиста выражает мнение редакции. «Майнити» – единственная из общенациональных газет, которая подписывает статьи именами авторов.

Её тоже можно назвать газетой либерального толка, в которой негативно относятся к идеям нынешнего правительства Демократической партии о повышении налогов на потребительские товары и снижении налогов для юридических лиц. Статьи часто освещают социальные проблемы. Что касается материалов рубрики культуры и искусства, то в «Майнити» печатают подробные аннотации и рецензии на новые литературные произведения и кинокритику.

«Никкэй» (сокращенное название «Nihon Keizai Shimbun» – «Японская экономическая газета») является ведущим деловым изданием современной Японии. «Никкэй» часто сравнивают с «The Wall Street Journal» и «The Financial Times», в самой Японии называя её «скоростным вестником финансово-экономической информации».

Впервые «Никкэй» вышла в декабре 1876 года в Токио и называлась она «Вестник внутренних и внешних цен на товары».

Современная «Никкэй» освещает экономическую ситуацию в японской промышленности и сельском хозяйстве, а также предоставляет обзоры экономических и финансовых показателей как в глобальном, так и в национальном масштабе. Материалы на тему экономики составляют основной объем утренних выпусков вечерних выпусков. Причем, ежедневно одна полоса отводится обзору зарубежной экономики. Значительное внимание уделяется также политическим вопросам.

Особое место в печатном сегменте японской медиасистемы отводится **англоязычным газетам**. Это выпускаемые медиаконцернами издания «The International Herald Tribune» / «Asahi Shimbun», «Nikkei Weekly», «Daily Yomiuri», а также старейшая англоязычная японская газета «The Japan Times». Как правило, англоязычные газеты в Японии публикуют приложения, в которых печатают наиболее интересные материалы европейских и американских крупных изданий «The Guardian», «Los Angeles Times», «Washington Post», «Independent» и других.

Тиражи англоязычных газет сегодня составляют 30–40 тыс. экз., что немаловажно для японского общества, где английским языком владеют определенные незначительные по численности слои населения.

Говоря о японской прессе, нельзя не упомянуть **префектуральную прессу**. В каждой из 47 столиц префектур издается своя газета. Некоторые местные газеты крупных городов и промышленных центров расширяют свою корреспондентскую сеть не только на города префектуры, но и на другие страны, преимущественно на США. К таким изданиям относятся «Тюгоку», «Коти», «Рюкю Симпо». Газеты Восточного побережья обладают наиболее широкой читательской аудиторией и развитой корреспондентской сетью.

«Акита сакигакэ симпо» и «Тюгоку» являются самыми крупными и влиятельными префектуральными газетами Японии.

До Второй мировой войны на территории Японии действовала система «в одной префектуре – одна газета». Однако после войны некоторые газетные компании, имеющие довольно мощную производственную базу, стремясь распространить свое влияние на соседние префектуры, стали объединяться в более крупные издания – имеющие влияние по всему региону. Так появились региональные газеты «Хоккайдо Симбун» («Газета Хоккайдо»), «Сунихи Симбун» («Газета Центральной Японии», основная аудитория которой – жители Нагоя, Токио и некоторых других районов Центрального Хонсю), «Нихи Ниппон Симбун» («Газета Западной Японии»).

В 1969 году было подписано соглашение между крупнейшими региональными газетами, согласно которому на протяжении уже нескольких десятилетий они безвозмездно обмениваются информацией. Большую часть содержания префектуральных газет составляют местные новости и местная реклама. Международные события и информация о стране в целом, как правило, поступают из новостных агентств «Киодо», «Дзидзи» и других.

Тиражи префектуральной прессы составляют нескольких сотен экземпляров, и это еще раз доказывает, насколько газеты востребованы местной аудиторией. Часто ведущие местные газеты владеют и радио и телевизионными станциями.

Особенностью журнального рынка в Японии является то, что в стране очень мало компаний, специализирующихся только на издании журналов. **Журналы** являются одним из видов продукции издательств, специализирующихся на выпуске книг и периодических изданий.

Первые журналы появились в Японии в конце XIX в. В наши дни журналы популярны в стране как никогда. В 2023 году в Японии было опубликовано около 2,4 тыс. наименований журналов [14]. До начала 1990-х годов детские журналы составляли более четверти всех журналов, однако сегодня на рынке всё чаще появляются новые издания для женщин, любителей спорта, а также пользователей и специалистов в области компьютерных технологий. Также в стране также издается около 2 тысяч наименований журналов категории B2B.

По периодичности выхода журналы делятся на еженедельные, двухнедельные, ежемесячные и ежеквартальные. Самые популярные в Японии журналы – еженедельники. Материалы еженедельников печатаются на недорогой серой бумаге с, как правило, черно-белыми фотографиями, кричащими заголовками, а каждый номер ориентирован на свою целевую аудиторию. Некоторые из них предназначены для тех, кто желает раз в неделю получать краткий, но полный обзор политических новостей, в то время как другие ориентированы на домохозяек, которым предлагают новые комплексы эффективных диет и рецепты и рекламируют современные стиральные машины или роботизированные по последнему слову техники фуд-комбайны. Особенной популярностью пользуются иллюстрированные издания для любителей науки и техники, экономики и сельского хозяйства, театров и искусства. Самыми популярными еженедельниками являются «AERA» и фотожурнал «Friday». Их тиражи превышают 1 млн экз.

Популярностью пользуются также недорогие массовые издания – так называемые двухнедельники. По качеству печати, тематике и содержанию материалов они похожи на еженедельные журналы.

Согласно данным Ассоциации издателей газет и журналов Японии, годовой тираж комиксов манга в 2023 году составил более 1 млрд. экз. книжно-журнальной продукции, а это значит, что на каждого взрослого и ребенка приходится по 10 журналов, а на семью – около 27 [16, с. 653]. Это наиболее стабильно издаваемые толстые черно-белые или цветные выпуски, содержащие по 10–15 историй, которые печатаются с продолжением.

Согласно целевой аудитории, комиксы различаются по темам и интересам читателей. В последние годы наблюдается рост количества комиксов, затрагивающих серьезные темы, такие как политика, экономика и право. Также существует множество специализированных изданий, посвященных научной фантастике, приключениям роботов, уфологии, азартным играм и даже контенту для взрослых. С учетом многолетних наблюдений и исследований о легкости восприятия информации, представленной в графическом формате, японцы стали издавать не только научную литературу, а даже учебники – журналы в виде комиксов.

С появлением радио и телевидения новые средства массовой информации стали реальными конкурентами для прессы. Многие годы на протяжении всего XX века в Японии, стране с высочайшими газетными тиражами, велись разговоры о том, что газеты вот-вот умрут, будучи вытесненными новыми электронными средствами массовой информации.

Обновленная информационная инфраструктура. В 1989 году рекламное агентство «Дэнцу» в сотрудничестве с представителями компьютерной индустрии организовало и провело пресс-конференцию, посвященную вопросам мультимедиа. С этого времени мультимедийное производство стало одним из ключевых направлений XX

и ХХI вв. Сегодня эта отрасль переживает процесс трансформации в «цифровое пространство». Предпосылкой для этой трансформации стало создание информационной инфраструктуры. Считается, что именно с этого времени началась история мультимедиа в Японии.

В начале 2024 года в Японии насчитывалось около 104,5 млн Интернет-пользователей, что составляет почти 89 % населения страны [11].

Под влиянием развития новых технологий и Интернета, средства массовой информации вынуждены были искать новые формы взаимодействия с аудиторией. Одним из выходов стали онлайн-версии традиционных «бумажных» газет и журналов. Все общенациональные японские газеты имеют свои Интернет-версии, которые не менее популярны, чем «бумажные» копии. Популярность измеряется с помощью специальных счётчиков, которые установлены на страницах и регистрируют все посещения страницы. Эта информация поступает в компании, занимающиеся составлением рейтингов популярности различных страниц в Интернете.

Своеобразие японских онлайн-газет заключается не только во внешнем облике, но и в том, что с самого начала у пользователя есть возможность выбора языка между японским и английским, приобретшим статус международного языка Интернета.

Одной из первых лицензию на выпуск электронной версии газеты получила крупнейшая японская газета «Йомиури», при этом электронная газета получила статус нового носителя информации «Группы Йомиури» [5, с. 88]. Сегодня веб-страница «Yomiuri On-Line» выглядит следующим образом: под названием газеты располагаются основные рубрики и подрубрики номера, а также ссылки на страницы, содержащие данные о газете, подписке на онлайн версию, информацию о самом сервере. Однако «Yomiuri On-Line» предусматривает знание японского языка, все ссылки здесь даны на японском. Для англоязычного читателя электронной газеты предусмотрены страница «Daily Yomiuri On-Line», содержание которой в целом схоже с японской версией.

Появившиеся в 1995 году онлайн-версии газет «Асахи» и «Никкэй» имеют много общего со своими бумажными изданиями, однако обладают и характерными специфическими особенностями как в оформлении, так и содержании электронных газет. Так, «Asahi.com» представляет собой более сжатый вариант газеты, чем традиционный печатный номер. Но при том, что электронная версия содержит далеко не все рубрики обычных номеров «Асахи», в ней есть много ссылок другого плана, которые в первую очередь предусматривают расширение её аудитории. Например, ссылка на японский сервер американской новостной службы CNN или на газету «New York Times». Первая страница «Asahi.com» – перечень ссылок, только воспользовавшись которыми можно получить информацию. Так, сразу после названия газеты и фирменного знака «Асахи» – петушка на восходящем солнце – под рубрикой «Новости» следует перечень «горячих» статей дня, рядом с которыми фото номера как иллюстрация к самому животрепещущему материалу. Заканчивается электронная страница «Асахи» серией ссылок, среди которых: «Как пользоваться сервером», «О газете "Асахи"», «Подписка на "Асахи Ивнинг Ньюс"» и «Рекламная информация». Последняя ссылка, в свою очередь, предлагает прогноз погоды, анонс книг, издаваемых «Асахи», самые интересные новости недели.

Важно отметить, что онлайн-версия газеты «Асахи» отличается достаточно строгим оформлением и ограничивается размещением в основном информационных материалов, что наиболее важно, по мнению редакторов и разработчиков сайта.

«Никкэй» также выпустила свою электронную версию в 1995 году. Сегодня это огромная служба «Nikkei.net», представляющая как онлайн-версию газеты «Никкэй» на двух языках – японском и английском, версию англоязычной газеты «Nikkei Weekly», так и много другой деловой информации. На странице «Nikkei.net» имеют место

интерактивная служба Доу Джонса, интерактивная версия «Wall Street Journal», биржевые новости и котировки валют.

В первую очередь пользователю-читателю предлагается выбрать между утренним и вечерним номерами газеты, что можно сделать, соответственно нажав на нужную ссылку.

«Nikkei.net» содержит также страницы, которые отличают электронную версию газеты от традиционной газеты «на бумаге», а именно «Рынки Японии», «Азиатский Веб-путеводитель», «Новости вкладчиков». Всё остальное пространство газеты занимает анонс последних новостей с указанием времени с точностью до минуты, когда они происходили.

Со страницы «Nikkei.net» через соответствующую ссылку можно попасть на сайт газеты «Nikkei Weekly». Содержание электронного номера в целом сходно с традиционной газетой: те же рубрики, те же темы материалов, но электронная версия содержит гораздо меньше рекламы. Под заголовком «Nikkei Weekly» расположен перечень ссылок: «Главная страница», «Экономика», «Политика», «Промышленность», «Мультимедиа», «Новые компании», «Последние новости», «Люди и темы», «Информация о подписке», «Финансы», «Новые товары и услуги», «Редакционная страница». Напротив этих ссылок дается анонс статей номера.

Онлайн-версия газеты «Майнити» своеобразна сама по себе. От достаточно строго оформленной Asahi.com, например, её отличает яркость, широкое использование цветовой гаммы и схематических изображений. Каждая ссылка здесь представляет собой звено какого-нибудь нарисованного объекта. Сразу под названием газеты – «Новость номера», оформленная в виде ракеты. Далее под темой «Всё это происходит в Японии» рубрики «Политика и бизнес», «Внутренние вопросы» и «От редактора», каждая из которых, в свою очередь, содержит ссылки на статьи, которые к ней относятся. Много ссылок даны на материалы, посвященные спорту, и даже отдельно выделена ссылка «Сумо» (национальная японская борьба – прим. автора), развлечений, экологической проблеме, техническому развитию.

Где сегодня японцы предпочитают читать новости? Каким источникам новостей доверяют японские читатели? В опросе, проведенном в 2023 году Министерством внутренних дел и коммуникаций, респондентам был задан вопрос о том, какое новостное средство массовой информации, по их мнению, заслуживает доверия. Из 1500 опрошенных лиц в возрасте от 13 до 69 лет выбрали газеты (68,4%) и телевидение (65,3%) [12]. Причем в вопросе о газетах речь шла и о бумажных копиях, и об онлайн-версиях. Это еще раз доказывает факт популярности прессы среди японцев.

Однако каждое из изданий сегодня вынуждено искать новые пути привлечения читателей, в том числе на свои сайты. В последние несколько лет медиаконцерн «Никкэй» сосредоточился на создании онлайн-подписок на «Japan Economic Daily», достигнув 797 362 платных подписчиков [12]. Газета «Йомиури» предоставляет определенное количество бесплатного онлайн-контента для привлечения новых подписчиков. Газета «Майнити» привлекает цифровую аудиторию лонгридами в разделе «Премьера», публикуемом исключительно в Интернете.

Напомню, что попытки монетизировать онлайн-контент в Японии были затруднены в связи с популярностью бесплатных новостных сайтов, таких как «Yahoo! News», «SmartNews» и «Gunosy», которые агрегируют онлайн-контент от нескольких издателей. Поэтому для онлайн-изданий вдвойне сложно отстоять свое место на медиарынке.

Репортеры газет все чаще обращаются к аудио- и видеоканалам, чтобы вовлечь аудиторию, объяснять новости и делиться историями. Бывший международный корреспондент «Асахи» Дайсуке Канда стал ведущим на «Asahi Podcasts» (или «Asa-Poki»), комментируя материалы о хип-хоп-исполнителях под названием «Journa-

Rhythm». Политический корреспондент «Майнити» Кента Мияхара разрабатывает на «YouTube» канал, у которого 5 тыс. подписчиков, предоставляя аналитику и живые беседы. Растущая тенденция к потреблению новостей в формате видео в Интернете отчасти побудила три общенациональные ежедневные газеты «Асахи», «Майнити» и «Санкэй» в 2023 году запустить «NewsVideo», совместный веб-сайт и приложение для демонстрации видеороликов, созданных их журналистами. Позже к сервису присоединились местные газеты.

Медиаконцерны Японии. Другой тенденцией меняющейся и развивающейся медиасистемы стал процесс конвергенции на уровне объединения газет, журналов, теле-, радиостанций и сопутствующих компаний. Так, первое десятилетие XXI века ознаменовало появление медиаконцернов, которые стали крупными игроками на медиарынке страны и за ее пределами. В основе каждого медиаконцерна лежит общенациональная газета, которая и стала «прапорщиком» современного медиаконгломерата.

Медиаконцерн «Асахи» один из крупнейших. Помимо общенациональной газеты «Асахи», с апреля 2001 года концерн издаёт ежедневную англоязычную газету «The International Herald Tribune» / «Asahi Shimbun», около двух десятков еженедельных, ежемесячных, ежеквартальных и ежегодных изданий на японском и английском языках. В их числе: популярное издание «be» (business and entertainment), выпускаемое с 2002 года, а с апреля 2005 года имеющее еще и вечерний выпуск; двуязычная еженедельная воскресная газета «Asahi Weekly», один из наиболее любимых японцами журналов – «AERA» («Asahi Extra Report Analysis»). На его страницах представлены материалы разных жанров, форматов и тем. Концерн также принадлежит журнал «Shukan Asahi». В 2006 году издательство начало выпуск новых изданий «World Soccer King», «AERA English», «AERA with Kids». На Хоккайдо ежедневно выходит утренняя спортивная газета.

В состав концерна также входит одна из коммерческих телерадиокомпаний – «Asahi National Broadcasting Co».

Медиаконцерн «Асахи» сегодня является лидером в производстве мобильного контента в Японии. Ему, в частности, принадлежит крупнейший мобильный новостной сайт «Asahi-Nikkan Sports», а также другие популярные сайты для мобильных телефонов: «News Battle», «Chiezo», «Asahi Mobile Station», «Asahi Lifeline News».

В октябре 2006 года концерн «Асахи» учредил Институт журналистики, в котором сотрудники компании повышают квалификацию, проводят исследования, организуют форумы и симпозиумы, что помогает повышению профессионального уровня и укреплению корпоративного духа. Если учесть, что специальных факультетов и университетов журналистики в стране до этого практически не было, новацию можно считать революционным шагом в развитии журналистики и медиаиндустрии Японии.

Другой крупный медиаконцерн – «Йомиури», он был создан в 1950 году. Практически это частное предприятие, которое при этом считается акционерным обществом. Всеми делами концерна руководят президент, вице-президент и главный редактор одноименной газеты. Газетно-издательское отделение концерна «Йомиури» практически распространило свое влияние на всю территорию Японии. Главный печатный орган – газета «Йомиури» – с редакциями в пяти крупнейших японских городах и 26 филиалами, действующими в различных регионах страны. С 1955 года концерн «Йомиури» начал издавать ежедневную газету на английском языке – «The Daily Yomiuri». Группа «Йомиури» объединяет и десятки других газет, еженедельников, журналов, ежегодников, в нее входят также коммерческие телерадиовещательные компании «NTV» и «Yomiuri Terebi». Компания также известна в сферах рекламы, туризма и образования.

Медиаконцерн «Майнити» представляет собой акционерную компанию, акции которой поделены между более чем десятью основными владельцами и значительным числом мелких держателей акций из числа ведущих служащих СМИ, входящих в структуру концерна, при этом часть основного капитала газеты принадлежит американцам.

Помимо общенациональной газеты «Майнити» концерн издает журнал «Экономист»; англоязычный журнал «Sunday Mainichi»; еженедельную двуязычную (на японском и английском языках) газету «Mainichi Weekly» (с 1972 года), которая последние годы комплектуется звуковым компакт-диском с материалами номера на английском языке; англоязычную газету «Mainichi Daily News», которая с 2001 года существует только в электронной версии.

В состав концерна также входит одна из крупнейших коммерческих телекомпаний – «TBS» (Tokyo Broadcasting System), которая, в свою очередь, объединяет 28 японских телевещательных станций.

«Никкэй» – медиаконцерн, объединяющий «Nihon Keizai Shimbun» («Японскую экономическую газету»), коммерческую телерадиовещательную компанию «Television Tokyo Channel 12», или «TV Tokyo», англоязычную газету «Nikkei Weekly». Концерну принадлежат издания «The Nikkei Financial Daily», «The Nikkei Marketing Journal» и «The Nikkei Industrial Daily», а также 4 крупных деловых издания на японском языке: «Нихон Сангё Симбун» («Японский промышленный еженедельник»), «Нихон Кинью Симбун» («Японская финансовая газета»), «Нихон Рюцу Симбун» («Японская газета по маркетингу»), «Японская экономическая газета» на английском языке и 40 журналов деловой тематике.

Концерн связан с крупнейшими организациями японского монополистического капитала: Федерацией экономических организаций и Ассоциацией предпринимателей. С целью научного изучения вопросов, связанных с рекламой, в 1967 году был основан исследовательский институт рекламы «Никкэй».

Как мы видим, медиаконцерны, объединяя в себе различные медиа, представляют собой крупные и наиболее существенные звенья современной медиасистемы.

Заключение. Результаты проведенного исследования места и роли печатных СМИ в развитии современной медиасистемы Японии показали, что, несмотря на многолетние прогнозы, с появлением и развитием Интернета печатные СМИ не потеряли своей актуальности. Они перешли в новый формат, выдержав конкурентную борьбу с новыми СМИ и не потеряв свою аудиторию.

Процесс трансформации печатных СМИ в Японии проходит довольно успешно. Япония остается одной из читающих стран мира, одновременно имея высокие показатели аудитории онлайн-изданий. Проанализировав контент ведущих японских газет, можно сделать вывод, что онлайн-версии газет, с одной стороны, представляют собой вполне самостоятельные издания с широким кругом рубрик и тем, интерактивной связью с аудиторией, с другой, являются продолжением и дополнением «традиционных» изданий.

Со временем, пройдя процессы объединения, японские СМИ объединились в медиаконцерны. Таким образом, сегодня можно говорить о появлении новых, конвергентных СМИ и медиаконцернов, в основе которых лежат традиционные общенациональные газеты.

Анализ показывает, что с переходом традиционных медиа в новые форматы национальная медиасистема трансформируется, расширяется, получая дополнительные медиаплатформы и возможности для коммуникации с аудиторией. Это указывает на устойчивость и адаптивность традиционных газет и журналов, которые, являясь основой

современных медиаконцернов, продолжают играть важную роль в информационном пространстве Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова М.В. СМИ в Японии: медиабизнес, традиции, культура / М.В. Блинова. – М. : МедиаMir, 2008. – 104 с.
2. Будник М.В. Японские газеты: от каварабан до интернет-сайтов / М.В. Будник // Медиаисследования. – 2022. – № 9 – С. 48–54.
3. Витязева М.Л. Особенности журналистики современной Японии / М.Л. Витязева // Челябинский гуманитарий. – 2017. – № 1(38). – С. 28–33.
4. Горячева Е.А. Исторические предпосылки формирования современной системы СМИ Японии / Е.А. Горячева // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – №. 5. – С. 95–103.
5. Евстафьев В.А. История рекламных коммуникаций Японии / В.А. Евстафьев, А.П. Ткаченко. – М. : ИМА-пресс, 1998. – 133 с.
6. Лазарев А.М. Печать, радио и телевидение Японии / А.М. Лазарев, Н.А. Полякова, Б.В. Смирнов. – М., 1974. – 128 с.
7. О Японии. Культура – Средства массовой информации // Сайт Посольства Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ru.emb-japan.go.jp/ABOUT/CULTURE_ABOUT/massmedia.html (дата обращения: 12.12.2024).
8. Сеферова М.В. Японская журналистика в XX столетии / М.В. Сеферова. – М., 2001. – 85 с.
9. Фесюн А.Г. Язык японских СМИ / А.Г. Фесюн. – М., 2013. – 215 с.
10. Чугров С.В. Человеческий капитал научного сообщества в условиях цифровой трансформации: опыт Японии / С.В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2023. – №6. – С. 128–141.
11. Datareportal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2024> (дата обращения 15.01.2025).
12. Matsuoka T. Most Popular News Websites Japan: Your FAQs Answered / T. Matsuoka [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mailmate.jp/blog/news-trust-japan> (дата обращения: 15.01.2025).
13. Nippon: the land and its people. Yearbook. – Tokyo, 1997. – 687 р.
14. Statista [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.statista.com> (дата обращения: 15.01.2025).
15. Steinberg M. The Platform Economy: How Japan Transformed the Consumer Internet / M. Steinberg. – 2019 // Интернет-платформа для сотрудничества ученых – Academia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/38444001/The_Platform_Economy_How_Japan_Transformed_the_Consumer_Internet (дата обращения: 12.12.2024).
16. Tsuchiya R. Japanese Mass Media. The New Cambridge History of Japan / R. Tsuchiya, M. Mason. – 2023. – Pp. 645–670.
17. 森田 健司. 江戸の瓦版。庶民の熱狂させたメディアの正体. Morita Kendji. Edo no kawaraban. Shomin no nekkyō saseta media no shōtai. - 2017. - 221 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Официальный сайт газеты «Йомиури» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yomiuri.co.jp/> (дата обращения: 15.01.2025).
19. Официальный сайт газеты «Асахи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asahi.com/> (дата обращения: 15.01.2025).
20. Официальный сайт газеты «Майнити» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mainichi.jp/index.html> (дата обращения: 15.01.2025).
21. Официальный сайт газеты «Никкэй» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nikkei.com/> (дата обращения: 15.01.2025).

REFERENCES

1. Blinova M. (2008). SMI v Yaponii: mediabusiness, tradicii, kultura [Media in Japan: Media Business, Traditions, Culture]. Moscow: MediaMir. (In Russian).
2. Budnick M. (2022). Yaponskie gazety: ot kawaraban do Internet-saitov [Japanese Newspapers: From Kawaraban to Internet Sites]. Mediaissledovaniya, 9, 48–54 (In Russian).
3. Vityazeva M. (2017). Osobennosti zhournalistiki sovremennoi Yaponii [Features of Journalism in Modern Japan]. Chelyabinsky gumanitarii, 1(38), 28–33 (In Russian).

4. Goryacheva E. (2018). Istoricheskie predposylki formirovaniya sovremennoi sistemy SMI Yaponii. [Historical Background of the Formation of the Modern Japanese Media System]. Problemy Dalnego Vostoka, 5, 95–103 (In Russian).
5. Evstafiev V., Tkachenko A. (1998). Istorya reklamnyh kommunikacii Yaponii [History of Advertising Communications in Japan]. Moscow: IMA-press (In Russian).
6. Lazarev A., Polyakova N., Smirnov B. (1974). Pechat, radio i televidenie Yaponii [Press, Radio and Television of Japan]. Moscow (In Russian).
7. O Yaponii. Kultura – Sredstva massovoi informacii [About Japan. Culture – Mass Media]. Japanese Embassy website. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/ABOUT/CULTURE_ABOUT/massmedia.html (In Russian).
8. Seferova M. (2001) Yaponskaya journalistika v XX stoletii [Japanese Journalism in the 20th Century]. Moscow (In Russian).
9. Fesjun A. (2013). Yazyk yaponskikh SMI [Language of Japanese media]. Moscow (In Russian).
10. Chugrov S. (2023). Chelovecheskii kapital nauchnogo soobshestva v usloviyah cifrovoi transformacii: opyt Yaponii [Human Capital of the Scientific Community in the Context of Digital Transformation: The Experience of Japan]. Polis. Politicheskie issledovaniya, 6, 128–141 (In Russian).
11. Datareportal (2024). URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024> (In English).
12. Matsuoka T. (2024) Most Popular News Websites Japan: Your FAQs Answered URL: <https://mailmate.jp/blog/news-trust-japan> (In English).
13. Nippon: the land and its people. Yearbook. (1997). 687 p. (In English).
14. Statista (2024). URL: <https://www.statista.com> (In English).
15. Steinberg M. (2019) The Platform Economy: How Japan Transformed the Consumer Internet. URL: https://www.academia.edu/38444001/The_Platform_Economy_How_Japan_Transformed_the_Consumer_Internet (In English).
16. Tsuchiya R., Mason M. (2023). Japanese Mass Media. The New Cambridge History of Japan, 645–670 (In English).
17. Morita K. (2017) Edo no kawaraban. Shomin no nekkyō saseta media no shōtai [Edo Period Kawaraban: Origins of Media That Enthralled the Common People]. 221 p. (In Japanese).

Поступила в редакцию 23.01.2025 г.

TRANSFORMATION OF PRINT MEDIA, THEIR PLACE AND ROLE IN DEVELOPMENT OF JAPANESE MEDIA SYSTEM

M.V. Budnick

This article deals with the study of the highly developed Japanese media system, the processes of its transformation under the influence of new technologies and the transition of traditional media, in particular, newspapers and magazines to the online format. The article examines the historical background of the formation of the modern media system of Japan: from "pre-newspapers" to the online press. A brief overview of the main stages of the origin and development of newspapers and magazines is presented. The author also analyzes the changes occurring in the media system with the advent of the Internet, the transition of traditional media to the online format, and presents comparative cases of traditional and online publications. Conclusions are made about the place of the press in the country's media system and the role it plays in the modern media system. The largest media companies of the country, which were created on the basis of national newspapers, and today unite many different media are considered. The analysis of the key factors influencing the development process of the Japanese media system is carried out.

Keywords: press, printing, newspapers, magazines, Internet, Japan, media system, transformation, convergence.

Будник Марианна Владимировна.
Кандидат филологических наук.
Российский государственный гуманитарный
университет, г. Москва, Российская Федерация.
Доцент кафедры журналистики.
Заместитель декана по учебной работе.
ORCID 0009-0001-4144-8034.
E-mail: bmv_rggu@mail.ru

Budnick Marianna Vladimirovna.
Candidate of Philology.
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation.
Associate Professor of Department of Journalism.
Deputy Dean for Academic Affairs.
ORCID 0009-0001-4144-8034.
E-mail: bmv_rggu@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1'36

DOI: 10.5281/zenodo.15114515

О НАРЕЧИЯХ *НЕМНОГО, НЕСКОЛЬКО, ЕЛЕ, ЕДВА* СО ЗНАЧЕНИЕМ НИЗКОЙ И КРАЙНЕ НИЗКОЙ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРИЗНАКА

© 2025 О.И. Глазунова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-2369-2065

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются особенности сочетания наречий степени *немного, несколько, еле, едва* с признаковыми лексемами, семантика которых может варьироваться в количественном отношении. Присутствие в русском языке целого ряда наречий со значением низкой и крайне низкой степени интенсификации признака свидетельствует о том, что они не являются абсолютными синонимами, их различия проявляются как на уровне семантики, так и в валентных характеристиках. Особенности сочетаемости наречий степени обусловливаются целым рядом факторов: негативным, нейтральным или позитивным значением признаковых лексем; статичным или динамичным характером выражаемых ими значений; видовой принадлежностью глаголов; их семантикой, связанной с выражением внешнего (физического) или внутреннего (психического, чувственного) состояния, или результатов рационального, т.е. поддающегося количественной оценке, восприятия объектов действительности. Избирательность сочетания наречий степени *немного, несколько, еле, едва* с признаковыми лексемами обусловлена их этимологией, а также многими другими факторами, присутствующими в сознании носителей языка. Материалом для исследования послужили наречия, отобранные из лексикографических и текстовых источников. Актуальность работы определяется тем, что наречия низкой и крайне низкой степени интенсификации признака представляют собой мало разработанную область в русской грамматике. В ходе исследования был использован комплекс теоретических и эмпирических методов, адекватных предмету изучения и задачам, поставленным в работе: лингвистический анализ, лексико-семантический анализ, контекстный анализ.

Ключевые слова: русская грамматика, наречия степени, низкая степень интенсификации признака, валентность наречий степени.

Для цитирования: Глазунова О.И. О наречиях *немного, несколько, еле, едва* со значением низкой и крайне низкой степени интенсификации признака / О.И. Глазунова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 74–83. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15114515>.

Введение. В «Русской грамматике – 80» выделяется следующая группа наречий степени: *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, много, гораздо, прямо, абсолютно, совершенно, чересчур, крайне, необычно, весьма, совсем, настолько, вдвое, впятеро; едва, едва-едва, еле, еле-еле, чуть-чуть, немного, несколько, капельку* (разг.), *крошечку* (разг.) [9, с. 702]. По мнению ряда исследователей, «к данной группе примыкают близкие по значению эмоциональные определения степени типа *чрезвычайно, замечательно, необыкновенно, поразительно и подобные*» [7, с. 132–133].

Наречия степени могут указывать на разную интенсивность проявления признакового значения: от незначительной (*еле, едва, чуть, немного, несколько*) до крайне высокой

(почти). Некоторые из них выражают полную меру проявления признака или даже превышающую этот уровень меру проявления признака (*очень, много, совершенно, абсолютно, совсем*)². Эта особенность наделяет наречия степени особым статусом: в языке они служат своеобразными мерными маркерами, позволяющими описывать окружающую действительность с максимальной степенью достоверности.

В языке наречия со значением низкой степени проявления признака, приближающейся к его отсутствию (*еле, едва, немного, несколько*), коррелируют с наречием *почти*, указывающим на высокую степень приближения к признаковому значению: *еле/едва шел = почти полз; немного (несколько) мокрый = почти сухой; еле/едва слышный = почти неслышный*. По сути, значения наречий *еле, едва, немного, несколько* и наречия *почти* выступают в качестве технических антонимов, позволяющих квалифицировать уровень проявления признака с противоположных позиций: от крайне незначительной степени проявления до очень высокой.

Наречия степени не являются абсолютными синонимами и имеют различия как в семантике, так и в валентных характеристиках, т.е. отличаются способностью образовывать словосочетания с разными признаковыми лексемами.

Так, наречия *немного, несколько* активно вступают во взаимодействие с качественными прилагательными (*немного/несколько глупый (тяжелый, мокрый, ленивый)* и т.д.), в то время как наречия *еле, едва* такой способностью не обладают: **еле/едва глупый*. Попробуем разобраться в сочетаемостных характеристиках наречий степени с разными мерными значениями.

Основная часть.

1. Наречия *немного, несколько*.

1.1. Наречие степени *немного* и соотносящееся с ним по значению наречие степени *несколько* указывают на незначительность проявления выраженного лексемой качества: *немного/несколько глупый (тяжелый, безумный, мокрый, бешеный, сложный, большой, длинный, высокий, толстый, ненадежный, мягкий, темный, сложный, хроматический, грузный, случайный, обычновенный, вредный, осторожный, чужой, грустный, большой, ложный, ленивый, запутанный, невнятный, уставший, прибавив и др.)*.

При этом данное качество должно обладать способностью проявляться с разной интенсивностью на объективном уровне – количественно: *немного толстый* – незначительно превышающий общепринятый нормальный вес; *немного глупый* – отличающийся незначительным глупым поведением от обычного в обществе уровня. Соответственно, эти наречия употребляются с прилагательными, наречиями, глаголами, причастиями, деепричастиями, значения которых субъект воспринимает физически или рационально – например, визуально, тактильно, на вес или на уровне мышления.

Можно сказать, что употребление наречий степени *немного, несколько* связано с выражением результатов физического или рационального, т.е. поддающегося количественной оценке, восприятия объектов в действительности. В сознании носителей русского языка такого рода оценка имеет свои особенности: все плохое носитель языка интуитивно старается преуменьшить, а все хорошее – довести до полноты реализации.

Таким образом, среди прилагательных и причастий, которые сочетаются с наречиями *немного, несколько*, преобладают лексемы с негативным значением, заложенным в семантике или проявляющимся на контекстуальном уровне. При этом слова с противоположным значением с данными наречиями не сочетаются. Ср.: *немного*

² О наречии *чуть* со значением крайне низкой степени интенсификации см.: [2].

больной – *немного здоровый, немного толстый – *немного стройный, немного усталый – *немного бодрый, немного засохший – *немного свежий и т.д.³

Стоит отметить, что при сочетании *немного*, *несколько* с прилагательными и наречиями в сравнительной степени принцип преимущественного их употребления с лексемами негативной семантики нивелируется, т.к. сравнительная степень ориентирована на сопоставление, при котором на первый план выходят фактические показатели, а не психологические: *немного/несколько суще, немного/несколько более свежий, немного/несколько тяжелее, немного/несколько легче*.

1.2. Как было сказано, наречия *немного*, *несколько* со значением низкой степени проявления признака в русском языке коррелируют с наречием *почти*, указывающим на очень высокую степень интенсивности признака. При этом очевидно, что они сочетаются с антонимичными признаковыми лексемами, включая контекстуальные: *немного большой – почти здоровый, немного толстый – почти стройный, немного усталый – почти бодрый, немного соленый – почти пресный, немного засохший – почти свежий, немного опоздал – почти успел* и т.д. Положительный или отрицательный характер оценки признакового значения проявляется имплицитно – в ситуации общения – или на уровне контекста: *суп немного соленый* (суп пересолен, но есть его можно) – *суп почти соленый* (суп недосолен, не мешало бы добавить в него соли).

«Группа наречий как один из видов распространителей глагола представляет особый интерес и в силу своей связи с функционированием глагольного вида» [6, с. 65]. Совпадение по форме наречий степени и количественных наречий *немного*, *несколько* накладывает отпечаток на возможное их сочетание с глаголами. Глаголы несовершенного и совершенного вида с абстрактным значением, которое потенциально обладает разной степенью интенсивности, употребляются с наречиями, выражающими значение степени: *я немного/несколько устал (обиделся, трусил, удивился, изменился, торопился и т.д.)* – в какой степени? Глаголы с конкретным значением, проявляющимся на физическом уровне, используются в сочетании с наречием *немного*, выражающим количественное значение: *немного пробежал (ел, спал, написал, занимался и т.д.)* – сколько по времени, по количеству?⁴

В последнем случае наречие *немного* можно заменить наречием *мало*: *мало пробежал (ел, спал, написал, занимался и т.д.)*. Некоторые глаголы с абстрактным значением, имеющим формы проявления на физическом уровне, могут образовывать сочетания и с наречием *мало*: *Его позиция немного изменилась* (показатель степени проявления присутствующих изменений); *Его внешность мало изменилась* (показатель количества произошедших изменений); *Их взгляды немного отличаются* (показатель степени); *Внешне они мало отличаются* друг от друга (показатель количества); *Я немного следил за ними* (показатель степени); *Я мало следил за ними* (показатель количества). Однако в этом случае признаковые лексемы не образуют сочетаний с

³ В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» ненормативность словосочетаний **немного <несколько>* умный, **слегка <отчасти>* красивый, **чуть-чуть важный* объясняется следующим образом: «Наречия низкой степени не применимы к предикатам, указывающим на такую степень признака, которая выше среднего значения, хотя и необязательно очень высокая» [12, с. 647]. Данное объяснение не соответствует действительности, т.к. словосочетания с антонимичными им лексемами, также обозначающими признак выше среднего, вполне допустимы: *немного глупый, слегка уродливый*.

⁴ В ряде случаев разряд наречий можно определить только исходя из контекста: *я немного болел* (всего три дня) – количественное наречие; *я немного болел* (у меня был легкий насморк и першило в горле) – наречие степени. В некоторых работах наречию *немного* приписывается исключительно количественное значение. См., например: [3, с. 569].

антонимичным наречием *много*. Ср.: Он *мало/много* написал – Он *мало/*много* изменился (отличался, следил за ними).

1.3. *Немного* с отрицательной частицей *не* указывает на высокую степень приближения к признаку, который подразумевает развитие. Соответственно, *немного не* сочетается с прилагательными и образованными от них наречиями, выражающими статичный признак: **немного не толстый, *немного не голодный, *немного не сонный*.

Немного не служит для обозначения приближения к полной реализации динамического признака. Значение признака, как правило, указывает на результат, достижение которого не предполагает возможность дальнейшей интенсификации. В соответствии с этим *немного не* сочетается с глаголами, указывающими на конечный результат: *немного не доел, немного не хватило, немного не разобрались, немного не сдержался, немного не повезло, немного не дотянул, немного не удалось, немного не kleится* (в переносном значении).

С глаголами несовершенного вида *немного не* используется избирательно, исходя из семантики глагола. Например, сочетание с глаголом несовершенного вида *немного не дотягивал* (Ср.: *немного не дотянул*) вполне допустимо. Это можно объяснить тем, что в данном случае глагол несовершенного вида указывает на промежуточную вариативность значений: *Он немного не дотягивал до нужного уровня; Его вес немного не дотягивал до двухсот килограмм*.

Сочетания *немного не* с прилагательными, значение которых подразумевает динамику развития значения (*зрелый, свежий, удобный*), включая прилагательные, которые без *не* не употребляются, тоже допустимы: *немного незрелый, немного несвежий, немного неудобный, немного несчастный, немного неуклюжий*.

Довольно активно используются в речи сочетания *немного не* с существительными, местоимениями и наречиями, которые указывают на определенное состояние или положение в пространстве/времени: *немного не в форме, немного не в своей тарелке, немного не по себе, немного не так, немного не по теме, немного не вовремя, немного не в том направлении*.

Наречие *несколько* с частицей *не*, как правило, используется при выражении субъективного отношения говорящего к ситуации, к предмету или к соотносящемуся с ним признаку. Ср.: *Идти по снегу было немного неудобно* (физические затруднения); *Мне несколько неудобно просить вас об этом* (затруднения этического характера).

2. Наречия *немного, несколько* Vs. наречия *еле, едва*

2.1. Возможность изменения интенсивности проявления признака внутри одного и того же качественного значения относится к **статике**; проявление такого рода изменений во внешней среде – к **динамике**. Использование наречий со значением степени *немного, несколько* ориентировано на статику, т.е. на выражение величины проявления признаковых значений у имен прилагательных, неакциональных глаголов (*светать, морозить, уступать, превосходить, разрушаться* и др.) и глаголов внутреннего состояния (*устать, торопиться, страдать, грустить, волноваться, бояться, злиться, хотеть, любить, презирать⁵ и др.*) нейтральной или негативной семантики. С данными наречиями употребляются причастия и деепричастия, образованные от личных глаголов: *Дом немного/несколько разрушившийся, все же производил хорошее впечатление; Немного/Несколько уступая нам, он пришел к финишу*.

⁵ В работе Г.А. Золотовой глаголы типа *любить, презирать* относятся к акциональным глаголам со значением эмоционального действия с указанием на объект действия [4, с. 162–163]. Возможность сочетания данных глаголов с наречием степени *немного* позволяет сделать вывод о том, что они таковыми не являются.

При этом наречие *несколько*, как правило, употребляется с глаголами, указывающими на произошедшие изменения в состоянии субъекта/объекта: *несколько смущился (утомился, удивился, ослаб, изменился)*, включая физическое состояние, или в уровне проявления признака у объекта наблюдения: *доход несколько снизился (отличался, уменьшился, вырос)*, *продукты несколько подорожали*, *он несколько преувеличил опасность*, *информация несколько устарела*, *забор несколько наклонился/покосился*.

2.2. Наречия степени *еле*, *едва* предназначены для выражения интенсивности проявления внешних динамических признаков. Они ориентированы на акциональную лексику, значение которой может проявляться с разной степенью интенсивности: *открыть, закрыть,ичесаться, прикоснуться, говорить, остановиться, вылезти* и др.: *Он еле вылез наружу; Она еле открыла дверь; Они едва прикоснулись к еде; Он едва дышал; Мы еле разглядели номер заказа; Она еле уговорила его.*

Еще одна особенность употребления наречий степени *еле*, *едва* состоит в том, что они, в отличие от наречий *немного*, *несколько*, в большей степени употребляются с лексемами положительной или нейтральной семантики: с глаголами НСВ *еле/едва шел* (*говорил, писал, слышал, сидел* и др.) и СВ *еле/едва спас* (*увидел, встал, справился, поднялся, удержался, растаял* и др.), с мотивированными глаголами полными/краткими прилагательными, причастиями и деепричастиями: *еле/едва заметный* (*слышный, видный, взятый, уловимый, различимый, ощутимый, тлеющий, достойный ← достоин* (др.-русск.), *годный ← годит* (др.-русск.)), включая прилагательные *живой* и *теплый ← топили, топлю* (др.-русск.), мотивированные глагольной лексикой.

«Наречия в тексте усиливают, модифицируют или инвертируют значения связанных с ними слов» [8, с. 145]. Положительная или нейтральная семантика признаковой лексики, которая употребляется с наречиями *еле/едва*, приводит к экспликации значения долженствования в описываемой ситуации: *еле теплый* (должен быть теплым/горячим), *еле успел* (должен был успеть), *едва ощутимый* (должен ощущаться лучше) и т.д. При сочетании прилагательного *теплый* с наречиями степени *немного/несколько*, наоборот, выявляется отрицательное отношение к признаковому значению: *Лимонад немногого теплый, а потому невкусный* (лимонад должен быть холодным). Ср. также: *Он немногого нервный, с ним трудно общаться; Прошу прощения, я немногого опоздал.*

2.3. К сожалению, работ, связанных с анализом наречий низкой степени интенсификации, не так много. В этой связи стоит отметить статью В.Ю. Апресяна «Семантика и ее рефлексы у наречий усилия и малой степени», которая была опубликована в «Вопросах языкознания» в 1997 году.

В.Ю. Апресян рассматривает наречия со значением низкой степени проявления признака параллельно с наречной группой *с трудом* и наречием образа действия *насилу* со значением усилия. Она отмечает тот факт, что «наречие *еле* в большой степени акцентирует усилия, чем *едва*» [1, с. 16]. В качестве доказательства рассматривается предложение **Он еле верил своим ушам*, в котором, в отличие от предложения *Он едва верил своим ушам*, использование наречия *еле* не является нормативным [1, с. 16].

Действительно, наречие *еле* в сочетании с глаголами и глагольными формами чаще всего указывает на трудности в осуществлении действия: *Он еле открыл дверь (еле проснулся, еле спасся, еле говорил, еле заметил, еле дыша, еле успевший)*; в то время как наречие *едва* в большей степени выражает количественные показатели его проявления: *Он едва говорил по-русски* (в значении ‘немного’); *Он едва взглянул на меня* (‘очень непродолжительное время’); *Они были едва знакомы* (‘немного’); *Она едва*

прикоснулась к еде (‘незначительно’); *Вода едва достигала щиколоток* (‘незначительно’).

Соответственно, наречия *немного*, *несколько*, выражающие количественные значения, соотносятся со значением наречия степени *едва*, но не наречия *еле*. Ср.: Эти значения *немного/несколько/едва/*еле отличаются друг от друга*; *Себестоимость изделий немного/несколько/едва/*еле выросла*; *Итоговая стоимость работ немного/несколько/едва/*еле превышает ту, которая была запланирована*.

Пример В.Ю. Апресян с ненормативным использованием наречия *еле* в предложении **Он еле верил своим ушам*, о котором речь шла выше, нуждается в более широком контекстном анализе. Наречие степени *еле*, направленное на выражение качественных признаковых значений – ‘с трудом’, не сочетается с русскими глаголами состояния – внешнего (физического) и внутреннего (чувственного, эмоционального), выраженными формами несовершенного и совершенного вида: *спать/поспать, болеть/заболеть, дрожать/задрожать, трепетать/затрепетать, бодрствовать; любить/полюбить, боготворить, восторгаться, страдать/пострадать, грустить/загрустить, раздражаться, веселиться/развеселиться, обижаться/обидеться, злиться/обозлиться, стесняться, стыдиться/устыдиться, завидовать, пугаться/испугаться, ожиевляться/оживиться* и др.

К этой группе примыкают и глаголы несовершенного вида со значением ментального состояния: *знать, считать* (‘думать’), *верить, винить, полагать, помнить, думать, сомневаться, стыдиться, интересоваться* и др. Причина этого состоит в том, что сопутствующие состоянию характеристики (физические, психические, ментальные) обусловлены бессознательными процессами, которые не могут контролироваться субъектом и, следовательно, не предполагают никаких усилий с его стороны.

Сочетаются с наречием *еле* глаголы несовершенного и совершенного вида со значением мыслительной деятельности: *вспоминать/вспомнить, выбирать/выбрать, выучивать/выучить, вычислять/вычислить, понимать/понять, считать* (‘производить подсчеты’)/*сосчитать, доказывать/доказать, выводить/вывести, изучать/изучить* и др.: *А в том последний их малаховский вечер пьяный Павел Алексеевич долго искал станцию, домой добрался за полночь и еле помнил происшедшее* (Л. Улицкая); *Он еле понимал, что говорил Маштый* (С. Семенов); *Меню было очень скромное: мы еле выбрали, что заказать; Намучился я с возвратом техники, еле доказал, что это был заводской брак; Ты ведь и сам еле поверил своим ушам!* (К. Симонов).

Сложившиеся в языке закономерности обусловлены тем, что с философской точки зрения деятельность выступает как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» [13]. Любая активность человека, направленная на преобразование окружающего мира, определяется целями, выбором средств для их осуществления и оценкой полученных результатов.

«Целесообразный характер деятельности, – по мнению Э.Г. Юдина, – приводит к тому, что *одним из главнейших ее условий и оснований является сознание*, понимаемое в самом широком смысле – не только как совокупность различных форм сознания, но и как множество его внутренних регулятивов (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т.д.)» [10, с. 267–268] (выделено мной – О.Г.). А сознание не просто определяет способность человека отражать в мышлении фрагменты окружающей действительности, оно наделяет его возможностью объединять эти фрагменты в единое непротиворечивое целое. С одной стороны, это целое включает и самого человека как

часть окружающей среды на уровне статики, с другой – предполагает активное преобразование того, что происходит вокруг, в мыслительной деятельности (динамика).

Отсюда следует, что в русском языке способность сочетаться с наречием степени *еле* может служить маркером, который позволяет объективно разделять группы глаголов ментального состояния и мыслительной деятельности. Например, глаголы *замечать, догадываться, понимать, соображать, осознавать*, которые Е.В. Падучева отнесла к разряду глаголов ментального состояния [5, с. 38], способны сочетаться с наречием *еле*. Следовательно, их значение предполагает применение усилий со стороны субъекта. Исходя из этого, их целесообразно квалифицировать как глаголы со значением мыслительной деятельности.

2.4. Особенность наречия *едва* состоит в том, что оно сочетается практически со всеми глаголами со значением ментального состояния и глаголами со значением мыслительной деятельности: *Он едва знал (верил, помнил, оценивал, сомневался, интересовался, осознавал; вспоминал/вспомнил, понимал/понял, выбирал/выбрал, считал/сосчитал, выводил/вывел, изучал/изучил); Хотя я едва думал об унаследованном богатстве, оно принесло мне независимость.* Способность к выражению количественных значений ‘немного, незначительно’ делает возможным сочетание *едва* с закрепленными в сознании признаками, которые могут проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности.

С глаголами чувств и физического состояния все обстоит иначе. Наречие степени *едва*, как и наречие степени *еле*, не образует словосочетаний с глаголами, выражающими внешнее (физическое) или внутреннее (психическое, чувственное) состояние. При этом наречия *немного, несколько*, соотносящиеся по смыслу с наречием степени *едва*, могут сочетаться с этими глаголами: *немного (несколько) дрожал (оживился, ослаб, завял, рассстроился, тронулся рассудком, стыдился)*.

Несочетаемость наречия степени *едва* с признаком лексикой, выражающей физическое и чувственное состояние, связано с его этимологией. *Едва* (общеславянск. *jedъva*) «было образовано путем сложения нескольких частиц со значением "только"» [14]. В «Этимологическом словаре» Н.М. Шанского говорится о том, что оно образовано с помощью «сложения ограничительных частиц **jedъ* "только" и *va-* тж. <...> *Едва* буквально – "только-только"» [15, с. 81].

Очевидно, что при указании на начальную фазу осуществления действия наречие степени *едва* можно заменить наречием *только*, указывающим на ограничение действия начальным его моментом: *Едва (Только) забрезжил рассвет; Катер едва (только) причалил к пристани.* А вот в предложении, в котором наречие *едва* соотносится со значением наречия *еле*, это сделать нельзя без утраты смысла, потому что вместо указания на трудности в осуществлении признака наречие *только* будет актуализировать его ограничительное или временное значение. Ср.: *Она едва/еле (с трудом) успела накрыть стол. – Она только (всего лишь) успела накрыть стол; Зарплаты едва/еле (с трудом) хватает на карманные расходы. – Зарплаты только (всего лишь) хватает на карманные расходы; Из этой поездки она едва/еле (с трудом) вернулась. – Из этой поездки она только (совсем недавно) вернулась.*

В предложениях, в которых значение признака может соотноситься и с прилагаемыми для его осуществления усилиями, и с малой количественной степенью проявления, наречия *еле* и *едва* выступают как синонимы. Ср.: *Он так мямлил, что я его едва/еле понимал; Он едва/еле спасся от неминуемой гибели; Следы росомахи были едва/еле видны.* Если одно из этих значений отсутствует, замена невозможна: *Он еле*

*поднял огромный обитый кованым железом сундук (*едва поднял); Кроны деревьев едва качались (*еле качались).*

Таким образом, в русском языке наречие степени *едва* сочетается с признаковыми лексемами, выражая значения ‘немного’, ‘с трудом’ ‘только’, ‘только-только’; в то время как наречие степени *еле* преимущественно употребляется в значении ‘с трудом’. Нам представляется, что подобная избирательность обусловлена этимологией наречия *еле*.

Согласно словарям, наречие *еле* произошло в результате «сращения *je (см. *еже*) и частицы *ле* как вариант *ли*» [15, с. 81]. А частица *ли* в древнерусском и старославянском языках употреблялась для усиления вопросительности, «содержащей недоумение, сомнение и т.п.» [11, с. 149]. Сомнение в том, что удастся справиться, неизбежно сопровождало действия, требующие значительных усилий. Отсюда и преимущественное использование наречия *еле* в значении ‘с трудом’ и отсутствие его в конструкциях, которые служат исключительно для выражения малой количественной степени проявления признака. В сочетании с частицей *не* наречие *еле* не употребляется. Ср.: *едва не расплакался*, **еле не расплакался*.

Выводы. Наречия *немного*, *несколько*, *еле*, *едва* сочетаются с признаковыми лексемами избирательно, и эта избирательность обусловлена их этимологией, а также многими другими факторами, присутствующими в сознании носителей языка. Наречия *немного*, *несколько* в большей степени предназначены для выражения количественных значений; наречия *еле*, *едва* – для выражения значений качественных.

Второй параметр, по которому происходит разделение данных наречий, – это статичный или динамичный характер проявления признака у лексем, с которыми они могут сочетаться. Наречия *немного*, *несколько* ориентированы на статику, *еле*, *едва* – на динамику. Соответственно, эти наречия по-разному употребляются с акциональными глаголами и глаголами состояния – внешнего (физического) и внутреннего (чувственного, ментального) несовершенного и совершенного вида.

Еще один аспект валентной активности наречий степени связан с присутствующим в сознании носителей языка положительным или отрицательным отношением к выражаемым признаковыми лексемами значениям: *немного*, *несколько* в большей степени употребляются с лексемами отрицательной семантики, *еле*, *едва* сочетаются с лексемами, обладающими положительным или нейтральным статусом. На сочетаемость глаголов с наречиями степени влияет и их аспектуальные характеристики, включая предельность/непредельность, а также принадлежность к различным способам глагольного действия.

Таким образом, сочетаемостные характеристики наречий со значением низкой степени проявления признака определяются семантикой сочетающейся с ними признаковой лексики, которую отправитель речи воспринимает комплексно – в контексте описываемой ситуации и своего к ней отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В.Ю. Семантика и ее рефлексы у наречий усилия и малой степени / В.Ю. Апресян // Вопросы языкоznания. – 1997. № 5. – С. 16–34.
2. Глазунова О.И. О наречии *чуть* со значением крайне низкой степени интенсификации признака / О.И. Глазунова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 50–59. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14278403>.
3. Дун Ц. Наречия степени в русских говорах Приамурья / Ц. Дун // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 567–570.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова; АН СССР, Ин-т русского языка; отв. ред. Ю.В. Рождественский. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

5. Падучева Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Знание и мнение. Сб. научн. трудов. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 33–46.
6. Панков Ф.И. Грамматика наречий: постановка проблемы / Ф.И. Панков // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4 (18). – С. 64–68.
7. Позднякова А.А. Наречия меры и степени в речи иностранных студентов: анализ и систематизация ошибок / А.А. Позднякова, Т.П. Чепкова, Юйцунцзы У, Цзяци Ли // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2. – Часть 1. – С. 131–146.
8. Потемкин С.Б. Исследование оценочной ориентации наречий / С.Б. Потемкин // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – Vol. 10-1 (61). – С. 145–152. – DOI: [10.24412/2500-1000-2021-10-1-145-152](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-1-145-152).
9. Русская грамматика. В 2-х тт. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
10. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. – М. : Наука, 1978. – 392 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-ое, испр. и доп. Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с.
13. Психология. Словарь. Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
14. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка / А.В. Семенов. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 704 с.
15. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н.М. Шанский. – Изд. 5-ое, стереотип. – М. : Дрофа, 2002. – 400 с.

REFERENCES

1. Apresyan V.Yu. (1997) Semantika i ee refleksy u narechij usiliya i maloj stepeni [Semantics and its reflexes in adverbs of high and low degree] in Voprosy yazykoznanija [Questions of linguistics]. Vol. 5, pp. 16–34 (In Russian).
2. Glazunova O.I. (2024) O narechii chut' so znacheniem krajne nizkoj stepeni intensifikacii priznaka [About the adverb *chut'* with the meaning of an extremely low degree of feature intensification]. Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psixologiya [Bulletin of the Donetsk National University. Philology and Psychology series]. Vol. 5, pp. 50–59. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14278403> (In Russian).
3. Dun Cz. (2021) Narechiya stepeni v russkix govorax Priamur'ya [Adverbs of degree in the Russian dialects of the Amur region]. Mir nauki, kul'tury', obrazovaniya [The world of science, culture, and education]. Vol. 2 (87), pp. 567–570 (In Russian).
4. Zolotova G.A. (1982) Kommunikativny'e aspeky russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka, 368 p. (In Russian).
5. Paducheva E.V. (1988) Vy'vodima li sposobnost' podchinyat' kosvennyj vopros iz semantiki slova? [Is the ability to subordinate an indirect question deducible from the semantics of a word?]. Logicheskij analiz yazy'ka. Znanie i mnenie. Sb. nauchn. Trudov [Logical analysis of language. Knowledge and opinion. Collection of scientific papers]. Moscow: Nauka, pp. 33–46 (In Russian).
6. Pankov F.I. (2015) Grammatika narechij: postanovka problemy' [Grammar of adverbs: problem statement]. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Linguistics and intercultural communication]. Vol. 4 (18), pp. 64–68 (In Russian).
7. Pozdnyakova A.A., Chepkova T.P., U Yujczunczzy', Li Czzyaci (2023) Narechiya mery' i stepeni v rechi inostrannyx studentov: analiz i sistematizaciya oshibok [Adverbs of measure and degree in the speech of international students: analysis and systematization of errors]. Prepodavatel' XXI vek [Teacher of the XXI century]. Vol. 2. Part 1, pp. 131–146 (In Russian).
8. Potemkin S.B. (2021) Issledovanie ocenochnoj orientacii narechij [A study of the evaluative orientation of adverbs]. International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 10-1 (61), pp. 145–152. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-10-1-145-152](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-1-145-152) (In Russian).
9. Russkaya grammatika [Russian Grammar] (1980). Moscow: Nauka. Vol. 1, 783 p. (In Russian).
10. Yudin E.G. (1978) Sistemnyj podxod i princip deyatel'nosti: metodologicheskie problemy' sovremennoj nauki [A systematic approach and the principle of activity: methodological problems of modern science]. Moscow: Nauka, 392 p. (In Russian).

ON RUSSIAN ADVERBS *NEMNOGO, NESKOL'KO, ELE, EDVA* WITH MEANING OF LOW
AND EXTREMELY LOW DEGREE OF INTENSIFICATION

O. I. Glazunova

The article deals with combinability peculiarities of adverbs of degree *NEMNOGO, NESKOL'KO, ELE, EDVA* with qualitative lexemes, the semantics of which can vary quantitatively. The availability in the Russian language of a number of adverbs with the meaning of a low and extremely low degree of intensification indicates that they are not absolute synonyms, and their differences are manifested both at the level of semantics and in valence characteristics. The peculiarities of degree adverbs compatibility are determined by a number of factors: the negative, neutral or positive meaning of the qualitative lexemes; the static or dynamic nature of the meanings expressed by them; a perfect/non-perfect status of verbs; their semantics associated with the expression of an external (physical) or internal (mental, sensual) state, or the results of rational, i.e. quantifiable, perception of objects of reality. The selectivity of the combination of degree adverbs *NEMNOGO, NESKOL'KO, ELE, EDVA* with qualitative lexemes is accounted for by their etymology, as well as many other factors in the native speakers' minds.

Keywords: Russian grammar, adverbs of degree, low degree of intensification, valence of adverbs of degree.

Глазунова Ольга Игоревна.

Кандидат филологических наук.

Санкт-Петербургский государственный
университет.

Доцент кафедры русского языка как иностранного
и методики его преподавания.

ORCID: 0000-0003-2369-2065.

E-mail: o.i.glazunova@mail.ru

Glazunova Olga Igorevna.

Candidate of Philology.

St. Petersburg State University.

Associate Professor at Department of Russian as a
Foreign Language and Methods of its Teaching.

ORCID: 0000-0003-2369-2065.

E-mail: o.i.glazunova@mail.ru

Научная статья
УДК 81' 42: 321.02
DOI: 10.5281/zenodo.15114465

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© 2025 Н.В. Захарова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный университет им Н.П. Огарёва»
ORCID 0000-0002-0144-3503

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются языковые средства, формирующие индивидуальную речевую манеру политического лидера, а именно особенности грамматической организации текстов публичных выступлений действующего президента Франции Э. Макрона. Анализируется роль политического дискурса в современном информационном пространстве как самостоятельного явления, определяющего новую научную парадигму. Целью статьи является выстраивание морфосинтаксической парадигмы экспрессивных средств, ответственных за репрезентацию индивидуального речевого портрета восьмого президента V Республики. Выявлены следующие средства выразительности: вводные слова и словосочетания, восклицательные и вопросительные предложения, обращения, односоставные и неполные предложения, осложняющие элементы, к которым относятся однородные и обособленные члены предложения. Особое внимание уделено основным переводческим приемам передачи выделенных грамматических экспрессивных средств, а также выявлению лингвистических и экстралингвистических причин трансформаций текстовой ткани.

Ключевые слова: политический дискурс, грамматические средства выразительности, приемы перевода, адекватность.

Для цитирования: Захарова Н.В. Грамматические средства выразительности в современном франкоязычном политическом дискурсе и способы их передачи на русский язык / Н.В. Захарова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 84–94. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15114465>.

Введение. Политический дискурс, являясь особой знаковой системой какой-либо лингвокультуры, на протяжении довольно долгого времени вызывает живой интерес лингвистов как наиболее эффективный манипулятивный инструмент влияния на массовое сознание. Выявление его лингвистических и экстралингвистических характеристик, ответственных за реализацию воздействия на индивидуального или коллективного адресата, становится первостепенной задачей для политической лингвистики. Данной проблемой занимались такие исследователи, как О.И. Воробьев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, А.П. Чудинов, Д.В. Шапочкин, Е.И. Шейгал и др.

Политика независимо от эпохи и культуры всегда предполагает пропаганду, побуждение к социально значимым действиям, формирование общественного мнения, что делает ее неотделимой от речи. Как справедливо заметила Е.И. Шейгал, «политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий» [18, с. 23]. Выявить набор языковых средств, отличающих конкретного значимого политика, образующих его речевой портрет и таким образом ответственных за формирование общественных ценностей и мнений,

представляется весьма актуальной задачей. Как показал анализ научных публикаций по данному вопросу, наиболее часто исследуются лексические и стилистические средства формирования верbalного имиджа политиков. Грамматические же возможности транслирования основных функций политического дискурса остаются недооцененными, что и составляет **актуальность** настоящего исследования.

Материалы и методы исследования. Материалом для написания данной статьи послужили тексты выступлений Эммануэля Макрона, произнесенные им в Константиновском дворце (Санкт-Петербург, 24–25 мая 2018 года) в ходе своего первого официального визита в Россию. Предметом изучения явились морфосинтаксические особенности структурации этих выступлений (и их передача на русский язык), которые наряду с другими речевыми средствами ответственны за формирование верbalного имиджа Э. Макрона. В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки, дискурсивного, квантитативного, переводческого анализа, а также структурно-описательный метод.

Основная часть. Для реализации своих коммуникативных стратегий и тактик в политические тексты внедряются самые разнообразные по грамматической оформленности единицы и конструкции. При этом перед переводчиком политического дискурса встает ответственная задача обеспечения грамотной и максимально приближенной к оригиналу передачи информации с одного языка на другой, с учетом интерпретации и адаптации текста через призму авторского замысла.

Мы сгруппировали употребленные Э. Макроном в оригинальной речи грамматические (морфологические и синтаксические) средства выразительности и подробно проанализировали трансформации и приемы, применяемые переводчиком для их передачи на русский язык.

Вводные слова и словосочетания. Нами было выявлено 28 примеров, содержащих вводные слова и словосочетания, которым, как показал анализ, присущи две основные функции.

1) Вводные слова и словосочетания для выражения хронологии.

Для выражения хронологии в высоком регистре французского языка Э. Макрон использует разнообразные слова и выражения. В ряду подобных нами было отмечено вводное слово *enfin* (2 примера).

Лексема *enfin* в значении ‘(и) наконец’ выражает определенную последовательность происходящего. В данном случае переводчик интерпретирует вводное слово французского языка соответствующим эквивалентом на русском. Использование **дословного перевода**, по нашему мнению, является наиболее мотивированным вариантом перевода:

Enfin, après la souveraineté, la coopération permanente, il nous faut reconstruire, rebâtir ce multilatéralisme fort [19]. – **И наконец**, вслед за укреплением суверенитета и постоянного сотрудничества, нам нужно разработать основы твердого многостороннего подхода [21].

Названная лексическая единица в русском языке может:

а) указывать на связь излагаемых мыслей и замыкать перечисление, то есть быть вводным словом;

б) употребляться в роли члена предложения, выражая следствие или заключение [22, с. 113].

Возможно, именно по этой причине в другом примере наблюдаем лакуну. Мотивацией для **опущения** могли послужить профессиональные соображения: это было сделано во избежание неверного истолкования аудиторией смысла высказывания:

*Sur la situation en Ukraine **enfin**, le règlement pacifique de la crise au Donbass est l'élément clé d'un retour à des relations apaisées entre l'Europe et la Russie, nous y avons tous intérêt [20]. – По ситуации на Украине: мирное урегулирование на Донбассе является важнейшим элементом возвращения к ослаблению напряженности отношений между Европой и Россией, мы все заинтересованы в этом [23].*

2) Вводные слова для логической связки.

При анализе выбранных выступлений в рассматриваемую группу мы включили 4 вводных слова и конструкции. В их числе такие, как *en effet* (6), *donc* (11), *alors* (5), *sans doute* (4).

Лексема *en effet* в значении ‘действительно; в самом деле’ в речи Э. Макрона способствует выражению доказательства или причины. Однако, несмотря на широкую употребительность в оригинале, ни одно из предложений на языке перевода не содержит обозначенной лексической единицы. Вводное слово *действительно* характерно «для спонтанной, бытовой речи» [15, с. 78], поэтому причиной для его пропуска переводчиком может являться попытка снижения излишней разговорной, эмоционально-оценочной окраски. И все же опущение указанного выше слова мы считаем неоправданным. Оно имеет широкую палитру выражаемых значений и, по мысли Ю.Д. Апресяна, употребляется «для подтверждения надежности сообщения и способно отвести потенциальные сомнения адресата, с которым говорящий ведет «скрытый диалог» [1, с. 11]. Иначе говоря, в силу особенностей семантики слово *действительно* позволяет продемонстрировать уверенность в достоверности сообщаемых фактов, что весьма немаловажно в политических текстах.

Лексема *donc* в значении ‘следовательно; итак; таким образом’ отличается частотностью употребления. Переводчик сохраняет за ней функцию вводного слова лишь в одном из высказываний на русском языке, используя прием **конкретизации** для передачи значения:

*Et donc, pour éviter toute escalade, notre volonté est de construire cet accord plus large dans la région avec l'Iran et d'œuvrer ensemble pour ce faire [20]. – **Таким образом**, чтобы избежать эскалации, наше стремление заключается в создании более широкого соглашения с Ираном в регионе, и совместной работе для достижения этой цели [23].*

Рассмотрим еще один пример:

*Donc, notre défi commun, c'est face à toutes les peurs contemporaines, toutes les grandes bascules, les craintes... [19]. – **Поэтому** наша общая задача – невзирая на современные тревожные тенденции, исторические потрясения, geopolитические и технологические проблемы... [21].*

В русском языке, кроме вводных слов, выражающих модально-коммуникативные отношения, существуют и другие способы выражения модальности: это различные наречия и частицы, которые не выделяются на письме [15, с. 80]. Оттого неудивительно, что большинство встретившихся нам случаев перевода указывают на **замену части речи**. В предложении выше мы наблюдаем, как вводное слово *следовательно* оказалось наречием *поэтому*. Данное преобразование мы считаем допустимым, поскольку переводчик сохранил структуру и семантическую идею высказывания [6].

В некоторых предложениях было отмечено отсутствие анализируемого вводного слова при переводе. Целесообразность **опущения** объясняется существующими в русской речевой культуре тенденциями к «экологии языка». Так, бывает немало мнений о вреде вводных слов. По поводу обилия вводных слов в тексте есть даже мнение, что это: «...признак скучного словарного запаса, вызванного недалеким интеллектом» [8].

Мы не разделяем подобной весьма категоричной точки зрения, однако допускаем, что она вполне могла послужить причиной вышеуказанного опущения.

Примечательно, что вводное слово *alors* в значении ‘итак’ ни в одной из проанализированных речей Э. Макрона при переводе не было использовано. В этот раз обращение к приему опущения кажется недостаточно мотивированным, так как, например, в следующем предложении на французском политик явно хотел не только выразить связность высказываний или итог размышлений, но и привлечь внимание публики к последующей фразе. В переводном варианте производимый эффект остается, но проявляется с меньшей силой:

Revoir cette architecture est notre intérêt partagé. Alors mettons-nous autour de la table et travaillons [19]. – В наших общих интересах пересмотреть имеющиеся механизмы. Давайте сядем за стол переговоров и будем работать вместе [21].

Лексема *sans doute* используется Э. Макроном в значении ‘вероятно; возможно; несомненно; конечно’ для выражения ограничения (уступки), уверенности или неуверенности в том, о чём говорится. Самый частотный способ передачи слова на русский язык – **конкретизация**, так как автор выбирает подходящее для данного контекста значение лексической единицы:

Simplement, ces vingt-cinq dernières années ont parfois été faites d'incompréhensions, sans doute d'erreurs... [19]. – В течение последних двадцати пяти лет у нас были случаи недопонимания, возможно, ошибок... [21].

Помимо этого, отметим прием **добавления**, при котором в текст вводится дополнительное слово, отсутствующее в оригинале:

C'est sans doute un peu de cela dont il s'agit lorsque nous parlons de la relation entre nos deux pays [20]. – Конечно, вероятно, в этом – суть отношений наших двух стран [23].

Встречаются и **перестановки**, когда переводчик перестраивает структуру предложения за счет перемещения вводного слова в другое по отношению к подлиннику место:

Les héros russes ont habité l'imaginaire français et Dostoievski n'aurait sans doute pas été lui-même sans l'influence de la France et des auteurs français [20]. – Персонажи российских произведений пленили воображение французов, а на Достоевского Франция и ее писатели, несомненно, оказали большое влияние [23].

Таким образом, при переводе вводных слов и конструкций переводчик избегает тяжеловесных конструкций, свойственных русскому языку вообще и русскому политическому и официальному стилю в частности. Во многих случаях он, по всей видимости, считает такие употребления избыточными, а потому отказывается от них или заметно ограничивает их использование при переводе. Все это не позволяет в полном объеме передать формальность стиля Э. Макрона.

Восклицательные и вопросительные предложения. Тексты современного политического дискурса, в том числе речи Э. Макрона, отличаются большой экспрессивностью и эмоциональностью. Французский политический лидер с целью реализации определенных аспектов своей агитационной программы придает выступлениям самую различную интонационную окраску: вопросительную, восклицательную, побудительную. Воздействовать на слушателя, производя необходимый коммуникативный эффект, возможно через использование вопросительных и восклицательных предложений.

По поводу первых отметим, что они встречаются в анализируемых выступлениях редко. Президент задает вопросы, когда высказывается по какой-то проблеме или

обсуждает сложившуюся ситуацию. Зачастую, политик самостоятельно отвечает на поставленные вопросы.

Рассмотрев политический дискурс Э. Макрона на предмет наличия вопросительных предложений, мы отметили всего 3 подобных примера. Все эти синтаксические конструкции оказались риторическими:

Pourquoi? Parce que c'est la condition du respect, mais c'est la condition aussi d'un bon fonctionnement avec les milieux d'affaires [19]. – **Почему?** Потому что это не только основа для уважения, но и условие для хорошего взаимодействия с деловыми кругами [21];

Que nous demandent nos concitoyens? De pouvoir en rendre compte [19]. – Чего хотят наши сограждане? Чтобы перед ними кто-то отчитывался [21].

Переводческий аспект предполагает использование **дословного перевода** и **конкретизации**. В первом примере наречие *pourquoi* может означать ‘почему; зачем; отчего’ и т.п. [24]. Во втором акцентируем внимание на глагол *demandent* со значениями ‘просить; требовать’ [24]. Специалист сопоставляет словарные варианты, определяя общий смысл переводимого слова, и отбирает тот, который наиболее удовлетворяет условиям контекста.

Обычно переводчик сохраняет последовательность членов предложения. Тогда интерес вызывают способы передачи модальности на русский язык [4]. В частности, идет обращение к приему **замены**: сообщаемое, реально осуществляющееся во времени (изъявительное наклонение настоящего времени) приобретает значение ирреальности, которое теперь выражается формой **условного наклонения**:

Que nous demandez-vous? [19]. – Чего вы хотели бы от нас? [21].

Использование иного плана выражения для высказываний, подобных этому, вполне объяснимо: в русскоязычной традиции предложение вроде *Чего вы от нас хотите?* может быть воспринято собеседником как несколько грубое и категоричное. Форма сослагательного (условного) наклонения, напротив, повышает степень вежливости и снимает излишнюю твердость.

Ряду встретившихся нам высказываний (11 примеров) присуща восклицательность, которая во французском языке выражается преимущественно интонационными средствами. Эти предложения представляют собой обращения и переводятся **дословно**, без каких-либо изменений в семантике или структуре. Единственное преобразование, осуществленное переводчиком, – пунктуационного характера. Правила грамматики русского языка гласят: если обращение, стоящее в начале предложения, произносится с восклицательной интонацией, то после него ставится восклицательный знак [4]. К примеру:

Mesdames et Messieurs les Ministres,
Mesdames et Messieurs les Parlementaires,
Mesdames, Messieurs [19].
Дамы и Господа министры!
Дамы и Господа парламентарии!
Дамы и Господа! [21].

Обращения. Обращение всегда прямо или косвенно называет лицо, которому адресована речь. Вокатив (обращение) – один из неотъемлемых компонентов политического дискурса, реализующий комплекс важных функций.

Во-первых, способствует установлению контакта с оппонентом и публикой (апеллятивная функция); во-вторых, привлекает внимание адресата к высказыванию ввиду того, «что оно по определению грамматически независимо, интонационно обособленно от остальной части высказывания и является прямым вербальным средством адресации речи» [13, с. 106] (аттрактивная функция); в-третьих, привлекая

внимание адресата, обращение тем самым способствует поддержанию контакта между коммуникантами (контактная функция).

Всего обнаружено 20 предложений, содержащих одно или несколько обращений. Общие статусные обращения у Э. Макрона почти всегда соотносятся с официальным стилем политических выступлений [14, с. 87]. В таком же виде через **подбор эквивалента** и нередко с учетом **перестановки** они переводятся на русский язык:

Mesdames et Messieurs, je suis lucide en vous disant tout cela [19]. – *Как вы знаете, дамы и господа, я очень трезво смотрю на ситуацию* [21].

В редких случаях можно заметить отступление президента Франции от строгой официально-деловой речи. Так, встречаются специальные распространенные обращения с пояснительными словами, имеющими разговорную окраску, также отмечены случаи использования обращений-антропонимов. Это позволяет разрядить обстановку, придать коммуникации чуть более неформальный оттенок, сблизить адресанта и адресата речевого высказывания.

Представим несколько примеров подобных обращений, используемых Э. Макроном: *cher Vladimir* ('дорогой Владимир'), *cher Shinzo* ('дорогой Синдзо') и др.

Обратившись к переводу политического дискурса Э. Макрона, следует обратить внимание на то, что при обращении к руководителю страны французский президент употребляет различные вокативы – от формальных *господин президент* до неформальных, частично разговорных вроде *дорогой* или *Владимир*. Такой речевой сумбур, как нам кажется, связан с тем, что, в отличие от ряда других государств, в России система статусных обращений характеризуется нестабильностью. По этому поводу очень точно высказалась Т.С. Жукова, которая считается, «в современном русском языке нет утвержденной, закрепленной, общеупотребительной и признаваемой всеми носителями языка этикетной формы обращения, приемлемой для адресации к первым лицам страны» [9, с. 146].

Односоставные и неполные предложения. Характерная особенность риторики Э. Макрона – применяемая им стратегия «я-дискурса». То есть в высказываниях политического лидера усматривается обильное употребление личных местоимений первого лица единственного числа. Этот риторический прием ставит в центр высказывания личность говорящего, подчеркивает его авторитетность и уверенность в собственной правоте (подробнее о комплексе риторических приемов, отличающих речевой имидж Э. Макрона, мы писали в другой работе [10]). В силу названного нельзя не подчеркнуть численное превосходство двусоставных предложений в рамках выступлений президента. И все же однокомпонентные предложения и неполные синтаксические конструкции (конструкции с эллипсом, нулевыми словами (знаками), ситуативно неполные конструкции и т.д. [4]) нередко встречаются у Э. Макрона.

Анализ сплошной выборки из 239 текстовых последовательностей политических речей французского оратора указал на наличие лишь 16 примеров односоставных предложений глагольного типа, причем все они являлись частью сложных предложений. В их числе оказались 3 определенно-личных и 13 безличных. Односоставные предложения именного типа не были найдены.

Рассмотрение данных синтаксических конструкций в переводческом ракурсе позволило выявить некоторые закономерности. Так, излюбленными приемами переводчика стали следующие.

а) Дословный перевод:

Alors mettons-nous autour de la table et travaillons [19]. – *Давайте сядем за стол переговоров и будем работать вместе* [21].

Là-dessus, nous en avons parlé hier avec le Président Poutine, nous connaissons le cadre, le format, il faut maintenant œuvrer et avancer [19]. – Формат и основа для этого нам известны, о них мы говорили вчера с президентом Путиным, **теперь нужно работать и продвигаться вперед** [21].

б) Дословный перевод + замена + перестановки:

La première chose, c'est la souveraineté, on ne peut pas se faire confiance – comme je le disais en citant «Guerre et Paix» – si on n'a pas confiance en soi-même et si on ne se respecte pas soi-même et si on ne sait se faire respecter [19]. – Начнем с суверенитета: как я уже отметил, приведя в пример «Войну и мир», **невозможно доверять друг другу, если не доверяешь самому себе, не уважаешь себя и не можешь внушить к себе уважения** [21].

Обратим внимание, что в описанном примере двусоставное в оригинале предложение *on ne peut pas se faire confiance* при переводе заменяется односоставным безличным – **невозможно доверять друг другу**. Считаем такое решение переводчика оправданным, так как синтаксису русского языка свойственно так называемое структурное единство, при котором предикативные части сложного предложения имеют друг с другом одинаковые связи [4]. В указанном сложном предложении средством связи между элементами выступает синтаксический параллелизм, при котором грамматическая структура нескольких простых конструкций повторяется. Укажем и на факт перемещения некоторых частей (простых предложений) в пределах сложного, что никак не меняет смысл высказывания и, вдобавок, придает ему большую благозвучность.

в) Дословный перевод + замена + объединение:

Je suis attaché à ce qu'entre nous, nous nous respectons et qu'il n'y ait pas d'intrusion, de quelque nature qu'elle soit [19]. – Я убежден в том, что нам необходимо уважать друг друга и избегать какого бы то ни было вмешательства [21].

Как видно из примера, переводчик заменяет отрицательное безличное предложение *qu'il n'y ait pas d'intrusion, de quelque nature qu'elle soit* со сказуемым, выраженным глаголом в безличной форме с отрицательной частицей *ne* + дополнением в родительном падеже, на инфинитивное *нам необходимо уважать друг друга и избегать какого бы то ни было вмешательства*, где составное глагольное сказуемое представлено вспомогательным словом *необходимо* + инфинитив. В переводе специалист объединяет простые предложения данного типа, отделенные друг от друга запятой, и придает им роль однородных придаточных изъяснительных. Такой вариант синтаксического устройства предложения русскоязычному слушателю покажется более приемлемым, будет воспринят эффективнее.

Кроме того, укажем и на использование Э. Макроном предложений, в которых отсутствуют те или иные члены, легко восстанавливаемые из контекста. Таких было обнаружено 6. Среди них оказались как неполные односоставные, так и неполные двусоставные. Каждого типа по 3 примера.

Перевод неполных предложений, употребленных в политических речах Э. Макроном, в основном представляет собой **дословную** передачу текста подлинника на русский язык, например:

Nous avons un partenariat historique, il est là et il est fort... [20]. – **У нас историческое партнерство**, оно существует, оно сильно... [23].

Иногда это сочетание **дословного перевода и замены**, как в примере далее:

Je crois que nous devons œuvrer, que c'est notre intérêt conjoint, pour défendre notre sécurité collective, ... [20]. – Я верю, что мы должны добиваться, и в этом наш общий интерес, **защиты нашей коллективной безопасности**... [23]

Здесь заметно, как специалист преобразовал односоставное предложение *pour défendre notre sécurité collective* в приложение на русском языке, что позволило поставить на этой части логическое ударение, сделать акцент и привлечь внимание аудитории к выделенному фрагменту.

Итак, при переводе односоставных и неполных конструкций на русский язык большинство оригинальных синтаксических и стилистических особенностей часто теряется, так как русскому языку, несвойственны те или иные черты французского синтаксиса. Тем не менее переводчик, уловив суть речи и уяснив авторскую идею, старается средствами переводящего языка добиться похожего эффекта.

Осложняющие элементы. С точки зрения традиционной концепции в структуру простого предложения могут входить конструкции, которые не являются членами предложения и не включены в синтаксическую цепочку. Названные осложняющие компоненты мы подробно рассмотрели ранее – вводные слова и словосочетания, обращения. Однако к осложняющим также относят однородные и обособленные (причастные и деепричастные обороты) члены предложения. Представим результаты их изучения в текстах политического дискурса Э. Макрона.

1) Однородные члены предложения. Структура предложений, характерных для политического дискурса Э. Макрона весьма часто содержит однородные члены. Нами выявлено 137 предложений, а это 57 % от общего количества, содержащих ряды однородных членов. Они играют важную роль в политических текстах: усиливают выразительность, эффективность, доступность речи [2, с. 266].

Перевод однородных членов предложения, употребленных президентом Франции, не вызывает трудностей. В большинстве рассматриваемых случаев это **подбор эквивалента и дословный перевод**:

Et c'est un peu de cela aussi dont il s'agit, pensant également aux quelques combattants français qui ont été aux côtés de votre ville et de votre people [20]. – *Об этом свидетельствуют и подвиги нескольких французских бойцов, которые защищали ваши город и ваши народ* [23].

2) Обособленные члены предложения. В проанализированных речах Э. Макрона выявлены обособленные определения, выраженные причастным оборотом (8 примеров) и обособленные обстоятельства, выраженные деепричастным оборотом (13 примеров). Самый продуктивный способ перевода, как и в случае со многими другими группами – **дословный перевод**:

...pour rendre hommage à la résistance héroïque des soldats soviétiques et des civils russes assiégés par l'armée hitlérienne [20]. – *...чтобы отдать дань памяти героизму и стойкости советских солдат и жителей города, выдержавших осаду гитлеровской армии* [23] (причастный оборот);

Ce dernier déploie une simplicité et une joie, une foi en autrui qui fait que Bézoukhov, qui tout au long du roman, doute de lui-même, finit par dire qu'en le regardant – je cite – il "ressens cette paix de l'âme, ce contentement de soi-même, que jusque-là, il avait en vain appelé de tous ses vœux [20]. – *Карамаев воплощает собой простоту, радость и веру в окружающих, поэтому Безухов, который на протяжении всего романа сомневается в себе, в конечном итоге признается, что, глядя на него, – я цитирую – «получил то спокойствие и довольство собой, к которым он тщетно стремился прежде»* [23] (деепричастный оборот) и т.п.

Заключение. Итак, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в качестве основных имиджеобразующих грамматических средств политического дискурса Э. Макрона можно выделить вводные слова и обороты, восклицательные и вопросительные

предложения, обращения, односоставные и неполные предложения, однородные и обособленные (причастные и деепричастные обороты) члены предложения. Что касается избранных переводчиком стратегий, то они кажутся нам вполне обоснованными, оправданными, придающими переведенному тексту свойственный оригиналу пафос, т.е. транслирующими коммуникативный замысел политика.

Несмотря на утрату в переводе ряда синтаксических особенностей оригинала (невоспроизведенными остались вводные конструкции, а также односоставные и неполные предложения), анализируемый перевод политических выступлений Э. Макрона является в целом адекватным, передающим созданный политиком яркий речевой образ, воздействующий на целевую аудиторию и вызывающий соответствующий спектр эмоций. Переводя текст политических речей Эммануэля Макрона, переводчик прибегал к разнообразным лексико-грамматическим трансформациям, среди которых наиболее частотными стали конкретизация, дословный перевод, подбор эквивалента и разнообразные морфосинтаксические замены, что в конечном счете позволило ему отразить ключевые национально-специфические реалии и речевые особенности подлинника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю.Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенсиональности : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – М. : Наука, 1988. – С. 7–44.
2. Балыхина Т.М. Выразительные средства синтаксиса современного политического дискурса / Т.М. Балыхина, М.С. Нетёсина // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2012. – № 3 (4). – С. 264–268.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по филологическим направлениям и специальностям / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина; под ред. Н.С. Валгиной. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М. : Логос, 2008. – 527 с.
4. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка : учебник для вузов / Н.С. Валгина. – М. : Выш. школа, 1978. – 439 с.
5. Воробьева О.И. Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации / О.И. Воробьева. – Архангельск, 1999. – 249 с.
6. Данилова И.И. Особенности перевода вводных слов в политическом дискурсе / И.И. Данилова, М.М. Голубева // Филологические науки. – 2016. – № 5. – С. 317–320.
7. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32–43.
8. Ермошкина В. О вводных словах замолвите слово [Электронный ресурс] / В. Ермошкина // Проза.ру: российский литературный портал. – Режим доступа: <https://proza.ru/2023/03/31/102> (дата обращения: 17.01.2025).
9. Жукова Т.С. Как обращаться к первым лицам государства / Т.С. Жукова // Культура речи. – 2013. – № 6. – С. 59–61.
10. Захарова Н.В. Лингвостилистические средства формирования вербального имиджа Э. Макрона / Н.В. Захарова // Казанский лингвистический журнал. – 2023. Т. 6. №4. – С. 501–511.
11. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.
12. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 385–405.
13. Лекова Л.М. Функции вокативов в политическом дискурсе / Л.М. Лекова, А.И. Отрошенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 105–111.
14. Нестеренко Е.Ю. Статусные обращения к первым лицам государства в русском, американском и британском политическом дискурсе / Е.Ю. Нестеренко // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 87–92.
15. Рамазанова Р.З. Вводно-модальные слова как средство выражения уверенности в современном русском языке / Р.З. Рамазанова // Филология и культура. – 2020. – № 2 (60). – С. 77–82.
16. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2001. – 238 с.

17. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография / Д.В. Шапочкин – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. университета, 2018. – 292 с.
18. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса / Е.И. Шейгал // Филология. – 1998. – № 14. – С. 22–29.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron lors du forum économique à Saint-Pétersbourg (Vendredi 25 mai 2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/25/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-lors-du-forum-economique-a-saint-petersbourg> (дата обращения: 17.12.2024).
20. Transcription de la conférence de presse conjointe du Président de la République, Emmanuel Macron avec Vladimir Poutine, Président de la Fédération de Russie à Saint-Pétersbourg (Palais Constantin – Jeudi 24 mai 2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/24/conférence-de-presse-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-vladimir-poutine-a-saint-petersbourg> (дата обращения: 17.12.2024).
21. Выступление Президента Французской Республики Эмманюэля Макрона на Петербургском Международном Экономическом Форуме (25 мая, 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/25/vystuplenie-prezidenta-frantsuzskoi-respubliki-emmanuelia-makrona-na-peterburgskom-mezhdunarodnom-ekonomicheskem-forume.ru> (дата обращения: 17.12.2024).
22. Пахомов В.М. Трудные случаи русской пунктуации: словарь-справочник / В.М. Пахомов, В.В. Свинцов, И.В. Филатова. – М. : Эксмо, 2012. – 569 с.
23. Совместная пресс-конференция с Президентом Франции Эммануэлем Макроном (24 мая, 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/57545> (дата обращения: 17.12.2024).
24. Французско-русский. Русско-французский словарь: Dictionnaire français-russe, russe-français: частотный метод, современная лексика, 55 000 слов. – М.: ВАКО, 2010. – 863 с.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. (1988). Pragmatische informaciya dlya tolkovogo slovarya [Pragmatic information for the dictionary] in Pragmatika i problemy intensional'nosti [Pragmatics and intensivity problems]: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. (pp. 7–44). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
2. Balyhina T.M. (2012). Vyrazitel'nye sredstva sintaksisa sovremennoogo politicheskogo diskursa [Expressive means of syntax of modern political discourse] in Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium. [Vectors of well-being: economy and socium]. 3 (4). 264–268 (In Russian).
3. Valgina N.S., Rozental' D.E., Fomina M.I. (2008). Sovremennyj russkij yazyk: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po filologicheskim napravleniyam i special'nostyam [Modern Russian: a textbook for students of higher education institutions studying in philological fields and specialties]. Moscow: Logos. 527 p. (In Russian).
4. Valgina N.S. (1978). Sintaksis sovremennoogo russkogo yazyka [Modern Russian syntax]: uchebnik dlya vuzov. Moscow: Vyssh. shkola. 439 p. (In Russian).
5. Vorob'eva O.I. (1999). Politicheskaya leksika. Semanticeskaya struktura. Tekstovye konnotacii [Political vocabulary. Semantic structure. Textual connotations]. Arkhangelsk. 249 p. (In Russian).
6. Danilova I.I., Golubeva M.M. (2016). Osobennosti perevoda vvodnyh slov v politicheskem diskurse [Features of translation of introductory words in political discourse] in Filologicheskie nauki [Philological sciences]. 5. 317–320. (In Russian).
7. Dem'yankov V.Z. (2002). Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political philology] in Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoryya i sovremennye issledovaniya [Political science. Political discourse: History and contemporary research]. Moscow: INION RAN. 3. 32–43. (In Russian).
8. Ermoshkina V. O vvodnyh slovah zamolvite slovo [About the introductory words please call the word] in Proza.ru: rossiskij literaturnyj portal [Proza.ru: Russian literary portal]. URL: <https://proza.ru/2023/03/31/102>. (In Russian).
9. Zhukova T.S. (2013). Kak obrashchat'sya k pervym licam gosudarstva [How to address the first persons of the state] in Kul'tura rechi [Language culture]. 6. 59–61. (In Russian).

10. Zakharova N.V. (2023). Lingvostilisticheskie sredstva formirovaniya verbal'nogo imidzha E. Makrona [Linguostylistic means formation of E. Macron's verbal image] in Kazanskij lingvisticheskiy zhurnal [Kazan Language Journal]. 6. (4). 501–511. (In Russian).
11. Karasik V.I. (2000). Etnokul'turnye tipy institucional'nogo diskursa [Ethno-cultural types of institutional discourse] in Etnokul'turnaya specifika rechevoj deyatel'nosti [Ethnocultural specificity of speech activity]. Moscow: INION RAN. 37–64. (In Russian).
12. Krysin L.P. (2000). Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in modern Russian speech] in Russkij jazyk konca XX stoletiya (1985–1995) [Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. Moscow: Languages of Russian culture. 385–405. (In Russian).
13. Lekova L.M., Otroshenko A.I. (2010). Funkcii vokativov v politicheskem diskurse [Functions of vocatives in political discourse] in Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current problems of philology and pedagogical linguistics]. 12. 105–111. (In Russian).
14. Nesterenko E.Yu. (2016). Statusnye obrashcheniya k pervym licam gosudarstva v russkom, amerikanskem i britanskem politicheskem diskurse [Status Appeals to the First Persons of the State in Russian, American and British Political Discourse] in Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. 2. 87–92. (In Russian).
15. Ramazanova R.Z. (2020). Vvodno-modal'nye slova kak sredstvo vyrazheniya uverennosti v sovremenном russkom jazyke [Introduction to Russian as a means of expressing confidence in modern Russian language] in Filologiya i kul'tura [Philology and culture]. 2 (60). 77–82. (In Russian).
16. Chudinov A.P. (2001). Rossiya v metaforicheskem zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000): monografiya [Russia in the metaphorical mirror: cognitive research of political metaphor (1991–2000): monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU. 238 p. (In Russian).
17. Shapochkin D.V. (2018). Politicheskij diskurs: kognitivnyj aspekt: monografiya [Political discourse: cognitive aspect: monograph]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos universiteta. 292 p. (In Russian).
18. Shegal E.I. (1998). Struktura i granicy politicheskogo diskursa [Structure and boundaries of political discourse] in Filologiya [Philology]. 14. 22–29. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.01.2025

**EXPRESSIVE GRAMMATICAL MEANS
IN CONTEMPORARY FRENCH POLITICAL DISCOURSE
AND WAYS OF TRANSLATING THEM INTO RUSSIAN**

N.V. Zakharova

The article deals with language means, which form the individual speech style of a political leader. The focus is made on the features of public speeches grammatical organization of the current president of France E. Macron. The role of political discourse in the contemporary information space as an independent phenomenon defining a new scientific paradigm is analyzed. The article is aimed at constructing a morpho-syntactic paradigm of expressive means, representing the individual speech portrait of the eighth president of the V Republic. The following means of expression have been identified: introductory words and phrases, exclamatory and interrogative sentences, appeals, one-member and incomplete sentences, complicating elements, among which homogeneous and detached members of the sentence should be mentioned. A special attention is paid to the main techniques of translating the analysed grammatical expressive means, as well as to the identification of linguistic and extralinguistic causes of text transformations.

Keywords: political discourse, grammatical means of expression, techniques of translation, equivalence.

Захарова Наталья Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация.

Доцент кафедры теории речи и перевода.
ORCID 0000-0002-0144-3503.

E-mail: zakharovany80@mail.ru.

Zakharova Natalya Vladimirovna.

Candidate of Philology

N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation.

Associate Professor of Speech Theory and Translation Department.

ORCID 0000-0002-0144-3503.

E-mail: zakharovany80@mail.ru.

Научная статья

УДК 81:112

DOI: 10.5281/zenodo.15114407

**КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ, АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ)**

© 2025 **Л.Я. Козлова**

*Федеральное государственное бюджетное военное образовательное учреждение
высшего образования «Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского»
Министерства обороны Российской Федерации*

ORCID: 0000-0002-2023-0925

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной статье представлен разноуровневый сопоставительный текстовый анализ двух статей из американской и российской газет на тему войны в Чечне. Актуальность исследования заключается в том, что лингвистическая категория субъективной модальности (СМ) в военно-политическом дискурсе рассматривается с позиции выражения ее языковыми средствами как в составе предложения, так и на уровне суперструктуры и макроструктуры газетного текста. С точки зрения pragmatики анализ категории СМ способствует более точному осмыслению закономерностей военно-политической коммуникации. Материалом исследования послужили статьи из российской, британской и американской печати. В исследовании использовались сопоставительный метод, текстовый и дискурсивный анализ (макроструктурный и суперструктурный анализ в терминах Т. ван Дейка), элементы стилистического анализа, метод словарных дефиниций, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения, описания. Был сделан вывод о том, что СМ выявлена на лексико-семантическом, синтаксическом уровнях и на уровне макроструктуры и суперструктуры газетной статьи.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, категория субъективной модальности, разноуровневый сопоставительный анализ.

Для цитирования: Козлова Л.Я. Разноуровневый сопоставительный анализ реализации категории субъективной модальности в военно-политическом дискурсе (на материале англо-американских и российских СМИ) / Л.Я. Козлова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 95–105. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15114407>.

Введение. В современной лингвистике все чаще возникают направления, интегрирующие знания из различных областей. Наше исследование лежит в русле таких дисциплин, как лингвистика текста, стилистика текста, функциональная стилистика, анализ дискурса, политическая лингвистика. Политическая лингвистика возникла на пересечении лингвистики с политологией и учитывает достижения этнологии, социальной психологии и социологии. Это новое направление изучает условия и механизмы политической коммуникации, т.е. речевой деятельности, ориентированной на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на сознание граждан и побуждение их к определенным политическим действиям. Главная функция политической коммуникации – это борьба за власть и ее использование. Предпринятое нами исследование категории субъективной модальности в военно-политическом дискурсе будет способствовать более точному осмыслению закономерностей политической коммуникации и ее реализации в различных типах текста и на разных уровнях языковой системы.

В конце XX – начале XXI века в лингвистике на первый план вышел говорящий/пишущий субъект, который, «сообщая собеседнику определенную информацию и выражая свое отношение к ней, отбирает необходимые языковые средства, рассчитывая на коммуникативный эффект» [15, с. 1]. Категория субъективной модальности и тесно связанная с ней оценочность, являясь антропоцентрически обусловленными свойствами языка, отображают чрезвычайно сложную картину человеческого мира.

Кроме того, существует насущная необходимость изучения категорий текста как таковых, поскольку их изучение, как отмечает З.Я. Тураева, началось лишь в 80-х годах XX века. Категория модальности «устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий» [5, с. 59].

Новизна данного исследования заключается в следующем:

- предпринята попытка сопоставительного описания актуализации категории модальности в российском и англо-американском военно-политическом дискурсе;
- лингвистическая категория субъективной модальности в военно-политическом дискурсе рассматривается с позиции выражения ее разноуровневыми языковыми средствами как в составе предложения, так и на уровне суперструктуры и макроструктуры газетного текста;
- в англо-американском военно-политическом дискурсе обнаружена закономерность, связанная с негативной характеристикой действий российской стороны в Чечне.

Обсуждение. Понятие «модальность» перенесено в лингвистику из логики. О модальности писали такие выдающиеся отечественные лингвисты, как В.В. Виноградов [6], И.И. Мещанинов [18], А.А. Потебня [20], А.А. Шахматов [26]; в XX веке В.Н. Бондаренко [5], В.Г. Гак [8], Г.А. Золотова [11]. Фундаментальные российские словари и справочники начали представлять информацию о модальности с 1960 года: академическая «Грамматика русского языка» (1960), «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (1969), «Грамматика современного русского литературного языка» (1970), «Русская грамматика» (1980), «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990), «Словарь культуры 20 века» (1997) и т.д.

Как отмечают отечественные ученые, модальность существует в двух разновидностях: объективной и субъективной. **Объективная модальность (ОМ)** является обязательным признаком любого высказывания и формирует предикативную единицу, выражающуюся синтаксическим настоящим, прошедшим, будущим (значения реальности) и синтаксическими ирреальными наклонениями: сослагательным, условным, желательным, побудительным и долженствовательным.

Субъективная модальность (СМ), то есть отношение говорящего к сообщаемому, является факультативным признаком, образуя в предложении вторичную модальность. Семантический объем СМ значительно шире семантического объема объективной модальности. Как отмечается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», «значения, составляющие содержание субъективной модальности, далеко не однородны и требуют упорядочения» [3, с. 303].

Необходимо отметить, что в категории субъективной модальности имманентно заложено антропоцентрическое свойство языка, которое проявляется в противопоставлении концептуального начала нейтрально-информационному фону. Смысловой основой субъективной модальности является оценка в широком смысле слова (как рациональная, так и эмоциональная). Энциклопедия «Русский язык» и ЛЭС рассматривают лишь некоторые способы субъективной квалификации сообщаемого, такие как модальные слова, словосочетания и предложения, модальные частицы,

междометия, интонационные средства, словопорядок, специальные синтаксические конструкции. В целом, субъективно-модальные значения выражаются разноуровневыми средствами языка.

В данной статье модальность рассматривается как текстовая категория. Для текстоцентрического подхода актуально значение отношения говорящего к сообщаемому, то есть субъективная модальность. Как отмечал Л.М. Наэр, «именно субъективная модальность релевантна целям и задачам интерпретации текста» [19, с. 61]. В таком понимании наиболее близким к термину «субъективная модальность» является термин «точка зрения». М. Тулан называет его «фокализацией». Фокализация – это позиция, «с которой смотрят на вещи, их ощущают, понимают, оценивают» [31, с. 67] (перевод наш – К.Л.).

Реализация категории модальности анализируется нами в современном военно-политическом дискурсе, который мы понимаем как **совокупность текстов различных жанров, объединенных военно-политической тематикой**. В военно-политический дискурс входят газетно-публицистические тексты, ораторские выступления, посвященные войне и политике, официальные тексты на военно-политические темы (постановления, указы, законы), военно-политологические статьи. В данной работе акцент делается только на газетно-публицистические журналистские тексты. Изучение языка газеты входит в исследование политического дискурса, который находится в поле пристального внимания лингвистов (В.И. Карасик [14], А.Н. Баранов, Ю.Н. Карапулов [2; 4], В.Г. Костомаров [16], Ю.Б. Феденева [24], А.П. Чудинов [25], Е.И. Шейгал [27], и др.).

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили статьи на тему войны в Чечне из российской, британской и американской печати. Общая выборка составила более 400 статей, извлеченных из газет и журналов общенационального масштаба «серьезной» направленности и некоторых местных российских газет. Статьи из российской и англо-американской прессы составляют приблизительно по 50% от общего объема материала. Здесь мы представляем в качестве примера статью «Chechnya redux» из американской газеты *Christian science monitor* (24.11.1999) и статью «Направление главного удара» из российской газеты «Известия» (21.01.2000).

В настоящей статье использовались следующие методы: сопоставительный метод, текстовый и дискурсивный анализ (макроструктурный и суперструктурный анализ в терминах Т. ван Дейка), элементы стилистического анализа, метод словарных дефиниций, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения, описания. Методологической базой анализа реализации категории субъективной модальности на глобальном уровне послужил анализ дискурса новостей Т. ван Дейком, а также основные положения теории выдвижения (актуализации), описанные В.А. Кухаренко и И.В. Арнольд. Выдвижение обозначает «такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное» [17, с. 12]. Оно устанавливает семантические релевантные отношения между элементами одного или нескольких уровней в организации текста. Одним из средств задержания внимания читателя на важных по смыслу моментах является **сильная позиция**. Сильными позициями считаются начало и конец текста, главы, строки.

При анализе лексики мы руководствовались данными профессора Г.Я. Солганика [23], который подразделял всю газетную оценочную лексику на позитивнооценочную, негативнооценочную и модальнооценочную; результатами исследований оценочности (оценки) Н.Д. Арутюновой [2], Е.М. Вольф [7], А.А. Ивина [13]. В основу лексико-семантического анализа реализации категории субъективной модальности легло также деление М.Н. Эпштейном всей лексики на три

класса слов: с предметным значением, с оценочным значением, с предметно-оценочным значением (прагмемы) [28]. Анализ реализации категории модальности на синтаксическом уровне проводился на базе данных академической «Русской грамматики» (1980) В.В. Виноградова. Основной метод, используемый в нашей работе, – сопоставительный. Сопоставление проводилось по всем указанным уровням с точки зрения формы и содержания.

Основные результаты. Проанализируем на локальном и глобальном уровнях статью «Направление главного удара» [Изв. 21.01.2000] Е. Крутикова из российского военно-политического дискурса. Представим с левой стороны суперструктуру данной статьи в категориях ван Дейка и справа макроструктуру (топики). Первые три абзаца образуют одно сверхфразовое единство, поскольку в них повествуется о позиционных боях в Грозном и вокруг села Дуба-Юрт. Четвертый абзац распадается на три подтемы, из которых «возможные переговоры федеральных властей с А. Масхадовым» является главной. Большая тема «Возможные переговоры с А. Масхадовым» распадается на другие подтемы:

- изменение позиции лидера Госсовета Чечни М. Сайдуллаева по поводу переговоров с А. Масхадовым;
- дезинформация российских источников о распуске «президентской гвардии» А. Масхадова;
- о низком уровне пропаганды российских источников в Моздоке;
- мнение президента Северной Осетии А. Дзасохова о переговорах с Масхадовым;
- о продолжении грамотного военного давления на противника;
- беспокойство автора по поводу последствий чеченской кампании.

Текст статьи заканчивается авторским комментарием, к которому мы обратимся ниже.

Таблица 1. Суперструктура и макроструктура статьи «Направление главного удара»

Суперструктура	Макроструктура
«Заголовок»	Направление главного удара
1. «Главное событие»	Позиционные бои в Грозном и вокруг села
«Контекст»	Дуба-Юрт
2. «Контекст»	Возможные переговоры федеральных властей с
3. «Контекст»	Масхадовым
4. «Контекст»	Дезинформация о распуске президентской гвардии
«Предшествующее событие»	Масхадова
«Комментарий»	Автор о низком уровне источников в Моздоке
5. «Контекст»	Мнение президента С. Осетии Дзасохова о
«Верbalная реакция»	переговорах с Масхадовым
6. «Контекст»	Военные: не согласны с тем, что переговоры не
«Верbalная реакция»	отменяют боевых действий
«Комментарий»	Автор: нужно продолжать грамотное военное
	давление на противника
	Беспокойство автора по поводу последствий
	чеченской кампании

В данной статье авторский комментарий встречается дважды. Первый раз он дается в четвертом абзаце: «Уровень пропаганды, которую распространяют российские источники в Моздоке, **катастрофически быстро приближается к абсолютному нулю**, что и показали сообщения о "распуске гвардии" и "ранении Басаева", которое для **вялой убедительности** было передано через западные средства массовой информации – испанскую газету "Вангуардия". Вчера Шамиль Басаев – **абсолютно здоровый и**

живой – выступил по грозненскому телевидению, которое *странным образом* продолжает функционировать в городе». Автором негативно оценивается уровень пропаганды в Моздоке с помощью метафоры *приближается к абсолютному нулю* и интенсификатора *катастрофически (быстро)*. Архаичное слово *вящий* в выражении для *вящей убедительности* приобретает негативную оценку методов информирования в российских источниках в Моздоке в данном контексте. Эпитет *странным образом* показывает удивление автора в связи с функционированием телевидения в Грозном в ситуации войны. Противопоставление реального положения вещей тому, что пропагандируется в Моздоке, оформляется журналистом в виде вставной конструкции *абсолютно живой и здоровый*. Интенсифицирующий эпитет *абсолютно* является средством дополнительного акцентирования внимания читателя на лживости передаваемой информации. Второй комментарий содержится в последнем абзаце: «военные продолжают выполнять "поставленные перед войсками задачи" **не слишком заботясь о том, что будет после того, когда они их выполнят** (ведь настанет же этот день когда-нибудь?). Как тогда обустраивать Чечню, если единственным союзником в этой республике у федеральных властей останется Беслан Гантемиров, которому нечего терять?» Здесь, как нам представляется, дается имплицитная оценка действий российских военных в Чечне. Фраза *не слишком заботясь о том* имеет импликацию ‘военные должны заранее позаботиться о том, что следует предпринять после выполнения возложенных на них задач’. Два риторических вопроса, поставленные журналистом, настраивают читателя на отдаленную перспективу, заставляют задуматься над последствиями чеченской кампании.

Основная идея всего текста, вынесенная автором в заголовок, декодируется только после аналитического прочтения всей статьи. Заголовок коррелирует с заключительным комментарием журналиста. Он метафоричен, имеет коммуникативную импликатуру: главным направлением удара (в переносном смысле) автор считает достижение переговоров с лидером Чечни А. Масхадовым.

Категория субъективной модальности в данной статье реализуется на различных языковых уровнях.

На лексическом уровне: посредством использования эпитетов, метафор (скрытое сравнение чеченских боевиков с животными), частиц.

На синтаксическом уровне: с помощью вводных слов и предложений, вставной конструкции *абсолютно живой и здоровый*.

На уровне суперструктур и макроструктуры:

- 1) вынесением в заголовок важной, с точки зрения автора, идеи, темы (причем заголовок является имплицитным и декодируется только после прочтения статьи);
- 2) структурированием текста согласно авторской интенции;
- 3) субъективная модальность наиболее четко актуализируется в суперструктурной категории «Комментариев».

Для сопоставления проанализируем на локальном и глобальном уровнях статью «Chechnya redux» из американской газеты *Christian science monitor* (24.11.1999). Представим суперструктуру и макроструктуру данного текста в линейной последовательности.

Как показывает таблица 2, в статье в основном преобладает авторский комментарий. Автор выстраивает суперструктуру и макроструктуру данной статьи, начиная с образного сравнения политики Б. Ельцина с политикой И. Сталина, избирательно приводя некоторые исторические факты в пользу «насилия» и «жестокости» со стороны России в отношении Чечни. В первом абзаце содержится

основная авторская мысль, которая выражается метафорически: «*Russia's President B. Yeltsin is taking a leaf out of Josef Stalin's book*». Далее журналист объясняет это скрытое сравнение, используя исторические факты депортации чеченцев во времена И. Сталина и сопоставляя их с политикой Б. Ельцина в Чечне. Четко прослеживается негативная субъективная модальность и даже осуждение этой политики через метафоры *to stifle Chechnya's demand for independence, Stalin erased Chechnya, Both sides are playing out a violent drama*. Представляя точку зрения В. Путина, журналист ставит сочетание «*a bandit republic*» в кавычки, выражая свое неприятие такой номинации Чечни.

Таблица 2. Суперструктура и макроструктура статьи «Chechnya redux»

Суперструктура	Макроструктура
Заголовок	Chechnya redux
1,2 Главное событие, История	Russia's President B. Yeltsin is taking a leaf out of Josef Stalin's book
Комментарий 1	Both sides are playing out a drama more than 200 years old
3,4 Комментарий, История	The roots of the Moscow's "dogged brutality"
5,6 Комментарий 2	Chechnya is not Disneyland. Yeltsin and Putin can find no one to negotiate with Chechen rebelliousness
7 Комментарий 3, Контекст	The Kremlin may well break its teeth on the Chechen's granite resolve
8 История, Комментарий 4	
9 «Комментарий 5»	

В третьем и четвертом абзацах автор комментирует события двухсотлетней вражды между российской империей и мусульманским населением Чечни и Дагестана; и провозглашение в 1991 году независимости после раз渲а СССР.

В пятом и шестом абзацах журналист Р. Хоттедет высказывает свою позицию по вопросу причин, как он говорит, «упорной жестокости» (*dogged brutality*) Москвы в отношении Чечни и называет три из них:

- 1) Москва решительно настроена не растерять до конца свое былое величие;
- 2) по территории Чечни проходят стратегически важные железнодорожная магистраль и нефтепровод;
- 3) чеченцы поговаривали о восстановлении Горной республики и расширении ее границ вплоть до центральной Азии.

Важно отметить: все три тезиса ничем не аргументированы, даются как аксиомы.

В данной статье обращает на себя внимание тот факт, что весь текст «пронизывает» антитеза *Россия – Чечня*. Образуются лексико-семантические поля, описывающие каждую из сторон. В отношении политики Б. Ельцина и И. Сталина в Чечне автор использует негативнооценочные метафоры *is taking a leaf out of Josef Stalin's book, stifle Chechnya's demand for independence*. Отношения между Россией и Чечней также описываются метафорически с помощью театральной метафоры *both sides are playing a violent drama 200 years old*. Действия правительства И. Сталина (*total war against entire population, mass executions, expulsion*) и Б. Ельцина (*ruthless violence, invasion, dogged brutality, squalor, frustration, demonization of the Chechens*) в республике описываются посредством пейоративных прагмем, которые передают чрезвычайно негативное отношение журналиста к тому, что он сообщает.

Таблица 3. Выражение категории субъективной модальности на лексико-семантическом уровне в статье «Chechnya redux»

Россия	Чечня
(Б. Ельцин) – (И. Сталин) is taking a leaf out of Josef Stalin's book	the name was expunged have suffered

stifle Chechnya's demand for independence	proclaimed a "Mountain republic"
erase Chechnya	the province was never pacified
"eliminate" a bandit republic	Chechens fought alone
total war against entire population	declared independence
mass executions	<hr/>
expulsion / smashed	tight network of clans with its culture of feuds and
ruthless violence	vendettas,
invasion	violence
war	criminality is deeply ingrained
dogged brutality	kidnapping and assassination are commonplace
squalor, frustration	
demonization of the Chechens	

Как видим, Россия и действия российского правительства в Чечне, начиная с царских времен и до правления Б. Ельцина, характеризуются только негативно, субъективная модальность автора реализуется через негативнооценочные существительные, глаголы, эпитеты, метафоры. Чеченская сторона характеризуется как страждущая и, в то же время, непокорная. Лишь в конце статьи журналист обращает внимание читателя на то, что в Чечне имеют место сеть кланов, наследственная вражда, кровная месть, которые повышают уровень насилия, глубоко укоренена преступность. Надо отметить, что автор воздерживается от какой-либо оценки этих явлений.

В заключение статьи, как и в ее начале, корреспондент CSM опять возвращается к истории, с тем чтобы еще раз подчеркнуть враждебность и непокорность людей чеченской национальности системе. Передавая слова А. Солженицына, корреспондент использует инверсию обстоятельства времени «*Never would a Chechen seek favours from those in charge*», структуру с эмфатическим глаголом *do* «*always did they stand to the system profoundly*» и вводное предложение со значением удивления «*the wonder of it was*», еще раз акцентирующее внимание читателя на том, что чеченцев всегда боялись. Таким образом, журналист использует сильные позиции начала и конца текста, с тем чтобы не только донести до читателя свою (редакционную) точку зрения (используя исторические факты и точки зрения других людей), но и воздействовать на читателя, используя скрытую манипуляцию сознанием.

Текст статьи заканчивается авторским комментарием-предположением, в котором субъективная модальность выражена тройко: с помощью модального глагола *may*, негативнооценочной метафоры *break its teeth* и позитивнооценочного эпитета *granite* в сочетании с поэтическим словом *resolve* ‘решительность, смелость’: «*Moscow may well break its teeth on the Chechen granite resolve. Then what?*». Риторический вопрос, поставленный в конце статьи, акцентирует внимание адресата на этой фразе. Очевидно, что журналист имплицирует мысль, что никогда нельзя будет сломить «гранитную непоколебимость чеченцев».

Итак, в данной статье субъективная модальность выражается в резко отрицательной оценке действий России в Чечне. Действия же чеченской стороны не оцениваются никак. Более того, автор акцентирует внимание читателя на воинственности, непокорности чеченцев и, как нам представляется, возводит эти черты в достоинство данной национальности.

Заключение. Таким образом, в обеих проанализированных статьях субъективная модальность наиболее очевидно реализуется на лексико-семантическом уровне. Использование данной категории на синтаксическом уровне (на уровне суперструктур и макроструктуры газетной статьи) позволяет автору скрыть свои настоящие намерения и воздействовать на читателя манипулятивно.

На лексико-семантическом уровне: посредством использования прагмем, пейоративной и мелиоративной лексики, эпитетов, метафор, иронии.

На синтаксическом уровне: с помощью вводных слов, предложений, инверсии, эмфатических конструкций, риторических вопросов.

На уровне суперструктур и макроструктуры текста:

1) вынесением в заголовок самой важной, с точки зрения автора, темы, идеи (причем заголовок может быть имплицитным и декодируется только после прочтения статьи);

2) структурированием текста согласно с авторским намерением, главной идеей;

3) использованием исторических фактов, других точек зрения с целью аргументации и поддержки своей идеи;

4) субъективная модальность наиболее четко выражена в суперструктурной категории «Комментариев» и в категории «Краткого содержания» («Заголовка», «Вторичного заголовка», «Вводки»).

Детальный разноуровневый лингвистический анализ реализации категории СМ военно-политического дискурса англо-американских СМИ на тему войны в Чечне показал изощренную манипуляцию сознанием адресата, которая проявляется в одностороннем негативном представлении действий России, российского президента, российских войск, в то время как в российских СМИ наблюдается различная СМ. В англо-американском военно-политическом дискурсе чеченский конфликт концептуализирован как вторжение, захватническая война со стороны России и борьба за независимость, восстание со стороны чеченцев. Чеченские формирования, в представлении британских и американских журналистов, являются партизанами (*guerillas*), повстанцами (*rebels*). Россия как страна охарактеризована негативно. До сих пор существует стереотипный образ России в виде медведя.

В российском военно-политическом дискурсе обозначение Чечни чаще всего имеет нейтральную безоценочную номинацию. В обозначениях чеченской воюющей стороны прослеживается семантика преступных действий: бандформирования, бандиты, боевики, наемники и др. Оценка обычно негативная, поскольку действия отдельных чеченских отрядов с точки зрения нравственной нормы являются в высшей степени бесчеловечными. Действия российских войск характеризуются как позитивно, так и негативно; критикуется закрытость информации со стороны военных, беспорядки в армии, спецподразделениях МВД, неудачное руководство войсками. Оценка России как страны по отношению к войне в Чечне не прослеживается. Российские войска также, как правило, не описываются.

Более развернутое исследование представлено в монографии «Субъективная модальность политического дискурса» [12].

В настоящей работе намечены лишь некоторые пути возможного разноуровневого анализа категории субъективной модальности. Рассматриваемая категория имеет необъятную область исследования, поскольку лингвистические и экстралингвистические факторы актуализации отношения говорящего к сообщаемому чрезвычайно разнообразны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И.В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Артюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

3. Баранов А.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Каулов. – М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
4. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др. – Л. : Наука, 1990. – 262 с.
5. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 54–61.
6. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1981. – 320 с.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
8. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – М. : Просвещение, 1989. – 288 с.
9. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 440 с.
10. Грамматика современного русского литературного языка / Отв.ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Изд-во «Наука», 1970. – 755 с.
11. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – 367 с.
12. Зятькова (Козлова) Л.Я. Субъективная модальность политического дискурса: монография / Л.Я. Зятькова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2007. – 144 с.
13. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 339 с.
14. Карасик В.К. Язык социального статуса / Волгоградский гос. пед. ин-т. – М., 1992. – 329 с.
15. Коноваленко Л.И. Семантико-синтаксические средства выражения оценочной модальности в русском и английском языках : Автореф. дис...канд. филол. наук / Л.И. Коноваленко. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 1997. – 23 с.
16. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб, 1999. – 247 с.
17. Кухаренко В.А. Интерпретация текста : учебник / В.А. Кухаренко. – 4-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА, 2019. – 312 с.
18. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1978. – 387 с.
19. Наер В.Л. Из лекций по теоретическим основам интерпретации текста / В.Л. Наер. – М. : Московский гос. лингв. ун-т, 2001. – 135 с.
20. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1958. – ТТ. 1, 2.
21. Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
22. Современный русский язык : учебник для вузов / Под ред. Н.С. Валгиной. – М. : Логос, 2001. – 528 с.
23. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект) / Г.Я. Солганик. – М. : Высшая школа. – 1981. – 112 с.
24. Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х годов 20 века : Дис....канд. филол. наук / Ю.Б. Феденева. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 1997. – 181 с.
25. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
26. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л. : Академия наук СССР, 1925. – 720 с.
27. Шейгал Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса / Е.И. Шейгал // Политический дискурс в России – 3 : Материалы раб. совещания-семинара. – М., 1999. – С. 114
28. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение моделей и осмысление дискурса) / М.Н. Эпштейн // Вопросы языкоznания. – 1991. – № 6. – С. 19–33.
29. Dijk T.A. van. Critical Discourse analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.let.uva.nl/~teun> (дата обращения: 19.01.2025)
30. Dijk T.A. van. Discourse, ideology and context [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.let.uva.nl/~teun> (дата обращения: 19.01.2025)
31. Toolan M.J. Narrative: A critical linguistic introduction. L. – N.-Y., Routledge, 2001. – 18. – 272 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Баранов А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Каулов; РАН; Ин-т русского языка. – М. : Поморский и партнеры, 1994. – 351 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Руднев В.П. Словарь культуры 20 века / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.

REFERENCES:

1. Arnold I.V. (1990) *Stilistika sovremennoogo anglijskogo yazyka* (Stilistika dekodirovaniya) [Stylistics of Modern English: (Decoding Stylistics)]. Moskow: Enlightenment. 300 p. (In Russian).
2. Arutyunova N.D. (1988) *Tipy yazykovyh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact] Moskow: Nauka. 341 p. (In Russian).
3. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. (1991) *Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu.* [Russian political metaphor: materials for the dictionary.] Moskow: Institute of the Russian language of the USSR Academy of Sciences. 193 p. (In Russian).
4. Bondarko A.V., Belyaeva E.I., Biryulin L.A. et al. (1990) *Teoriya funkcion'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. [Functional grammar theory. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka (In Russian).
5. Bondarenko V.N. (1979) *Vidy modal'nyh znachenij i ih vyrazhenie v yazyke* [Types of modal meanings and their expression in the language] in *Filologicheskiye nauki. № 2.* P. 54–61 (In Russian).
6. Vinogradov V.V. (1981) *Problemy russkoj stilistiki* [Problems of Russian stylistics]. Moscow: Vy'sshaya shkola. 320 p. (In Russian).
7. Wolf E.M. (1985) *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation.] Moskow: Nauka. 228 p. (In Russian).
8. Gak V.G. (1989) *Sravnitel'naya tipologiya francuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of French and Russian]. Moskow: Prosveshhenie. 288 p. (In Russian).
9. Grammatika russkogo yazyka (1960) [Grammar of the Russian language. T.2. Syntax. P.2]. Moskow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 440 p. (In Russian).
10. Shvedova N.Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka. 755 p. (In Russian).
11. Zolotova G.A. (1982) *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka. 367 p. (In Russian).
12. Zyatkova (Kozlova) L.Ya. (2007) *Sub"ektivnaya modal'nost' politicheskogo diskursa* [Subjective modality of political discourse]. Ishim: Publishing House IGPI named after P.P. Ershov. 144 p. (In Russian).
13. Ivin A.A. (2015) *Osnovaniya logiki ocenok* [Rationale for evaluation logic]. Moscow, Berlin: Direct Media. 339 p. (In Russian).
14. Karasik V.K. (1992) *Yazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, 329 p. (In Russian).
15. Konovalenko L.I. (1997) *Semantiko-sintaksicheskie sredstva vyrazheniya ocenochnoj modal'nosti v russkom i anglijskom yazykakh* [Semantic-syntactic means of expressing evaluative modality in Russian and English]. Krasnodar: Kuban state. un-t. 23 p. (In Russian).
16. Kostomarov V.G. (1999) *Yazykovoj vokus epohi* [Language taste of the era. From observations of the speech practice of the media]. St. Petersburg. 247 p. (In Russian).
17. Kukharenko V.A. (2019) *Interpretaciya teksta* [Interpretation of the text]. Moscow: FLINT. 312 p. (In Russian).
18. Meshchaninov I.I. (1978) *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Members of the proposal and parts of the speech.] Leningrad: Nauka. 387 p. (In Russian).
19. Naer V.L. (2001) *Iz lekcij po teoretycheskim osnovam interpretacii teksta* [From lectures on the theoretical foundations of text interpretation]. Moscow: Moscow State Lingu. un-t. 135 p. (In Russian).
20. Potebnya A.A. (1958) *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From notes on Russian grammar]. Moscow: Vy'sshaya shkola (In Russian).
21. Russkaya grammatika. T.2. Sintaksis (1980) [Russian grammar. T.2. Syntax]. Moscow: Nauka. 709 p. (In Russian).
22. Valgina N.S. (ed.) (2001) *Sovremennyj russkij yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Logos. 528 p. (In Russian).
23. Solganik G.Ya. (1981) *Leksika gazety (funkcional'nyj aspekt)* [Newspaper vocabulary (functional aspect)]. Moscow: Vy'sshaya shkola. 112 p. (In Russian).
24. Fedeneva Y.B. (1997) *Modeliruyushchaya funkciya metafor v agitacionno-politicheskikh tekstah 90-h godov 20 veka* [Modeling function of metaphor in agitation and political texts of the 90s of the 20th century]. (Doctoral dissertation). Yekaterinburg: Ural state. ped. un-t. 181 p. (In Russian).
25. Chudinov A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskem zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in the metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Yekaterinburg. 238 p. (In Russian).

26. Shakhmatov A.A. (1925) Sintaksis russkogo yazyka [Syntax of the Russian language]. Leningrad: USSR Academy of Sciences. 720 p. (In Russian).
27. Sheigal E.I. (1999) Semioticheskoe prostranstvo politicheskogo diskursa [Semiotic space of political discourse] in Politicheskij diskurs v Rossii [Political discourse in Russia] - 3. Materialy slavyanskih master-klassov [Materials slave. workshop meetings]. Moscow. 114 p. (In Russian).
28. Epstein M.N. (1991) Ideologiya i yazyk (postroenie modelej i osmyslenie diskursa) [Ideology and language (model building and discourse comprehension)]. Voprosy lingvistiki [Questions of linguistics]. № 6. pp. 19–33 (In Russian).
29. Dijk T.A. van. (1998) Critical Discourse analysis. <https://www.let.uva.nl/~teun> (In English).
30. Dijk T.A. van. (2001) Discourse, ideology and context. <https://www.let.uva.nl/~teun>. (In English).
31. Toolan M.J. (2001) Narrative: A critical linguistic introduction. L. – N.-Y., Routledge. 18. 272 p. (In English).

Поступила в редакцию 22.01.2025 г.

**CATEGORY OF SUBJECTIVE MODALITY IN MILITARY-POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON BRITISH, AMERICAN AND RUSSIAN MEDIA)**

L.Ya. Kozlova

This article presents a multilevel comparative textual analysis of two articles from American and Russian newspapers on the war in Chechnya. The relevance of the study lies in the fact that the linguistic category of subjective modality (SM) in military-political discourse is considered in terms of its expression by linguistic means both as part of a sentence and at the level of superstructure and macrostructure of a newspaper text. From the point of view of pragmatics, the analysis of the SM category contributes to a more accurate understanding of the laws of military-political communication. The empirical material incorporates articles from the Russian, British, and American press. The following relevant methods of analysis have been used, among them are comparative method, textual and discourse analysis (macrostructural and superstructural analysis in T. van Dijk's terms), elements of stylistic analysis, a method of dictionary definitions, as well as methods of observation, generalization, and description. It was concluded that SM was identified at the lexico-semantic, syntactic, and macrostructure and superstructure levels of the newspaper article.

Key words: military-political discourse, category of subjective modality, multilevel comparative analysis.

Козлова Лариса Яковлевна.
кандидат филологических наук.
Военно-космическая академия им.
А.Ф. Можайского.
г. Санкт-Петербург.
доцент кафедры иностранных языков.

ORCID 0000-0002-2023-0925.
E-mail: yka@mail.ru

Kozlova Larissa Yakovlevna.
Candidate of Philology.
Military Space Academy named after A.F.
Mozhaisky.
Saint-Petersburg.
Associate Professor of Foreign Languages
Department.
ORCID 0000-0002-2023-0925.
E-mail: yka@mail.ru

Научная статья

УДК 81:112

DOI: 10.5281/zenodo.15114344

СОЦИОЛЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БЛОГЕРА: ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2025 А.А. Авилова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0001-2912-3093

В работе рассмотрено понятие интернет-коммуникации как релевантной для современного общества опосредованной формы общения. Даны характеристики, отличающие ее от реального общения. Описаны основные составляющие блога как важного речевого жанра интернет-пространства. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью изучения лингвистических характеристик языковой личности англоязычного блогера, представленного в блог-пространстве дневникового типа, а также его стилистических особенностей. Даны определения лексического уровня и стилистических средств выразительности. Охарактеризованы литературный и разговорный пластины лексики. Выявлено, что литературный слой представлен терминами, варваризмами, фразеологическими сочетаниями и также устойчивыми клише деловой речи. Разговорный же пласт характеризуется сленгом, жаргонизмами, профессионализмами и вульгаризмами. Описаны наиболее частотные стилистические средства выразительности и их соотнесенность с пластами лексики в блоге. Установлено, что метафора, сравнение и эпитет являются наиболее распространенными и яркими примерами лексических единиц в блоге.

Ключевые слова: общение, интернет-коммуникация, блог, блогер, фразеологизм, сленг, эпитет, метафора, сравнение.

Для цитирования: Авилова А.А. Социолект англоязычного блогера: лексико-стилистический аспект / А.А. Авилова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 106–115. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15114344>.

Введение. Одной из базовых характеристик человека, как известно, является его социальность. Достаточно вспомнить ставшее устойчивым выражение К. Маркса «Человек есть социальное животное», в афористической форме аккумулировавшее идею общественного характера человеческого мироздания. Этот постулат трудно оспорить. Социальность есть результат процесса социализации. Сама по себе социализация, понимаемая как освоение человеком норм поведения, определенных культурных паттернов того или лингвокультурного сообщества, невозможна без общения людей друг с другом, предполагающего обмен информацией, а значит, и в целом социальное взаимодействие, которое может осуществляться в различных формах и типах общения. Одна из них – виртуальная коммуникация в сети Интернет, занимающая в силу сегодняшних технологических возможностей все больше места в коммуникативном пространстве современной цивилизации. Данный тип/форма коммуникации активно изучается учеными, в первую очередь лингвистами [1; 3; 4; 7], что обусловлено необходимостью изучения его языковых особенностей, в частности в жанровом аспекте и в собственно строго лингвистическом. Опосредованная форма общения на просторах Интернета обладает, как замечает Л.Ю. Щипицына, определенными характерными чертами, отличающими данный вид коммуникации от общения реального, а именно – глобальностью, мультимедийностью, интерактивностью и гипертекстуальностью [11, с. 11]. Кроме

того, интернет-коммуникация характеризуется следующими языковыми особенностями: большое количество компьютерного жаргона; частое использование сетевого сленга и мата; использование сокращений, аббревиатур и акронимов; ярко выраженное пренебрежение к орфографии; выражение эмоциональности лексическими средствами и синтаксическими конструкциями [9, с. 8]. Эти особенности общения, как установлено учеными (см., напр.: [2, с. 127]), характерны для разнообразных жанров коммуникативного интернет-пространства, в котором особое место занимает блог как речевой жанр на основе структурированности и композиционности текста, представляющего собой веб-сайт с датированными записями текстового и мультимедийного характера с возможностью комментирования.

Стоит упомянуть, что социокультурная типология блога довольно разнообразна и зависит от цели, функции и содержательной составляющей. Так выделяют личный, специализированный, новостной и имиджевый типы блогов, каждый из которых ведется блогером, ориентированным на определенную аудиторию и ее спрос [5, с. 334].

Примечательно, что изначально под блогом понималась новостная лента, содержащая отобранные автором ссылки на другие сайты, где читатели могли оставлять комментарии к записям новостной ленты [2, с. 127]. Такой блог представлял собой некий бортовой журнал (от англ. *Web-log*), в который пользователи Интернета могли записывать свои «путешествия», так как процесс сортирования ссылок на другие источники напоминал своеобразное путешествие, каждое действие которого фиксируется в журнале [8, с. 198]. Позже блог стали отождествлять с личным сетевым дневником, представляющим список записей-заметок, расположенных в хронологическом порядке и повествующих о жизни автора дневника, то есть публичный дневник с комментариями [8, с. 200].

Можно утверждать, что характерными особенностями блога являются легкость и быстрота в его создании, поскольку интернет-пользователь не должен обладать специальными навыками в создании веб-страницы.

Следует отметить, что существуют также тематические блоги, посвященные какой-то определенной теме, являющейся ведущей во всех постах блога. При этом ведение такого блога, как правило, осуществляется или отдельным человеком, или коллективом авторов, где несколько человек добавляют в него необходимую информацию [8, с. 198].

Исходя из вышеописанных характеристик блога, Е.А. Баженова и И.А. Иванова выделяют два понимания блога: узкое и широкое. В узком понимании блог представляет собой сайт, который содержит датированные записи одного автора, преимущественно на бытовую тематику [2, с. 127]. В широком понимании блог не равен личному дневнику. Он, как правило, посвящен определенной теме, создается коллективом авторов и состоит из отсылок и цитат к другим блогам или интернет-ресурсам, содержащим только фото- и видеинформацию.

На наш взгляд, блог, который ведется отдельными авторами, т.е. личный блог, представляет наибольший интерес с точки зрения лингвистического исследования, т.к. позволяет сравнить языковые характеристики авторов и провести аналогии одних постов с другими в более полном объеме.

Актуальность исследования обусловлена недостаточностью изучения лингвистических характеристик языковой личности англоязычного блогера и его стилистических особенностей.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно дает наглядное представление о лексико-стилистических особенностях современного англоязычного

блогера, представленного в блогосфере дневникового типа, а также позволяет выявить закономерности в языковых характеристиках.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что, во-первых, в нем обобщаются существующие в лингвистике подходы к изучению интернет-жанров и коммуникации с их использованием и, во-вторых, полученные результаты развиваются основные положения теории коммуникации, уточняя ее характеристики применительно к таким интернет-жанрам, как блог и комментарий.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования полученных результатов в курсах лексикологии, стилистики и теоретической грамматики английского и немецкого языков, а также при преподавании межкультурной коммуникации.

Материалы и методы исследования. На сегодняшний день существует огромное количество сайтов и платформ, позволяющих вести блог. Самыми популярными из них являются «Joomla», «WordPress», «Drupal», «Руго», «SilverStripe», «LiveJournal». При этом в данный список мы не включили платформы, представляющие собой социальные сети, которые также позволяют вести блог более мультимедийного и интерактивного характера.

Эмпирическую базу нашего исследования составила блог-платформа дневникового типа «LiveJournal» – 650 контекстов из 245 постов и 405 комментариев блогов авторов из Великобритании, Канады и США. Данный выбор объясняется тем, что личные блоги дневникового типа наиболее популярны и распространены среди пользователей Интернета, поскольку удовлетворяют намерениям и желанию блогера делиться личным опытом и переживаниями, выступать нередко своеобразным экспертом в той или иной обсуждаемой теме.

Методы, использованные автором статьи, следующие: контекстуальный анализ, стилистический анализ, прием количественного подсчета.

Основная часть. В нашем исследовании блогер нами рассматривается не только как пользователь Интернета, ведущий свою блог-страницу и повествующий о значимых для него и для общества событиях [12, с. 4], но и как определенный тип языковой личности, обладающий языковыми способностями и коммуникативными компетенциями, реализация которых выражается в его речевых высказываниях [6, с. 30]. При этом автор блога может быть рассмотрен как языковая личность с позиции следующих подходов: лингвистического, социолингвистического, психолингвистического, лингвокультурологического, лингвокогнитивного, литературоведческого и лингводидактического.

Данным обстоятельством объясняется наше стремление выявить лексические особенности социолекта англоязычного блогера, поскольку именно этот языковой уровень традиционно считается наиболее показательным при определении специфики использования языка тем или иным индивидом или же группой лиц, объединенных социальной, профессиональной, гендерной, возрастной общностью. В силу жанровой специфики блог-платформы «LiveJournal» фонетические особенности речи блогера не могут быть проанализированы, так как оставлять аудиоконтент на данном интернет-ресурсе технически невозможно.

Интересным, на наш взгляд, является то, что языковые особенности и речевое поведение языковой личности могут лежать в основу составления ее речевого портрета, который представляет собой воплощение в речи языковой личности как «многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [6, с. 32]. Так, речевой портрет блогера в нашем исследовании представляет собой совокупность

языковых особенностей (лексических и грамматических) и речевых стратегий и тактик, которыми руководствуется автор для достижения коммуникативной интенции. При этом наибольший интерес составляет стилистический аспект, а именно то, каким образом и какими средствами достигается цель того или иного коммуникативного акта.

Задача предпринятого исследования, таким образом, состоит в том, чтобы определить специфику лексического состава социолекта блогера, наиболее часто используемые им фигуры речи, служащие средством выразительности. К лексическому составу относятся отдельные слова, а также словосочетания, включая и фразеологизмы.

К стилистическим средствам относятся фигуры речи. Они характеризуются выразительностью и изобразительностью, а также экспрессивностью и эмоциональностью, так как тесно связаны с человеческими чувствами и желанием донести свое отношение к происходящему для реципиента [10, с. 52].

В ходе исследования лексического состава англоязычного блогера было установлено, что нейтральная лексика занимает наибольшую долю слов и словосочетаний, а именно 72,4%, разговорная – 18,5%, литературная же – 9,1%. Поскольку нейтральная лексика представляет собой немаркированный лексический состав, рассмотрим отличительные языковые особенности литературного и разговорного пластов как маркированных единиц.

Как показал проанализированный материал блог-платформы «LiveJournal», среди используемых блогерами литературных лексических единиц преимущественно встречаются термины, которые составляют 42,8% литературных слов и словосочетаний, далее следуют варваризмы – 20,9%, фразеологические сочетания – 18,9% и устойчивые клише деловой речи – 17,4%.

При описании единиц литературной лексики нами было отмечено, что фразеологические сочетания, как правило, выражены метафорой, что позволяет интернет-авторам добиться желаемого скрытого сравнения в стилистически маркированном виде. Так, например, метафора *a piece of cake* [13] (дословный перевод – ‘кусок торта’, в рус. языке – ‘пустяковое дело’, ‘проще простого’) используется блогером arialfeg для того, чтобы подчеркнуть следующее: ведение онлайн-бизнеса – это вовсе не простое дело, оно требует последовательных действий и четкого плана. Здесь стоит упомянуть, что данный фразеологизм неслучайно строится на сравнении с куском торта. Его история восходит к XIX веку, когда кусок торта могли получить темнокожие рабы от своих владельцев за исполнение танца во время праздника. Так заветная сладость стала ассоциироваться в англосфере с чем-то легким для получения.

Обращаясь к другому примеру фразеологического сочетания с явной мотивированкой *promise the moon* [14] (дословный перевод – ‘обещать луну’, в рус. языке – ‘обещать что-то невозможное’), мы видим, что автор ramsolution15 повествует о некоторых интернет-компаниях, которые обещают что-то невероятное своим клиентам, а в реальности предоставляют веб-сайты низкого качества. Это создает проблему на рынке дизайн-услуг на просторах Интернета. Рассматривая вышеописанные и другие примеры фразеологизмов, используемых блогерами, мы пришли к выводу, что устойчивые сочетания с явной мотивированкой являются превалирующими над фразеологизмами со скрытой мотивированкой, что составляет примерно 68,5% и 31,5% соответственно.

Стоит принять во внимание тот факт, что термины и устойчивые клише деловой речи в силу своей жанровой специфики не являются эмоционально-оценочной лексикой, следовательно, не предоставляют возможности соотнесения со стилистическими средствами выразительности. Варваризмы же, в свою очередь, как стилистически

окрашенные лексические единицы придают речи блогера такое качество, как изобразительность и звучность, хотя и не выражены никакими тропами или фигурами речи. Так, например, варваризмы *haute couture*, *tete-a-tete*, *alter ego*, выявленные в блоге, служат лишь для украшения речи и разнообразия авторского самовыражения.

В блогах дневникового типа можно также встретить большое количество эпитетов, поскольку блог-платформа служит площадкой для экспликации собственных мыслей и идей, а, значит, включает в себя размышления авторов описательно-повествовательного характера. Отметим, что такое средство выразительности, как эпитет, является самым простым и общедоступным как для реализации речевого замысла, так и для его восприятия. Так, в своем блоге автор talkingfilmsnet [15], рассказывая о новом фильме и его сюжетной линии, прибегает к использованию следующих эпитетов: *starlit skies* ('звездное небо'), *vulnerable silences* ('уязвимое молчание'), *by the roaring ocean* ('у ревущего океана'), *raw emotions* ('необузданные эмоции'), *a stark contrast to the isolation of their digitally constructed lives* ('резкий контраст с их цифровой опустошенной жизнью'), *fragile and fleeting moments* ('хрупкие и мимолетные моменты'). Благодаря данным эпитетам блогер подробным образом описывает решающую сцену фильма, предопределяющую настроение героев и передающую их эмоции.

Рассмотрим другой пример использования эпитетов в блоге. Автор j_stratford81 [16] делится с читателями впечатлениями о выходных, проведенных за городом. Эпитеты *embracing the little moments full with amazing blessings* ('наслаждаясь маленькими мгновениями, наполненными удивительными благословениями'), *brighter and better life* ('более яркую и хорошую жизнь'), *everything looked beautiful* ('все выглядело потрясающее'), *the breeze felt amazing by the river* ('с реки дул восхитительный ветерок') помогают блогеру воссоздать атмосферу проведенного времени и состояние абсолютного счастья и умиротворения.

Далее обратимся к характеристике разговорного пластика лексики, который, исходя из наших наблюдений и анализа блог-портала, представлен следующими лексическими единицами: сленгом (34,4%), жаргонизмами (16,3%), профессионализмами (15,5%) и вульгаризмами (33,8%).

Рассматривая большое количество применяемого в блоге сленга, можно заключить, что в основном сленговое слово – это какой-либо видоизмененный фонетически или грамматически вариант уже существующего слова или лексическая единица, которая на основе сравнения приобрела дополнительный смысл. Данная закономерность объясняется тем, что сленг, как правило, возникает на основе схожести определенного компонента с обозначаемым предметом. Так, например, можем отметить, что популярное сленговое слово *cringe* используется блогером corvidsrambling [17] для отрицательной характеристики стихотворения, которое несмотря на свою чудаковатость нравится автору поста. При этом дословный перевод данной лексической единицы – 'отвращение, отторжение'. Следовательно, можно утверждать, что сленг прочно закрепился в речи не только англоязычных блогеров, но и многих других интернет-пользователей по всему миру на основе сравнения происходящего с чем-то негативным, неприятным, возможно, даже постыдным.

Другим примером используемого сленга в блоге служит слово *crush*, которое дословно означает '摧毀, 摧毀'. На языке молодежи это слово приобрело значение, связанное с чувствами и романтическими отношениями. Отсюда появилось целое сленговое выражение *to have a crush*, что означает 'влюбиться в кого-либо'. Так, автор mikeyxromance [18] в своем блоге описывает давно забытое чувство

влюбленности, прибегая к использованию данного выражения, основанного на метафорическом сравнении с крушением или разгромом. Такое сленговое словосочетание часто используется, когда речь идет о знаменитых людях, для того чтобы выразить восхищение тем или иным человеком и его творчеством или же другим видом деятельности. Таким примером может служить пост *jkahane* [19], который выражает свое признание творческой деятельности актрисы Жаклин Хилл, используя при этом выражение *to have a crush*.

Говоря о сленге, стоит упомянуть невербальную сленговую коммуникацию блога, выраженную смайликами. В последнее время тенденция к использованию эмодзи обрела новый характер, а именно – новые значения тех самых распространенных смайликов. При этом данные значения основаны на метафоре или сравнении со схожими обозначаемыми действиями. Например, смайлик черепа обладает вовсе не негативным значением в современном обществе, а, напротив, означает ‘умирать от смеха’. Или же смайлик поднятого вверх большого пальца приобрел саркастическое значение и может даже выражать обиду. Здесь важно уточнить следующее: эти метафорические значения преимущественно вкладывает в использование смайликов поколение зумеров, т.е. людей, воспринимающих речевое высказывание несколько иначе. Поскольку блог-платформа «LiveJournal» используется преимущественно представителями более старших поколений, вышеупомянутый феномен встречается крайне редко, хотя и помогает увидеть возрастную разницу аудитории блога.

Рассматривая представленные в блоге примеры жаргонизмов, мы пришли к выводу, что данные лексические единицы, как правило, выражены сравнением или метафорой, т.е., по сути, скрытым сравнением. Этот факт объясняется тем, что определенная группа людей использует тот или иной жаргонизм, возникший на основе схожих данных с каким-то объектом, реальным или абстрактным. Так, например, автор *digitalai25* [20], употребляя жаргонное слово *avatar*, принадлежащее к компьютерному миру или ИТ-индустрии, обозначает главную фотографию, так называемое «лицо» интернет-пользователя в той или иной социальной сети. Такой выбор лексической единицы обусловлен сравнением с исходным значением слова *avatar* ‘воплощение’, которое несет в себе образ, имидж пользователя Интернета.

Стоит отметить, что жаргонизмы, хотя и обладают некой парольной функцией, связывающей представителей определенной профессии или конкретного возраста, а также социального статуса, общедоступны для многих пользователей в силу распространенности их использования. Например, блогер *imotus* [21], повествуя о новой голландской политической партии, использует жаргонизм *the left wing* (в переводе на рус. яз. – ‘левое крыло’), означающий оппозиционную политическую партию. Консервативные и либеральные деятели в широких кругах известны под названием *the right wing* (в переводе на рус. яз. – ‘правое крыло’), что основано на сравнении с важностью и значимостью правой и левой сторон для человека. Отсюда видим, что правая сторона соотносится с основной, ведущей, а левая – с второстепенной, дополнительной.

Интересным, на наш взгляд, представляется и то, что одни и те же лексические единицы, которые встречались в англоязычных блогах, могут быть нейтральными и стилистически окрашенными. Так, слово *bounceback* в тексте одного блогера *dmvalid* [22] используется в прямом значении (‘обратный отскок’, ‘шаг назад’) в качестве комментария работы одной фирмы, которая старается уменьшить количество отказов, желает идти только вперед в своем развитии. В тексте другого автора *kochaphasijoso* [23] это же слово выступает профессиональным жаргонизмом и

подразумевает пациента, который вскоре после выписки вернулся в больницу с той же проблемой. Такой выбор лексической единицы основан на сравнении с прямым значением слова, т.е. с неким возвращением в привычную реальность.

Говоря о вульгаризмах, используемых в блоге, можно заключить, что они не эксплицированы теми или иными стилистическими средствами, хотя и представляют собой эмоционально-оценочный пласт лексики. Это связано с тем, что они помогают блогеру или читателю выразить свое мнение наиболее ярким образом, но при этом их функциональная направленность значительно отличается от стилистических фигур и тропов речи.

Важным является то, что другие примеры стилистических фигур, встречающиеся в блоге, не соотносятся с лексическими единицами литературного или разговорного пластов лексики, рассмотренными нами выше. Это связано с тем, что такие единицы обладают экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью, но представляют собой лишь отдельно взятые слова или словосочетания. Так, например, автор *tobal2_0* [24] в своем посте повествует о вновь вернувшемся к ней беспокойстве, о тревожном состоянии, прибегая к использованию фразы *fear has knocked on my door* ('страх постучался в мою дверь'). Данное словосочетание, выраженное олицетворением, помогает блогеру донести до читателей свою неготовность к отрицательным эмоциям, подавленность данной ситуацией. Такой стилистический троп, как олицетворение, помогает добиться наибольшей поэтичности и выразительности в речи, воздействовать на читателя косвенным образом.

Стоит также упомянуть, что олицетворение нередко встречается в англоязычном блоге не в самом тексте поста, а в его заголовке, что обусловлено желанием автора заострить внимание на чем-то конкретном и привлечь максимальное количество внимания реципиентов. Так, блогер *kathleenchester* [25], используя фразу *unleash the power of the jaguar* ('выпустите на волю/раскройте мощь ягуара'), говорит вовсе не о диком животном, а о скоростной машине и необходимости опробовать данный вид транспорта во всю силу.

Заключение. В настоящее время блогер является носителем большого количества социокультурной информации, речевые характеристики которой могут меняться в зависимости от темы поста, аудитории, общественно значимых событий и собственного интереса. Довольно привычным является и то, что автор в своем блог-пространстве не только делится фото- и видеоконтентом со своими читателями, но и использует свой сетевой дневник в качестве платформы для работы, а именно: делает рекламу своего или чужого товара, ведет авторский курс или вебинар и др. Таким образом, блогера можно считать лидером общественного мнения, способного воздействовать на широкую аудиторию. Поэтому это сейчас – это еще и популярная профессия.

Подводя итоги, отметим, что блог-платформа и сетевые дневники все еще остаются богатым ресурсом для исследования лингвистических особенностей пользователей, ведущих блог и читающих его. Благодаря этому нам представилось возможным охарактеризовать лексический уровень англоязычного блогера и его стилистические средства выразительности.

Наиболее распространенными стилистическими тропами и фигурами выступают эпитеты, метафоры и сравнения как самые частотные эмоционально окрашенные лексические единицы, встречающиеся на блог-портале. Данный лингвистический факт можно объяснить коммуникативным намерением авторов блога самым простым, быстрым и доступным способом оказать воздействие на читателя, заинтересовать обсуждаемой тематикой.

Стоит отметить, что не все лексические единицы представляют собой тот или иной стилистический троп или прием. Иногда слово или словосочетание может быть просто эмоционально окрашенным, что можно понять только из контекста. Такая стилистическая ненейтральность говорит о богатстве языковых средств и их функциональной составляющей.

Блогосфера, являясь обширной территорией для реализации творческого потенциала интернет-авторов, предоставляет возможности для лингвистических исследований. Поэтому посты англоязычного автора могут быть далее детально рассмотрены на предмет наличия в них других стилистических средств выразительности. Кроме того, интересным может быть и сопоставление языковых характеристик и стилистического компонента речи англоязычного блогера с высказыванием немецко- или русскоязычного автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова А.А. О социолекте блогеров (на материале английских сетевых дневников) / А.А. Авилова, Н.А. Красавский // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. – 2023. – №1 (01). – С. 32–36.
2. Баженов Е.А. Блог как интернет-жанр / Е.А. Баженова, И.А. Иванова // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4 (20). – С. 125–131.
3. Борисова Е.Б. Методология исследования гипертекстового произведения словесно-художественного творчества / Е.Б. Борисова, С.А. Стройков // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. – 2024. – №2 (06). – С. 4–9.
4. Галичкина Е.Н. Словообразовательная систематизация лексики молодежного сленга в интернет-дискурсе (на материале русскоязычной социальной сети ВКонтакте) / Е.Н. Галичкина // Когнитивные исследования языка. – 2022. – №3 (50). – С. 173–176.
5. Ибраева А.Ф. Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы / А.Ф. Ибраева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 8 (86). – Ч. 2. – С. 333–336.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. Лутовинова О.В. Коммуникативные интернет-типоведи агрессивного поведения как кросс-культурный феномен / О.В. Лутовинова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №3. – С. 158–171.
8. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография / О.В. Лутовинова. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 477 с.
9. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Лутовинова. – Волгоград : Волгоградский соц.-пед. ун-т, 2013. – 42 с.
10. Рыжкова-Гришина Л.В. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи: словарь / Л.В. Рыжкова-Гришина, Е.Н. Гришина. – М. : ФЛИНТА, 2015. – 337 с.
11. Щипицина Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации: на материале немецкого языка: дис. ... д-ра филол. наук / Л.Ю. Щипицина. – Архангельск, 2010. – 459 с.
12. Herring S.C. Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004 / S.C. Herring, L.A. Scheidt, I. Kouper, E.A. Wright // Blogging, Citizenship and the Future of Media. – 2007. – Р. 3–20.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. aria1feg : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://aria1feg.livejournal.com/27395.html> (дата обращения: 19.01.2025).
14. ramsolution15 : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://ramsolution15.livejournal.com/447.html> (дата обращения: 19.01.2025).
15. talkingfilmsnet : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://talkingfilmsnet.livejournal.com/1728.html> (дата обращения: 19.01.2025).
16. j_stratford81 : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://j-stratford81.livejournal.com/183751.html> (дата обращения: 19.01.2025).

17. corvidsrambling : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://corvidsrambling.livejournal.com/129895.html> (дата обращения: 19.01.2025).
18. mikeyxromance : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://mikeyxromance.livejournal.com/594.html> (дата обращения: 19.01.2025).
19. jkahane : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://jkahane.livejournal.com/2470720.html> (дата обращения: 19.01.2025).
20. digitalai25 : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://digitalai25.livejournal.com/383.html> (дата обращения: 25.01.2025).
21. imomus : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://imomus.livejournal.com/485675.html> (дата обращения: 25.01.2025).
22. dmvalid : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://dmvalid.livejournal.com/321.html> (дата обращения: 25.01.2025).
23. kochaphasijoso : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://kochaphasijoso.livejournal.com/3773.html> (дата обращения: 25.01.2025).
24. tobal2_0 : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: https://tobal2_0.livejournal.com/1996.html (дата обращения: 25.01.2025).
25. kathleenchester : блог [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: <https://kathleenchester.livejournal.com/774027.html> (дата обращения: 25.01.2025).

REFERENCES

1. Avilova A.A., Krasavskiy N.A. (2023). O sociolekte blogerov (na materiale angliyskih setevyh dnevnikov) [About the sociolect of bloggers (based on the material of English online diaries)]. Izvestiya of the Volgograd State Socio-Pedagogical University, 1(01), 32–36 (In Russian).
2. Bazhenova E.A., Ivanova I.A. (2012). Blog kak internet-zhanr [Blog as an Internet genre]. Vestnik of Perm University, 4(20), 125–131 (In Russian).
3. Borisova E.B., Stroykov S.A. (2024). Metodologiya issledovaniya gypertextovogo proizvedeniya slovesno-hudozhestvennogo tvorchestva [Methodology of research of hypertext works of literary and artistic creativity]. Izvestiya of the Volgograd State Socio-Pedagogical University, 2(06), 4–9 (In Russian).
4. Galichkina E.N. (2022). Slovoobrazovatel'naya sistematizaciya lexiki molodezhnogo slenga v internet-diskurse (na material russkoyazychnoy socialnoy seti vkontakte) [Word-formation systematization of youth slang vocabulary in Internet discourse (based on the material of the Russian-language social network VKontakte)]. Cognitive language studies, 3(50), 173–176 (In Russian).
5. Ibraeva A.F. (2018). Yazykovye osobennosti textov angloyazychnoy i russkiyazychnoy blogosfery [Linguistic features of the texts of the English and Russian-speaking blogosphere]. Philological sciences. Questions of theory and practice, 8(86), 333–336 (In Russian).
6. Karaulov U.N. (2010). Russkiy yazik i yazikovaya lichnost [Russian language and linguistic personality]. Moscow (In Russian).
7. Lutovinova O.V. (2021). Kommunikativnye internet-tipazhi agressivnogo povedeniya kak kross-kulturniy phenomen [Communicative Internet types of aggressive behavior as a cross-cultural phenomenon]. Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 3, 158–171 (In Russian).
8. Lutovinova O.V. (2009). Lingvokulturologicheskie charakteristiki virtualnogo diskursa: monografija [Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse: monograph]. Volgograd (In Russian).
9. Lutovinova O.V. (2013). Yazikovaya lichnost v virtualnom diskurse [Linguistic personality in virtual discourse]. Volgograd (In Russian).
10. Ryzhkova-Grishina L.V. (2015). Hudozhestvennye sredstva. Izobrazitelno-virazitelnie sredstva yazika I stilisticheskie figury rechi: slovar [Artistic means. Visual and expressive means of language and stylistic figures of speech: dictionary]. Moscow (In Russian).
11. Shchipitsina L.Y. (2010). Kompleksnaya lingvisticheskaya charakteristika komputerno-oposredovannoy kommunikacii: na materiale nemetskogo yazyka [Complex linguistic characteristics of computer-mediated communication: on the material of the German language]. Archangelsk (In Russian).
12. Herring S.C., Scheidt L.A., Kouper I., Wright E.A. (2007) Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004 (In English).

Поступила в редакцию 03.02.2025 г.

SOCIOLECT OF ENGLISH-SPEAKING BLOGGER: LEXICAL AND STYLISTIC ASPECT

A.A. Avilova

The work examines the concept of Internet communication as an indirect form of communication relevant to modern society. The characteristic features that distinguish it from real communication are given. The main components of the blog as an important speech genre of the Internet space are described. The relevance of the study is due to the lack of linguistic characteristics of the linguistic personality of an English-speaking blogger represented in a diary-type blog space, as well as his stylistic features. Definitions of the lexical and stylistic means of expression are considered. The literary and colloquial layers of vocabulary are characterized. It is revealed that the literary layer is represented by terms, barbarisms, phraseological combinations, and business speech clichés. The colloquial layer is characterized by slang, jargon, professionalisms, and vulgarisms. The most frequent stylistic means of expression and their correlation with the layers of vocabulary in the blog are described. Metaphor, comparison, and epithet appear to be the most frequent and vivid examples of lexical units in a blog.

Keywords: communication, Internet communication, blog, blogger, phraseology, slang, epithet, metaphor, comparison.

Авилова Анна Александровна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград,
Российская Федерация.
Ассистент кафедры немецкого языка и методики
его преподавания, аспирант кафедры языкоznания.
ORCID 0009-0001-2912-3093.
E-mail: avilova97@mail.ru

Avilova Anna Alexandrovna.

Volgograd State Pedagogical University, Volgograd,
Russian Federation.
Assistant at Department of German Language and
Teaching methods, Post-graduate student at
Department of Linguistics.
ORCID 0009-0001-2912-3093.
E-mail: avilova97@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161. 1*27

DOI: 10.5281/zenodo.15113367

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА⁶

© 2025 А.С. Бурляй

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0000-0003-4689-0275

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается языковая личность современного российского военного корреспондента как сложное лингвистическое явление, требующее междисциплинарного подхода. Опираясь на теоретические положения Ю.Н. Караулова и современные исследования, автор анализирует вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни языковой личности на примере текстовых сообщений Александра Коца в персональном телеграм-канале. Установлено, что для верbalного уровня характерно использование сниженной лексики для создания дихотомии «свои-чужие» и профессионализмов для повышения экспертизы. Когнитивный и прагматический уровни характеризуются презентацией ключевых концептов военного дискурса (Война, Победа, Воин, Запад) посредством имитации дискурса газеты и использования речевых жанров, соответствующих задачам военного корреспондента в виртуальном пространстве. В работе подчеркивается, что языковая личность военного корреспондента формируется под влиянием факторов, связанных с реализацией речевой деятельности в виртуальном пространстве, и проявляется как совокупность нескольких языковых субличностей.

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, медиадискурс, военный корреспондент, языковая субличность, языковая прагматика, когнитивистика, телеграм-канал.

Для цитирования: Бурляй А.С. Специфика языковой личности современного российского военного корреспондента / А.С. Бурляй // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 116–124. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15113367>.

Языковая личность является одним из популярных лингвистических явлений, исследуемых разными учёными несколько последних десятилетий. Её изучение сопряжено с использование сведений и данных, накопленных в пределах различных наук о человеке, так как в противном случае исключительно языковой подход существенно ограничивает получаемые в результате выводы. Об этом в своей монографии «Русский язык и языковая личность» писал Ю.Н. Караулов, указывая на редуцированность в изучении языковой личности как феномена при обращении к данному предмету исключительно в филологической плоскости [3].

Однако последующие работы существенно расширили представление Ю.Н. Караулова. На смену изучению русской языковой личности пришли разноплановые исследования, посвящённые как исследованию языковых личностей известных людей, чьи тексты образуют отдельные корпусы, так и рассмотрению

⁶ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКР 124051400024-1).

языковых личностей обобщённых групп людей, объединённых по профессиональному или иному социальному признаку. Только за последнее время опубликованы десятки статей по данному направлению Э.Р.Н. Джукман [2], Т.В. Кыштымовой [5], Е.Г. Малышевой [6], А.Н. Пачиной [7], Д.А. Скулимовской [8], В.Л. Устиновой [9], Е.А. Челак [10]. Такое внимание обусловлено тем, что исследования языковых личностей носят прикладной характер, позволяют определить особенности мыслеречевой деятельности отдельных представителей или групп народов и общностей, давая возможность выйти за рамки исключительно лингвистического подхода.

Такой утилитарный подход к изучению языковой личности позволяет получить не только определённый набор характеристик, но и выявить типичные речевые ошибки, рассмотреть удалённость текстов, порождённых исследуемой языковой личностью, от норм литературного языка, а также определить подходы к осмыслиению влияния речи конкретных социальных групп на глобальные и локальные языковые процессы. Учитывая данный подход, считаем необходимым изучить особенности языковой личности современного российского журналиста, сфокусировав внимание на языковой личности современного российского военного корреспондента.

Такое определение исследуемой языковой личности обусловлено синхронным подходом к изучению речевой деятельности военных корреспондентов. При этом выделение данного класса журналистов в отдельную, но репрезентативную группу связано не только с актуальностью их текстов в соотношении с формируемой картиной мира, но и с характером деятельности, предполагающим создание контента и для СМИ, с которым журналист аффилирован, и произведений для персональных медиаресурсов, в том числе блогов.

При этом исследование языковой личности сопряжено с решением проблемы общего и индивидуального в текстах, порождённых человеком вне зависимости от его профессии. При осмыслиении языкового материала сообщений, созданных журналистами, данная проблема осложняется тем, что дискурс, состоящий из высказываний специалиста в сфере медиа, порождается нарочито, поддаётся корректировке и редактуре для соответствия целям и задачам, поставленным редакциями. Это может быть обусловлено как «внешними» требованиями со стороны редакции, так и внутренними потребностями автора публикации.

В таком контексте языковые особенности военных корреспондентов могут быть осмыслены только в тех пределах, которые непосредственно заданы медийным дискурсом. А вычленение общего и индивидуального определяется исключительно на верbalном уровне. Семантическая и pragmalingвистическая составляющие языковой личности военного корреспондента в большей степени предопределены внешними стимулами порождения текстов.

Второй проблемой, препятствующей системному осмыслиению языковой личности военного корреспондента, является ограниченность достаточного числа источников текстов и текстовых фрагментов, свойственных линейной коммуникации. В исследованиях, посвящённых языковым личностям известных людей, зачастую рассматриваются не только письменные тексты, но и фрагменты устной речи, в значительной степени насыщенной экстралингвистическими и паралингвистическими элементами – эмоциями, жестами, мимикой и т.д., что в целом даёт представление не только о передаваемых сообщениях, но и о посылах и трансляции смыслов. Даже в том случае, если нам известны факты подготовки тезисов публичным личностям третьими лицами, всё равно их публичная трансляция производится через призму конкретного человека. В то же время современные военные корреспонденты в достаточной степени

транслируют свои высказывания через блоги и иные интернет-ресурсы, в большинстве случаев прибегая к использованию письменных текстов (аудиальные и аудиовизуальные компоненты обычно сопровождают или дополняют тексты, делая их креолизованными).

Третий фактор, ограничивающий системное и объективное исследование языковой личности военного корреспондента XXI века, – виртуализация коммуникации. Рассмотрение языковой личности в целом предполагает реконструкцию речевого портрета отдельного человека, находящегося в моно- или полидискурсе, однако действующего и оказыывающего воздействие на реальную окружающую среду. Цифровизация и переход медийщиков в виртуальное пространство создало прецедент нивилизации в сознании рецептиентов образов, намеренно создаваемых инструментами виртуального пространства, которое следует рассматривать не просто как отдельный дискурс, а как дискурсивное пространство, расчленяемое на ряд дискурсов и сопутствующих субдискурсов. Сам военный корреспондент при этом может свободно обращаться к ним, порождая многомерные полидискурсные тексты. А порождаемый при этом образ может быть совершенно противоположным тому, который сконструирован для традиционных СМИ или является основной социальной моделью в реальном пространстве.

Хотя «при изучении языковой личности следует учитывать тексты, созданные ими для любых медиа (сценарии авторских документальных фильмов, видеосюжетов, подкасты, колонки, статьи и т.д.), с которыми они работают, а также доступную широкой общественности совокупность высказываний, не имеющих отношения к авторским медиапродуктам, но связанных с профессиональной деятельностью (экспертные комментарии, интервью и т.д.)» [1, с. 78], также необходимо принимать во внимание, что на языковую личность виртуализация оказывает воздействие в следующих аспектах.

1. Анонимность. В отличие от традиционных медиа, где каждый текст имеет своего автора, в виртуальном пространстве социальных сетей идентификация автора может быть затруднена. Даже если имя автора не указано, его можно определить через медиа, которое опубликовало текст. В социальных сетях же анонимность позволяет пользователям скрывать свою личность, что делает сложным установление связи между языковой личностью и конкретным человеком. Это ограничивает возможности для анализа и выводов.

2. Особый правовой режим. В реальной жизни все действия регулируются законами и нормами, несоблюдение которых может привести к последствиям. Однако правовая база для деятельности в виртуальном пространстве ещё не окончательно сформирована. Это даёт авторам контента большую свободу в коммуникации. В результате один человек может иметь как минимум две языковые личности: одну в реальном мире и другую в виртуальном, что следует учитывать при анализе.

3. Гипертекстуальность. Традиционные медиа имеют ограниченные связи между различными контентными единицами, что не позволяет пользователям активно взаимодействовать с ними. В социальных сетях авторы могут создавать гипертексты, включающие ссылки на свои собственные тексты и на работы других авторов. Это расширяет возможности цитирования и создаёт контент с коллективным авторством, что усложняет определение конкретной языковой личности.

4. Креолизованность. В традиционных медиа текст может быть представлен только в письменной или устной форме. В виртуальных пространствах коммуникация обогащается неверbalными элементами, такими как эмодзи, стикеры и мемы. Это позволяет более полно охарактеризовать языковую личность в виртуальной среде, учитывая разнообразие используемых коммуникационных средств.

5. Вторичность. Хотя виртуальная среда основана на действиях человека в реальном мире, пользователи создают аккаунты-аватары с характеристиками, которые не всегда отражают их истинную сущность. Таким образом, тексты в виртуальном пространстве передаются не напрямую от реальной языковой личности, а через посредство виртуальной идентичности, которая может отличаться от реальной.

6. Непрерывность. Тексты для традиционных медиа публикуются последовательно по установленному графику редакции. В отличие от этого, в виртуальной среде коммуникация происходит мгновенно и непрерывно (например, через стримы и видеоконференции). Это устраняет временной разрыв между событием и его освещением, исключая возможность предварительной редакторской правки и подготовки текста. Такой подход значительно увеличивает количество материалов, которые необходимо учитывать при анализе виртуальной языковой личности.

Исходя из этого следует заключить, что исследование языковой личности военного корреспондента невозможно без учёта трёх факторов: решения проблемы личного и индивидуального, ограниченность выбора анализируемого языкового материала, а также специфики виртуального пространства. Данные аспекты должны быть наложены на традиционное трёхуровневое исследование коммуникации, включающее ценностный, познавательный и поведенческий аспекты, выделяемые В.И. Карасиком, а также трёхуровневую модель Ю.Н. Каурова, предполагающую системный анализ на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и мотивационном уровнях. «Предлагаемые аспекты коммуникативной личности соотносимы с трехуровневой моделью языковой личности (вербально-семантический, когнитивный, прагматический уровни). Различие состоит в том, что уровневая модель предполагает иерархию планов: высшим является прагматический уровень (прагматикон), включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; средний уровень (семантикон) представляет собой картину мира, включающую понятия, идеи, концепты и отражающую иерархию ценностей; низший уровень (лексикон) – это уровень владения естественным языком, уровень языковых единиц» [3, с. 20].

Целостность языковой личности современного российского военного корреспондента определяется общим триединым подходом к её структуре. «Что касается развивающегося в этой работе трехуровневого представления модели языковой личности, то оно поддерживается довольно широко распространенными идеями о трехуровневости процессов восприятия и понимания, которые оказываются тем самым конгруэнтными самому устройству языковой личности. Так, соответственно намечаемым нами мотивационному, тезаурусному и вербально-семантическому уровням языковой личности в схеме смыслового восприятия выделяют побуждающий, формирующий и реализующий уровни» [4, с. 51].

Для анализа мы обратились к контенту, созданному военным корреспондентом Александром Коцом для своего личного телеграм-канала Kotsnews, выполняющего функцию персонального СМИ-блога. Выбор материала основан на популярности данного ресурса: по данным сервиса TGStat, на канал подписаны порядка 580 000 человек, средний охват одной публикации составляет около 141 000 просмотров, всего в телеграм-канале за 8 лет его существования опубликовано более 50 000 сообщений, что представляет собой репрезентативный объём для объективных выводов. При этом для изучения языковой личности военного корреспондента Александра Коца мы основывались на синхронном подходе к отбору материала, проанализировав 300 авторских текстов и текстовых фрагментов, размещенных в его телеграм-канале.

Следуя трёхуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караурова, на вербально-семантическом уровне языковой личности Александра Коца можно выделить следующие особенности.

Так, публикации анализируемого телеграм-канала насыщены пейоративами, инвективой и обсценной лексикой (прим. — тут и далее сохранены авторская орфография, грамматика, лексика, синтаксис и пунктуация): «71 процент проголосовавших считают, что судить **отморозков** надо там, где разрешена смертная казнь. Ради такого можно было бы даже временно отменить российский мораторий на "вышак"», «**Засады** врагу под ствол», «На кадрах - уничтожение дроном на оптоволокне вражеской 105-мм гаубицы M101. Прикинулась ветошью, но **не фартануло**», «Немец на Покровском направлении присыпал себя пожухлой листвой и изобразил **потеряшку**», «Плюс ставшие уже рутиной воздушные бои дронов. Операторы "Веги" **выносят** ретрансляторы противника на базе Мавиков и Матрасов», «Киевские **ублюдки** решили сместить вектор информационного внимания с **резни** В Русском Поречном в привычной для себя манере», «Эти **вурдалаки** не придумали ничего лучше, чем нанести авиаудар по интернату в Судже, где живут наши граждане. И привычно **свалить** это на российскую сторону», «87 процентов проголосовавших считают, что Шольц таким образом **пытается подмазаться** к Трампу» и т.д.

Сниженная лексика частотно используется Александром Коцом для создания ироничного контекста. Военный корреспондент таким образом одновременно решает несколько задач: существенно уменьшает дистанцию между ним и реципиентом, вызывая так доверие к себе и своим публикациям, формирует отношение аудитории к конкретным личностям и событиям, что в совокупности с узкой тематической направленностью создаёт в восприятии у подписчиков заданное отношение к ситуации. При этом насыщение текстов такой лексикой также усиливает эмоциональную составляющую высказываний, что позволяет военкору создавать контраст между полунеформальными сообщениями о противнике и более официальными публикациями о Вооруженных Силах Российской Федерации. Вторая дилемма — противопоставление высмеиваемого поражения противника и близкого к торжественному описанию успехов российских военных.

Отдельного внимания заслуживает характер употребления военной лексики языковой личностью Александра Коца. Например, «На Краматорском направлении (как приятно это произносить) **дроноводы** 27 артиллерии вскрывают позиции вражеской артиллерии», «Для эвакуации "трехсотых" **морпехи** отдали свою "Буханку", но по дороге в нее влетает **дрон-камикадзе**», «"Центр" **пытается обезопасить фланги группировки**, которая **пытается блокировать этот город**» и т.д. Военкор концентрирует на небольших отрезках большое число военных жаргонизмов, превращая свои высказывания в сообщения, имитирующие речь профессиональных военных. Такой приём позволяет автору продемонстрировать собственную экспертизу, а значит, убедить читателя в достоверности подаваемой информации.

Также следует отметить высокую степень креолизованности текстов, размещённых в телеграм-канале Александра Коца, где мультимедийный компонент является неотъемлемой частью текстового сообщения. Публикации, содержащие фрагменты видео- и фотоизображения зачастую сопровождаются текстами, продолжающими то, что сообщается с помощью аудиовизуальных сообщений (рис. 1, рис. 2). Данное свойство, присущее виртуальному пространству, выводит высказывания, характерные языковой личности Александра Коца, за пределы

суюзыкового дискурса, расширяя его пространство за счёт экстралингвистических компонентов, заслуживающих отдельного изучения.

Курск: у противника минус шесть танков, три ИМР и полтора десятка БММ

Минобороны официально отчиталось об отражении наката противника в Курской области:

✓ Украинские вооруженные формирования предприняли попытку контраступательных действий в направлении населенных пунктов Черкасская Конопелька и Уланок Курской области. Для чего ВСУ задействовали до двух механизированных батальонов на бронетехнике.

Штурмовыми группами противника было предпринято несколько волн атак.

✓ Группировкой войск «Север» противник был своевременно выявлен, подразделениями группировки при поддержке авиации наносится огневое поражение штурмовыми группами ВСУ.

✓ По состоянию на 14.00 атаки вооруженных формирований Украины отражены, населенные пункты находятся под контролем российских войск.

✓ Потери противника составили шесть танков, три машины разгромлены, три боевые машины пехоты и 14 боевых бронированных машин. Уничтожение формирований ВСУ продолжается.

Хорошо, когда в наступление колоннами ходим не мы, а хохол.

@sashakots
2.5K 1.1K 167 72 40 10
6 4 3
104.6K 15.51

Рисунок 1

При этом мультимедийный компонент зачастую не является авторским произведением Александра Коца. Он таким образом цитирует информацию, полученную от стрингеров и очевидцев, комментируя происходящее в кадре. Однако именно текст является ключевой доминантой его высказывания. Именно в текстовом сообщении военный корреспондент задает отношение к происходящему, формирует посыл, ретранслируемый на его аудиторию. Поэтому креолизованные посты в анализируемом телеграм-канале, с одной стороны, следует рассматривать как целостные произведения, а с другой, для анализа особенностей языковой личности достаточно рассмотрения текстового фрагмента.

На когнитивном (лингвокогнитивном) уровне языковой личности российского военного корреспондента Александра Коца доминируют концепты Война, Победа, Воин и Запад. Кроме непосредственной тематики публикаций, охватывающих реализацию данных концептов, языковой личности Александра Коца свойственны контекстуальные обращения к указанным выше концептам. Военный корреспондент при описании любых тематик, так или иначе обращается к данным элементам его мышления.

Однако с позиции сферы профессиональной деятельности Александра Коца реализация концептов внутри его языковой личности более важна на прагматическом (мотивационном) уровне, основанном как на когнитивном устройстве, так и на вербальной реализации, потому что «в самом широком плане, говоря о человеке в аспекте его коммуникативного поведения, мы имеем в виду прагмалингвистические параметры языковой личности, т.е. рассматриваем общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы их реализации» [3, с. 45], без чего речевая деятельность журналиста теряет всякий смысл.

Анализируя дискурс, создаваемый сообщениями, размещенными в телеграм-канале Kotsnews следует выделить следующие доминанты: публикации соподчинены рубрикации, заметна регулярность использования устойчивых речевых жанров, распространено использование заголовков, свойственным газетам. Учитывая более чем 25-летний опыт работы Александра Коца в качестве журналиста газеты «Комсомольская правда» можно

Новые кадры утилизации ВСУ в Курской области

Честно говоря, я думал, что спустя три года войны так в наступление уже не ходят - ни мы, ни наши оппоненты. Но Киев умеет удивлять. Ранним утром четверга противник в Курской области решил попытать счастья в направлении сел Черкасская Конопелька, Уланок и Фанасеевка силами аж до двух механизированных батальонов на бронетехнике. В контратаку пошли танки, броневики, инженерные машины разгромления...

Основной удар пришелся на позиции 810 бригады морской пехоты и 11 бригады ВДВ. Эти подразделения нельзя просто «зять на пике». Да и с соседнего фланга прикрывают отряды спецназа «Ахмат» и добровольческого корпуса Минобороны. Тем более, что накопление сил и подготовка врага к активным действиям разведка группировки «Север» вскрыла заранее. Очередной накат оккупантов мы встретили во всеоружии.

По официальным данным Минобороны на середину четверга, наши артиллерия, операторы БПЛА уничтожили шесть танков, три машины разгромлены, три БМП и 14 боевых бронированных машин. И это еще явно не конец очередного «беспримерного» контраступа.

@sashakots
2.4K 1.1K 247 89 41 13
113.8K 17.50

Рисунок 2

утверждать, что в виртуальной среде его языковая личность имитирует дискурс газеты. В целом телеграм-канал Александра Коца можно охарактеризовать как пример текстов, свойственных печатным изданиям, который создаёт один человек. Однако учитывая разнообразие используемых им речевых жанров (информационные сообщения, опросы и их результаты, исторические мини-очерки, дайджесты и обзоры СМИ, вовлекающие тизеры крупных публикаций автора (рис. 3), комментарии к видео, стримы, репортажи и т.д.) можно выделить несколько языковых субличностей Александра Коца как военного корреспондента: военкора-хрониста, журналиста-аналитика и памфлетиста. По сути, «моделируется типичная жанровая ситуация, позволяющая отнести определённый текст к заданной теме, выделяются композиционные схемы развертывания темы, языковые заготовки (слова, сочетания, устойчивые выражения) для порождения и понимания смысла первичной и вторичной информации, создается прототипический текст в соответствующем жанре с помощью данных заготовок» [4, с. 51].

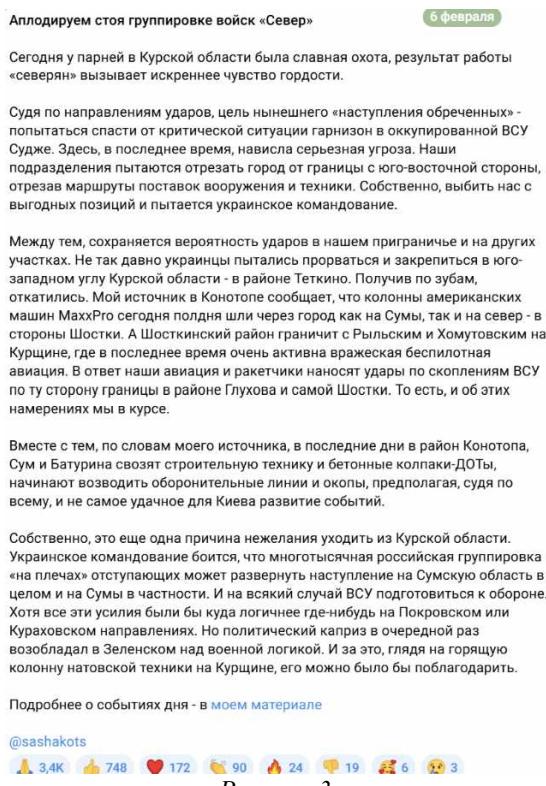

Рисунок 3

Речевые жанры, представленные в телеграм-канале Александра Коца, определяют не только по структурным, схематическим признакам, но и по характеру используемой лексики, особенностям синтаксиса предложений. Автор задаёт темпо-ритм, свойственный печатным СМИ, но в то же время насыщает сообщения эмоционально-окрашенной лексикой, допускает использование приёмов, которые недопустимы для употребления при создании контента официального издания. Учитывая особенности современных социальных медиа, на которые не распространяются нормы, характерные для традиционных медиа, языковая личность военного корреспондента в большей степени свободная с точки зрения используемых речевых тактик и лексических средств передачи информации. Однако в сознании аудитории Александр Коц не меняет своего статуса при публикации сообщений на разных информационных площадках: как коллективных официальных, так и персональных более неформальных. В то же время считаем, что языковую личность современного российского военного корреспондента (безотносительно анализируемых персонажей) следует изучать, опираясь на текстовые

фрагменты, опубликованные на любых коммуникационных площадках вне зависимости от их специфики. Так, например, использование ненормативной лексики является именно характерным свойством языковой личности современного российского военного корреспондента, несмотря на то, что такие языковые единицы отсутствуют в телевизионном и радиодискурсе, не свойственны печатным медиа. В то же время обсценная лексика — наиболее распространённое средство усиления эмоциональной выразительности на тех площадках, где её употребление не регламентировано.

Таким образом, языковая личность современного российского военного корреспондента с учётом факторов реализации речевой деятельности в виртуальном пространстве на примере текстовых сообщений, размещённых в телеграм-канале Александра Коца, может быть охарактеризована на вербально-семантическом уровне как использующая сниженную лексику (пейоративы, инвективу и обсценную лексику) для подчёркивания дихотомии «наши – враги», концентрирующую профессионализмы для демонстрации экспертизы и повышения доверия к высказываниям. На когнитивном и прагматическом уровнях презентация концептов Война, Победа, Воин и Запад, свойственных военному дискурсу, реализуется посредством имитации дискурса газеты, наполняемого высказываниями, порождёнными несколькими языковыми субличностями согласно тем речевым жанрам, которые максимально соответствуют задачам, стоящим перед современным российским военным корреспондентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурляй А.С. Особенности языковой личности в виртуальном пространстве социальных медиа / А.С. Бурляй // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2024. – С. 77–79.
2. Джукман Э.Р.Н. Соотношение понятий «речевой портрет» и «языковая личность» / Э.Р.Н. Джукман // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 354–357.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Караулов В.Ю. Русский язык и языковая личность. / В.Ю. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Кыштымова Т.В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике / Т.В. Кыштымова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6. – С. 237–244.
6. Малышева Е.Г. Дискурсивная языковая личность и идиостиль журналиста: методология и методы исследования (на примере анализа текстов Омского журналиста Сергея Шкаева) / Е.Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6(66). – С. 39–44.
7. Пачина А.Н. Языковая личность современного журналиста: использование коммуникативных стратегий и тактик речевого воздействия на читателя / А.Н. Пачина // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2014. – № 7. – С. 68–72.
8. Скулимовская Д.А. О роли языковой личности в речевом акте: языковая личность предупреждающего / Д.А. Скулимовская // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2-2(82). – С. 197–201.
9. Устинова В.Л. Дискурсивная языковая личность журналиста-колумниста в медиадискурсе: гендерный аспект / В.Л. Устинова // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 92, № 3. – С. 119–123.
10. Челак Е.А. Портрет языковой личности военного корреспондента / Е.А. Челак, А.В. Шарыпова // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 8(44). – 9 (6 с.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Kotsnews : канал // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/sashakots> (дата обращения: 06.02.2025).

REFERENCES

1. Burlyay A.S. (2024). Osobennosti yazykovoy lichnosti v virtual'nom prostranstve sotsial'nykh media [Features of linguistic personality in the virtual space of social media]. Donetskiye chteniya 2024: obrazovaniye,

nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Donetsk, 15–17 oktyabrya 2024 goda [Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Modernity: Proceedings of the IX International Scientific Conference, Donetsk, October 15–17, 2024], 77–79. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet (In Russian).

2. Dzhukman E.R.N. (2019). Sootnosheniye ponyatiy «rechevoy portret» i «yazykovaya lichnost'» [The correlation of the concepts "speech portrait" and "linguistic personality"]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2(75), 354–357. (In Russian).

3. Karasik V.I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremeny (In Russian).

4. Karaulov V.Yu. (2010). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality] (7th ed.). Moscow: Izdatel'stvo LKI (In Russian).

5. Kyshtymova T.V. (2014). Ponyatiye «yazykovaya lichnost'» v sovremennoy lingvistike [The concept of "linguistic personality" in modern linguistics]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, (6), 237–244 (In Russian).

6. Malysheva E.G. (2017). Diskursivnaya yazykovaya lichnost' i idiotil' zhurnalista: metodologiya i metody issledovaniya (na primere analiza tekstov Omskogo zhurnalista Sergeya Shkayeva) [Discursive linguistic personality and idiosyncrasy of a journalist: methodology and methods of research (based on the analysis of texts by Omsk journalist Sergey Shkayev)]. Politicheskaya lingvistika, 6(66), 39–44 (In Russian).

7. Pachina A.N. (2014). Yazykovaya lichnost' sovremennoy zhurnalista: ispol'zovaniye kommunikativnykh strategiy i taktik rechevogo vozdeystviya na chitateliya [Linguistic personality of a modern journalist: the use of communicative strategies and tactics of speech influence on the reader]. Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 7, 68–72 (In Russian).

8. Skulimovskaya D.A. (2014). O roli yazykovoy lichnosti v rechevom akte: yazykovaya lichnost' preduprezhdayushchego [On the role of linguistic personality in speech act: Linguistic personality of the warner]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2-2(82), 197–201. (In Russian).

9. Ustinova V.L. (2022). Diskursivnaya yazykovaya lichnost' zhurnalista-kolumnista v mediadiskurse: gendernyy aspekt [Discursive linguistic personality of a journalist-columnist in media discourse: Gender aspect]. Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki, 92(3), 119–123 (In Russian).

10. Chelak E.A., & Sharypova A.V. (2023). Portret yazykovoy lichnosti voyennogo korrespondenta [Portrait of the linguistic personality of a war correspondent]. Russkiy lingvisticheskiy byulleten', 8(44), 9 (6 p.) (In Russian).

Поступила в редакцию: 08.02.2025 г.

SPECIFICS OF MODERN RUSSIAN MILITARY CORRESPONDENT'S LINGUISTIC PERSONALITY

A.S. Burlyai

The article addresses the linguistic personality of a modern Russian military correspondent as a complex linguistic phenomenon requiring an interdisciplinary approach. Based on the theoretical provisions of Y. N. Karaulov and modern research, the author analyzes the verbal-semantic, cognitive and pragmatic levels of linguistic personality using the example of Alexander Kotz's text messages in his personal telegram-channel. It has been established that the verbal level is characterized by the use of sub-standard vocabulary to create a "friend - foe" dichotomy and professionalisms to increase expertise. The cognitive and pragmatic levels are characterized by the presentation of key concepts of military discourse (War, Victory, Warrior, West) through imitation of newspaper discourse and the use of speech genres corresponding to the tasks of a war correspondent in the virtual space. It is stressed that a war correspondent's linguistic personality is formed under the influence of factors related to the implementation of speech activity in the virtual space, and manifests itself as a combination of several linguistic subpersonalities.

Key words: linguistic personality, discourse, media discourse, military correspondent, linguistic subpersonality, linguistic pragmatics, cognitive science, telegram-channel.

Бурляй Анна Сергеевна.

Донецкий государственный университет, г. Донецк,
Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры русского языка.
ORCID: 0000-0003-4689-0275.

E-mail: anna.burlyai@mail.ru

Burlyai Anna Sergeevna.

Donetsk State University, Donetsk,
Russian Federation.

Senior lecturer at the Russian Language Department.
ORCID: 0000-0003-4689-0275.

E-mail: anna.burlyai@mail.ru

Научная статья

УДК 81-119

DOI: 10.5281/zenodo.15111296

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА-ДЕМИУРГА В НARRATIVAX НАРОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ, ОБЪЯСНЯЮЩИХ ТОПОНИМИКУ РОССИИ И КИТАЯ⁷

© 2025 Кан Аньци

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина».

ORCID 0009-0003-0295-7316

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлен сопоставительный анализ принципов именования населенных пунктов Российской Федерации и Китайской Народной Республики, рассматриваются народно-этимологические версии названий, объясняющие происхождение топонимов, связанных с образом императора-демиурга. В отличие от русских топонимов, объясняемых посредством не только научной, но и народно-этимологической версий происхождения, китайские топонимы трактуются с помощью только одной из версий. В Китае нет легендарных императоров-демиургов, подобных Петру I. Китайская система именования населенных пунктов, которая связана с образом императора, фигурирует на административном уровне, что отличает ее от русской системы именования, осуществляющейся в народной среде и развивающейся достаточно стихийно. Китайские названия, восходящие к императору-демиургу, связаны с пожеланиями и событиями, имеющими историческое значение. Аналогичные русские названия, как правило, связаны с мелкими бытовыми происшествиями и отсылают в своей основе либо к примечательным местным особенностям, либо к внешней схожести названий с другими словами.

Ключевые слова: император-демиург, топонимические предания, народная этимология, лингвокультура.

Для оглавления: Кан Аньци. Образ императора-демиурга в нарративах народной этимологии, объясняющих топонимику России и Китая / Аньци Кан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 125–135. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15111296>.

Топонимические предания – народные нарративы, способные много рассказать об образе мысли народа, об особенностях его психологии. Данный факт делает подобные тексты очень ценным источником лингвокультурологических сведений о разных народах, в том числе народах Китая и России. На данный момент сопоставление принципов именования мест уже нашло свое отражение в научных работах сопоставительного плана ([2; 11]), в том числе и в аспекте изучения топонимических преданий России и Китая (см. [7]). Тем не менее, подробного изучения отдельных мотивов в нарративах, связанных с топонимами России и Китая, до сих пор не представлено. Последним фактом объясняется новизна нашей работы, в которой мы планируем рассмотреть и сопоставить топонимические предания России и Китая, объединенные такой ключевой фигурой в топонимических нарративах как фигура «императора-демиурга».

⁷ Статья финансируется Китайским стипендиальным советом.

Прежде всего стоит отметить, что относительно русских топонимов существуют, как правило, две версии происхождения, одна из которых связана с народной этимологией, а вторая – с научной. Относительно происхождения китайских топонимов, как правило, не существует разделения на народную этимологию и научную. Вымысел и исторические факты в китайской топонимике неразрывно связаны друг с другом, что обусловлено, видимо, разной формой первоначальной фиксации топонима, которая в китайской лингвокультуре, как правило, осуществляется в письменной форме, в отличие от русской лингвокультуры, для которой характерно изначально долгое бытование в устной форме [7, с. 346].

Народная этимология тесно связана с фольклором и является структурообразующим компонентом для такого жанра, как топонимическое предание. Н.А. Криничная уточняет назначение преданий – «первоначально предания призваны были сохранить историю конкретного рода, затем соседской общины, впоследствии – историю определенного селения местности» [1, с. 10]. По идеи О.Д. Постовалова, для преданий важна не история в целом, а история определенного региона, области, района, селения. В преданиях может идти речь о деятельности исторических лиц, о конкретных исторических событиях, происходивших в том или ином регионе, а также об истории локусов, которая нередко не связана с историческими событиями или личностями. Кроме этого, предания освещают историю отдельной семьи, рода. Общая цель преданий – осмысление местной историй. В соответствии с более дробной целевой установкой выделяется три типа преданий: исторические, топонимические и семейные предания [4, с. 115]. В нашей работе мы будем рассматривать именно топонимические предания, объединенные образом императора.

Рассмотрим ключевое для нашей работы понятие *император* 皇帝 (huáng dì). Мы отаем себе отчет в том, что титулы являются крайне специфической группой слов, не поддающейся переводу и теснейшим образом связанной с контекстом той или иной лингвокультуры. Поэтому мы обращаемся как к традициям именования тех или иных правителей, так и к традициям перевода тех или иных именований, сложившихся в сопоставляемых лингвокультурах. Китай имеет долгую историю, на протяжении которой произошла смена 83 династий (количество династий варьируется у разных историков). Аналог понятия *император* в китайском языке передается иероглифами 皇帝 (huáng dì) – хуан ди. Оба эти иероглифа могут употребляться изолированно (хуан 皇 (huán) и ди 帝(dì)), в таком употреблении они обозначают народного вождя, лидера племенных союзов, появлявшихся на средней и поздней стадиях развития первобытного общества, и их титул скорее является эквивалентом славянского *князь*. Правители хуан и ди правили в эпоху, которую называют Сань Хуан У Ди 三皇五帝 (sān huáng wǔ dì) ‘три правителя хуан и пять правителей ди’. Тремя правителями хуан являются Суйрэн 燧人 (suǐ rén), Фуси 伏羲 (fú xī) и Шэньнун 神农 (shén nóng). Пятью правителями ди являются Хуанди 黄帝 (huáng dì), Чжуаньсяй 颛顼 (zhuān xū), Ди Ку 帝喾 (dì kù), Яо 尧 (yáo), Шунь 舜 (shùn). Происхождение сочетания хуан ди 皇帝 (huáng dì), традиционно переводимого как *император*, связано с тем, что Цинь Шихуан 秦始皇 (qín shǐ huáng) – правитель объединивший шесть государств под своей властью, унифицировавший язык и разработавший систему мер и весов, – считал, что его достижения превосходят достижения Сань Хуан У Ди, и соединил в своем титуле два высших земных титула хуан 皇 (huáng) и ди 帝 (dì). С тех пор как Цинь Шихуан назвал себя хуан ди, до отречения императора Пу И 溥仪 (pǔ yí) от престола в 1912 году на протяжении китайской истории

было, по разным точкам зрения, от 408 до 494 императоров (точное число зависит от точек зрения разных групп ученых).

В истории России было две основные правящие династии – Рюриковичей и Романовых. Первым царем считается Иван IV Грозный, хотя в некоторых источниках еще Иван III именовал себя царем. До этого правители Древней Руси именовались князьями, что, в отличие от унаследованного от Византии титула *царь*, было родовым титулом, не включало в себя сакрального элемента. Первым правителем Российского государства, который стал именоваться императором, был Петр I, что, видимо, находилось в рамках политики европеизации, проводимой данным правителем. Примечательно, что в русской народной картине мира роль демиургов, основывающих селения и именующих их, из владетельных особ играют именно цари, императоры и императрицы – Петр I, Иван Грозный и Екатерина II.

Стоит отметить, что, если исключить названия малых и больших населенных пунктов, непосредственно названных в честь великих людей советской эпохи (*Ленин – Ленинград, Калинин – Калининград* и т.д.), топоним выступает подобием спускового механизма для раскручивания сюжета предания, но не образуется от имени императора-демиурга непосредственно [8, с. 374]. Данный тип топонимических преданий в российской практике именования является основополагающим. В качестве примеров можно привести этимологию названий деревень Нижегородской области – *Ломовка* и *Черномуж*. В деревне Черномуж царь Иван Грозный, по преданию встретил, *черного мужа* [3, с. 29], а в селе Ломовка Нижегородской области сломалась царская карета [там же, с. 31] – как мы видим, номинации сел мотивированы не именем царя, но одним из его предполагаемых действий. В Нижегородской области представлено большое количество топонимов, образованных по данному типу. Например, название села *Поздняково* в городском округе Навашинский Нижегородской области объясняется тем, что Иван Грозный здесь *припозднился* [там же]. В деревне *Волосово* городского округа Навашинский Нижегородской области, *на волоске* висела судьба кого-то из его подданных. Название деревни *Горицы* в составе этого же округа связывают с тем, что Иван Грозный поселил здесь *горюнов* – неимущих крестьян, а в *Дедове* встретил седобородых старцев-монахов – *дедов* [там же]. В селе *Венец* государь кого-то *отдал под венец*, село *Сонино* в составе городского округа Навашинский Нижегородской области названо так из-за того, что здесь Иван Грозный решил изгнать из армии всех бродяг и бездельников (*сонь*) и выслал их в ближайшую деревню, получившую название *Сонино* [там же]; название сел *Большое и Малое Туманово* в Арзамасском районе Нижегородской области, известные с 1582 года как единое село *Туманово*, местные жители связывают с легендой о тумане, который будто бы преградил путь царскому войску [3, с. 32]. Село *Девичьи Горы* в Большеболдинском районе Нижегородской области объясняется преданием о том, что мордовцы, живущие в деревне, хотели убить приближающегося к ним царя Ивана Грозного, но мордовская девушка предупредила царя об опасности и впоследствии была убита своими односельчанами. Узнав об этом, Иван Грозный приказал похоронить её с *великими почестями* – на её могилу насыпали большой курган земли, а село с тех пор село стало называть *Девичьи Горы* [Там же]. В данном наборе преданий можно обнаружить ряд архаических мотивов, представленных и в других топонимических преданиях: мотив, связанный с опозданием царя (*Поздняково*), с характеристикой местных жителей (*Горюны, Сонино*), с погибшей девушкой, по которой была совершена тризна (*Девичьи горы*) (см. подробнее [8]), но объединяющими для данной группы преданий остаются два признака – наличие мотива царя-демиурга и легендарная связь названия с его предполагаемыми поступками. Приведем примеры преданий подобного типа, которые связываются с

другими императорами-демиургами: Петром I и Екатериной II. Например, с фразами Петра I связывается название села *Дивногорье* и города *Богучар* в Воронежской области. Первое возводится к фразе императора «*Какие дивные горы!*» [10, с. 35], а второе дано по фразе, сложившейся после того как Петр I уронил чару в Дон, – «*А эту чарку я отдаю Богу*» [Там же, с. 36]. С Екатериной связывается название села *Хреновое* Бобровского района Воронежской области. В соответствии с преданием однажды Екатерина II «проезжала мимо, а дороги у нас плохие. Она сказала: "Хреновая дорога". Так и село получило своё название» [Там же, с. 37]. По научной этимологии, представленной в книге В.А. Прохорова, название дано по речке *Хреновой*, а та – по зарослям растения *хрена* в былые времена [5]. Как мы видим, названия, дававшиеся императорами в русской практике, фигурируют на микротопонимическом уровне и часто основаны на каких-то внешних деталях и созвучиях слов.

В отличие от русских топонимов, объясняемых поступком императора-демиурга, которые, как мы сказали выше, фигурируют на уровне микротопонимическом, китайские топонимы, наоборот, рассматриваем на примерах названий крупных городов, которые распределяются по трем группам: 市 (*shì*) ‘города’, 县 (*xiàn*) ‘уезды’, 镇 (*zhèn*) ‘городки’. В Китае города больше по территории и населению, чем уезды, уезды обычно больше по территории и населению, чем городки, а городки больше, чем села и деревни. Чтобы понять исторические названия в Китае, сначала нужно разобраться в определениях древнекитайских названий. Таких названия три: *нянъхао* 年号 (*nián hào*) ‘годовые названия’, *цзунъхао* 尊号 (*zūn hào*) ‘почетные имена’, *шихао* 谥号 (*shì hào*) ‘посмертные имена’. Годовое название – это название времени правления того или иного императора. Год, когда каждый император восходит на трон, называется первым годом этой эпохи. Используя подобные названия, император выражал свои пожелания относительно той или иной эпохи. Первое годовое название было дано императором У из династии Западная Хань. Император У дал первое название году – *Цзяньюань* 建元 (*jiàn yuán*) ‘создание эры’ (140 г. до н.э. – 135 г. до н.э.), когда император У вступил на престол, и это первое в истории Китая название года. Таким образом, 140 г. до н.э. называется *Цзяньюань Юаньнянь* 建元元年 (*jiàn yuán yuán nián*) ‘первый год Цзяньюань’, а 139 г. до н.э. называется *Цзяньюань Эрнянь* 建元二年 (*jiàn yuán èr nián*) ‘второй год Цзяньюань’ – такие названия давали вместо сложившихся в европейской практике 140 г. до н.э., 139 г. до н.э. и т.д. Рассмотрим пример топонима, основанного на годовом названии: *город Цзиндэчжэнь* 景德镇 (*jǐng dé zhèn*). Причина, по которой *Цзиндэчжэнь* получил свое название, происходит от годового названия *Цзиндэ* 景德 (*jǐng dé*), в котором *цзин* 景 (*jǐng*) означает ‘великий’, что относится к основам правления императора, а *де* 德 (*dé*) ‘благожелательность’. В целом название *Цзиндэ* имеет значение ‘щедрость и благожелательность императора’, оно связано с императором Сун Чжэньцзуом и основано на годовом названии, которое он придумал. В первый год эпохи Цзиндэ (1004 г. н.э.) Сун Чжэньцзуу очень понравился бело-голубой фарфор (также известный как «тень цвета морской волны»), производимый в городе Чаннань, поэтому он дал городу Чаннань название *Цзиндэ*, образованное от названия своей эпохи. Таким образом, город Чаннань был переименован в *Цзиндэчжэнь* слово *чжэнь*, передаваемое иероглифом 镇 (*zhèn*) имеет значение ‘городок’. Данное название сохранилось, несмотря на то что городок разросся, стал городом. [12]). В качестве еще одного примера названий подобного типа можно привести название города *Шаосин* 绍兴 (*shào xīng*). *Шаосин* – это годовое название правления императора Гаоцзуна Чжано Гоу из династии Южная Сун.

Иероглифы, составившие данное название, восходят к словосочетанию *шао цзо чжун син* 绍祚中兴 (*shào zuò zhōng xīng*) ‘наследие империи и возрождение государства’ [там же]. Таким образом, подобная группа названий связана с фигурой императора опосредованно – императоры создавали годовые названия, которые затем становились названиями мест.

К группе годовых названий примыкают названия, основанные на каких-либо словах императоров, содержащих различные благие пожелания, но не относящиеся к годовым названиям. В качестве примера можно привести название города *Чунцин* 重庆 (*chóng qìng*), которое можно перевести как ‘двойное счастье’. Связано данное название с историей о том в 1189 году император Сун Сяоцзун назвал своего сына Чжао Дуна королем Гуном. Месяц спустя император Сун Сяоцзун умер, и Чжао Дунь взошел на трон в качестве императора, он стал императором Сун Гуанцзуном. Таким образом, одно за другим произошли два события, по итогам которых сын императора Чжао Дунь стал императором Сун Гуанцзуном. Император Гуанцзун произнес фразу *шуан чун цин* 双重喜庆 (*shuāng chóng xǐ qìng*) ‘двойное счастье’, на основе которой возник топоним [13]. В качестве другого примера можно привести название города *Чжаоцин* 肇庆 (*zhào qìng*), восходящее к выражению *си цин цзи сян чжи ши* 喜庆吉祥之始 (*xǐ qìng jí xiáng zhī shǐ*) ‘начало радости и удачи’, данное в первый год правления династии Сун (1118 г. н.э.), когда император Чжао Цзи из династии Сун переименовал город *Дуаньчжоу* в *Чжаоцин* [там же]. Таким образом, в названиях *Чунцин* и *Чжаоцин*, сложившихся в годы правления династии Сун, имеют большое сходство в принципах именования, выражают идеи радости и празднования. Еще одним примером именований подобного типа является название города *Фукан* 阜康 (*fù kāng*), город имеет долгую историю, существовал еще при династиях Хань и Тан, был важным пунктом на древнем Шелковом пути. Название данному городу дал император Цяньлун и оно восходит к выражению *у фу минь кан* 物阜民康 (*wù fù mǐn kāng*) ‘изобилие в товарах и благосостояние народа’ [там же, с. 178]. Название уезда *Дэнфэн* 登封 (*dēng fēng*) связано с императрицей династии Тан, которую звали У Цзэтянь. Тогда на месте Дэнфэня был уезд *Сонгшань* 嵩山 ‘гора Сонг’, уезд не был столицей государства, которым правила У Цзэтан, но она была в нем девять раз, и каждый раз ей приходилось подниматься на гору Сонг. В 696 году У Цзэтянь поднялась на гору Сонг и официально дала горе Сонг название *Чжунюэ* 中岳 (*zhōng yuē*) ‘серединная гора’, а название уезда изменила на *Дэнфэн* 登封 (*dēng fēng*) ‘подниматься до вершины’ [там же, с.263]. Город *Чиайи* 嘉义 (*jiā yì*) изначально назывался 诸罗 Чжулуо, по имени горы Чжулуо, расположенной на его территории. На 51-м году правления Цяньлуна Линь Шуанвэнь начал антицинское восстание на Тайване. Добровольцы осадили уезд Чжулуо, но солдаты и жители Чжулуо отстояли город, понеся большие потери. Император Цяньлун, почтив их верность и праведность, и переименовал Чжулуо в *Чиайи* 嘉义 (*jiā yì*) ‘почтить праведность’ [там же, с.185]. С названием города *Тяньцзинь* 天津 (*tiān jīn*) связана история о том, как Чжу Ди взошел на престол, ему понравились три развилики реки, через которые проходил, когда сражался за власть. Чжу Ди решил, что это кусочек земли соответствует критериям фэн-шуй (земля хорошая и может принести счастливую судьбу), поэтому попросил своих министров предложить названия. В итоге Чжу Ди выбрал слово *Тяньцзинь* 天津 (*tiān jīn*), состоящее из иероглифов 天 (*tiān*), являющегося частью титула *Тяньцзы* 天子 (*tiān zǐ*) ‘Сын Неба, император’ и 津 (*jīn*) в переводе с древнекитайского означающее ‘паром, переправа’. Само название таким образом переводится как ‘место, где Сын Неба совершил переправу’ [14, с. 264]. Все эти названия не проходили стадию годовых названий, они основаны на непосредственных пожеланиях императора.

В толкованиях русских топонимов очень распространен подобный принцип именования, когда названия восходят к каким-либо фразам, произнесенным императорами, но, в отличие от китайских топонимов, русские топонимы подобного типа не содержат каких-либо благих пожеланий данному месту, скорее они указывают на внешние приметы данных мест или толкуют слова, опираясь на сходство звукового состава. Например, название села Кочетовка Хохольского района Воронежской области объясняется следующим образом: «Петр I путешествовал по воронежским селам. Он подъехал к дворам. Кучер остановил лошадь, и вдруг выбежал петух и громко прокричал. "Вот это Кочетовка", – воскликнул Петр. С тех пор село называется Кочетовка» [10, с. 37]; название расположенного в Удмуртской республике города Глазова объясняется так: «Говорят, что Екатерина Великая, рассматривая чертежи будущего города Глазова, сказала, что город похож на "глаза Бога"» [9]. Название деревни Озон в Кезском районе Удмуртской республики объясняется тем, что Екатерине II понравился воздух. «Ах, какой озон!» – восхитилась она [там же]. Название села Грязь Московской области объясняется тем, что карета застряла, и Екатерина воскликнула: "Ну и грязь здесь! Просто горе!"» [там же]. Название речки Велетьмы и одноименного села в Московской области восходит к случаю, произошедшему с Иваном Грозным: «Иван Грозный, расположившись на берегах этой реки, посмотрел на свое войско, как бы говоря: "Велия (великая) тьма ратников", как будто не замечая до этого» [3, с. 30]. По другой версии, Иван Грозный, увидев бескрайний лес перед своим войском, сказал: «Велия тьма леса» [там же]. Таким образом, как мы уже сказали выше, русские названия, которые по народным представлениям даны императорами, отражают, прежде всего, бытовые детали, приметы данных мест и не обладают какой-либо гlorификационной интенцией.

В китайской лингвокультуре даже названия, которые на первый взгляд указывают на бытовые детали, на самом деле содержат пожелание или восхищение от увиденного. Например, в провинции Ганьсу император У из династии Хань создал множество топонимов (его в каком-то смысле можно считать героем топонимических нарративов, схожим с Петром I), в их числе – город Чжанъе 张掖 (*zhāng yè*), название которого восходит к выражению *дуань сюн ну чжи би*, *чжсан чжун го чжи е* 断匈奴之臂, 张中国之掖 (*duàn xiōng ní zhī bì*, *zhāng zhōng guó zhī yè*) ‘сломать руку Сюнну и расширить территории Китая’. То, что на первый взгляд кажется бытовой деталью – *сломать руку*, – на самом деле указывает на древний кочевой народ Сюнну, который с 220 года до н.э. по II в. н.э. населял степи к северу от Китая. В древнем Китае слово *рука* иносказательно обозначало страну и территорию, *сломать руку Сюнну* значило ‘победить Сюнну, занять их территорию и расширить территорию Китая’ [14, с. 256]. Название города Цзююань 酒泉 (*jǐu quán*) ‘винный источник’ происходит от того, что во время праздника император У из династии Хань подарил вино военачальнику Хо Цюйбину, одержавшему победу над Сюнну. Хо Цюйбин выпил вино в источник и выпил его вместе со своими солдатами, отсюда и название Цзююань [там же]. Мы можем видеть, что здесь на первый взгляд присутствуют мелкие бытовые моменты, но то, что в русском понимании является отражением бытового случая, в китайской практике имеет символическое значение.

Топонимы могут быть основаны на почетных именах – на тех именах, которые император обычно придумывал себе сам. Под такими именами китайские императоры, как правило, входят в историю – например, имя Циньшихуан состоит из трех иероглифов: Цинь 秦 (*qín*) ‘династия Цинь’ *ши*始 (*shǐ*) ‘начальный, первый’ *хуан* 皇 (*huáng*) ‘император’ – ‘первый император в династии Цинь’, а его имя при рождении было Ин Чжэн. В качестве другого примера можно привести императора У, которого при рождении звали Лю Чэ. В качестве примера топонима, образованного от почетного имени императора,

можно привести название города *Цинъхуандao* 秦皇岛 (*qín huáng dǎo*), восходящего к почетному имени *Цинь Шихуан* (поскольку Цинь Шихуан посещал это место в 215 г. до н.э. в поисках эликсира жизни [14, с. 254]) с добавлением иероглифа 岛 (*dǎo*), имевшего значение ‘остров’. Наличие последнего иероглифа связано с тем, что Цинъхуандао когда-то был островом, но из-за геологических процессов теперь оказался соединенным с материком [14, с. 254].

В качестве названий мест в Древнем Китае могли использоваться фамилии и имена императоров, полученные ими при рождении, но их полного воспроизведения необходимо было избегать – если в названии места использовался иероглиф, повторявший имя императора, то нужно было изменить этот иероглиф на другой. Например: уезд Чжэндин 正定 (*zhèng dìng*) изначально назывался Чжэньдин 真定 (*zhēn dìng*) и был изменен, поскольку в первом варианте он содержал иероглиф, который был в имени императора [там же, с. 225]. Поэтому почти ни одно географическое название в Китае не носит прямого имени императора, а называется в честь почетного имени, годового названия или посмертного имени.

Следующим типом топонимов является тип, в соответствии с которым люди называют место в честь императора, на основе его посмертных имен или даже на основе названия его могилы. Данный тип названий очень похож на предыдущий тип, с той лишь разницей, что имя дается другими людьми уже после смерти императора. Например, в Китае есть город Юйчэн 禹城 (*yǔ chéng*), названный в честь императора Юя в сочетании с иероглифом чэн 城 (*chéng*) ‘город’ [там же, с. 248]. Городок Гуанву 光武 (*guāng wǔ*) получил свое название от посмертного имени императора Гуанву из династии Хань [15]. Некоторые места названы в честь расположенных здесь мавзолеев, в которых хоронили императоров. В качестве примера можно привести название уезда Яньлин 炎陵 (*yán líng*), который первоначально назывался уездом Лин 麟 (*líng*), но в 1994 году был переименован в уезд Яньлин, поскольку здесь был похоронен император Янь (陵 (*líng*) ‘могила’) [16].

Топонимия подобного происхождения существует и в России, но включает не почетное имя императора, а его собственное имя. Например, название села Петровское в Наро-Фоминском районе Московской области объясняется тем, что Петр I проезжал по этим местам и остановился на ночлег: «Остановился он в доме казака с украинским говором, приняли его хорошо. Очень ему понравилось. А потом решил посмотреть вот этот околоток, как раньше называли, посмотреть это место. И сказал, коль он уж здесь управляющим, то это будет "Петровское", село надо назвать Петровским» [6]. Название села Ивановское **Нижегородской области** получило свое название в память переправы войска Иоаннова через Тёшу [3, с. 32]. На первый взгляд, эти названия, действительно могут быть образованы от имен императоров, но на самом деле названия такого типа чаще образуются от названий церквей, расположенных в селах. Подобная практика существовала и в названиях крупных городов России, относительно которых мнение об образовании их от имен императоров можно отнести к народно-этимологическим версиям – поскольку они образовывались не от имени самого монарха, но от имени его святого покровителя – например, Санкт-Петербург назван не в честь Петра I, а в честь его святого покровителя – святого апостола Петра. Несколько ближе к подобной версии сложившаяся при коммунизме практика именования крупных и мелких городов, когда их названия восходят непосредственно к фамилиям советских лидеров, в том числе и к их псевдонимам: Сталинград, Ленинград, Ворошиловград, Куйбышев и т.д.

Мы можем заметить, что в России топонимы, которые связаны с императором-демиургом, как правило, связаны с конкретными регионами, границы которых ощущаются, но еще нуждаются в уточнении: Пётр I связан с Архангельской и

Воронежской областями, Иван Грозный связан с Архангельской областью, Екатерина II связана с Уралом, регионами Юга России и т.д. В Китае также на родине императора или в местах его военной славы существуют топонимы, которые связаны с данным императором, содержат в себе элементы его имени, свидетельства о событиях и словах, связанных с тем или иным императором. Например, в провинции Гуанъюань 广元 (*guǎng yuán*) – родном месте единственной императрицы в истории Китая У Цзэтянь 武则天 (*wǔ zé tiān*) – имеется множество мест, названия которых связаны с императрицей. Со времен династии Северная Сун в этом месте возникли населенные пункты Цзэтянь Ли 则天里 (*zé tiān lǐ*), Цзэтянь Сэн 则天乡 (*zé tiān xiāng*), Цзэтянь Бао 则天保 (*zé tiān bǎo*). Это древние китайские административные деления, названные в честь У Цзэтянь, и сегодня эти географические названия уже не используются [17]. В таких названиях, на наш взгляд, проявляется отличие между русской и китайской практикой образования и толкования топонимов. Русские названия, связанные с императором, как правило, не имеют под собою реальной основы кроме воспоминаний о путешествиях императоров по этим местам. Китайские названия, как правило, имеют реальную основу, связаны с реальными действиями императоров, в честь которых названы.

Как мы сказали выше в Китае народная этимология не отделяется от научной. Некоторые места объясняются нарративами, обладающими явно легендарной основой, но они записаны в книгах, имеют многовековой период бытования и, как правило, являются единственной версией о происхождении тех или иных названий. Приведем в качестве примера один из таких нарративов. В Китае легенда гласит, что после того как император Ван взошел на престол, он удалился в горы и превратился в кукушку – дуцзюань 杜鹃 (*dù juān*). Каждый февраль, когда цветли цветки азалии (дуцзюань 杜鹃花 (*dù juān huā*)), он улетал обратно на равнину Чэнду 成都 (*chéng dū*), в город, которым он правил. Надо заметить, что в китайском языке слова, обозначающие кукушку и азалию передаются почти одним набором иероглифов, к которым для различия добавляется либо *хуа* 花 (*huā*) ‘цветок’, либо *няо* 鸟 ‘птица’, поэтому в данном повествовании обыгрывается сходство в их звучании и написании. В образе кукушки император Ван кричал день и ночь, призывая фермеров поторопиться с весенней вспашкой. Он кричал до тех пор, пока не извергал из себя кровь. По мнению местных жителей именно кровь кукушки окрашивает азалии на горе в красный цвет, они думают, что это возвращается душа императора Вана. Данная легенда носит название *Ван ди чунь синь то ду цзюань* 望帝春心托杜鹃 (*wàng dì chūn xīn tuō dù juān*) ‘Весеннее сердце императора Ван доверено кукушкам’ и ее действие происходило в уезде Пик. С этой легендой связано устойчивое выражение *ду цзюань ти се* 杜鹃啼血 (*dù juān tí xuè*) ‘кукушка кричит кровью’. Когда цветут азалии и поют птицы, люди в древнем королевстве Шу начинали сеять семена [18]. Поэтому уезд Пик 郡 (*pí*) – сегодня это район в городе Чэнду – называют Цзюаньчэн 鹃城 (*juān chéng*) ‘Городом кукушки’. Многие топонимы в уезде Пик содержат слово *цзюань* 鹃 (*juān*) ‘кукушка’: деревня Цзюаньчэн, расположенная у северных ворот округа; улица Дуцзюань, недалеко от нового правительства и др. Как мы видим, китайские топонимы всегда связаны с разными императорами, местом их рождения или правления: топонимы, связанные с У Цзэтянь, появляются в её родном городе, а топонимы, связанные с императором Ваном, появляются в городе, которым он правил при жизни. В Китае нет императоров, подобных Петру I, Екатерине II или Ивану Грозному, имятворческая активность которых распространялась бы на множество регионов.

В заключение мы можем сделать следующие выводы.

1) К основополагающим чертам, отличающим китайскую топонимику от

русской, можно отнести длительное бытование в письменной форме китайских топонимов. По поводу каждого из мест России существует несколько историй, одна из которых может относится к научной, а другая – к народной этимологии; в Китае же версия происхождения обычно только одна, закрепленная в письменном источнике с древнейших времен.

2) В Китае нет популярных царей и императоров-демиургов, подобных русским Ивану Грозному, Петру I и Екатерине II, с которыми связано подавляющее большинство «императорских» топонимических нарративов. Названия могут даваться разными императорами, из числа которых несколько выделяется только император У.

3) Русские топонимические предания, связанные с образом императора-демиурга, мотивированы не столько именем императора, но и их словами или связанными с ними историями. А китайские топонимические предания, связанные с императорами, названы всегда в честь императоров.

4) В русской практике образование от императоров приписывается мелким населенным пунктам, в китайской практике – крупным. Названия, подобные Санкт-Петербургу, восходят к именам не самих императоров, а их небесных покровителей. Практика именования городов непосредственно по именам известных людей окончательно закрепилась только в советскую эпоху.

5) Китайские императоры давали названия местам с эстетической функцией, названия всегда выражают какое-нибудь пожелание, поэтому названия всегда обозначают что-то положительное. Русские императоры-демиурги по народно-этимологической версии называли места, как правило, опираясь на мелкие бытовые случаи, случайно брошенные фразы и т.д.

6) Китайские и русские топонимы, которые связаны с конкретными императорами, всегда сгруппированы в конкретных местах, связанных с жизнью того или иного императора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криничная Н.А. Северные предания: Беломорско-Обонежский регион / Изд. подгот. Н.А. Криничная. – Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1978. – 254 с.
2. Лю Л. Способы и мотивы наименования географических объектов в китайском и русском языках / Л. Лю // Litera. – 2021. – № 5. – С. 97–105.
3. Малышев А.В. Поход Ивана Грозного на Казань в народной этимологии топонимов Нижегородского Поволжья / А.В. Малышев // Вопросы исторического и экологического регионаования : Сборник статей участников IV Всероссийской научно-практической конференции, Арзамас, 16–17 февраля 2023 года / Отв. редактор В.И. Грубов, научн. редактор А.А. Исаков. – Арзамас : Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2023. – С. 28–34.
4. Постовалова О.Д. Топонимические предания в системе жанров несказочной прозы / О.Д. Постовалова // Проблема жанра и стиля в литературе и фольклоре : Сборник научных трудов. – Курган : Курганский государственный университет, 2011. – С. 114–117.
5. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля / В.А. Прохоров. – Воронеж, 1973. – 311 с.
6. Судаков А.С. Петр I в истории и фольклоре города Борисоглебска [Электронный ресурс] / А.С. Судаков. – Борисоглебск– Режим доступа: <https://school-science.ru/6/18/38505> (дата обращения: 11.11.2024).
7. Тельпов Р.Е. Сопоставительный анализ принципов образования топонимов и объяснения их названий, характерных для русской и китайской лингвокультур (на примере топонимов Воронежской области и провинции Шэньси) / Р.Е. Тельпов, Кан Аньци // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 1(92). – С. 345–348.

8. Тельпов Р.Е. Топонимические легенды Воронежской и Челябинской областей в сопоставительном аспекте / Р.Е. Тельпов, Е.А. Первунинских // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(98). – С. 374–377.
9. Топонимические легенды, связанные с Екатериной II // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-143905456_94(дата обращения: 20.11.2024).
10. Топонимические предания Воронежской области. Вып. 1. / Сост. Е.А. Орлова. Под ред. Т.Ф. Пуховой. – Воронеж, 2001. – 74 с.
11. Ши Ц. Сопоставительный анализ топонимов Китая и России (на примере наименования улиц). Диссертация ... канд. филол. наук / Ц. Ши. – Москва, 2021. – 157 с.
12. 乙史/以皇帝年号命名的城市, 看看有没有你的家乡?/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1607385486894639142> (дата обращения: 11.11.2024).
13. 情怀与历史/中国这两个城市, 都是皇帝赐名, 名字“异曲同工”!/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1589815722873881957> (дата обращения: 11.11.2024).
14. 地名里的中国/«国家人文历史» 编著/——北京 : 北京联合出版公司, 2023.5 (2024.9重印) . – 2024. – 365 с.
15. 中国第一个以皇帝谥号命名的历史文化名镇——界首市光武镇/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.163.com/dy/article/GFOL39GC0543W69E.html> (дата обращения: 11.11.2024).
16. 焦陵地名由来/[湖南日报]博览·彭雪开谈地名-焦陵县人民政府门户网站/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hnyanling.gov.cn/c14909/20240425/i2190261.html> (дата обращения: 11.11.2024).
17. 杨正平/武则天与广元地名的故事——则天坝/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.toutiao.com/article/6781242052525949452/?ttid=291048> (дата обращения: 11.11.2024).
18. Han Feng Wang, Pi Xian Ya Cheng "Juan Cheng" De Yuan You [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/82480121_252634 (дата обращения: 11.11.2024).

REFERENCES

1. Krinichnaya N.A. (1978) Severnye predaniya: Belomorsko-Obonezhskij region [Northern legends: Belomorsko-Obonezhsky region]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 254 p. (In Russian).
2. Lyu L. (2021) Sposoby i motivy naimenovaniya geograficheskikh ob'ektov v kitayskom i russkom jazykakh [Methods and motives of naming geographical objects in Chinese and Russian languages]. Litera, No. 5, pp. 97–105 (In Russian).
3. Malyshev A.V. (2023) Pohod Ivana Groznogo na Kazan' v narodnoj etimologii toponimov Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Ivan the Terrible's campaign to Kazan in the folk etymology of toponyms in the Nizhny Novgorod Volga region]. In Voprosy istoricheskogo i ekologicheskogo regionovedeniya: Sbornik statej uchastnikov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Arzamas, February 16–17, 2023 [Issues of historical and ecological regional studies : Collection of articles by participants of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Arzamas, February 16-17, 2023]. Arzamas, pp. 28–34 (In Russian).
4. Postovalova O.D. (2011) Toponimicheskie predaniya v sisteme zhanrov neskovornoj prozy [Toponymic legends in the system of non-fiction prose genres]. In Problema zhanra i stilya v literature i fol'klore: Sbornik nauchnyh trudov [The problem of genre and style in literature and folklore : A collection of scientific papers]. Kurgan: Kurgansky gosudarstvennyj universitet, pp. 114–117 (In Russian).
5. Prokhorov V.A. (1973) Vsyu Voronezhskaya zemlya [All Voronezh land]. Voronezh, 311 p. (In Russian).
6. Sudakov A.S. (2024) Petr I v istorii i fol'klore goroda Borisoglebska [Peter I in the history and folklore of the city of Borisoglebsk]. Borisoglebsk. URL: <https://school-science.ru/6/18/38505>. (In Russian).
7. Telpov R.E., Kang Anqi (2022) Sopostavitel'nyj analiz principov obrazovaniya toponimov i ob'yasneniya ikh nazvaniy, kharakternyh dlya russkoj i kitajskoj lingvokul'tur (na primere toponimov Voronezhskoj oblasti i provintsi Shensi) [Comparative analysis of the principles of toponym formation and explanation of their names characteristic of Russian and Chinese linguocultures (on the example of toponyms of the Voronezh region and Shaanxi province)]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, No. 1(92), pp. 345–348 (In Russian).
8. Telpov R.E., Pervuninskikh E.A. (2023) Toponimicheskie legendy Voronezhskoj i Chelyabinskoy oblastej v sopostavitel'nom aspekte [Toponymic legends of the Voronezh and Chelyabinsk regions in a comparative aspect]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, No. 1(98), pp. 374–377 (In Russian).

9. Toponimicheskie legendy, svyazанные с Екатериной II (2020) [Toponymic legends associated with Catherine II]. URL: https://vk.com/wall-143905456_94 (In Russian).
10. Orlova E.A. (2001) Toponimicheskie predaniya Voronezhskoj oblasti. Vyp. 1 [Toponymic legends of the Voronezh region. Issue 1]. Compiled by E.A. Orlova. Edited by T.F. Puhova. Voronezh: [Publisher not specified], 74 p. (In Russian).
11. Shi Ts. (2021) Sopostavitel'nyj analiz toponimov Kitaya i Rossii (na primere naimenovaniya ulits) [Comparative analysis of toponyms in China and Russia (on the example of street naming)]. Candidate dissertation. Moscow: Publisher not specified, 157 p. (In Russian).
12. Yi Shi (2018). Yi Huang Di Nian Hao Ming Ming De Cheng Shi [A city named after the emperor's year]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1607385486894639142> (In Chinese)
13. Qing Huai Yu Li Shi (2018). Zhong Guo Zhe Liang Ge Cheng Shi, Dou Shi Huang Di Ci Ming [Queste due città in Cina prendono il nome dall'imperatore]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1589815722873881957> (In Chinese).
14. Guo Jia Ren Wen Li Shi (2024). Di Ming Li De Zhong Guo [China in place names]. 365 pp. (In Chinese).
15. Zhong Guo Di Yi Ge Yi Huang Di Shi Hao Ming Ming De Li Shi Wen Hua Ming Zhen (2021) [The first historical and cultural town in China named after the emperor's posthumous name]. URL: <https://www.163.com/dy/article/GFOL39GC0543W69E.html> (In Chinese).
16. Peng Xuekai (2024) Yan Ling Di Ming You Lai [Origin of Yanling place Name]. URL: <http://www.hnyanling.gov.cn/c14909/20240425/i2190261.html> (In Chinese).
17. Yang Zhengping (2020). Wu Zetian Yu Guang Yuan Di Ming De Gu Shi [The story of Wu Zetian and Guangyuan Place Names]. URL: <https://www.toutiao.com/article/6781242052525949452/?ttid=291048> (In Chinese).
18. Han Feng Wang (2016). Pi Xian Ya Cheng "Juan Cheng" De Yuan You [The reason why Pixian County is called "Juancheng"]. URL: https://www.sohu.com/a/82480121_252634 (In Chinese).

Поступила в редакцию: 11.01.2025

IMAGE OF EMPEROR-DEMIURGE IN FOLK ETYMOLOGY NARRATIVES EXPLAINING TOPOONYMY OF RUSSIA AND CHINA

Kang Anqi

The article deals with a comparative analysis of the principles of naming settlements in the Russian Federation and the People's Republic of China. The folk etymological versions of names that explain the origin of toponyms associated with the image of the emperor-demiurge are examined. Unlike Russian place names, which are explained through not only scientific, but also folk etymological versions of origin, Chinese place names are interpreted using only one of the versions. In China there are no legendary demiurge emperors like Peter I. The Chinese system of naming settlements, which is associated with the image of the emperor, is used at the administrative level, which distinguishes it from the Russian naming system. The latter functions in the folk environment and develops quite spontaneously. Chinese names, dating back to the demiurge emperor, are associated with wishes and events of historical significance. Similar Russian names, as a rule, are associated with minor everyday incidents and basically refer either to remarkable local features or to the names external similarity with other words.

Key words: emperor-demiurge, toponymy, toponymic lore, folk etymology, linguoculture.

Кан Аньци.

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация.
Аспирантка.
ORCID 0009-0003-0295-7316
E-mail: kaq13030947549@163.com

Kang Anqi.

Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow, Russian Federation.
Post-graduate student.
ORCID 0009-0003-0295-7316
E-mail: kaq13030947549@163.com

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.15111225

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖАНРОВ УСТНО-РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ Ф. ИСКАНДЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ, ПРОКЛЯТИЙ, КЛЯТВ И ПРИЧИТАНИЙ)

© 2025 В.Б. Кварчия

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Абхазский государственный университет
ORCID 0009-0000-6923-1294.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматривается специфика репрезентации благопожеланий, проклятий, клятвенных обещаний и притчаний в произведениях Ф. Искандера, представляющих интерес как источник лингвокультурологической и оптативной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения данного пласта фразеологии писателя для адекватного восприятия этнокультурных установок, отражающих когнитивные особенности социума. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: описательный и стилистический методы, наблюдение, компонентный анализ и синтез. Сделаны выводы о когнитивных признаках благопожеланий и проклятий, использованных писателем. Средством выражения оптативной модальности благопожеланий выступает ценностный концепт «Бог», а проклятий – конструкции «частица *пусты* / *да пусты* + индикатив» и «частица *чтоб* + глагол в будущем времени». Доминантные модели структурной организации данных жанров включают инклозивный дейксис без использования «Я-предложений», что объясняется общностью и коллективностью этноса.

Ключевые слова: Фазиль Искандер, благопожелания, проклятия, клятвенные обещания, притчания, когнитивные признаки, оптативная модальность, языковая картина мира.

Для цитирования: Кварчия В.Б. Специфика репрезентации жанров устно-речевого дискурса в произведениях русскоязычного писателя Ф. Искандера (на материале благопожеланий, проклятий, клятв и притчаний) / В.Б. Кварчия // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 136–145. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15111225>.

Введение. При изучении эмпирического материала поднимается проблема лингвокультурологической и структурно-семантической организации благопожеланий и проклятий на материале художественных текстов Ф. Искандера. На сегодняшний день недостаточно специальных исследований, связанных с комплексным изучением данного пласта фразеологии в произведениях Ф. Искандера. Этим обосновывается актуальность сбора и систематизации эмпирического материала.

Цель настоящей статьи – выявить лингвокультурологический, структурно-семантический аспекты благопожеланий, проклятий, клятв и притчаний как одного из средств реализации этнокультурного опыта в произведениях писателя Ф. Искандера. Осуществление данной установки возможно путем решения следующих задач: а) описать когнитивные признаки благопожеланий и проклятий, использованных

писателем; б) определить доминантные модели в структуре благопожеланий, проклятий, клятв и причитаний; в) дать семантическую характеристику благопожеланий, проклятий, клятвенных обещаний и причитаний.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось на материале Собрания сочинений Ф. Искандера в 10 т. – М.: Время, 2004. Было выявлено: благопожеланий – 39 ед., проклятий – 57 ед., клятвенных обещаний – 23 ед. В ходе работы были использованы наблюдение, метод компонентного анализа, описательный и стилистический методы, синтез. Значимые инструменты исследования включают частотный, кластерный анализ и анализ тональности художественного текста. Первоочередными процедурами исследования являются обзор литературы, выбор методологии, сбор данных, а также формулирование выводов.

Основная часть. Как известно, язык и культура, являясь семиотическими структурами, взаимосвязаны и взаимопроницают. Любые языки позволяют проанализировать специфику этнической картины мира, выявить ее ментальные образы и символы. В связи с этим отдельного внимания заслуживают благопожелания и проклятия как особые жанры устно-речевого дискурса в произведениях русскоязычного писателя Ф. Искандера, которые аккумулируют мироощущение и самобытность абхазов.

Анализ специфики вербальной презентации благопожеланий и проклятий, транслирующих в произведениях Ф. Искандера языковую картину мира абхазов, чрезвычайно важен для понимания их взглядов, системы представлений об окружающем мире, что обуславливает повышенный интерес языковедов. Вопросы благопожеланий и проклятий в национальных языках и художественной литературе детально проанализированы в нескольких фундаментальных исследованиях [7; 4; 8]. Например, в работе С.К. Башиевой и И.А. Геляевой определяются место и роль речевого этикета в формировании культуры толерантности [4]. По справедливому замечанию С.К. Башиевой, благопожелания представляют собой лингвокультурные феномены, реализующие ритуализованный опыт того или иного народа [3]. Ж.М. Локьяевой выявлен функциональный потенциал благопожеланий на материале кабардино-балкарского фольклора [8]. Когнитивно-дискурсивная модель благопожеланий и проклятий исследована М.Ч. Кремшокаловой [7]. По ее мнению, в текстах с благими пожеланиями заключена некая общность коллектива либо всего этноса, так как они формируют коллективное благосостояние [7]. По определению Н.И. Формановской, благопожелание другому человеку связано с моральным проявлением блага [10]. В отличие от него, проклятия определены современной наукой как «устойчивые словесные формулы – пожелания несчастий и наказаний человеку, животному, растению, предметам» [13, с. 291].

Исследуя аксиологические аспекты благопожеланий и проклятий как малых фольклорных жанров, Н.Л. Виноградова полагает, что вся тематика обоих жанров базируется на основе общеизвестных «благ» (здравья, жизни, богатства, семейного благополучия, урожая и т.д.), однако они существенно отличаются внутренней иерархией ценностных установок [5, с. 296]. Одним из важных отличий благопожеланий и проклятий ученый считает также обстановку, в которой произносятся данные речевые формулы: для благопожеланий – это добрососедская, миролюбивая обстановка; для проклятий – спонтанность ситуации, состояние острой вражды и агрессии. Как правило, самые изощренные проклятия адресованы недругу, затрагивая его наиболее важные ценности [5, с. 174]. Несомненно, проклятия несут в себе ту же информацию, что и благопожелания, но «с точностью до наоборот» [11, с. 576]. Например, в текстах Ф. Искандера видим: *Дай Бог, чтоб он был жив* (С⁸ 7, с. 133) – *Чтоб я тебя похоронил* (С 2, с. 308); *Хорошей дороги* (С 1, с. 175) – *Пусть этот поезд разобьется* (С 2, с. 343).

⁸ С – Собрание сочинений, цифра 1 указывает на номер тома.

Рассмотрим некоторые когнитивные признаки благопожеланий, использованных писателем:

1) **пожелание хорошей жизни, счастья:** *Благодати вашему дому* (С 6, с. 649), *На счастье* (С 2, с. 390), *Добро тебе* (С 4, с. 400), *Добром вам* (С 5, с. 119), *Чтобы Бог не отбавлял нам* (С 4, с. 618). Пожелания *Тыфу-тьфу, не сглазить* [12, с. 96] и *Дай Бог не сглазить* (С 7, с. 269) (да еще если постучать по деревяшке стола, приподняв скатерть), в отличие от прочих, связаны с суеверием людей, с их верой в магические свойства слюны, отпугивающей злых духов, со страхом нечистой силы сглазить какое-либо доброе намерение;

2) **пожелание здоровья и долголетия:** *Дай Бог им здоровья* (С 5, с. 112), *Дай бог мне столько здоровья, сколько он им* (музыкантам – К.В.) *отвалит* [12, с. 94], *Дай Бог мне столько лет жизни, сколько ты от меня инжиров возьмешь* (С 2, с. 276);

3) **пожелание благополучного завершения дела:** *Дай Бог, чтоб получилось* (С 2, с. 98), *Дай Бог, чтобы оно* (дело – К.В.) *хорошо кончилось* (С 4, с. 197), *Даст Бог, международное положение* (речь идет об изменении международного положения в отношении выселения турок, греков и персов из Абхазии по месту происхождения в 40-х годах XX в. – К.В.) (С 2, с. 344), *Дай Бог, чтобы все живы-здоровы вернулись домой* (С 2, с. 344), *Дай Бог, пленный-военный, жив-здоров вернуться обратно домой* (С 7, с. 94);

4) **пожелание плодотворной работы:** *Хороших вам трудов* (С 6, с. 631);

5) **пожелание хорошей дороги:** *Хорошей дороги* (С 4, с. 175).

Что касается структуры благопожеланий в творчестве Ф. Искандера, то следует выделить ядерную модель, используемую в большинстве текстов: «*(Дай) Бог + частица чтоб + предикат*», к тому же модальность не выражена субъектом речи, а направлена высшим силам, способным осуществить желание говорящего. Такая возможность реализации желания человека через волю Господа и просьба к Господу об исполнении желания человека позволяет типологически сравнивать жанр благопожеланий с текстом молитвы: *Дай Бог, чтоб оно хорошо кончилось* (С 4, с. 197), *Дай Бог, чтоб получилось* (С 7, с. 98), *Дай Бог, чтоб он был жив* (С 7, с. 133). Как видно, в системе морально-нравственных ценностей народа в жанре преимущественно благопожеланий текстов Ф. Искандера ключевым компонентом является концепт «Бог», так как через отношение к Богу реализуется оптативная модальность высказывания.

Как известно, коммуникативный акт и речевая ситуация тесно связаны с использованием определенных дейктических элементов посредством ситуативной референции. В этом смысле дейктические средства «показывают обстоятельства речевой деятельности» [2, с. 23]. В связи с этим следует отметить соотнесенность дейктических компонентов с пропозицией высказывания, а именно с его модальностью, являющейся важнейшей составляющей устных речевых жанров.

Очевидно, что в устной форме речи эмоционально-экспрессивный фактор высказывания проявляется в большей степени, нежели в письменной форме, где эмоциональность, а также все экстралингвистические средства общения нейтральны. В этом смысле жанры благопожеланий и проклятий в художественных текстах Ф. Искандера отличаются значительной эгоцентричностью используемых дейктических средств, так как «эгоцентризм – один из важнейших признаков дейкса, наряду с ситуативностью, субъективностью, мгновенностью и эфемерностью значения» [6, с. 13]. Эгоцентризм дейкса реализуется не только указанием на лицо говорящего, но и обозначением степени родства участников коммуникации, оценочной характеристикой, модальным, релятивными значениями и прочим.

В исследуемых художественных текстах эксклюзивный дейксис 1-го лица, выраженный «Я-предложениями» [9, с. 165–167] по модели «Я хочу...», «Я желаю...»,

не встречается. Продуктивными конструкциями можно считать инклузивный дейксис «Дай Бог им...», «Дай Бог нам...»: *Дай Бог им здоровья* (С 5, с. 122), *Дай Бог нам столько хорошего, сколько вы от нас всякого скрываете* (С 4, с. 591). На наш взгляд, это связано с ментальной культурой данного региона, который базируется на коллективизме и общности этноса.

Значительную часть проклятий в текстах Ф. Искандера можно разделить на две основные лексико-семантические группы: 1) проклятия, связанные с инфернально-мифологическим миром, и 2) проклятия, выражающие негативное пожелание в отношении физического здоровья и состояния адресата.

Первая группа немногочисленна и включает зложелания с когнитивным признаком **гибель посредством нечистой силы**: *Чтоб тебя дьявол* (С 5, с. 681) и *Чтоб ее водяной употребил* (С 4, с. 399).

Вторая группа более разнообразна и включает ряд подгрупп, репрезентирующих следующие когнитивные признаки:

1) **пожелание болезни**: *Чтоб твой язык отсох* (С 4, с. 400), *Чтоб глаза твои повылазили* (С 6, с. 645), *Чтоб она ослепла* (С 5, с. 333), *Ой, да пусть высохнут сосцы твоей матери* (С 4, с. 674), *Чтоб ты подавился своей черникой* (С 1, с. 153);

2) **пожелание смерти, гибели лицу или объекту**: *Чтоб я тебя похоронил* (С 2, с. 308), *Чтоб я похоронил твой смех* (С 2, с. 74), *Чтоб я оплакал тех мужчин, что выставили тебя на позорище* (С 5, с. 287), *Видел я твой вкус в гробу* (С 2, с. 443), *Чтоб твои враги так были живы, как он* (убитый лейтенант – К.В.) (С 6, с. 636), *Чтоб вас куриный мор* (С 4, с. 196), *Чтоб она (алыча – К.В.) высохла* (С 4, с. 371) (пожелание того, чтоб дерево погибло – К.В.) *Чтоб я вынула твое лживое сердце из груди* (С 4, с. 640), *Чтоб я его (сердце – К.В.) поджарила на табачной игле, как на вертеле* (С 4, с. 640);

3) **пожелание позорной смерти**: *Чтоб я их (свиней – К.В.) в твою могилу уложила, вечно тебе мерещатся свиньи* (С 5, с. 334), *Чтоб я скормила его (сердце – К.В.) нашим собакам!* (С 4, с. 641), *Чтоб они (собаки – К.В.), чавкая! Чавкая! Поедали его!* (С 4, с. 641);

4) **самопроклятие**: *Да падут твои болезни на мою голову* (С 4, с. 556), *Чтоб я умер, если это не орел* (С 4, с. 665), *Лопни мои глаза* (С 5, с. 403), *Разрази меня молния* (С 6, с. 516), *Разрази меня молния, если я пойму, что он хочет* (С 7, с. 135), *Убей меня Великий Весовщик* (С 6, с. 576), *Чтоб ты меня похоронил, если три–один не будет* (о футбольном матче – К.В.) (С 2, с. 308).

Как видно, в речи героев Ф. Искандера чаще встречается группа проклятий с пожеланиями болезней и смерти без участия инфернально-мифологических существ, как мы полагаем, по причине уверенности человека в нерушимой силе его слова, не нуждающейся в помощи потусторонних сил.

Некоторые проклятия с конструкциями *Чтоб твой/Что тебя* в функционально-прагматическом плане можно разделить на два типа:

1) проклятия, ситуативно привязанные, произносимые при определенном типе речевой ситуации: *Чтоб твой язык отсох* (С 4, с. 400) – говорят человеку, произносящему что-либо плохое, с пожеланием лишиться дара речи;

2) проклятия универсальные, пригодные при любом типе речевого поведения: *Чтоб тебя* (С 4, с. 652).

Отметим, что проклятие универсального типа *чтоб ты подавился, распространяясь*, приобретает у Ф. Искандера ситуативно зависимый характер: *Чтоб ты подавился своей черникой, на черта она была нужна* (С 1, с. 153).

Отдельно следует выделить группу достаточно распространенных в речи проклятий либо с глаголом в императиве, направленных не к тому, кого проклинают, а к лицу или объекту, который должен выполнить то или иное пожелание. *Унеси тебя ястреб* (С 4, с. 195); *Разрази меня молния* (С 6, с. 516); *Гори оно огнем* (С 6, с. 613);

Разрази меня молния, если я пойму, что он хочет (С 7, с. 135); *Разрази над миром буря* (С 8, с. 87), либо без глагола в императиве для экономии речевых средств: *Чтоб тебя дьявол* (С 5, с. 681); *Чтоб тебя заготовка* (С 6, с. 645).

В пожелания зла по типу *Чтоб вас/ее...*, как правило, включены предикаты, значение которых устанавливается самим говорящим в зависимости от речевой ситуации и степени агрессии: *Чтоб вас обоих, тебя и твою жену, повесили* (С 6, с. 507), *Чтоб ее водяной употребил* (С 4, с. 399). В проклятиях же *Будь он проклят* (С 6, с. 305) или *Проклят нашим родом* (С 7, с. 65) предикат стандартный и не подвергается варьированию.

Как известно, особую опасность представляют собой родительские проклятия, произнесенные в гневе. В такого рода пожеланиях крайне важен характер статусных отношений адресата и адресанта. Участники данного коммуникативного процесса всегда не равны по своему статусу, ведь ребенку не позволительно проклинать родителей. Напротив, пожелание зла может быть адресовано как одному ребенку, так и нескольким детям. Замечено, что в силу своей повышенной природной эмоциональности именно женщина часто сгоряча осыпает свое дитя самыми изощренными проклятиями по поводу той или иной детской шалости. При этом такая ее эмоциональная реакция на проступок ребенка не нарушает привычного ей речевого поведения, часто непреднамеренна и не имеет цели нанесения ущерба дочери или сыну (*Чтоб у тебя руки отсохли, Чтоб ты лопнул, Чтоб ты провалился*). Так, в повести «Созвездие Козлотора» адресатом пожелания является не мать, а отец – шофер Валико, который, желая выяснить, для чего создан козлотор, произносит страшные слова: *Чтоб я этого невинного ребенка сварил в котле для мамалыги* (С 2, с. 99), ...и съел ее (девочки – К.В.) *детское мясо своими руками, если ты мне не скажешь, для чего козлоторы...* (С 2, с. 100). Очевидно, что текст пожелания не направлен на ребенка, а призван выполнять функцию заверения в истинности своих слов средствами гиперболизации речевой ситуации.

Данная функция также реализуется в том случае, когда сам говорящий является адресатом негативного пожелания: *Чтоб ты меня похоронил, если три–один не будет* (о счете в футбольном матче – К.В.) (С 2, с. 308), *Разрази меня молния, если я пойму, что он хочет* (С 7, с. 135), *Разрази меня молния, если ты сам не есть Джамхух – Сын Олена* (С 6, с. 516).

Говоря о средствах выражения оптативной модальности в структуре проклятий художественных текстов Ф. Искандера, следует выделить базовую модель «(Частица) + индикатив», допускающую вариативность словесной репрезентации. Анализируя ядерные модели оптативных конструкций с главным компонентом – частицей, мы предлагаем наиболее продуктивные модели оптативов лексико-грамматического и структурно-синтаксического планов.

Поскольку в передаче оптативности как лексико-грамматической категории большое значение имеют частицы и наречные слова, выступающие в роли частиц, модель «частица + индикатив» можно разделить на ряд подмоделей. Так, в некоторых проклятиях нередко встречаются частицы *пусть / да пусть*, используемые лишь в дискурсивном пространстве. Конструкции с таким началом структурно часто двусоставные с глаголом в форме будущего времени: *Пусть этот поезд разобьется!* (С 2, с. 343), *Пусть этот поезд не доедет до Баку, пусть разобьется* (С 2, с. 344). Частица *да* в сочетании с междометием *ой* в проклятиях призвана усиливать эмоционально-экспрессивное воздействие высказывания: *Ой, да пусть высохнут сосцы твоей матери, хоть и так они ссохлись давно...* (С 4, с. 674).

Самой продуктивной моделью проклятий в произведениях Ф. Искандера являются конструкции с частицей *чтоб* в сочетании с глаголом в значении будущего времени, но грамматически оформленные в форме прошедшего времени: *Чтоб она ослепла* (С 1, с. 159), *Чтоб она высохла* (С 4, с. 371), *Чтоб этот кумхоз опрокинулся, как эта рюмка*

(С 4, с. 401), *Чтоб я тебя похоронил* (С 2, с. 308), *Чтоб глаза твои повылазили* (С 6, с. 645). Как видно, в данных структуре чаще представлены глаголы *ослепнуть, высохнуть, опрокинуться, похоронить, повылазить*.

Очевидно, что значение негативной желательности в текстах Ф. Искандера передается преимущественно с помощью частиц. Это объясняется, прежде всего, тем, что в данных модальных конструкциях именно частицы берут на себя основную функционально-семантическую нагрузку, реализуя и модусное содержание жанра проклятий. Именно благодаря служебным словам выстраивается семантико-прагматическая организация проклятия.

В жанрах благопожеланий и проклятий художественных текстов Ф. Искандера, как правило, демонстрируется специфика национального менталитета и языкового сознания этноса, поскольку именно к данным жанрам обращаются в минуту предельных эмоциональных переживаний как позитивных, так и негативных. В данном контексте благопожелания и проклятия сродни иозвучны плачам, в которых оплакивающие находят утешение в момент душевной боли и страдания.

Жанр плача тесно связан с жанром поминального речитатива, обладающего повышенной подвижностью структуры. Начало речитатива имеет большое значение и, как правило, носит импровизированный характер. Текст речитатива отличается особыми творческими способностями оплакивающего, не запоминается и не устойчив. Он создается по определенным правилам в каждый конкретный момент речи.

Поминальный речитатив в произведениях Ф. Искандера представляет собой женское причитание – жанр, характерный для многих культур, в том числе и кавказской – с использованием богатого набора речевых средств. Оно исполняется сольно в эмоционально напряженной обстановке по причине грустных или печальных жизненных ситуаций (умыкание невесты, оплакивание покойного). Похоронное причитание рассматривается исследователями как часть похоронного обряда. В нем отражены верования людей в продолжение жизни после смерти. Именно в причитаниях как одном из древнейших жанров обрядового фольклора содержится немало авторских новообразований, способных выразить всю горечь утраты. Так, по поводу умыкания своей 15-летней дочери Тали (Таликоши) жена дяди Сандро, тетя Катя, «десять дней подряд плакала... у кровати своей дочери, разложив на ней ее вещи, фотографии, пластинки с речами товарища Сталина, причем разбитая пластинка тоже лежала возле остальных, как бы символизируя катастрофу...» (С 4, с. 673). Поскольку «в поминальном речитативе тети Кати мотив безвременно оборванного детства занимал главное место» (С 4, с. 675), она затянула его с особой драматичностью в голосе: *Еще не высохли косички на кукурузных початках, которые ты заплела. Еще не перестали сосать козлята, которых ты впервые ткнула в сосцы их матери... Ой, да пусть высохнут сосцы твоей матери, хоть и так они ссохлись давно... Ой, да еще не высохли чернила в твоей чернильнице, еще хочет ручка твоя кловиком поцокать о дно чернильницы, а ты ее бросила... Как ястреб цыпленочка, растерзal тебя злой лаз, только перышки до бедной матери долетели...* (С 4, с. 674–675).

Как видно, в данных текстах встречаются такие тропы как сравнение и метафора: беззащитная дочь дяди Сандро сравнивается с цыпленочком, а умыкатель-лаз – с хищным ястребом. Метафорическое выражение *бедная мать* позволяет дать характеристику образа несчастной матери, оставшейся без дочери. Использование частицы *ой* способствует дополнительному выражению сожаления и усиливает эмоциональную насыщенность высказывания.

В рассказе Ф. Искандера «Чик идет на оплакивание» наглядно продемонстрирован пример причитания. Поскольку причитания имеют особую плачевную мелодику, они передают горе исполнительницы по поводу конкретного несчастного события – смерти

близкого человека или иного бедственного положения (война, голод, стихии). В рассказе представлена одна из трех функциональных категорий причитаний – похоронно-поминальная.

Так, тетушка Чика горько оплакивала свою дорогую приятельницу Циалу – настоящую аристократку. В причитании тетушки отражен в том числе многонациональный колорит региона, когда «мелькала одна и та же фраза на всех языках... То по-русски, то по-абхазски, то по-грузински, а то и по-турецки» [12, с. 78].

– *Бедная Циала!*

– *Циала рыцха!*

– *Сацкали Циала!*

– *Языг Циала!*

И почти все они обязательно заговаривали о погоде.

– *Слава Богу, хоть с погодой повезло, – утешала одна.*

– *Если погода продержится, обязательно приду на похороны, – обещала другая.*

– *Счастливая, жила как хотела и после смерти получила такую погоду!..*

– *Aх, как ей повезло с погодой!* [12, с. 78].

Очевидно, что автор с некоторой иронией описывает столь повышенное внимание сочувствующих к погоде. Полагаем, что это вызвано тесной связью людей с природой и погодными условиями, особенно в былые времена, когда человек был уверен в сверхъестественной силе дождя, ветра, молнии, солнца и других явлений природы. Твердо верил в то, что счастливый человек и после смерти получает хорошую, ясную погоду, а несчастный так и уходит с дождем, хотя, по размышлению Чика, «можно было подумать, что после смерти некоторых людей начинается наводнение» [12, с. 79].

Кульминацией похоронного причитания тетушки Чика становится речитативное оплакивание покойной. Тетушка, сокрушаясь, слезно обращается к Чику с целью вызвать и у него слезы печали. После слов «Чик, где наша любимая Циала? Кто тебя осиротил, Чик? Кто теперь будет тебя угождать конфетами, Чик?» [12, с. 81] в сопровождении траурной музыки Чик разрыдался невыдуманными слезами.

Как видим, структура причитаний открытая, они предназначены для того, чтобы задобрить покойника, отсюда следует их основная тематика: восхваление покойника, сожаление по поводу его кончины и сокрушение о тягостной судьбе живых.

Основными мотивами причитаний в текстах Ф. Искандера являются:

1) обращение к сочувствующему/сочувствующим с вопросом, где находится в данный момент покойник: *Чик, где наша любимая Циала?* [12, с. 81];

2) жалоба живых на свое сиротство: *Кто тебя осиротил, Чик?* [12, с. 81];

3) сокрушение о будущем живых, о их дальнейшей судьбе: *Кто теперь будет тебя угождать конфетами, Чик?* [12, с. 81].

Особого внимания в текстах Ф. Искандера заслуживают тематически разнообразные клятвенные формулы, тесно связанные с некими обязательствами перед окружающими, укреплением доверия. Коммуникативно-семантическая характеристика клятвенных обещаний в текстах Ф. Искандера представлена преимущественно эксплицитными перформативными конструкциями, состоящими из глагола *клянусь* и имени самого дорогого для человека (живого или мертвого), подкрепляя тем самым свое обещание: *клянусь мамой / матерью; клянусь детьми / моими двумя детьми; клянусь всеми; клянусь теми, кто на фронте; клянусь моими погибшими сыновьями; клянусь моим покойным братом.* Как правило, подобные формулы использовались носителями абхазского этноязыкового сознания в повседневном общении и их нарушение было недопустимо.

В художественных текстах Ф. Искандера следует выделить группу клятвенных обещаний, данных под деревом. Клятвы такого рода имели особую силу, поскольку были связаны с древнейшими верованиями абхазов, как и других народов, когда культ дерева являлся одной из наиболее устойчивых форм их религиозных представлений. В Чегеме,

к примеру, принято было давать клятву у молельного ореха – священного дерева, которому «поклонялись с незапамятных времен». Так, в рассказе «Пастух Махаз» продемонстрирована связь клятвы у дерева и древнего обычая кровной мести, распространенного на Кавказе и требовавшего от горцев строго соблюдения нравственных и морально-этических законов бытия. Как известно, кровник мог быть изгнан из родных мест либо отмщен кровной местью только за тяжкие, по мнению кавказцев, преступления: убийство, надругательство, серьезное оскорбление и другое. Пастух Махаз поклялся у молельного ореха села Чегем выпить кровь того, кто покусится на его дочь Хикур. Он исполнил клятву – выпил кровь убитого им Шалико, обесчестившего сначала одну дочь, а потом и вторую. Тем самым пастух, по собственному признанию, очистил Шалико его «собственной кровью … от скверны собственной жизни» (С 5, с. 126).

В рассказе «Дерево детства» писатель отмечает свою любовь к деревьям как одному из самых благородных созданий природы, как желательную форму нашей души, которая позволила бы, крепко держась за землю, подниматься к небесам. И сегодня особое значение для абхазского народа имеют три лыхненские липы, которые растут на исторической поляне Лыхнашта, и являются символом стойкости народа.

Усиленной экспрессивностью у Ф. Искандера отличается группа родовых клятв с частицей *да* или без нее, вызывающих «ужас неслыханного святотатства»: *Да чтобы я отрыла кости своих покойников, если во всем Чегеме найдутся такие деньги* (С 5, с. 388); *Чтоб я выкопал старые кости отца и бросил грязным, зловонным собакам, если не подымешь!* (стакан «изабеллы» – К.В.) (С 2, с. 97).

В романе «Сандро из Чегема» следует выделить группу клятвенных формул с онимным компонентом, из которых четыре теонима и один антропоним. Поскольку большинство клятв связано с религиозными традициями людей, с верой в божественное прорицание, то, как правило, они обращены к Богу, к высшим силам: *клянусь Богом, клянусь Господом, клянусь Аллахом, клянусь прахом Магомета*. Тем самым обещание становится особенно убедительным, нарушение которого недопустимо. Тем временем произнесение клятвенного обещания именем Нестора Лакобы, выдающегося абхазского политического и общественного деятеля, разрешалось не всякому, а лишь единицам. В их числе был дядя Сандро, который чувствовал покровительство Нестора Аполлоновича, устроившего его комендантом Цика: *клянусь Нестором* (С 1, с. 326).

Как видно, проклятия значительно превосходят благопожелания в количественном отношении. Согласимся с позицией Н.Ф. Алефиренко, полагающим, что причиной такого соотношения являются негативные эмоции, порождающие вторичные знаки. А поскольку положительные эмоции воспринимаются как данность, норма, то именно отрицательные чувства будоражат человеческое воображение [1, с. 66].

Заключение. Таким образом, благопожелания и проклятия в текстах Ф. Искандера являются одним из средств репрезентации этнокультурных установок, также они проецируют когнитивные особенности социума. Основными когнитивными признаками благопожеланий являются пожелание хорошей жизни, счастья, здоровья и долголетия, благополучного завершения дела, плодотворной работы и труда; ключевыми когнитивными признаками проклятий являются пожелание болезней, смерти, позорной смерти, родовое проклятие и самопроклятие. Доминантной моделью в структуре благопожеланий является конструкция «*Дай Бог + частица чтоб + предикат*», в которой через ценностный концепт «Бог» реализуется оптативная модальность высказывания. Инклузивный дейксис благопожеланий *Дай Бог им...* и *Дай Бог нам...* свидетельствует об общности и коллективизме данного этноса. Наиболее продуктивными моделями проклятий являются конструкции с частицами, т.к. именно они берут на себя основную функционально-

семантическую нагрузку: 1) конструкции с частицей *чтоб* в сочетании с глаголом будущего времени, но оформленного формой прошедшего времени; 2) конструкции с «*Пусть / да пусты* + императив». Клятвенные обещания представлены преимущественно эксплицитными перформативными конструкциями «*клянусь + имя близкого человека*». Причтания, часто сопровождавшие проклятия, отличаются индивидуально-авторскими новообразованиями и транслируют уникальное ценностно-личностное мировосприятие писателя. Рассмотрение специфики презентации благопожеланий, проклятий, клятвенных обещаний и причтаний в произведениях Ф. Искандера чрезвычайно важно как для устно-речевого дискурса, так и для лингвокультурологии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова : монография / Ф.Н. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
2. Алферов А.В. Интеракционный дейксис / А.В. Алферов. – Пятигорск : ПГЛУ, 2001. – 296 с.
3. Бashiева С.К. Благопожелание как лингвокультурный феномен / С.К. Бashiева // Национальные образы мира в художественной культуре : материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008) (24–25 октября 2014 года). – Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – С. 536–546.
4. Бashiева С.К. Место и роль речевого этикета в формировании культуры толерантности / С.К. Бashiева, И.А. Геляева // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – №1. – С. 45–55.
5. Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции / Л.Н. Виноградова. – М.: Индрик, 2016. – 384 с.
6. Кацнельсон С.Д. Общее языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1986. – 297 с.
7. Кремшокалова М.Ч. Когнитивно-дискурсивная модель малых жанров устной речи: на материале благопожеланий и проклятий: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / М.Ч. Кремшокалова [Место защиты: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова]. – Нальчик, 2014. – 39 с.
8. Локьяева Ж.М. Особенности и функциональная роль благопожеланий (алгъыш) (на материале карачаево-балкарского фольклора) / Ж.М. Локьяева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. – № 6(98). – С. 302–311.
9. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семасиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 361 с.
10. Формановская Н.И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета / Н.И. Формановская // Благопожелание в современной российской православной телекоммуникации (на материале передачи «Церковный календарь» с о. Евгением Попиченко) Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск : СФУ, 2011. – Вып. 12 (20). – С. 69–76.
11. Хаджиева Т.М. Фольклор / Т.М. Хаджиева // Карачаевцы. Балкарцы. – М. : Наука, 2014. – С. 522–524.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Искандер Фазиль Абдулович / под ред. Ю. Кушака. – Т. 14. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 704 с.
13. Восточнославянский фольклор : Словарь научной и народной терминологии / Отв. ред. К.П. Кабашников. – Минск : Наука и техника, 1993. – 478 с.
14. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. / Ф. Искандер. – М. : Время, 2004. Т. 1–7, 9.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. (2006). Iazyk, poznanie i kul'tura: kognitivno-semiologicheskaya sinergetika slova: monografiya [Language, cognition and culture: cognitive-semiological synergetics of the word] Volgograd: Peremena. 228 p. (in Russian).
2. Alferov A.V. (2001). Interakcionnyj dejksis [Interactive deixis] Pyatigorsk: PGLU. 296 p. (in Russian).
3. Bashieva S.K. (2015). Blagopozhelanie kak lingvokul'turnyj fenomen [Benevolence as a linguistic and cultural phenomenon] Nacional'nye obrazy' mira v xudozhestvennoj kul'ture, 536–546. (in Russian).

4. Bashieva S.K., & Gelyaeva I.A. (2011). Mesto i rol' rechevogo e'tiketa v formirovaniy kul'tury' tolerantnosti [The place and role of speech etiquette in the formation of a culture of tolerance] Kul'tura, 1, 45–55. (in Russian).
5. Vinogradova L.N. (2016). Mifologicheskij aspekt slavyanskoy fol'klornoj tradicij [The mythological aspect of the Slavic folklore tradition]. Moscow: Indrik. 384 p. (in Russian).
6. Kacznel'son S.D. (1086). Obshhee yazy'koznanie [General linguistics]. Leningrad: Nauka. 297 p. (in Russian).
7. Kremshokalova M.Ch. (2014). Kognitivno-diskursivnaya model' maly'x zhanrov ustnoj rechi: na materiale blagopozhelanij i proklyatij: [Cognitive-discursive model of small genres of oral speech: based on the material of benevolence and curses] (Doctoral dissertation). Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Nal'chik. 39 p. (in Russian).
8. Lok'yaeva Zh.M. (2020). Osobennosti i funkcional'naya rol' blagopozhelanij (alg'ysh) (na materiale karachaevo-balkarskogo fol'klora) [Features and functional role of benevolence (algysh) (based on the material of Karachay-Balkar folklore)]. Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN, 6(98), pp. 302–311 (in Russian).
9. Stepanov Yu.S. (1981). Imena, predikaty', predlozheniya (Semasiologicheskaya grammatika) [Names, predicates, sentences (Semasiological grammar)]. Moscow: Nauka. 361 p. (in Russian).
10. Formanovskaya N.I. (2011). Blagopozhelanie kak koncept v osnove rechevogo e'tiketa [Benevolence as a concept at the heart of speech etiquette]. Rechevoe obshhenie: specializirovannyj vestnik, 12 (20). pp. 69–76 (in Russian).
11. Xadzhieva T.M. (2014). Fol'klor Karachaevcy. Balkary [Folklore. Karachay people. Balkars] Moscow: Nauka. pp. 522–524 (in Russian).

Поступила в редакцию 22.12.2024 г.

SPECIFICS OF REPRESENTATION OF ORAL DISCOURSE GENRES IN WORKS BY F. ISKANDER (BASED ON MATERIAL OF WELL-WISHES, CURSES, OATHS, AND LAMENTATIONS)

V.B. Kvarchiya

The paper addresses representation of benevolence, curses, oaths, and lamentations in the works by F. Iskander. The works under study seem to be of interest as a source of linguocultural and optative information. The relevance of the research is accounted for by the need to study this layer of the writer's phraseology in order to adequately perceive ethno-cultural attitudes reflecting the cognitive characteristics of society. Various methods and techniques have been applied in the course of the analysis, among them are as follows: description, observation, synthesis, stylistic analysis, and componential analysis. The conclusions are made about the cognitive features of benevolence and curses used by the writer. The value concept "God" is the means of expressing optative modality of well-wishes. The constructions "particle let / yes let + indicative" and "particle to + verb in the future tense" serve as means of expressing curses. The dominant patterns of these genres structural organization include inclusive deixis without the use of "I-sentences", which is explained by the ethnic community collectivity.

Key words: Fazil Iskander, benevolence, curses, oaths, lamentations, cognitive features, optative modality, linguistic worldview.

Кварчия Виктория Беноевна.

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик,
Российская Федерация.

Соискатель кафедры русского языка и общего
языкознания.

Абхазский государственный университет,
Республика Абхазия, г. Сухум.
Старший преподаватель кафедры русского языка.
ORCID 0009-0000-6923-1294.

E-mail: kvarchiyaviktory@yandex.ru

Kvarchia Victoria Benoevna.

Kabardino-Balkarian State University named after
H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation.
Post-graduate student of Department of Russian
Language and General Linguistics.

Abkhazian State University, Sukhum, Republic of
Abkhazia.
Senior lecturer of Russian Language Department.
ORCID 0009-0000-6923-1294.
E-mail: kvarchiyaviktory@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.15111186

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СОЧЕТАНИЯХ С ТЕРМИНОМ РОДСТВА *дядя***

© 2025 *E.B. Косс*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

ORCID 0009-0002-0058-7748.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье с точки зрения категории определенности/неопределенности изучаются и описываются особенности употребления местоимений в выражениях с термином родства *дядя*, который используется во вторичной номинации. Указательные и неопределенные местоимения являются традиционными лексическими средствами выражения категории определенности/неопределенности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью полного лексикографического описания термина родства *дядя*, который входит в тысячу самых частотных слов, с помощью весьма востребованных целостного системного интегрального и антропологического подходов. Исследование выполнялось на материале Национального корпуса русского языка методами сплошной выборки, контекстуального анализа, наблюдения и количественно-статистического анализа. Сделаны выводы, что категория определенности/неопределенности может выражаться в сочетаниях с термином родства *дядя*, категория неопределенности представлена более широко неопределенными местоимениями *какой-то*, *один*, *какой-нибудь*, *некий*, удвоенным неопределенно-указательным местоимением *такой-то* и *такой-то*, слиянием местоимений *какой-такой*, а также указательным местоимением *такой* в нетипичной для него функции. Категория определенности выражена указательными местоимениями *этот* и *тот*. В сочетаниях с термином родства *дядя* местоимения могут иметь прагматические особенности и выполнять функции местоимений другого разряда, а также других частей речи.

Ключевые слова: термин родства, категория определенности/неопределенности, лексические средства выражения категории определенности/неопределенности, указательные местоимения, неопределенные местоимения.

Для цитирования: Косс Е.В. Средства выражения категории определенности / неопределенности в сочетаниях с термином родства *дядя* / Е.В. Косс // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 146–158. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15111186>.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами: высокой частотностью употребления (входит в тысячу самых употребительных слов) термина родства (далее – ТР) *дядя* в современном русском языке (далее – СРЯ) [9, с. 789], необходимостью описания семантики вторичных номинаций слова *дядя* на основе востребованного на данном этапе развития лексикографии целостного системного интегрального подхода [9, с. 789], востребованностью антропологического подхода в современных науках [1; 10]. Кроме того, «средства выражения <категории определенности/неопределенности (далее – КОН)> присущи всем языкам, но типология этих средств неодинакова: <КОН> различается от языка к языку по своей внутренней структуре и функциональной семантике средств выражения» [11, с. 349]; до сих пор остается дискуссионным вопрос об иерархии смысловых единиц КОН и средств их

выражения, возможно ли раздельное существование компонентов КОН (определенность vs неопределенность) в языке [11, с. 349], следовательно, типология средств выражения КОН в СРЯ нуждается в дальнейшем исследовании на различном языковом материале.

КОН привлекает большое внимание исследователей и изучается в разных аспектах. Значительное количество научных работ посвящено изучению средств выражения КОН, так, профессор Е.П. Иванян (Сеничкина) описывает историю изучения и современное состояние категории неопределенности, рассматривает различные средства категории неопределенности и подробно их характеризует [18]. И.В. Углева описывает комплекс взаимодействующих средств выражения КОН, которые принадлежат разным языковым уровням [22]. Иранские ученые М.М. Каванд и С.Х. Захраи анализируют порядок слов как средство выражения КОН в русском языке [6].

КОН широко изучается в сопоставительном аспекте на материале разных языков: русский и французский [19], русский, татарский и немецкий [20], русский и китайский [23].

Ученые представляют лингвометодическое описание КОН, например, А.А. Сибгатуллина анализирует средства выражения в немецком, татарском и русском языках и на основе этого анализа разрабатывает эффективную систему упражнений с использованием сравнительно-типологического подхода [20]. Ян Лэсы и Н.В. Семенова применяют функционально-семантический подход для создания методических рекомендаций при преподавании русского языка как иностранного, результатом являются образцы учебных упражнений [25], коллектив исследователей проводит ассоциативный эксперимент с целью доказать, что даже носители русского языка зачастую не имеют четкого представления о правилах использования неопределенных местоимений (далее – НМ) и наречий, вырабатывают рекомендации при обучении иностранных студентов русскому языку [15].

Представлены работы, посвященные изучению специфики выражения КОН в художественном тексте, например, Е.П. Иванян (Сеничкина) описывает особенности употребления средств категории неопределенности в творчестве Ф.М. Достоевского (типичен избыток знаков неопределенности: *как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, как-то странен*), А.П. Чехова (большое количество таких лексических средств, как *почему-то, что-то, должно быть* и др.), А. Платонова (понимает идеальный мир как мир определенности, а материальный мир – как мир неопределенности) [18]. Профессор Е.П. Иванян описывает прием создания комического в произведениях Н.В. Гоголя, который «одним из первых в русской литературе стал использовать для создания комического эффекта единицы неопределенной семантики» [17, с. 72], к ним относятся НМ (*кто-нибудь, кое-кто* и др.), неопределенные наречия (*где-то, как-то* и др.), а также неопределенные описательные обороты (*неизвестно почему, неизвестно по какой причине* и др.). И.М. Кацитадзе проводит функционально-семантический анализ КОН существительных в произведениях С. Довлатова. Исследование показало, что в его произведениях используется большое количество НМ, которые выражают семантику неопределенности наиболее ярко. Они однозначно указывают на семантику определенности/неопределенности, кроме того, они «способствуют выявлению оценочного явления и функции привлечения внимания в художественном дискурсе» [8, с. 253].

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных изучению КОН, исследований, описывающих специфику языковых средств для ее выражения на языковом материале терминов родства, не удалось обнаружить; таким образом, в анализе и описании лингвистических средств выражения КОН на материале сочетаний с ТР дядя и будет заключаться **новизна** данной научной работы.

Данная работа продолжает исследование функционирования ТР *дядя* во вторичной номинации. **Целью** настоящего исследования является выявление и описание традиционных лексических средств выражения КОН в сочетаниях с ТР *дядя*. Достижение цели осуществляется с помощью пошагового выполнения следующих **задач**: из проведенной ранее сплошной выборки текстов из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) (основной корпус), содержащих ТР *дядя*, выбрать из всего массива текстов только те, в которых слово *дядя* используется во вторичной номинации, и составить новую выборку, в которой КОН выражается с помощью указательных местоимений (далее – УМ), НМ и их производных; изучить опыт ученых в сфере описания лексических средств выражения КОН, выявить и описать особенности бытования традиционных лексических средств выражения КОН в сочетаниях с ТР *дядя*.

Материалы и методы исследования. Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Для решения поставленных задач и достижения заявленной цели исследования применяются общенаучные теоретические и эмпирические **методы**: методом сплошной выборки из НКРЯ отбираются языковые единицы для анализа – тексты, содержащие ТР *дядя* (3999 вхождений, далее – вх.); метод контекстуального анализа используется с целью выявить особенности употребления ТР *дядя* во вторичной номинации в отобранном языковом материале (1208 вх.), а также для составления новой выборки – списка вхождений, в которых КОН выражена с помощью лексических средств – местоимений (84 вх.); общенаучные методы наблюдения и количественно-статистического анализа позволяют установить преобладание категории определенности либо неопределенности в языковых примерах, частотность различных лексических средств выражения КОН в сочетаниях с ТР *дядя*.

Основная часть. КОН привлекает большое внимание ученых, причем, исследователи отмечают преобладание интереса к категории неопределенности [2, с. 128]. КОН является одной из категорий семантики высказывания, а ее функция – «актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [11, с. 349]. И.М. Кацитадзе считает, что цель функционально-семантической КОН «заключается в оценке предмета или явления окружающей нас действительности с точки зрения известности или неизвестности, определенности/неопределенности для участников коммуникации» [8, с. 252].

Развитие КОН происходит от конкретного к обобщенному, следовательно, средства выражения определенности возникли исторически раньше. В безартиклевых языках КОН может выражаться с помощью порядка слов, в сочетаниях с УМ и НМ, с частицами, посредством типа и размещением фразового ударения, однако самым сильным средством выражения КОН считается контекст [11, с. 349]. Эту же мысль подчеркивает и И.М. Кацитадзе: «неполные дескрипции становятся определенными лишь в определенном контексте» [8, с. 253].

Е.П. Иванян (Сеничкина) считает, что «неопределенность является объективным свойством материального мира: объектов природы, техники, самого процесса познания, по сути, всех форм бытия» [18, с. 4]. К средствам категории неопределенности Е.П. Иванян относит в том числе местоимения, причем, считает важным, что весь класс местоимений можно противопоставить по значению определенности / неопределенности [18, с. 14]. Для нашего исследования является значимым, что «указательные местоимения противопоставлены неопределенным и определительным как выразители определенности» [18, с. 15]. Е.В. Падучева отмечает, что для конкретной референции (то есть для высказываний об индивидуализированных объектах) приводятся в том числе дескрипции

– «выражения, включающие имя нарицательное и детерминатив – артикль или указательное местоимение, явное или подразумеваемое» [13, с. 10]. Как замечает Е.П. Иванян, «все неопределенные местоимения русского языка относятся к ядру ФСК <функционально-семантической категории> неопределенности, являются специализированными средствами выражения категории неопределенности» [18, с. 18]. Неопределенно-отрицательные, относительно-неопределенные, вопросительно-неопределенные местоимения совмещают семантику своего разряда со значением неопределенности [18, с. 18]. Неопределенно-указательные местоимения (*такой-то, тот-то* и т.п.), передают значение неопределенности. Внешним признаком традиционно выделяемых НМ являются аффиксы *кое-, -то, -либо, -нибудь*. Другой способ образования НМ – «слияние нескольких местоимений, или слияние сочетаний местоимений (часто вместе с частицами, союзами) в устойчивое единство, функционально советующее неопределенному местоимению» [18, с. 21], типа *какой-никакой, что-ничто, когда-никогда* и т.д., причем эти прономинативы содержат значение качественной индифферентности, которое может трансформироваться в сему качественной неполноценности, содержат сопутствующее значение уничтожительности [18, с. 21].

В рамках общепризнанной в современной науке антропоцентрической парадигмы представляется логично изучать средства выражения КОН на материале сочетаний местоимений с ТР *дядя*, так как «Местоимение – самый антропоцентричный элемент речи, его использование позволяет ввести в речь мыслящего и говорящего субъекта» [2, с. 128]. А.Л. Беглярова замечает, что притяжательные местоимения показывают связи между предметами, явлениями и говорящими субъектами, а УМ, НМ, неопределенные и другие местоимения указывают на природу и уровень знаний говорящих об этих предметах и явлениях, таким образом, местоимения могут передавать дополнительные разговорные значения [2, с. 128]. КОН связана с предметом речи, она неоднообразна и охватывает все местоимения, кроме личных.

Для нашей работы значимо отметить, что другие части речи, не местоимения, при некоторых условиях также начинают указывать на категорию неопределенности: *один, известный, данный*, причем, в настоящее время «современные лингвисты однозначно относят функциональные омонимы прилагательных *известный, данный* к выразителям значения неопределенности» [18, с. 21]. В 2006 г. исследователь продолжает работу в этом направлении и демонстрирует, каким образом Н.В. Гоголь использует единицы неопределенной семантики для создания комического эффекта: НМ (*кто-нибудь, кое-кто* и т.п.), неопределенные наречия (*где-то, как-то* и т.п.), неопределенные описательные обороты. Комический эффект возникает, «если предмет речи, причина возникновения ситуации являются определенными, но автором речи они нарочито представлены как неопределенные» [17, с. 72].

Рассмотрим собранный языковой материал с точки зрения КОН. В выражениях с ТР *дядя* лексически выражена как категория неопределенности, так и категория определенности, данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Лексические средства выражения КОН в сочетаниях с ТР *дядя*.

Неопределенность (65)	Определенность (19)
<i>Какой-то</i> (28)	<i>Этот</i> (16)
<i>Такой</i> (14)	<i>Тот</i> (3)
<i>Один</i> (10)	–
<i>Какой-нибудь</i> (7)	–
<i>Некий</i> (4)	–
<i>Такой-то и такой-то</i> (1)	–
<i>Какой-такой</i> (1)	–

Проведенный анализ языкового материала показал, что категория неопределенности в языковых примерах представлена более широко – зафиксировано 65 языковых примеров, категория определенности представлена 19 вхождениями.

Рассмотрим подробнее каждую из категорий и средства их выражения в сочетаниях с ТР *дядя*.

Категория неопределенности приобретает все большую значимость в связи с развитием речевой прагматики, возрастает интерес «ученых к проблемам функционально-коммуникативного плана и к анализу специфики речевого поведения говорящих» [2, с. 128]. Семантически стержневой частью содержания категории неопределенности считается прагматический компонент [2, с. 128], что обусловливает необходимость изучения и описания и прагматических особенностей средств выражения КОН в сочетаниях с ТР *дядя*.

Категория неопределенности в сочетаниях с ТР *дядя* выражается с помощью широкого спектра средств, самыми многочисленными являются сочетания НМ *какой-то* с ТР *дядя* (28 вх.), самыми редкими – сочетания с производными *такой-то* и *такой-то и какой-такой* (по 1 вх.). Категория определенности представлена двумя УМ: *такой* (16 вх.) и *тот* (3 вх.).

Рассмотрим сочетания местоимений с ТР *дядя* подробно. Анализ языкового материала позволяет сделать выводы, что категорию неопределенности выражают нижеперечисленные средства.

1. Сочетания с НМ *какой-то* (28 вх.), например, *Тут стала вести себя спокойно. Спросила у какого-то дядя: – Сколько времени?*

Особенностью местоимений *какой-то* и *некий* ученый А.И. Зарецикий считает их способность сохранять неопределенность не только в их конкретном значении, но и в речи [18, с. 41]. Еще одной чертой можно считать, что «постфикс *-то* указывает на неизвестность, которая распространяется и на собеседника, и на говорящего», причем эта неизвестность применительно к разным объектам может иметь различный объем и характер [4, с. 40]. Проиллюстрируем это высказывание примерами: *Кто? Какой-то дядя. – Где?* Говорящему известен только пол. *А через месяц пришла домой с каким-то худеньким дядей.* Неизвестность сужается, говорящему известна еще и характеристика внешности лица. *Письмо было от неизвестного мне лица, от какого-то дяди Паши.* Говорящему известно имя лица, однако некоторая степень неопределенности сохраняется. Исследователь Д. Газарова, описывая сочетания «неопределенное местоимение-адъектив + прилагательное-определение», также отмечает, что «эти случаи демонстрируют относительную, частичную неопределенность, когда говорящий посредством НМ указывает на недостаточность сведений об описываемом явлении», при этом НМ «может выражать и незначительность, нерелевантность, факультативность неопределенности [3, с. 44]. Анализ языкового материала показывает, что сужению неизвестности способствуют также несогласованные определения, относящиеся к референту: *Потом приходил какой-то дядя из прокуратуры, но у меня уже было время подумать, поэтому процедура заняла всего полчаса.*

2. Сочетания с УМ *такой* (14 вх.). «Значение неопределенности способны выражать разные разряды местоимений. Лингвисты отмечают своеобразное, не присущее другим языкам употребление УМ *такой* в значении, близком к неопределенному артиклю» [18, с. 23]: *Он позвал дядю Колю (в каждой деревне есть такой дядя Коля, молчаливый, небритый, почти беззубый, неопределенного возраста, в чем-то сером и пахнущем сырьими тряпками).* В языковом примере описывается *такой дядя Коля*, как типичный представитель класса, имеющий его типические

категориальные черты (*молчаливый, небритый, почти беззубый, неопределенного возраста, в чем-то сером и пахнущем сырьими тряпками*), не уникальный, а такой, который есть в каждой деревне. Профессор Е.П. Иванян полагает, что не только местоимение *такой*, а «многие указательные местоимения могут выражать значение неопределенности в особых контекстах» [18, с. 23].

Местоимение *такой* может выполнять различные функции, например, в результате процесса лексикализации выступать в качестве местоимения-интенсификатора [4, с. 38]. В Большом универсальном словаре русского языка представлены дополнительные значения слова *такой*, рассмотрим их подробнее.

А. «3.0. адъект., определит., при прил. или сущ., к-рые обозначают свойство, состояние, оценку. Употр. для подчёркивания сильной степени называемого свойства, состояния или для усиления оценки» [27]. В языковом материале выделено три вхождения – сочетания с прилагательными: *Стоит, типа, на остановке такой солидный дядя, ждет автобуса*. В выбранных вхождениях фиксируется два примера сочетаний с существительным: *Попробуй удержи такого дядю*. В приведенном примере местоимение *такой* усиливает сему ‘сильный’/‘рослый’/‘крупный’ мужчина как в одном из ЛСВ слова *дядя* [9, с. 792]. Во втором вхождении усиливается сема ‘взрослый’ мужчина: *Восьмиклассники смотрят на нас с удивлением: такие дяди и тети, а ведут себя как дети*. В обоих случаях однозначно интерпретировать семантику позволяет контекст.

Б. «3.2. адъект., определит., разг., после прил. или сущ., к-рые обозначают свойство, качество, состояние. Употр. для выделения соответствующего свойства, указания на его интенсивность» [27]. В языковом материале фиксируется одно такое вхождение: *А потом приезжает в Москву ваша команда, и, смотрим, опять стоит в воротах длинный такой дядя в рыжей фуфайке*.

В. «5. адъект., неопред., разг. Употр. при первоначальном упоминании имени того, о ком говорящий собирается вести речь» [27]: *Вот я в Казани поговорил откровенно с таким дядей — Мадьяровым*.

Таким образом, в разговорной речи УМ *такой* может выполнять функцию НМ, являясь синонимом слова *некий*. В языковом материале зафиксировано четыре таких вхождения: в трех случаях в сочетании с именем (*дядя Миша/Костя/Шалва*), в одном случае – с фамилией упоминаемого лица. При этом очевидно, что семантика неопределенности УМ *такой* в контексте превалирует над функцией онима, хотя «предельная конкретность, единичность – главные признаки имени, они выделяют из ряда, индивидуализируют именуемое» [5, с. 131].

3. Сочетания с НМ *один* (10 вх.). Местоимение *один* уже было исследовано в работах ученых (Т.М. Николаева [12], Е.П. Иванян [18], И.М. Кацитадзе [8], Ч. Хайян [23], Т.Х. Хоанг [24]), некоторые ученые относят его к разряду слабонеопределенных/полунеопределенных местоимений [18, с. 46; 23, с. 60]. И.М. Кацитадзе считает местоимение *один* одним из ярких примеров «неполной» определенности, в определенном контексте оно может утратить свое количественное значение и приобрести функцию артикля [8, с. 253].

Слово *один* «может употребляться в качестве разных частей речи: числительного, местоимения, существительного, прилагательного и частицы», а также выражать определительное значение (в отрицательных конструкциях и в устойчивых выражениях) [23, с. 57]. Выполняя функцию слабонеопределенного местоимения, слово *один* играет важную роль в организации текста: оно «выполняет интродуктивную функцию, выступает доминантой в нарративном повествовании» [23, с. 59], вводит новую

информацию: *Один мальчик написал рассказ: «Неудачная охота». Пошел один дядя на охоту. И утонул.*

4. Сочетания с НМ *какой-нибудь* (7 вх.). Частица *-нибудь* в составе НМ обозначает неопределенность (не)известности предмета, лица, признака и неопределенность их существования, инвариантом значения этой частицы является несущественность, безразличность выбора [18, с. 45]. Такие НМ употребляются в предложениях с глаголом будущем времени (*И деньги пойдут не в карман кому-нибудь дяде, а на нужды самих членов ТСЖ*), в условных придаточных (*Однако если взрослый экран ославливает какого-нибудь дядю или какую-нибудь тему, которые еще и не того заслужили, то детский экран просто не смеет этого делать*), в повелительном наклонении (*Мама говорила ему, собирая в авоську белье: «А спину попроси потереть какого-нибудь дядю»*) [4, с. 14]

Е.П. Иванян указывает на пейоративную функцию НМ при использовании с антропонимами, оно передает передает пренебрежительно-выделительное значение [18, с. 48]: *Да и тогда преступником беспременно окажется какой-нибудь слесарь дядя Петя.*

5. Сочетания с НМ *некий* (4 вх.). Оно употребляется в книжной речи [4, с. 42], исследователь А.Л. Беглярова отмечает факультативность его употребления, его функция – служить «интеллектуализации» сообщения: *Голубятня принадлежала (некоему) дяде Саше, и Антон водил с ним знакомство* [2, с. 129]. Автор отмечает, что местоимение *некий* может указывать «на непознанность, наличие интеллектуального поиска, важность эвристической составляющей речемыслительного процесса» [2, с. 129]. Также использования слова *некий* может указывать на сложность для однозначной трактовки, квалификации, на уход от категоричной оценки (на нечто, еще нуждающееся в познании), и, наоборот, в некоторых случаях местоимение *некий* может использоваться в оценочной функции: *Несколько лет назад некие сердобольные дяди вдруг решили, что кролик, который спокон веку хорошо переносил зиму на улице, нуждается в теплом помещении.* В приведенном языковом примере контекст высказывания определяет дополнительную оценочную функцию слова *некий*. В данном вхождении прилагательное *сердобольные* должно иметь положительную коннотацию (‘сочувствующий чужому горю; сострадательный, отзывчивый’ [26]), которая акцентируется НМ *некий*, однако, далее в этой документальной газетной заметке представлено продолжение истории: в отапливаемых сарайах кролики стали задыхаться и гибнуть. Таким образом, «сердобольные» дяди явились причиной гибели животных, то есть, в высказывании выражено прямо противоположное значение, применен сатирический прием сарказма, который обладает резко отрицательной коннотацией.

Т.М. Николаева считает, что сочетание *некий + имя собственное* имеет коннотацию ‘небезызвестный, не мешало бы знать’, однако С.М. Кузьмина замечает ее необязательность и уточняет, что с местоимением *некий* часто вводит «сомнительную» оценку, особенно в публицистике [18, с. 48]: *Тут-то и нашел я некоего дядю Васю, который обещал за две тысячи в неделю все качественно сделать, «как у академика».* В данном примере НМ *некий* акцентирует отрицательную коннотацию лексической единицы *дядя Вася*, вносит в речь оттенок иронии, пренебрежения.

6. Сочетание с удвоенным неопределенно-указательным местоимением *такой-то и такой-то* (1 вх.) в сочетании с инверсией: *Но вот жены военных специалистов вдруг стали замечать, что Антонию частенько спрашивает, а куда поехали дядя такой-то и дядя такой-то?* В данном контексте эти местоимения можно назвать эвфемистически-указательными [4, с. 37].

7. Сочетание со слиянием местоимений *какой-такой* (1 вх.), оно является просторечным, экспрессивным, означает ‘что за’; ‘какой именно’? Используется при

выражении недоумения, несогласия с кем-либо [28, с. 283]. Слияние содержит сопутствующее значение уничижительности: *Скажи, пожалустай, какой-такой дядя тебя научил плохо?*

Рассмотрим особенности выражения категории определенности. И.М. Кацитадзе в категории определенности выделяет ее разновидность – «слабую» определенность, которая имеет выраженный субъективный характер. Эта субъективность предполагает дальнейшую развернутую информацию, с помощью которой существительное, обладающее слабой определенностью, становится полностью определенным. «В семантическую зону "слабой" определенности входят языковые единицы с частной семантической функцией, определенной неидентифицирующей референции (определенности только для адресата)» [8, с. 253].

Категория определенности в сочетаниях с ТР *дядя* выражается с помощью УМ *этот* и *тот*, которые достаточно хорошо изучены и являются полифункциональными [14]; в сочетаниях с ТР *дядя* они указывают на определенность.

1) УМ *этот* (16 вх.) наиболее часто выступает в роли определенного артикля на лексическом уровне [7, с. 3] и относится к ближнему дейксису [7, с. 6]. «Большая часть местоименных прилагательных образует с существительным вычленяемое именное сочетание» [4, с. 26]: «*Лючия ди Ламмермур*... *а этим дядям*, видите ли, фильмы подавай, где какашки кушают.

2) УМ *тот* (3 вх.) «традиционно относится к разряду указательных, т.е. несёт главную семантику местоимённых слов и служит средством указания на информацию о признаке, лице, предмете, числе или действии» [21, с. 295]. Следует отметить, что среди УМ фиксируются разные части речи, в языковом материале фиксируются два вхождения с местоименным прилагательным *тот*: *Джекки толкнула локтем Владика и прошептала: – Быстро сними вон того дядю! Скрытой камерой!*, а также два вхождения с местоимением-существительным *тот*, появившимся в результате процесса субстантивации, кроме того, исследователь М.В. Сомова отмечает, что УМ *тот* может выполнять функцию личного [21]: *Жилье снимали у местных тети Кати и дяди Семена – те растили сразу трех дочерей*. В приведенном примере местоимение *те* выполняет функцию личного местоимения *они*.

В языковом материале фиксируется два вхождения, содержащих сочетания *вон* *тот*. А.А. Рачёва отмечает, что прототипическим значением для дискурсивного маркера *вон* является идея указания на объект, находящийся в некотором отдалении [16, с. 165]. Таким образом, мы можем наблюдать дублирование идеи указания с помощью УМ *тот* и уточняющего дискурсивного маркера *вон*: *И вон того дядю в клетчатом пиджаке*.

Лингвисты отмечают возможное употребление местоимения *тот* в обобщенно-неопределенном значении, в выявленных нами языковых примерах такое употребление не фиксируется.

Заключение. В языковом материале – выборке из НКРЯ – зафиксировано 3999 единиц, таким образом, выборка может считаться репрезентативной. Контекстуальный анализ позволил составить новую выборку, содержащую ТР *дядя* во вторичной номинации и состоящую из 1208 единиц. В соответствии с целями нашего исследования мы выделили 84 вхождения, в которых КОН выражается с помощью лексических средств – УМ и НМ, а также их производных. Проведенный анализ языкового материала позволил выявить следующие особенности бытования традиционных лексических средств выражения КОН, представленных в сочетаниях с ТР *дядя*: КОН может выражаться в сочетаниях с ТР *дядя*; категория неопределенности представлена более широко (65 вх.), чем категория определенности (19 вх.); категория неопределенности

выражается с помощью НМ *какой-то* (28 вх.), *один* (10 вх.), *какой-нибудь* (7 вх.), *некий* (4 вх.), удвоенным неопределенно-указательным местоимением *такой-то* и *такой-то* (1 вх.), слиянием местоимений *какой-такой* (1 вх.). Примечательно нетипичное использование УМ *такой* (14 вх.) для выражения семантики неопределенности. Категория определенности выражена УМ *этот* (16 вх.) и *тот* (3 вх.).

Неопределенность может сужаться при наличии сочетания НМ и прилагательного-определения, НМ и несогласованного определения. В разговорной речи местоимения могут иметь pragматические особенности – употребляться с отрицательным оценочным / уничижительным / ироническим / пренебрежительным / пренебрежительно-выделительным значением, обладать эвфемией. Значение неопределенности способны выражать разные разряды местоимений, в том числе указательные, традиционно считающиеся средствами выражения категории определенности. В сочетаниях с ТР *дядя* местоимения могут выполнять функции разных частей речи: выступать в качестве местоимения-интенсификатора, могут выполнять функцию местоимения другого разряда, интродуктивную, пейоративную.

Практическое значение данного исследования заключается в возможности использования результатов в лексикографии при составлении словарей различных типов, а также для усовершенствования лингвистических систем семантического перевода (перевода с учетом контекста и смысла). **Перспективы дальнейших изысканий** мы видим в изучении сочетаний ТР *дядя* с другими частями речи, не местоимениями, которые в некоторых контекстах могут указывать на КОН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовских Е.В. Антропоцентризм в языке и литературе (по итогам научно-методологических конференций и семинаров) / Е.В. Абрамовских, Е.П. Иванян, О.И. Кальнова // Научный диалог. – 2016. – № 6(54). – С. 264–267.
2. Беглярова А.Л. Неопределенные местоимения в коммуникативно-прагматическом аспекте / А.Л. Беглярова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 127–131.
3. Газарова Д. Семантика и прагматика сочетаний «неопределенное местоимение + прилагательное» / Д. Газарова // Bulletin of Yerevan University H: Russian Philology. – 2024. – Vol. 9, No. 2 (23). – P. 40–48. – DOI 10.46991/byusuh/2023.9.2.040.
4. Ермакова О.П. Местоимения в русском языке : учебное пособие / О.П. Ермакова. — 2-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2018. — 80 с.
5. Иванян Е.П. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе / Е.П. Иванян, С.И. Айтасова // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : Материалы шестой международной научно-практической конференции, Самара, 21–22 сентября 2011 года. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2011. – С. 131–137.
6. Каванд М.М. Порядок слов как средство выражения категории определенности-неопределенности в русском языке и способы передачи ее значения на персидский язык / М.М. Каванд, С.Х. Захраи // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2(191). – С. 148–152. – DOI 10.23951/1609-624X-2018-2-148-152.
7. Касаткина Р.Ф. Русский язык ищет artikel / Р.Ф. Касаткина // Вопросы языкоznания. – 2012. – № 2. – С. 3–9.
8. Кацитадзе И.М. Функционально-семантический анализ категории определенности / неопределенности существительных в цикле рассказов С. Довлатова «Чемодан» / И.М. Кацитадзе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 4(29). – С. 252–254. – DOI 10.26140/bgz3-2019-0804-0056.
9. Косс Е.В. Лексикографический портрет слова «дядя» во вторичной номинации / Е.В. Косс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 789–795. – DOI 10.30853/phil20230105.
10. Косс Е.В. Репрезентация внешности мужчины номинацией «дядя» в современном русском языке / Е.В. Косс, О.Д. Паршина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3422–3428. – DOI 10.30853/phil20230527.

11. Николаева Т.М. Определенности – неопределенности категории // Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с. – С. 329.
12. Николаева Т.М. Словосочетания с лексемой *один*. Форма, значения и их контекстная маркированность / Т.М. Николаева // Лингвистика. Избранное. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 624 с. – С. 246–265.
13. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью : (Референц. аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева; Отв. ред. В.А. Успенский. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
14. Падучева Е.В. Указательные местоимения тот и этот в составе временных показателей / Е.В. Падучева, Н.М. Стойнова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2017. – Т. 76, № 4. – С. 5–17.
15. Патрушева Л.С. Обучение неопределенным местоимениям и наречиям в практике преподавания русского языка как иностранного / Л.С. Патрушева, Е.В. Туктагулова, Т.Н. Фомина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2022. – Т. 32, № 4. – С. 842–847. – DOI 10.35634/2412-9534-2022-32-4-842-847.
16. Рачева А.А. Употребление маркеров вот и вон как дискурсивный выбор говорящего / А.А. Рачева // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 164–176. – DOI 10.17223/18137083/55/18.
17. Сеничкина Е.П. Смешная неопределенность (об одном приеме создания комического) / Е.П. Сеничкина // Русская словесность. – 2006. – № 5. – С. 72–75.
18. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке : учеб. пособие к спецкурсу / Е.П. Сеничкина ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. ун-т печати. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та печати, 2004. – 76 с.
19. Сенченкова М.В. Категории рода, числа, определенности / неопределенности существительного: сходство и различие во французском и русском языках / М.В. Сенченкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 10(839). – С. 185–195.
20. Сибгатуллина А.А. Способы выражения категории «определенность / неопределенность» в русском, татарском и немецком языках / А.А. Сибгатуллина // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2021. – Т. 13. – С. 66–75. – DOI 10.35634/2500-0748-2021-13-66-75.
21. Сомова М.В. Указательное местоимение тот (та, то, те): рациональная и эмоциональная функции в речи / М.В. Сомова // Рациональное и эмоциональное в русском языке : Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, Москва, 14–15 ноября 2014 года / Редколлегия: П.А. Лекант (отв. ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко и др. – М. : Московский государственный областной университет, 2014. – С. 294–298.
22. Углева И.В. О способах выражения категории определенности/неопределенности в современном русском языке / И.В. Углева // Вестник Югорского государственного университета. – 2006. – № 4(5). – С. 125–127.
23. Хайянь Ч. Выражение категории определенности / неопределенности с помощью слова «один» в русском языке в сопоставлении с китайским аналогом / Ч. Хайянь // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 9. – С. 56–66. – DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-56-66.
24. Хоанг Т.Х. Слово «один» как лексическое средство выражения категории неопределенности в русском языке / Т.Х. Хоанг // Актуальные проблемы аккультурации в контексте преподавания русского языка как иностранного : к юбилею со дня рождения профессора Г.Г. Городиловой: сборник материалов международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 февраля 2022 года. – М. : Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 656–662.
25. Ян Л. Функционально-семантическая категория определенности/неопределенности русского языка в аспекте преподавания русского как иностранного в китайской аудитории / Л. Ян, Н.В. Семенова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 7, № 4. – С. 423–432. – DOI 10.30853/ped20220067.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

26. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. Авторская редакция. – 2000. – 1536 с. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 18.12.2024).
27. Большой универсальный словарь русского языка [Электронный ресурс] : около 30 000 наиболее употребительных слов / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая ; под редакцией

профессора В.В. Морковкина. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka> (дата обращения: 18.12.2024).

28. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : ACT : Астрель, 2008. – 878 с.

REFERENCES

1. Abramovskih E.V., Ivanyan E.P. & Kalnova O.I. (2016). Antropocentrism v yazyke i literature (po itogam nauchno-metodologicheskikh konferencij i seminarov) [Anthropocentrism in Language and Literature (according to the Results of Scientific-Methodological Conferences and Seminars)]. Nauchnyj dialog, (6 (54)), 264–267 (In Russian).
2. Beglyarova A.L. (2009). Neopredelennye mestoimeniya v kommunikativno pragmaticheskom aspekte [Indefinite pronouns in the communicative and pragmatic aspect]. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A.I. Gercena, (101), 127–131 (In Russian).
3. Gazarova D. (2024). Semantika i pragmatika sochetanij «neopredelennoe mestoimenie+prilagatelnoe» [Semantics and Pragmatics of Combinations «Indefinite Pronoun + Adjective»] in Bulletin of Yerevan University H Russian Philology, 9(2 (23)), 40–48. <https://doi.org/10.46991/byusuh/2023.9.2.040> (In Russian).
4. Ermakova O. (2018). Mestoimeniya v russkom yazyke [Pronouns in the Russian language]. Uchebnoe posobie dlya studentov i magistrantov. (In Russian).
5. Ivanyan E.P. & Ajtasova S.I. (2011). Semantika i funkciy konnotativnyh onimov v russkom diskurse [The connotative onim semantics and functions in the Russian discourse]. Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy : Materialy shestoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Samara, 21–22 sentyabrya 2011 goda [Higher education in Humanities in 21 Century: challenges and opportunities : The collection of materials of the 6th International academic and research conference, Samara, 21-22 September 2011]. – Samara: Samarskij gosudarstvennyj social'no-pedagogicheskij universitet. 131–137 (In Russian).
6. Kavand M.M. & Zahrai S.KH (2018). Poryadok slov kak sredstvo vyrazheniya kategorii opredelennosti-neopredelennosti v russkom yazyke i sposoby peredachi ee znacheniya na persidskij yazyk [Word order as a means of expression of the category of certainty-uncertainty in Russian and methods to convey its meaning to Persian]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, (2 (191)), 148–152. DOI 10.23951/1609-624X-2018-2-148-152 (In Russian).
7. Kasatkina R.F. (2012). Russkij yazyk ishchet artikel [Russian is looking for an article]. Voprosy yazykoznanija, (2), 3–9 (In Russian).
8. Kacitadze I.M. (2019). Funkcionalno-semanticeskij analiz kategorii opredelennosti-neopredelennosti sushchestvitelnyh v cikle rasskazov S. Dovlatova «Chemodan» [Functional-semantic analysis of the category of certainty/uncertainty of nouns in the cycle of S. Dovlatov's «Suitcase»]. Baltijskij gumanitarnyj zhurnal, 8 (4 (29)), 252–254 (In Russian).
9. Koss E.V. (2023). Leksikograficheskij portret slova dyadya vo vtorichnoj nominacii [Lexicographic portrait of the word дядя (Uncle) in secondary naming]. Philology Theory & Practice, 16(3), 789–795. <https://doi.org/10.30853/phil20230105> (In Russian).
10. Koss E.V., & Parshina O.D. (2023). Reprezentaciya vneshnosti muzhchiny nominacij dyadya v sovremennom russkom yazyke [Representation of a man's appearance by the naming unit дядя 'uncle' in modern Russian]. Philology Theory & Practice, 16(10), 3422–3428. <https://doi.org/10.30853/phil20230527> (In Russian).
11. Nikolaeva T.M. (2000). Opredelennosti – neopredelennosti kategorija [The category of certainty and uncertainty] in Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [Language Studies. Encyclopaedical dictionary] (p. 329). Moskva: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. (In Russian).
12. Nikolaeva T.M. (2013). Slovosochetaniya s leksemoj odin. Forma, znachenija i ih kontekstnaya markirovannost' [Word combinations containing the word odin. Their form, meaning and contextual markedness]. Lingvistika. Izbrannoe. [Language studies. Selections] Moskva. Yazyki slavyanskoj kul'tury. 246–265 (In Russian).
13. Paducheva E.V. (1985). Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu : (Referenc. aspekty semantiki mestoimenij) [A statement and its reference to reality : (The ref. aspects of the pronouns semantics)]. Moskva: Nauka. (In Russian).
14. Paducheva E.V., & Stojnova N.M. (2017). [Demonstrative pronouns 'tot'(that) and 'этот'(this) as components of tense markers]. Izvestiya Rossijskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka, 76(4), 5 17 (In Russian).
15. Patrusheva L., Tuktangulova E., & Fomina T. (2022). Obuchenie neopredelennym mestoimeniyam I narechiyam v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Teaching indefinite pronouns and

- adverbs in the practice of teaching Russian as a foreign language]. Bulletin of Udmurt University Series History and Philology, 32(4), 842–847. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-4-842-847> (In Russian).
16. Racheva A.A. (2016). Upotreblenie markerov vot i von kak diskursivnyj vybor govoryashchego [The use of the markers vot and von as a discursive choice of the speaker. Sibirskiy Filologicheskiy Zhurnal], (2), 164–176. <https://doi.org/10.17223/18137083/55/18> (In Russian).
17. Senichkina E.P. (2006). Smeshnaya neopredelennost' (ob odnom prieme sozdaniya komicheskogo) [Funny uncertainty (about one way to create a comic issue)]. Russkaya slovesnost', 5, 72–75. (In Russian).
18. Senichkina E.P. (2004). Specifika kategorii neopredelennosti v russkom yazyke : ucheb. posobie k speckursu [The features of the uncertainty category in the Russian language : a study guide for a course]. Moskva, Izd-vo Moskovskogo gos. un-ta pechatи (In Russian).
19. Senchenkova M.V. (2020). Kategorii roda, chisla, opredelennosti/neopredelennosti sushchestvitelnogo: skhodstvo i razlichie vo frantsuzskom i russkom yazykakh [Categories of gender, number, certainty/uncertainty of a noun: similarities and differences in French and Russian]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, (10 (839)), 185–195 (In Russian).
20. Sibgatullina A.A. (2021). Sposoby vyrazheniya kategorii opredelennost neopredelennost v russkom, tatarskom i nemeckom yazykakh [Ways of expressing the category “definiteness - indefiniteness” in Russian, Tatar and German languages (comparative aspect)]. Russian Journal of Multilingualism and Education, 13, 66–75. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2021-13-66-75> (In Russian).
21. Somova M.V. (2014). Ukazatel'noe mestoimenie tot (ta, to, te): racional'naya i emocional'naya funkci v rechi [Demonstrative pronouns that (tot, ta, to, te): the rational and emotional speech functions] / M.V. Somova // Racional'noe i emocional'noe v russkom yazyke : Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.Yu. Lermontova, Moskva, 14–15 noyabrya 2014 goda [The rational and emotional in the Russian language : The collection of materials of the International academic conference devoted to the 200s anniversary of M.Yu. Lermontov, Moscow, 14-15 November 2014]. – Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 294–298 (In Russian).
22. Ugleva I.V. (2006). O sposobah vyrazheniya kategorii opredelennosti/neopredelennosti v sovremenном russkom yazyke [About the means to express the Certainty / Uncertainty in Modern Russian]. Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta, (4 (5)), 125–127. (In Russian).
23. Haiyan Z. (2022). Vyrazhenie kategorii opredelennosti / neopredelennosti s pomoshchyu slova «odin» v russkom yazyke v sopostavlenii s kitajskim analogom [The Expression of Certainty / Uncertainty Using the Word “Odin (One)” in Russian in Comparison with the Chinese Counterpart]. Vestnik NSU Series History and Philology, 21(9), 56–66. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-9-56-66> (In Russian).
24. Hoang T.H. (2022). Slovo «odin» kak leksicheskoe sredstvo vyrazheniya kategorii neopredelennosti v russkom yazyke [The word «one» as a lexical means of expressing the category of uncertainty in the Russian language]. Aktual'nye problemy akkul'turacii v kontekste prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo : k yubileyu so dnya rozhdeniya professora G.G. Gorodilovo: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 18–19 fevralya 2022 goda [Current issues of acculturation in the scope of teaching Russian as a foreign language : for the jubilee of Professor G.G. Gorodilova: the collection of materials of the international academic and research conference, Moscow, 18-19 February 2022]. Moskva: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 656–662 (In Russian).
25. Yang L., & Semenova N.V. (2022). Funkcionalno-semanticeskaya kategoriya opredelennosti/neopredelennosti russkogo yazyka v aspekte prepodavaniya russkogo kak inostrannogo v kitajskoj auditorii [Functional-Semantic category of Certainty/Uncertainty in the aspect of teaching Russian as a foreign language to Chinese students]. Pedagogy Theory & Practice, 7(4), 423–432. <https://doi.org/10.30853/ped20220067> (In Russian).

Поступила в редакцию 24.12.2024 г.

MEANS OF EXPRESSING CERTAINTY / UNCERTAINTY IN COLLOCATIONS WITH TERM OF KINSHIP *Дядя* ‘UNCLE’

E.V. Koss

The article deals with pronouns functioning in the collocations with the kinship term *дядя* ‘uncle’ in the meaning, which is a result of the secondary nomination process. The language phenomenon addressed is treated in terms of the category of certainty / uncertainty. Demonstrative and indefinite pronouns are frequent lexical means of expressing certainty / uncertainty. The need to suggest a comprehensive lexicographic description of one of the most frequent Russian words, i.e. the kinship term *дядя* ‘uncle’, in terms of the integral and anthropologic

approaches, accounts for the research relevance. The Russian National Corpus is the source of the language material. The methods of continuous sampling, contextual analysis, observation, and quantitative statistical analysis have been applied. It has been found out that certainty / uncertainty can be expressed in the collocations with the kinship term *дядя*, with uncertainty being a more common phenomenon. The pronouns *какой-то / какой-нибудь* (*some*), *один* (*one*), *некий* (*a*), *такой-то и такой-то* (*such and such*), *какой-макой* (*as such*) express uncertainty in the language material. The demonstrative pronoun *макой* (*that*) functions in a non-standard way. The pronouns *этот* (*this*) и *тот* (*that*) express certainty in the language material. The pronouns can have pragmatic features and function as a pronoun of another class or as a word of another class in the collocations containing the kinship term *дядя* ‘uncle’.

Key words: term of kinship, certainty / uncertainty, lexical means of expressing certainty / uncertainty, demonstrative pronouns, indefinite pronouns.

Косс Евгения Валериевна.

Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры теории и
практики перевода; аспирант.

ORCID 0009-0002-0058-7748.

E-mail: e.v.koss@mail.ru

Koss Evgeniya Valerievna.

Togliatti State University, Togliatti, Russian
Federation.

Senior Lecturer of Theory and Practice of Translation
Department, post-graduate student.

ORCID 0009-0002-0058-7748.

E-mail: e.v.koss@mail.ru

Научная статья

УДК 82.0

DOI: 10.5281/zenodo.15110985

«ЦЕЛЕБНАЯ ТКАНЬ, ОБЛЕПИВШАЯ ЗНАНЬЕ»: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ЦИКЛА О.А. СЕДАКОВОЙ «ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ»

© 2025 Д.О. Котомцев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»

ORCID 0009-0003-8882-3510

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

«Вторая тетрадь» О.А. Седаковой – цикл медитативных стихотворений, в основе которого лежит лиминальный сюжет – переход от телесного к духовному, от земного к небесному, от смерти к бессмертию. Цикл насыщен экзистенциальными размышлениями о взаимоотношении человека и мироздания на пороге неизведанной и неизбывной потусторонности. Интеллектуализм лирического высказывания О.А. Седаковой вызван вопрошанием к Богу и попыткой осмыслиения взаимосвязи земного и небесного. Ритмотектоника цикла зиждется на свободном стихе, расширяющем синтаксические, ритмические, строфические возможности лирических текстов. В центре архитектоники цикла – сплетение ценностных ориентиров: веры, смиренния, милосердия, смелости, чуда, воскресения. Каждое стихотворение создаёт особый «переходный» локус, нахождение в котором в результате переживания или поступка приводит к духовному откровению. Откровение позволяет осознать ценность жизни – телесного бытия и неизбежность смерти – перехода в иnobытие. Онтологическая трагедия смерти преодолевается осознанием смерти как этапа пути к вечности и бытию возле Бога. Человеческая жизнь, по мысли поэта, сохраняется как часть природы в творении: человек оставляет себя в телесном и духовном измерениях.

Ключевые слова: философско-религиозные мотивы, лирический цикл, лиминальный сюжет, «переходность», локус, смерть, потусторонность.

Для цитирования: Котомцев Д.О. «Целебная ткань, облепившая знанье»: опыт прочтения цикла О.А. Седаковой «Вторая тетрадь» / Д.О. Котомцев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 159–169. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15110985>.

*Поэты при нынешней цивилизации, при том,
как она существует, должны быть трудными.
Т.С. Элиот.*

Введение. Религиозно-философские исследования О.А. Седаковой – современного поэта, эссеиста, переводчика, культуролога – неоднократно становились предметом литературоведческого изучения⁹ в исследованиях А.А. Азаренкова [3], Е.Г. Звягиной [6], Ю.А. Халфина [13], А. Шмитт [14]. Религиозная направленность, писал Ю.А. Халфин, – «это воздух, в котором существует её (О.А. Седаковой. – Д. К.) лирический герой, и это атмосфера её научного творчества. Библейское начало невозможно вычленить в её творчестве как некий особый мотив» [13, с. 35]. Существенный вклад в понимание мировоззренческих установок О.А. Седаковой и смыслового пространства её поэзии

⁹ Подробный обзор см. в [5]. Там же представлена литература вопроса.

внёс сборник научных статей «Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения» [8], в котором один из разделов – «Поэзия и богословие» – сосредоточен на выявлении философско-религиозного кода лирики писательницы. Несмотря на ряд проницательных и интересных работ, посвящённых религиозным мотивам в лирике О.А. Седаковой, остаются лакуны в понимании духовных смыслов поэтических текстов писательницы. Среди них – взаимосвязь поэтики «переходности» со структурой лирического сюжета и архитектоникой, основанной на христианских ценностях (вере, милосердии, чуде и т.д.), поэзии О.А. Седаковой. Особенно отчётливо эти аспекты проявлены в цикле «Вторая тетрадь» (1980–1981), интерпретации которого посвящена статья.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил цикл стихотворений О.А. Седаковой, входящий в макроцикл «Старые песни», – «Вторая тетрадь». При необходимости мы обращались к стихотворениям из других циклов. Для адекватного истолкования художественных текстов О.А. Седаковой применялись герменевтический, мотивный, лингвопоэтический методы анализа, позволившие постигнуть стиль, ценностно-смысловые ориентиры и систему мотивов цикла. Выявить ряд текстовых и семантических перекличек с корпусом Нового Завета помог метод интертекстуального анализа.

Основная часть. Поэзия О.А. Седаковой, как нам уже приходилось отмечать, отличается напряжённым духовным поиском, интеллектуальностью, разветвлённой интертекстуальностью [7]. Контуры художественного мира поэта трудно обозначить; в имеющихся изысканиях, посвящённых анализу поэзии О.А. Седаковой, её причисляют к неоакмеизму (М.Н. Липовецкий), метареализму (С.С. Аверинцев, Л.В. Черниенко) (варианты: необарокко, метаметафоризм), религиозной поэзии (Ю.А. Халфин), даже концептуализму. Оптимальной кажется позиция О.Н. Склярова, вписывающего поэта в контекст неотрадиционализма (см.: [10, с. 62–97]). Неотрадиционализм понимается учёным как тип художественного мышления, для которого характерны поиски новых форм взаимодействия с классической традицией в рамках сложившейся авангардной поэтики, актуализация исконных культурных ценностей и традиционных универсалий. В.И. Тюпа, автор термина, определяет неотрадиционализм как «дискурс ответственности» и как стратегию, в основе которой лежит «диалог согласия» (по слову М.М. Бахтина) [11, с. 13–19]. Для этого типа мышления чрезвычайно важны идеи общекультурной солидарности, «соборности» и вера в объективный, надындивидуальный характер аксиологем. Поэтика О.А. Седаковой, согласно нашим наблюдениям, вписывается в неотрадиционалистскую матрицу: её поэзия отличается формальной виртуозностью, структурной усложнённостью, что сближает её тексты с авангардом; при этом семантически лирические высказывания поэтессы насыщены культурогенными смыслами, ориентированы на сохранение и продолжение классической аксиологии. «Поэзия Седаковой, – резюмирует С.С. Аверинцев, – эта поэзия, в которой наиболее снисходительно расположенным к ней умникам хотелось бы видеть игру в загадки, и которая в своих удачах, напротив, ошеломляюще прямая по мысли и выражению мысли», позволяет «перед лицом ужаса обрести не черноту, а целение, не сарказмы, а псалом, не хулу, а хвалу» [1, с. 53].

Тематика цикла «Вторая тетрадь» как раз связана с актом исцеления, отношением между человеком и Творцом, человеком и природой, обращением к Богу, попыткой постижения потусторонней реальности, откровением истины о сущности жизни и смерти. Характерно, что интеллектуальное постижение реальности воплощается в практике художественного письма, в лирическом слове и закрепляется общим для цикла заглавием «Вторая тетрадь». Семантика заглавия двойственна: во-первых, это указание

на привычный и овеянный традицией способ фиксации лирических размышлений – «старых песен»; во-вторых, это хронологическая граница между «Первой тетрадью» и «Третьей тетрадью», которые в совокупности с добавлениями к ним образуют макроцикл «Старые песни». Тематические константы закреплены в жанровой природе цикла О.А. Седаковой: перед нами медитативная лирика – изображение и выражение «мыслительного дискурса», созданное в элегическом модусе художественности. Элегизм седаковского цикла предполагает мотивный комплекс уединения, отстранения, воспоминания о невозвратном минувшем. Для характеристики элегического хронотопа «Второй тетради» вполне применимы теоретические положения, сформулированные В.И. Тюпой: «<...> элегическое "я" становится самим собою, сжимаясь, отступая от своих событийных границ и устремляясь к ядру личности, к субъективной сердцевине своего единственного, беспрецедентного бытия, которое преходяще, обречено небытию» [12, с. 53], – однако с небольшим уточнением – лирический субъект цикла, проходя путь самопознания и постижения бытия, всё же избавляется от отчаяния перед смертью – небытием, потому что оно в художественном мире О.А. Седаковой обретает статус инобытия, пространства, близкого к Богу.

«Поэзия мысли» О.А. Седаковой лишена отчётливой экспрессивности, риторичности, приближаясь к протожанрам мистического видения, исповеди, заклинания (такие жанровые параметры, возможно, и обусловили верлибр как стихотворную форму стихотворений цикла). Однако интеллектуализм – установка на интерпретацию и переинтерпретацию жизни – сочетается во «Второй тетради» с непознаваемым, метафизическим, иррациональным. Лирический субъект неоднократно обращается к Богу и потусторонности с вопросами и мольбами, но не получает ответов; в процессе лирической медитации предельно напряжённая мысль самостоятельно интерпретирует различные аспекты отношений человека и мироздания с различных сторон, иногда находя и воплощая двойственные и противоречивые смыслы.

Доминантой творчества О.А. Седаковой вслед за А. Шмитт можно признать состояние транзитивности (переходности) и лиминальности (пограничности) [14, с. 315]. Для «Второй тетради» эта доминанта особенно важна, поскольку цикл посвящён памяти бабушки – очень важному человеку для личностного и мировоззренческого становления и духовной жизни О.А. Седаковой. Именно бабушка познакомила будущего поэта с основами православной веры, пела ей колыбельные, делилась народными сказаниями, которые определили на долгие годы интересы писательницы. Как и всякая смерть (в других стихах О.А. Седаковой читаем: «*А смерть придёт, никого не спросит*» (с. 138)¹⁰), смерть бабушки оказывается для поэта экстремальной ситуацией непосредственного столкновения с потусторонностью. Цикл – структурно и семантически – сохраняет это ощущение другой, смежной реальности. **Лиминальность** организует лирический сюжет всего цикла – не событийную упорядоченность эпизодов, а процесс перехода от сенсорно-эмпирических ощущений к ментальным обобщениям, смыслам, концепциям (см. теорию лирического сюжета Л.Н. Синельниковой [9, с. 139–140]). Это ощущается даже на ритмотектоническом уровне: весь лирический цикл «Вторая тетрадь» организован свободным стихом (с исключительно редким вплетением парной рифмовки), многообразно обыгран строфически (от однотишия до сексстины), изящно передавая ступенчатость, переходность, пограничность между земным и небесным, жизнью и смертью. Свободный стих позволяет расширить синтаксический диапазон

¹⁰ Здесь и далее стихи О.А. Седаковой цитируются по изданию [15]. Везде сохраняется авторская пунктуация.

лирического текста и ритмически приближается к разговорной речи (обилие междометий, выход строки за пределы синтагмы, прямые обращения и т.д.), заговору, заклинанию¹¹ (синтаксический параллелизм, повторы, обилие придаточных, эллипсисы и неоправданное использование тире, обособляющих семантически важные сегменты текста). Некоторые из перечисленных особенностей можно увидеть в стихотворении «Уверение» – в нём форма удачно иллюстрирует лиминальность лирического сюжета и аккумулирует религиозные мотивы всего цикла:

*Хоть и все над тобой посмеются,
и будешь ты лежать, как Лазарь,
лежать и молчать перед небом, –
и тогда ты Лазарем не будешь.*

*Aх, хорошо сравняться
с чёрной землёй садовой,
с пёстрой придорожной пылью,*

*с криком малого ребёнка,
которого в поле забыли...*

а другого у тебя не просят (с. 145).

Уже заглавие – сильная позиция текста – обозначает ведущую тему стихотворения: это вера в воскресение. Тема определяет использование прецедентного имени – Лазарь, – которое вызывает устойчивые ассоциации с историей о воскрешении Христом Лазаря из Вифании (Ин. 11: 1–57) (идея бессмертия души) и – более имплицитно – с притчей о богаче и Лазаре (Лк. 16: 19–31) (идея смирения). Образ смеющихся только подчёркивает идею смирения человека, готового к смерти и убеждённого, что умереть, «сравняться с чёрной землёй садовой» (т.е. плодородной, той землёй, в которой зерно, упав и умерев, прорастёт (Ин. 12: 24)), стать придорожной пылью – это благо, «хорошо», венец жизни. Локус сада появляется в одной строке с чёрной землёй не случайно; очевидно, что земное здесь противопоставляется потустороннему, куда попадает душа после смерти. В культурной традиции устойчивы представления о рае как о саде Божьем; садом был и Эдем – символ первозданности, изначальной божественной гармонии. Конец жизни человека смыкается с началом – с «криком малого ребёнка», забытого в открытом жизненном пространстве. И более от человека не требуется («а другого у тебя не просят») – только веры и смирения перед лицом неба (вероятно, аллюзия на небо над Аустерлицем, увиденное князем Болконским). Это смирение, как и постепенное угасание жизни, структурировано строфически: от первого полноценного кратрена к финальному перформативному, взывающему к поступку одностишию, которое и становится границей мира. Фольклорный образ – лестница – эксплицируется в строфике стихотворения, а упоминание о контрасте между тем, что умирающий лежит, и «пёстрой придорожной пылью» оттеняет мотив путешествия, перехода. Загадочная строка – «и тогда ты Лазарем не будешь» – словно иронически отдаляет читателя от идеи возможного воскресения; действительно, в физическом мире оно невозможно, потому и

¹¹ Напомним, что О.А. Седакова – профессиональный фольклорист и исследователь погребальных обрядов славян.

возникает желание стать частью природы: духовное перерождение, возвращение в детство (т.е. первоначальную форму бытия души) неизбежно и не поддается осмеянию.

В дальнейшем развитии лирического сюжета основные отмеченные выше философско-религиозные смыслы (смирение перед испытаниями жизни, грядущее преображение, неизбежное бессмертие) семантически накапливаются и варьируются. Вся архитектоника цикла – т.е., по мысли В.И. Тюпы, принцип целостности эстетически изображённого мира – эстетическая модель «я-в-мире» [12, с. 87–91], система идейно-смысовых и ценностных координат произведения, – базируется на нескольких концептах или аксиологемах: вере, смирении, милосердии, смелости, чуде, воскресении. Явлены они, конечно, не в каждом стихотворении. Но уже первый текст – стихотворение «Смелость и милость» – устанавливает базовые для «Второй тетради» ценностные ориентиры всего цикла. Лирическому субъекту – человеку – дана абсолютная свобода, основанная на вере в правильность любого совершающего поступка: «Солнце светит на правых и неправых, / и земля нигде себя не хуже» (с. 142). Но для совершения поступка нужна смелость, которая возможна благодаря милости (варианты: Солнца / мира / Бога):

*Смелость правит кораблями
на океане великом.
Милость качает разум,
как глубокую дряхлую ляльку (с. 142).*

Смелость и милость неразрывны, а не противопоставлены: «*Кто знает смелость, знает и милость, / потому что они – как сёстры*» (с. 142), – и оказываются, по мысли поэта, «легче всего на свете». М.М. Бахтин писал, что поступком – ответственно воспринятым, а не навязанным извне, – должна стать жизнь человека. С позиции «философии поступка» М.М. Бахтин можно решить и проблему ценности: не существует ценности, раз и навсегда данной, «общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [4, с. 7–68]. Таким «индивидуальным контекстом» для О.А. Седаковой становится встреча со смертью.

Хронотоп лирического цикла «Вторая тетрадь» – это движение во времени и пространстве между зонами жизни и смерти. Сама структура сюжета – постепенный переход от привязанности к жизни через поступок к осознанию бессмертия души. Движение от жизни к смерти, от земного к небесному во всём цикле маркируется локусами дома, один раз – города, земного пространства, которые будут противопоставлены природе (саду, океану, морю, небу, звёздам), символизирующей потусторонний мир. Физическое измерение пространства в цикле «Вторая тетрадь» тоже лиминально в сюжете. Дом (земля) оказывается локусом земного бытия, потому что утратило ценность («*С того дня, как ты домой вернулся / и на меня не смотришь, / всё во мне переменилось*» (с. 144)) и не принимает возвратившегося, поскольку всё изменилось: «*Хорошо куда-нибудь вернуться: / в город, где все по-другому... Вернуться и не назваться. / Так и молчать до смерти*» (с. 147).

В свою очередь, частотные локусы – окно, зеркало, видение, вода (отражение), сон (другая реальность), дорога (путь, поход, путешествие) – фокализируют состояние выхода за границы, перемещение из физического мира в метафизическую плоскость; не случайно имя О.А. Седаковой связывают с так называемой «метафизической поэзией». Однако прав был С.С. Аверинцев, проницательно отметив, что «поэзия Ольги Седаковой достойна именования метафизической не потому, что у неё имеются так называемые "философские темы" или "философские мотивы", – но потому, что поэзия эта от начала

до конца живёт изумлением» [2, с. 397]. Одни из важнейших событий лиминального сюжета лирических текстов О. А. Седаковой – уход и смерть, которые осмысливаются различно: как избавление – «Мы выпьем за верность до гроба: / за гробом неверности нет» (с. 143), «Ах, хорошо сравняться с черной землей садовой, / с пестрой придорожной пылью» (с. 145); как неизвестность – казалось, «что нет среди **смертей** такой **смерти**, / чтобы силы у неё достало / против жизни моей терпеливой, / как полынь и сорные травы, – // мало ли что казалось и что покажется дальше» (с. 148) (интересны детали – упоминание полыни и сорных трав, т.е. «смрадных» растений по славянским верованиям: жизнь пропитана горечью и лишним, напускным, ненужным); как предчувствие постоянной близости, рока, неизбежности – «Жизнь ведь – небольшая вещица: / вся, бывает, собирается / на мизинце, на конце ресницы, / – а **смерть** кругом неё, как море» (с. 149), «Господи, думаю, Боже, / или умру я скоро?» (с. 150). В минуты отчаяния даже поэту хочется замолчать: «Вернуться и не называться. / Так и молчать до **смерти**» (с. 147). Однако слово всё же становится формой спасения и победой над небытием, потому что является «одухотворённой плотью», частью физического измерения человека: «В каждом **слове** есть дорога, / путь унылый и страстный» (с. 153).

Переходными становятся и другие сюжетные ситуации. В стихотворении «Походная песня» тоже звучит тема смерти – гренадёры, возвращаясь из плена, произносят тост: «Мы выпьем за верность до гроба: / за гробом неверности нет!» (с. 143). Вновь смерть ощущается как избавление от житейских, бытовых страданий («Вся жизнь оседает, как **прах**», «смирная и грубая земля» (с. 143)), но на бытийный уровень восприятия мира лирические субъекты текста пока неспособны. Потому-то хоровой голос солдат вопрошают: «Чего же Ты, Господи, хочешь, / чего ждёшь от раба Твоего?» (с. 143). Однако солдаты не отчиваются, не услышав ответ Бога: они продолжают путь, надеются, вопреки страданию, вернуться домой (поэтому в заглавии задан мотив *песни*), ожидая верности от любимой и Отчизны.

Мотив неверности, возникший в «Походной песне», получает неожиданное развитие в следующем стихотворении цикла – «Неверной жене». Несмотря на провокативное заглавие, оно отражает только один взгляд или голос – вернувшегося мужчины; жена, переживая упрёки в неверности, не может перед ним оправдаться:

*Грешному весь мир заступник,
а невинному – только чудо.
Пусть мне чудо и будет свидетель.*

*Покажи ему, Боже, правду,
покажи моё оправданье! (с. 144).*

Чудо происходит: больная собака, с которой лирическая героиня себя сравнивает («Как та вон больная собака <...>, / так и душа моя ноет» (с. 144)), после символических трёх дней мучений внезапно «быстро головой тряхнула, / весело к ней подбежала, / ласково лизнула руку – / и упала мёртвая на землю» (с. 144). Смысл эпизода можно трактовать по-разному: с одной стороны, чудо – заступник невинного! – неожиданного, пусть и временного, исцеления (на третий день – как воскресение) словно символизирует избавление героини от духовной тоски и отчаяния («С того дня, как ты домой вернулся / и на меня не смотришь, / всё во мне переменилось» (с. 144)); с другой стороны, собака всё же умирает, подчёркивая бессмысленность временного избавления,

и это событие заставляет задуматься, а нуждается ли невинный перед Господом в оправдании перед людьми. Последние строки стихотворения тоже семантически двойственны: «Знает Бог о человеке / чего человек не знает» (с. 144). «Человека» в этих строках следует понимать широко в контексте «Неверной жены»: это и ревнивый мужчина, который не может поверить возлюбленной, и оправдывающаяся жена, которая не знает о своих прегрешениях, известных Богу. Семантика лиминальности проявляется как на событийном уровне, так и на идейно-смысловом.

Лиминальный мотив отражения (как ранее душа жены отражалась в болезни собаки) возникает в цикле и более прямо. В основе лирического сюжета стихотворения «Зеркало» – непосредственное сопряжение с потусторонностью. В зеркальце, которое всегда «вьётся рядом / величиной с чечевицу / или как зерно просяное» (с. 149), лирический субъект видит отблески иной реальности и преломления – себя, своей души, окружающей реальности:

*А что в нем горит и мнится,
смотрит, видится, сгорает, –
лучше совсем не видеть* (с. 149).

Но отражения, блики и преломления не равны самой жизни: зеркало – всего лишь очередной проводник, но не предсказание будущего или источник того, что лучше совсем не видеть. Наоборот: то, что удалось увидеть в зеркале, заставляет лирического субъекта отвернуться от кажимостей, отражений, зла. Жизнь для этого слишком коротка, поэтому детали, указывающие на небольшой размер зеркала, символичны: такой же маленькой с точки зрения вечности и смерти оказывается жизнь человека: «Жизнь ведь – **небольшая вещица**: / вся бывает соберётся на **мизинце**, на конце **ресницы**, – / а смерть кругом неё, как море» (с. 149).

К мотиву отражения примыкает в цикле более трансцендентальный мотив *видения*. Видение в художественном мире О.А. Седаковой позволяет лирическому субъекту лучше воспринимать и понимать мир, но само по себе оно не является частью его непосредственного опыта. Видение связано с памятью и воображением (тем, чего не было в реальности, но что потусторонне), отсюда в стихотворении «Видение» образ «старого отца в чужой одежде» (с. 150), который уже не может идти от усталости, «а его всё гонят и гонят» (с. 150), подобно лошади, погоняемой Миколкой, из сна Раскольникова. Неизбыточное страдание, несправедливость, насилие реальности взывают к ещё одной осознаваемой в цикле ценности – жалости, которая напрямую связана с милосердием. Лирический субъект вопрошает:

<...> что это каждого жалко?

*Зверей – за то, что они звери,
и воду – за то, что льётся,
и злого – за его несчастье,
и себя – за своё безумье* (с. 150).

Милости и жалости заслуживают все: звери, природа, злые люди. Эллипсисы экспрессивно отделяют мир живых от их атрибутов, внутренне присущих и неизменных характеристик. Мотив безумия получает в контексте «Второй тетради» неожиданную интерпретацию: это вовсе не глупость или сумасшествие, а состояние, когда ум не может

постигнуть реальность сколько-нибудь полно (поэтому мотивы изумления, удивления, странности, связанные с сверхчудесностью бытия, неоднократно возникают в цикле); только в состоянии безумия можно приблизиться к тайне потусторонности, и поэту дана такая возможность.

Сон, логически продолжая мотив видения, в цикле тоже по-шекспировски коррелирует со смертью (ср.: «Сон – смерть каждой ночной жизни» («Макбет»)), что позволяет человеку преобразиться (что удивительно – уже в детстве, так как это слова из «Колыбельной»; вероятно, это вновь символическое воплощение «порога» между детством и взрослой жизнью):

– Спи, – говорит – голубчик,
Кем захочешь, тем и проснешься:
хочешь, бедным, хочешь, богатым,
хочешь – морской волной,
хочешь – ангелом Господним (с. 146).

Лиминальный локус – сон – вновь ставит лирического субъекта к границе мира, переступая которую он сможет обрести инобытийные свойства (стать частью природы или приблизиться к Богу). В стихотворении «Сон» лирический субъект, аллюзивно названный по-библейски «блудным сыном», на смертном одре вспоминает, как уходил из отчего дома:

На нем весёлое платье,
на руке прадедовский перстень.
Лошадь ему брат выводит.

Хорошо бывает рано утром:
за спиной гудят рожки и струны,
впереди ещё лучшие играют (с. 152)

Жизнь в прошлом ярче и вещественнее (ещё все живы, память поколений сохраняется (деталь – прадедовский перстень)), чем в нынешнем предсмертном состоянии; смерть оказывается способом возвращения в лучший мир, а сон – иллюзия смерти – позволяет вновь пережить ощущение счастья («впереди ещё лучшие играют»), свободы, грядущих успехов: «А собаки, слуги и служанки / у ворот собирались и смотрят, / желаю счастливой дороги» (с. 152). Сын оказывается «блудным» (потерянным, заплутавшим) лишь на пограничье между жизнью и смертью, а при пересечении порога (хотя бы во сне) эта характеристика утрачивает силу: на нём снова «весёлое платье» и семейный перстень, рядом брат и реалии дома, достаток (собаки, слуги и служанки). Не сумевшему вернуться домой вовремя блудному сыну О.А. Седакова позволяет ощутить христианское всепрощение, милость: хотя бы во сне он возвращается домой.

Мы видим, как ближе к финалу цикла локус дома начинает преображаться: «Будем жить мы долго, долго. / Выстроим два высоких дома: / том из золота, этот из мрака, / и оба шумят, как море» (с. 151). Деяния лирического субъекта обеспечивают ему радость как в физическом мире (дом из золота), так и в потусторонности (дом из мрака). Связующим звеном между ними всё так же является смерть (напомним, что ранее О.А. Седакова сравнивает смерть с морем, шире – с движением воды): «По воде невидимой и быстрой / упливает сердце человека»

(с. 151). Смерть, таким образом, оказывается промежуточным мигом между земным миром и небесным, дорогой к инобытию (река ассоциируется с представлениями древних о локусе перехода в мир мёртвых, например, с образом перевозчика по реке Стикс Харона в древнегреческой мифологии).

Каждому, по мысли О.А. Седаковой, дано право на Божью милость. «Заключение» – финальное стихотворение цикла – окольцовывает «Вторую тетрадь», последними строками напоминая о первом стихотворении «Смелость и милость»: «... *снова в уме улыбнется / и похвалит милосердного Бога*» (с. 153). Архитектоника замыкается теми же концептами, что были обозначены в начале цикла: *смелостью* того, кто сохраняет надежду и готов, вопреки всему, к деянию, поступку («*А тот, кто сказал, что может, / слёзы его не об этом, / и надежда у него другая*» (с. 153)); чудом открывшейся надежды (кто знает её – «*снова удивится*»: простоте и очевидности ответа); *милостью* Бога, готового пройти вместе с путником («*В каждом слове есть дорога, / путь унылый и страстный*¹²» (с. 153)) жизненное путешествие (слово здесь, возможно, уподобляется истории жизни, явленной в Слове (ср. начало «Евангелия от Иоанна»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1))). Чувство удивления (не случайно это слово много раз повторяется в поэзии О.А. Седаковой) и семантика чуда – атрибут Бога – неразрывны с озарением, откровением истины о мире – смерти нет, есть переход в иное духовное качество, приближающее к Творцу. Но почему же тот, кто не знал надежду, её «не узнает», как сказано в стихотворении? Надежда – это воплощённый поступок, состояние постоянного действия; тот же, кто не надеется, обречён на неузнавание истины и неспособен встать на границу мира.

Заключение. Итак, интерпретация цикла «Вторая тетрадь» показала, как лиминальный лирический сюжет – движение от земного к небесному, от жизни к смерти, от смерти к бессмертию – связывает стихотворения в единое архитектоническое целое, основанием которой становятся христианские ценности – вера, смелость поступка, милосердие, смирение и чудо. Онтологическая трагедия смерти преодолевается осознанием гибели как части, этапа пути, дороги к вечности и всем благому бытию возле Бога. Человеческая жизнь, по мысли О.А. Седаковой, сохраняется как часть природы в творении: человек оставляет себя в телесном (чёрная плодородная земля) и духовном (прекрасный сад) измерениях.

Перспективными кажутся следующие векторы исследования «поэзии мысли» О.А. Седаковой: компаративный анализ поэтики всех трёх «Тетрадей», входящих в макроцикл «Старые песни»; целостная интерпретация идейно-смысовых констант и формы «Стихов из "Второй тетради", не нашедших в ней себе места», составляющих любопытное продолжение «Второй тетради», однако намеренно от неё ограниченное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Горе, полное до дна / С.С. Аверинцев // Седакова О.А. Стихи. – М. : Гнозис, Carte Blanche, 1994. – С. 358–363.
2. Аверинцев С.С. Метафизическая поэзия как поэзия изумления / С.С. Аверинцев // Континент. – 2004. – Т. 2, № 120. – С. 397–400.
3. Азаренков А.А. Христианство в поэтических системах Иосифа Бродского и Ольги Седаковой: попытка сближения / А.А. Азаренков // Русская филология: учёные записки Смоленского государственного университета. – 2018. – Т. 18. – С. 68–75.
4. Бахтин М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. – М. : Русские словари, 2003. – С. 7–68.

¹² Здесь лексема *страстъ*, очевидно, семантически ближе к выражению *страды Христовой* и связана с испытаниями, которые выпадают на долю человека.

5. Жулькова К.А. Религиозно-философские мотивы в лирике Ольги Седаковой / К.А. Жулькова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 91–102.
6. Звягина Е.Г. Особенности развития религиозно-философского цикла в творчестве поэтов рубежа XX–XXI веков (на материале «Старых песен» О. Седаковой) / Е.Г. Звягина // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 12–2. – С. 221–225.
7. Котомцев Д.О. Метатекстуальность поэтического дискурса: об интеллектуализме поэзии О. А. Седаковой / Д.О. Котомцев // Дискурсология: язык, культура, общество : сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции / под ред. И.А. Соболевой. – Луганск : Издательство ЛГПУ, 2024. – С. 303–313.
8. Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения : сб. науч. тр. / Под общей редакцией: С. Сандлер, М. Криммель, О. Новиков, М. Хотимская. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 552 с.
9. Синельникова Л.Н. Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация : монография / Л.Н. Синельникова. – М. : ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. – 267 с.
10. Скляров О.Н. «В заговоре против пустоты и небытия». Неотрадиционализм в русской литературе XX века : монография / О.Н. Скляров. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 223 с.
11. Тюпа В.И. Неотрадиционализм, или четвёртый постсимволизм / В.И. Тюпа // Постсимволизм как явление культуры. – М., 1995. – С. 13–19.
12. Тюпа В.И. Теория литературы : учебник. – М. : РГГУ, 2024. – 254 с.
13. Халфин Ю.А. «Ранящий сад мирозданья». О поэзии Ольги Седаковой / Ю.А. Халфин // Литература. – 2009. – № 5 (1–15 марта). – С. 34–38.
14. Шмитт А. К изучению идиостиля О. Седаковой / А. Шмитт // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2022. – № 1. – С. 314–322.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Седакова О.А. Стихи / О.А. Седакова. – М. : Гнозис, Carte Blanche, 1994. – 384 с.

REFERENCES

1. Averincev S.S. (1994). Gore, polnoe do dna [Grief, full to the bottom]. Sedakova O.A. Stihi. Moscow, pp. 358–363 (in Russian).
2. Averintsev S.S. (2004). Metafizicheskaya poe'ziya kak poe'ziya izumleniya [Metaphysical poetry as poetry of amazement]. Continent, Vol. 2, No. 120, pp. 397–400 (In Russian).
3. Azarenkov A. A. (2018). Hristianstvo v poe'ticheskikh sistemah Iosifa Brodskogo i Ol'gi Sedakovo: popy'tka sblizheniya [Christianity in the poetic systems of Joseph Brodsky and Olga Sedakova: an attempt at rapprochement]. Russkaya filologiya: ucheny'e zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 18, pp. 68–75 (In Russian).
4. Bahtin M.M. (2003). K filosofii postupka [Towards the philosophy of action]. Sobranie sochinenij, tom 1 [Collected works, vol. 1]. Moscow, Russkie slovari, pp. 7–68 (In Russian).
5. Zhul'kova K.A. (2021). Religiozno-filosofskie motivy' v lirike Ol'gi Sedakovo [Religious and philosophical motives in the lyrics of Olga Sedakova]. Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie, vol. 2, pp. 91–102 (In Russian).
6. Zvyagina E.G. (2016) Osobennosti razvitiya religiozno-filosofskogo cikla v tvorchestve poe'tov rubezha XX–XXI vekov (na materiale «Stary'x pesen» O. Sedakovo) [Features of the development of the religious and philosophical cycle in the works of poets of the turn of the XX–XXI centuries (based on the material of O. Sedakova's "Old Songs")]. Novaya nauka: Ot idei k rezul'tatu, vol. 12–2, pp. 221–225 (In Russian).
7. Kotomcev D.O. (2024). Metatekstual'nost' poe'ticheskogo diskursa: ob intellektualizme poe'zii O. A. Sedakovo [Metatextuality of poetic discourse: on the intellectualism of O.A. Sedakova's poetry]. Diskursologiya: yazy'k, kul'tura, obshchestvo, Lugansk, pp. 303–313 (In Russian).
8. S. Sandler, M. Krimmell, O. Novikov, M. Khotimskaya (ed.) (2017). Ol'ga Sedakova: stihi, smy'sly', prochteniya [Olga Sedakova: poems, meanings, readings]. Moscow, Novoe literarurnoe obozrenie. (In Russian).
9. Sinel'nikova L.N. (2019). Stihotvornyj tekst: mezhdisciplinarnaya interpretaciya [Poetic text: interdisciplinary interpretation]. Moscow (In Russian).
10. Sklyarov O.N. (2014). «V zagovore protiv pustoty' i neby'tiya». Neotradicionalizm v russkoj literature XX veka ["In a conspiracy against emptiness and non-existence". Neotraditionalism in Russian literature of the XX century]. Moscow (In Russian).
11. Tyupa V.I. (1995). Neotradicionalizm, ili chetyrotyo'j postsimvolizm [Neotraditionalism, or the fourth post-symbolism] // Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury', Moscow, pp. 13–19. (In Russian).
12. Tyupa V.I. (2024). Teoriya literatury' [Theory of literature]. Moscow, RGGU. (In Russian).

13. Xalfin Yu.A. (2009) «Ranyashhij sad mirozdan'ya». O poe'zii Ol'gi Sedakovoj ["The wounding garden of the universe". About the poetry of Olga Sedakova]. Literatura, vol. 5, pp. 34–38 (In Russian).
14. Shmitt, A. (2022), K izucheniyu idiostilya O. Sedakovoj [To study the idiom of O. Sedakova]. Trudy' Instituta russkogo yazy'ka im. V.V. Vinogradova, vol. 1, pp. 314–322. (In Russian).

Поступила в редакцию 08.02.2025 г.

"THE HEALING TISSUE THAT CLINGS TO KNOWLEDGE": EXPERIENCE OF READING "SECOND NOTEBOOK" CYCLE BY O.A. SEDAKOVA

D.O. Kotomtsev

"Second Notebook" by O.A. Sedakova is a cycle of meditative poems based on a liminal plot. The cycle is full of existential reflections on the relationship between man and the universe on the threshold of an unknown and inescapable otherworldliness. The intellectualism of lyrical statement is caused by questioning God and an attempt to comprehend the relationship between earthly and heavenly. The rhythmotectonics of the cycle is based on free verse, which expands the syntactic, rhythmic, and strophic possibilities. At the centre of the cycle's architecture is the interweaving of value orientations. Each poem creates a special "transitional" locus, being in which, as a result of an experience or act, leads to a spiritual revelation. Revelation makes it possible to realize the value of life and the transition to another existence. The ontological tragedy of death is overcome by the realization of death as a stage on the path to eternity and being near God.

Key words: philosophical and religious motifs, lyrical cycle, liminal plot, "transitivity", locus, death, otherworldliness.

Котомцев Дмитрий Олегович.

Луганский государственный педагогический

университет, г. Луганск, Российская Федерация.

Аспирант, ассистент кафедры русской и мировой

литературы.

ORCID 0009-0003-8882-3510.

E-mail: dima_kot_94@mail.ru

Kotomtsev Dmitry Olegovich.

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk,

Russian Federation.

Postgraduate student, assistant at Department of Russian

and World Literature.

ORCID 0009-0003-8882-3510.

E-mail: dima_kot_94@mail.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.15110962

МИР ПРОВИНЦИИ В РОМАНЕ А.И. ЭРТЕЛЯ
«ГАРДЕНИНЫ, ИХ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ»

© 2025 Т.А. Смольянинова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

ORCID 0009-0009-7436-8565

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена анализу романа А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» в рамках социокультурной и исторической перспективы. Роман Эртеля рассматривается в статье как одно из ключевых произведений русской литературы конца XIX века, посвященных провинциальной тематике. В работе исследуется, как именно в романе отражены социальные проблемы и внутренние конфликты российского провинциального общества того времени, а также как Эртель передает атмосферу общественного упадка и кризиса, вызванных реформами, особенно сильно повлиявших на жизнь провинции и крестьянства. Уникальность романа заключается в глубоком анализе причин и последствий этих изменений, а также в создании сложных и многогранных образов героев, представляющих разные слои общества. Особое внимание в работе уделено анализу биографического и идеологического контекста, представлены фрагменты выдержки из личной переписки Эртеля, позволяющие более детально определить личностное отношение автора к описываемым им событиям.

Ключевые слова: Эртель, провинциальный текст, провинция, усадьба, крестьянство, дворянство, реформа, кризис, социальные проблемы, ценности.

Для цитирования: Смольянинова Т.А. Мир провинции в романе А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» / Т.А. Смольянинова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 170–179. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15110962>.

Введение. Русская литература XIX века изобилует столичными сюжетами, созданных великими мастерами слова, такими как, например, Н.В. Гоголь («Петербургские повести»¹³), Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание»), Л.Н. Толстой («Анна Каренина») и многие др. Однако не менее значимы произведения, вдохновленные российской провинцией. Более того, такие произведения позволяют глубже проникнуть в душу народа, понять его быт, нравы, психологию, а кроме того, существенно дополняют опыт художественного осмысления российской действительности. Одной из наиболее ярких иллюстраций подобного «провинциального» сюжета является роман уроженца Воронежской губернии Александра Ивановича Эртеля (1855–1908) «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889).

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил роман А.И. Эртеля «Гарденины», эпистолярное наследие писателя, критические работы современников.

¹³ За исключением повести «Коляска».

Основными методами, используемыми в работе над данной статьей, стали историко-литературный и библиографический методы.

Историко-литературный метод в работе над текстом данной статьи, использовался, в первую очередь, для изучения романа А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» в широком контексте исторической и культурной обстановки России XIX века. Данный подход предполагает рассмотрение произведения как части литературного процесса, находящегося под влиянием определенных исторических событий и социальных изменений.

Описываемый метод включил в себя следующие этапы.

1) Анализ исторического фона, в котором создавалось произведение. В данном случае речь идет о периоде после отмены крепостного права в 1861 году, когда Россия пережила значительные социальные и экономические преобразования. Эти изменения нашли отражение в литературе того времени, и роман Эртеля не стал исключением.

2) Исследование взаимосвязей между литературными явлениями и историческими событиями. Например, рассматривается влияние народнического движения на творчество Эртеля, а также реакция писателя на проводимые реформы и их последствия для провинциальной жизни.

3) Сопоставление романа с другими произведениями русской литературы того периода, которые также освещали тему социальных изменений и появление «нового человека». Это позволяет увидеть, как «Гарденины» вписываются в общий литературный процесс и какие уникальные аспекты они добавляют к этому направлению.

Биографический метод был применен в работе над статьей для того, чтобы творчество А.И. Эртеля могло быть рассмотрено в свете его личного опыта и убеждений.

В работе с данным методом исследования, особое внимание было уделено:

- использованию писем, дневников и воспоминаний Эртеля для лучшего понимания его взглядов на жизнь и творчество;

- анализу того, как личные переживания и впечатления автора повлияли на создание тех или иных образов и сюжетных линий в романе;

- выявлению автобиографических черт в персонажах и ситуациях романа. Так, отмечается наличие мнения некоторых исследователей о сходстве между главным героем Николаем Рахмановым и самим автором, что добавляет глубины интерпретации произведения.

Основная часть. Становление А.И. Эртеля как писателя приходится на конец XIX века. В 1870-х годах, в наиболее мрачную пору развития русской общественной жизни [6], он публикует свои первые рассказы и очерки (рассказ «Переселенцы» – 1878 год; очерк «Письма из Усманского уезда» – начало 1880-х годов), в которых уже в достаточной мере отражена жизнь русского народа из глубинки. Мир провинции Эртеля показан весьма разнообразно – от жизни провинциального мещанина до быта крестьянина. «Внестоличная» жизнь предстает перед читателем в полном объеме социальных проблем и внутренних конфликтов. При этом Эртель не является неким подобием писателей-бытовиков: он создает полноценную картину жизни провинции, включающую в себя не только социальный аспект, но и мир природы этого пространства.

На этапе становления и на протяжении дальнейшего творческого пути, Эртель, в первую очередь, поднимает темы социальной справедливости, неравенства и тех трудностей, с которыми ежедневно сталкиваются жители провинции, зачастую лишенные должного внимания и заботы со стороны центральных властей. Причина этого акцента во многом коренится в его общественных воззрениях, которые формировались

под влиянием масштабных социальных изменений и бурных событий того времени. На его творчество, как и в случае с другими писателями того периода (В.Г. Короленко, В.М. Гаршин, А.П. Чехов) оказало чрезвычайно сильное влияние народническое движение. Это движение стремилось привлечь внимание к проблемам простых людей и показать их страдания, которые порой оставались незамеченными в рамках общепринятых литературных канонов.

Во многом такой интерес к социальной тематике был обусловлен социокультурной ситуацией второй половины XIX столетия, характеризовавшейся глубокими переменами и неуверенностью в завтрашнем дне. Этот период был временем, когда вопросы о социальной справедливости и благосостоянии простого народа становились все более актуальными. Важным фактором, способствовавшим формированию этой тенденции в писательстве, было обострение классовых противоречий, массовые протесты и восстания, а также активизация интеллигенции, стремившейся осмыслить и отразить в своих произведениях реалии времени. Писатели находили в социальной действительности множество сюжетов и тем, предлагая читателям более глубокое понимание проблем, с которыми сталкиваются разные слои населения, и тем самым способствуя общемировому дискурсу о праве на достойную жизнь и уважение к человеку труда.

На глазах у молодого поколения писателей-разночинцев, реформы 1860-х годов, включая отмену крепостного права (1861 г.), привели к колоссальным изменениям в жизни крестьянства. Общество, долгое время страдавшее, под гнетом крепостного права, наконец-то получило долгожданные «свободы», однако вместе с тем столкнулось с новыми, не менее отягощающими, трудностями. В первую очередь, нехватка земли стала серьезным препятствием для эффективного ведения хозяйства. Хотя крестьяне получили возможность самостоятельно распоряжаться своим трудом, их экономическое положение стало куда более затруднительным.

Недостаток земельных наделов, острое ощущение безысходности и постоянные финансовые трудности привели к тому, что многие крестьяне оказались в зависимости от мелких кредиторов и ростовщиков, которые, в свою очередь, нередко эксплуатировали их уязвимость. К тому же, скорость изменений в социально экономическом укладе была непосильна для большинства, и отсутствие какой-либо четкой государственной политики, направленной на поддержку перераспределения земель, усугубило ситуацию. Постепенно стало очевидно, что проведенные реформы в рамках крестьянского вопроса не только не решили все ранее известные проблемы, но и вызвали множество новых конфликтов между помещиками и крестьянами.

Замечая углубляющуюся пропасть между различными социальными группами, крестьянство начало осознавать свою обездоленность и несправедливость окружающего мира. Это подстегнуло рост общественной активности и пробуждение нетипичных политических взглядов, что привело к возникновению более радикальных настроений в обществе. Идеи народничества, которые на первых порах воплощали надежды на изменение состояния дел, привели к формированию концепций «народовольчества», призывающим к активным действиям против существующего порядка. Эти идеологии не только стали основой для движения против власти, но и отразили стремление простого народа к социальной справедливости и переменам, которые, казалось, были неизбежны в условиях нарастающего недовольства.

На фоне происходящих событий, Эртель всегда оставался человеком, близким к народу. Как писал он сам: «Я был свой человек в застольной, в конюшнях, в деревне, "на улице", на посиделках, на свадьбах, – везде, где собирался молодой деревенский народ.

Я был в их глазах "Шаша" и "Сашка", но отнюдь не сын управлятеля и не Ал. Ив-ч. У меня были особенные друзья между деревенскими парнями...» [15, с. 12.] Учитывая этот биографический факт, неудивительно, что писатель очень живо и трепетно переживал события, происходившие в тот период. Имея достаточно прогрессивные взгляды и способность к критическому осмыслению окружающей действительности, Эртель видел в реформах и фундаментальных переменах возможности для улучшения жизни народа и создания более справедливого общества. Однако реальность оказалась гораздо сложнее, чем ожидалось. Многие обещания остались невыполнеными, а крестьяне продолжали страдать от нищеты и несправедливости. «Русский мужик», работящий, праведный, милосердный так и остался самым незащищенным существом на родной земле.

Острые и болезненные переживания становятся фундаментом для многих вышедших из-под пера Эртеля текстов 1870–1900-х годов. И все же не каждый из них фиксирует непосредственно переходный период жизни русской провинции. Уникальным, в этом отношении, становится роман «Гарденины». Основанный на разочарованиях и тяжелых раздумьях, он является собой попытку осмыслить неустойчивый, смутный период. Эртель мастерски передает атмосферу упадка и кризиса, охватившего российское общество после реформ, особенно ярко проявившиеся в жизни провинции и крестьянства. Он показывает, как старые порядки рушатся, а новые ещё не успевают утвердиться, оставляя людей в состоянии неопределенности и тревоги.

В письме к редактору журнала «Русская мысль» В.А. Гольцеву сам Эртель отмечал, что тогда ему хотелось изобразить в романе тот период общественного сознания, когда перерождаются понятия, видоизменяются верования, когда новые формы общественности могущественнодвигают рост критического отношения к жизни, когда пускает ростки иное мировоззрение, почти противоположное первоначальному [15, с. 172].

Этот замысел воплощен в романе «Гарденины» с особой полнотой. Центральное место в произведении занимают персонажи, представляющие различные слои общества, каждый из которых испытывает собственные трудности и противоречия в условиях стремительно меняющегося мира.

Роман представляет читателю дворянскую семью Гардениных, однако основополагающее значение в произведении приобретает изображение народного быта.

Эртель детально и точно воспроизводит жизнь гарденинской дворни и крестьян деревни, бывших, еще совсем недавно, крепостными. В этом уединенном уголке о реформах и «новом миропорядке» слышали лишь отдаленно. Жители усадьбы в разговорах между собой часто произносят «Слыхал? По новому-то порядку...» [14, с. 140]; «Ноне драться не велено!» [14, с. 477]; «В солдаты нельзя, бабу выпороть – нельзя!» [14, с. 196]. В имении Гардениных еще свежи крепостнические нравы и патриархальные взаимоотношения. Крестьяне полностью зависимы от усадьбы, существование которой, в свою очередь, поддерживается их трудом. Татьяна Ивановна Гарденина все еще ощущает себя полноправной владелицей людей на принадлежащей ей земле. Она распоряжается слугами и крестьянами в рамках привычного статуса помещицы. В двойственном положении остаются и ее «подчиненные». Привыкшие к угнетению и зависимости люди настолько не в состоянии представить себе иную, свободную жизнь, что скорее принимают новые порядки за «ввшедшее в моду» веяние, отголосок столичной жизни, чем за новую норму.

Однако, несмотря на внешнюю покорность и принятие неизменности, в душах подневольных людей зарождаются семена сомнений. Постепенно становится ясна вся несправедливость их положения. Бунтует молодое поколение – уезжает из усадьбы, отказываясь продолжать дело отца, сын конюшего Ефрем Капитоныч. Задается

вопросами о вере и благочестии сын управляющего поместьем, Николай Рахманный. Бунтуют и старшие – сын местного старосты, Андрон Евсеевич планирует подрядиться в артель и отделяется от отца. Среди народа появляются размышления об обучении и необходимости образования. И хотя центральный локус романа, Гарденино, представляет собой изолированный от «большого мира» микромир, провинциальное захолустье, до него все равно доносятся отзвуки реформ.

Эртель постепенно и обстоятельно знакомит читателя с жизнью усадьбы. Он пытается тщательно проанализировать причины и цели происходящего здесь, а значит, происходящего и во всей стране. Существование Гарденина организовывается особым образом. Время и пространство не всегда воспринимаются здесь единым целым. Хронотоп романа расширяется по мере движения сюжета: читатель знакомится не только с настоящим жителей усадьбы, но и с их прошлым. История коннозаводского дела и становления Гарденина знакомит с традициями и особенностями жизни сообщества, сформировавшимися на протяжении десятилетий. Так, например, Эртель детально описывает, как коннозаводство стало неотъемлемой частью жизни усадьбы, в которую вовлечена абсолютно вся дворня: «*Ранним майским утром запрягли телегу с "креслами", вывели Кролика, облачили его совсем с головою в щегольскую полотняную попону с вышитыми гербами господ Гардениных... Вся дворня собралась около телеги; помолились; Капитон Аверьяныч взволнованным голосом сказал последнее напутствие, нежно потрепал Кролика, обошел еще раз вокруг высоко нагруженной телеги и, наконец, выговорил: "Ну, с Богом!" Когда выехали со двора, показалось солнце. Ослепительные лучи брызнули на толпу...*» [14, с. 360].

Кроме того, Эртель позволяет читателю заглянуть и в намеченное будущее усадьбы, выраженное в словах и планах нового управлятеля Переверзева: «*Хозяйство интенсивное, с батраками и машинами; сыроварение, винокурня, молочный скот; лес вырублен, но есть признаки, что можно найти торф; крестьяне в высшей степени распущены "прежним режимом", но непрестанно вводятся в нормы действующего права посредством процессов и домашних взысканий*» [14, с. 592]; «*Яков Ильич уехал выхлопотал разрешение устроить ссудо-сберегательное товарищество*» [14, с. 531]. Очевидно, в усадьбе будет сформирован новый уклад – в духе капиталистических идей.

Ярчайшим воплощением этого «нового уклада» является сам новый управлятель поместья, которому Эртель дает критическую для него характеристику – *европеец*. В персонаже Якова Ильича Переверзева сосредоточены все разрушительные силы нового времени. Этот «новый» управлятель – человек, обладающий значительной властью и влиянием. Он является типичным представителем нового типа предпринимателей, появившихся в России именно после отмены крепостного права. Яков Ильич занимается торговлей и спекуляциями, наживаясь на трудностях и слабостях людей. Он выходец из низшего сословия, но при этом он не привязан к нему. Он отрицает традиционные уклады и нормы поведения. Главная цель этого человека – успех начатого предприятия. Ему чужды сентиментальность и романтические иллюзии прошлого. Вместо этого он руководствуется холодным расчетом и стремлением к материальной выгоде. Такой «новый» человек не признает авторитетов и традиций. Он считает себя хозяином своей судьбы и не нуждается в поддержке окружающих. Однако, в этой гонке он не всегда осознает риска потерять самого себя – утратить связь с истинными человеческими чувствами и ценностями.

Эртель не был первым писателем России, кто обратил своё внимание на образ «нового человека». Этот тип героя, хотя еще и не обрел своей каноничной интерпретации, уже с XVII века занимал важное место в русской литературе. Свое

первое воплощение (1820–1830-е годы) характер получает в лице романтика-идеалиста, ищущего свободы, но сталкивающегося с противоречиями реальной жизни в творчестве А.С. Пушкина («Евгений Онегин» – Евгений Онегин) и М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени» – Григорий Печорин). Продолжает развитие данный тип (1840-е годы), трансформируясь в «лишнего человека» в работах А.С. Грибоедова («Горе от ума» – Александр Чацкий) и И.С. Тургенева («Рудин» – Дмитрий Рудин). Свое логическое продолжение «новый человек» получает в 1860-х, уже в образе нигилиста и революционера. Здесь представлен не «лишний человек», а активный деятель, который стремится к изменению общества. Данный типаж исследуется в творчестве И.А. Гончарова («Обломов»), продолжает развитие у И.С. Тургенева и достигает апогея у Н.Г. Чернышевского («Что делать?»).

Однако в произведениях, созданных на рубеже переломного 1861 года, характеристики «нового человека» были во многом абстрактными и утопическими. Писатели того периода, хотя и стремились зафиксировать социальные проблемы своего времени и наметить контуры «человека-реформатора», всё же не могли избежать идеализации в этом процессе. Их герои часто существовали скорее в мире идей, чем в реальности, и это приводило к определённой двойственности в их изображении.

В романе И.А. Гончарова «Обломов» характер «нового человека» воплощён в Андрее Штольце – в деятельном, энергичном и прагматичном герое, противопоставляемом Илье Обломову. Штольц олицетворяет стремление к прогрессу и образованию. Однако портрет его личности не лишен некоторой идеализации: Штольц предстаёт почти совершенным человеком без внутренних противоречий. Вместе с тем в его личности прослеживаются и менее утопические черты. Живя по принципам расчёта и логики, Штольц становится эмоционально холодным и отстраненным. Его виденье мира лишено романтики и глубины, что особенно заметно в отношениях с Обломовым и Ольгой. Штольц не способен понять душевные терзания Обломова, сводя их к лени и безволию. Для него жизнь – это путь к материальному благополучию и социальному успеху, а его идеалы ограничиваются практической пользой, и направленностью исключительно на внешние достижения.

В творчестве И.С. Тургенева образ «нового человека» эволюционирует от Дмитрия Рудина, неспособного к действию интеллектуала и философа, до Евгения Базарова – деятельного, но трагического героя. В романе «Отцы и дети» Тургенев представляет «нового человека» нового поколения, который уже не ограничивается словами, а стремится к активному действию. Однако нигилизм, прагматизм Базарова и его отрицание традиционных ценностей не находят путей воплощения в реальности. Его попытка построить «новый мир» на разрушении идеалов прошлого оказывается бесплодной и обречённой на провал. Базаров, несмотря на свою энергию и целеустремлённость, не может стать идеалом своего времени.

В романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» образ «нового человека» достигает своей кульминации в лице Рахметова – революционера-аскета, готового на жертвы ради идеалов равенства и справедливости. Рахметов полностью посвящает себя борьбе за лучшее будущее, отказываясь от личного комфорта и счастья. Его характер символизирует высшую степень самоотверженности и целеустремлённости, однако он предстаёт скорее идеализированной фигурой, чем реальным человеком. Его фанатичная преданность идеи делает его почти бездушным, лишённым эмоций и человеческих слабостей. Такой «идеал», в своей сущности, неестественен и недостижим в реальной жизни.

Склонность «нового человека» к радикализму, пренебрежение моральными ценностями, бездуховность, отстраненность и стремление к атомизации настораживает

Эртеля в его стремлении исследовать данный тип личности. Именно в «Гардениных» хорошо виден контраст между старыми порядками и обновленной моралью. Однако, это «обновление», построенное на разрушении всех устоев, ведет провинциального человека, скорее, не к духовному преображению, а к личностному разложению. Имея перед глазами опыт почти тридцати лет после отмены крепостного права, Эртель делает вполне определенные выводы о том, как стремление к прогрессу ради прогресса обходится слишком дорогой ценой. Если прежние порядки, несмотря на свои недостатки, создавали некоторую моральную основу и крепкие связи между людьми, то новые идеалы кажутся поверхностными, эгоистичными и далекими от истинных и естественных человеческих отношений. Эртель в своем романе наглядно показывает, как ценности, которые когда-то объединяли людей, размываются под напором новых социальных механизмов.

В фокусе данного восприятия Эртелем современной действительности, нельзя оставить в стороне тот факт, что на протяжении всего творческого пути писатель боролся с причислением себя к писателям-народникам. Свою борьбу он продолжает и на страницах «Гардениных». Один из наиболее ярких женских образов романа, народница Вера Турчанинова, является истинным воплощением видения данного идеологического направления Эртелем. Если поначалу она – ярая пропагандистка, готовая самолично отстраивать школу в отдаленном, заброшенном селе, то к концу романа Вера забывает об идеях, некогда питавших ее. Девушка превращается в «нервическую и довольно пустую особу» [14, с. 588], чей круг интересов сужается до выбора нового туалета и дорогого курорта. Такое отношение автора к персонажу обусловлено, во многом, личным понимание «народничества» Эртелем. По мнению писателя, идеиный пафос борьбы за крестьянскую демократию [12, с. 134] имел мало общего с действительным пониманием состояния народа: «я осознаю в сильной степени средство свое с народом. И это отнюдь не потому, что у меня община и артель, а просто оттого, отчего шире и вольнее подымается грудь, когда выйдешь из театра, где пела Патти, на чистый воздух. Хорошо поет Патти, пленительны чары искусства, красивы костюмы и декорации, и наряженные люди в ложах, весело сверкают огни и брильянты, а все-таки как **неизмеримо** лучшее и **правдивее** здесь на свежем воздухе, в виду ясных звезд, под этим дыханием ветра, в этом царстве тишины и захватывающего простора. Не выведите отсюда, что я "народник". Отнюдь нет. Народничество держится на трех китах: долг, расплата и обязанности. Оных китов я отвергаю... Я просто испытываю величайшее художественное наслаждение и душевный отдых в условиях крестьянской **здоровой** жизни, т.е. когда она **здрава**, что, конечно, бывает не весьма часто» [15, с. 248–249].

Поэтому центральным образом романа становится Николай Рахманный. Несмотря на то, что юноша прельщается речами пустослова и самодура купца Лиходеева, такой тип интеллигента идеино намного ближе самому Эртелю. Именно через оценку этим молодым человеком многих событий «Гардениных» читатель получает возможность пронаблюдать за оценкой ситуации самим Эртелем.

В образе этого юноши, безусловно, угадываются автобиографические черты писателя, однако он представляет собой, в первую очередь, голос поколения с идеалистическими взглядами на жизнь и стремящегося к переменам. При этом формирование мировоззрения этого поколения происходило в условиях идеологических противоречий, возникших среди распадающегося, исчезающего дворянства, поднимающей голову буржуазии и теряющего всякие скрепы крестьянства.

Рахманнй наблюдал, как пока одни искали пути к успокоению в трудах и упорстве, другие погружались в бездну отчаяния, потеряв смысл жизни в условиях неустойчивости и неконтролируемых перемен. В finale романа уже женатый Николай, отец пятерых детей, размышляет об этом в разговоре со своим бывшим помешником, Рафаилом Гардениным. Рахманнй, после многочисленных жизненных испытаний и после долгого наблюдения за окружающими его людьми, по приезде в родную усадьбу, где теперь не осталось ни одного знакомого лица и исчезло все, некогда родное сердцу, приходит к простому, но очень важному для себя выводу – без личной заинтересованности в любом деле, без отягощения заботами и созиданием жизни, человек теряется и сникает. В нем не остается стремления искать свое новое место. Вопросы, на которые невозможно найти ответ одолевают сметенное сознание: «*первое лекарство от этого – хомут... То есть от мыслей таких лекарство*»; «*Тяготу нужно брать на себя; не баловаться... И вот как вляжешь в хомут-то по совести, ан и не полезет в голову "зачем" да "для чего"...* И это правильно...»; «*Поставьте себя в необходимость думать о куске хлебы... Женитесь... Имейте, как я, пятерых детей... Будьте в касательстве с темным и бедным людом, да при том не забудьте откликаться на общественные вопросы... Вот вам и хомут-с!*» [14, с. 589–590].

При этом Николая Рахманнного все же нельзя отождествлять с самим Эртельем. Мысли персонажа хотя и наполнены созидательным смыслом и во многом схожи с позициями писателя, все же, в первую очередь, воплощают собой узнаваемые черты либеральной интеллигенции того периода, что не перекликалось с настроениями Эртеля. Рахманнй сумел найти свое место в мире, пройдя через все сложности и опасности переходного, шаткого периода перерождения государства, и за это Эртель уважает своего героя, однако он признает и узость взглядов и молодого, и повзрослевшего Николая. Эртель еще не раз, после завершения работы над романом скажет о том, что Рахманнй не является и персонажем-идеалом.

Писатель не разделяет исключительности надежд Николая «на силу типографской краски» [14, с. 364]. Сам Эртель писал: «*Рахманные отнюдь не красны*» [13, с. 18]. Давая характеристику своим персонажам, писатель отмечал: «не ищите в "Гардениных" воплощения "идеалов". Этого там нет. Я просто старался описать наличную действительность с ее идейными течениями, с тем, хотя и смутным, но несомненно существующим стремлением к правде, которая оживотворяет нашу деревенскую нищету, забитость, невежество... Идеал мой не в Николае и не в других персонажах романа, а в том, что "все-таки вертится"» [13, с. 39].

И все же именно этот человек, сын некогда управляющего усадьбой, Николай Рахманнй, становится надеждой «человека из народа». Он сумел приспособиться и принять изменившийся миропорядок. Основы нравственности и стойкости, заложенные самой окружающей действительностью провинциального мира, остались незыблемыми для него. Несмотря на внешние перемены, внутренние ценности остаются неизменными. В этом смысле Рахманнй воплощает собой идею о том, что истинная сила человека заключается в его способности сохранять чистоту и непорочность души в наихудших условиях.

Образ Николая Рахманнного служит своеобразным мостом между устойчивыми нравственными началами и меняющимся обществом, в котором новому, «свободному» человеку только предстоит найти себя и свое место. В «Гардениных» Эртель детально и с большой любовью изображает мысли, чувства, верования и предрассудки этого «свободного» человека. Хотя в своих письмах и заметках после публикации романа автор романа часто акцентировал внимание, в первую очередь, на обозначенных в тексте новых тенденциях духовной жизни общества в целом, основное внимание в

произведении все же уделено именно медленной, но неизбежной трансформации поместьческого хозяйства в буржуазное вместе со всеми участниками этого мрачного процесса. Именно в этом историческом контексте раскрываются главные особенности характеров персонажей, их чаяния, трагедии и надежды.

Заключение. Роман А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» представляет собой важное явление в русской литературе конца XIX столетия. Анализ социального и культурного контекста романа ярко показывает – произведение глубоко исследует проблемы провинциальной жизни и социальные преобразования, вызванные реформами того времени. При этом реалистично передавая атмосферу упадка и кризиса, возникающего на фоне перехода от устаревших порядков к еще не оформленвшимся, новым, Эртель не ограничивается описанием текущих социальных процессов, но и исследует их причины последствия. Неоднократно роман отсылает читателя к необходимости осознать и понять актуальность происходящего. Сам писатель так же пытается найти ответ на вопрос о том, была ли цель у всего случившегося и, если да, то насколько и чем она была оправдана.

В ходе работы в области библиографического анализа были сделаны выводы о том, что личные переживания и убеждения Эртеля оказали значительное влияние на его творчество, в целом, и на роман «Гарденины», в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева Т.В. Понятие правды у Эртеля / Т.В. Артемьева // Новый филологический вестник. – 2020. – №1 (52). – С. 107–117.
2. Архангельская В.К. Александр Иванович Эртель – фольклорист / В.К. Архангельская // Вопросы литературы и фольклора. – Воронеж, 1972. – С. 145–160.
3. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 544–581.
4. Громыко М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М. : РГБ, 1991. – С. 146–182.
5. Зайонц Л.О. «Провинция» как термин / Л.О. Зайонц // Русская провинция: миф – текст – реальность. – М., СПб. : Петербург. – 2000. – С. 12–19.
6. Костин Г.А. Александр Иванович Эртель: Критико-биографический очерк, / Г.А. Костин // История русской литературы: В X т. – М., Л. : АН СССР. – 1941–1956. – т. IV – С. 96–112.
7. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – С. 30–36.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Раздумья о России. – СПб., 1999. – С. 458–470.
9. Семенов А.Н. Художественное пространство и художественное время / А.Н. Семенов // Слово. Текст. Контекст. – Сургут : СГПУ, 2020. – С. 103–116.
10. Эртнер Е.Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы / Е.Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 6–12.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Короленко В.Г. Избранные письма, т. III / В.Г. Короленко. – М. : Гослитиздат, 1936. – С. 184 – 201.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1949–1992. – С. 134.
13. Эртель А.И. Письма / А.И. Эртель // Архив государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. – № 4. – ед. хр. 24. – п. 2, 25, 26.
14. Эртель А.И. Гарденины: их дворня, приверженцы и враги: роман в двух частях / А.И. Эртель // М. : Гослитиздат, 1951. – 624 с.
15. Эртель А.И. Письма / Под ред. и с предисл. М.О. Гершензона. – М. : РГБ, 1909. – 409 с.
16. Эртель А.И. Собрание сочинений, т. I / А.И. Эртель. – М. : 1918. – Электронная копия фрагмента (дата обращения: 25.08.2024).

REFERENCES

1. Artem'eva T.V. (2020). Ponyatie pravdy' u E'r-telya [Ertel's concept of the truth]. Novy'j filologicheskij vestnik, 52, (pp. 107–117) (In Russian).

2. Arxangel'skaya V.K. (1972). A.I. E'rtel' – fol'klorist [Alexander Ivanovich Ertel – folklorist]. Voprosy literatury i fol'klora (pp. 145–160) (In Russian).
3. Baxtin M.M. (1986). Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary and critical articles]. Moscow: Xudozhestvennaya literatura, (pp. 544–581) (In Russian).
4. Gromyko M.M. (1991). Mir russkoj derevni [The world of the Russian village]. Moscow: Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka, (pp. 146–182) (In Russian).
5. Zajonch L.O. (2000). «Provinciya» kak termin ["Province" as a term] in Russkaya provinciya: mif – tekst – real'nost' [Russian province: myth – text – reality]. Peterburgskoe vostokovedenie, (pp. 12–19) (In Russian).
6. Kostin G.A. (1941–1956). Aleksandr Ivanovich E'rtel' Kritiko-biograficheskij ocherk, tom IV [Alexander Ivanovich Ertel Critical and biographical essay, vol. IV] in Istorya russkoj literatury: V 10 tomax [Russian Russian Literature History: In 10 volumes]. Akademija nauk SSSR, (pp. 96–112). (In Russian).
7. Kuxarenko V.A. (1988). Interpretaciya teksta [Interpretation of the text]. Moscow: Prosveshhenie, (pp. 30–36) (In Russian).
8. Lixachev D.S. (1999). Konceptosfera russkogo yazy'ka [The conceptual sphere of the Russian language] in Razdum'ya o Rossii [Reflections on Russia]. Sankt-Peterburg, (pp. 458–470) (In Russian).
9. Semenov A.N. (2020). Xudozhestvennoe prostranstvo i xudozhestvennoe vremya [Artistic space and artistic time] in Slovo. Tekst. Kontekst [The word. The text. The context]. Surgut: SGPU, (pp. 103–116) (In Russian).
10. E'rtner E.N. (2011). Geokul'turnyj podxod k issledovaniyu prostranstvennoj obraznosti russkoj literatury [Geocultural approach to the study of spatial imagery of Russian literature]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 1, (pp. 6–12) (In Russian).

Поступила в редакцию 19.01.2025 г.

PROVINCE WORLD IN NOVEL “THE GARDENINS, THEIR SERFS, ADHERENTS AND ENEMIES” BY A.I. ERTEL

T.A. Smolyaninova

The article deals with the analysis of the novel “The Gardenins, their serfs, adherents and enemies” by A.I. Ertel within the framework of a socio-cultural and historical perspective. The novel by A.I. Ertel is considered in the article as one of the key works of Russian provincial literature of the late 19th century devoted to provincial themes. The focus is made on the reflection in the novel of the social problems and internal conflicts of Russian provincial society at that time. The author considers the way A.I. Ertel conveys the atmosphere of decline and crisis caused by the reforms, which were especially pronounced in the life of the province and the peasantry. The article highlights the uniqueness of the novel, which consists in a deep analysis of the causes and consequences of these changes, as well as in creating complex and multifaceted images of characters representing different strata of society. A special attention is paid to the analysis of the biographical and ideological context. Excerpts from A.I. Ertel's personal correspondence are presented. It enables to determine in greater detail the author's personal attitude to the events described by him.

Key words: Ertel, provincial text, province, estate, peasantry, nobility, reform, crisis, social problems, values.

Смольянинова Татьяна Александровна.
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-
Шанского.
Аспирант.
ORCID 0009-0009-7436-8565
E-mail: tasmln@bk.ru.

Smolyaninova Tatyana Aleksandrovna.
Lipetsk State Pedagogical University named after
P.P. Semenov-Tyan-Shansky.
Postgraduate Student.

ORCID 0009-0009-7436-8565
E-mail: tasmln@bk.ru.

Научная статья
УДК 070.1+323.21
DOI: 10.5281/zenodo.15109665

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ВИЗУАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ ПАТРИОТИЗМА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И НА МЕДИАПЛАТФОРМАХ

© 2025 A.A. Сорокин

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы» при Президенте Российской Федерации

ORCID: 0000-0002-2432-4179

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья рассматривает трансформацию патриотического дискурса в цифровом пространстве. Автор анализирует, как социальные сети и медиаплатформы способствуют формированию патриотических настроений, используя специфические семантические конструкции и визуальные символы. Исследование опирается на примеры контента, включающего государственные символы, цитаты исторических деятелей, а также популярные лозунги и хештеги. В работе выделены ключевые паттерны патриотического дискурса, такие как бинарная оппозиция «свои – чужие», использование эмоционально окрашенной лексики, а также распространение патриотического контента через вирусные механизмы, включая мемы и флешмобы. Автор подчеркивает, что современные медиа позволяют не только транслировать официальную идеологию, но и формировать альтернативные интерпретации патриотизма, создавая различные общественные группы и сообщества. Выводы исследования демонстрируют, что цифровая среда не только усиливает патриотические нарративы, но и изменяет их восприятие за счет новых коммуникационных инструментов. Это подтверждается статистическими данными о вовлеченности пользователей, росте патриотической риторики и изменении механизмов распространения патриотического контента.

Ключевые слова: патриотизм, социальные сети, новые медиа, блоги, семантические паттерны, онлайн-среда, национальная идея, историческая память, медиадискурс.

Для цитирования: Сорокин А.А. Семантические и визуальные паттерны патриотизма в социальных сетях и медиаплатформах / А.А. Сорокин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 180–190. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15109665>.

Введение. Новые медиа, к которым исследователи относят социальные сети, и блоги, и различные медиаплатформы [1], в последние годы приобрели значительное влияние в современной информационной среде. Если ранее использование контента из социальных сетей в официальных средствах массовой информации воспринималось как неуместное, то в настоящее время ссылки на личные блоги, аккаунты политиков, общественных деятелей и журналистов становятся одним из ключевых источников информации для традиционных медиа и новостных агентств [4; 12].

Современные технологии кардинально изменили способы трансляции информации. Доминирование новых медиа в информационном пространстве обусловлено рядом ключевых факторов, среди которых, во-первых, интерактивность, позволяющая пользователям не только реагировать на представленный контент, но и активно участвовать в формировании информационной повестки; во-вторых, оперативность, дающая медиа возможность распространять информацию в реальном времени. Важно отметить еще одну характеристику распространения информации в

цифровом пространстве – мультиплатформенность: адресант размещает текст сразу на нескольких ресурсах, что позволяет адресатам получать доступ к нему с устройств различных типов (компьютеров, телефонов, планшетов и т.д.).

Исследователи И.В. Бирюлин и Ю.В. Сорокина [3, с. 191–199] отмечают, что «вертикальная» государственная информационная система переходит в «горизонтальную» общественную, таким образом преобразуя общий медийный ландшафт.

Эти процессы привели к трансформации традиционных механизмов распространения информации и семантических паттернов основных тем, доминирующих в общественной повестке. Одним из самых актуальных на сегодняшний день является семантическое поле понятия *патриотизм*.

Несмотря на широкое использования понятия *патриотизм* в медиадискурсе, в государственной и социальной сфере, некоторые исследователи указывают на сложность научного определения патриотизма [6; 7; 8], так как это понятие имеет идеологическую нагрузку. А кроме того, в истории и нашей страны, и других стран понятие *патриотизм* не раз использовалось различными политическими и общественными деятелями для манипуляции общественным сознанием [10].

Одной из нейтральных коннотаций может быть рассмотрение патриотизма как выражения социальной солидарности. Он символизирует единство личности с социальной системой на основе устойчивых социальных ценностей. Такой подход можно увидеть в работах таких теоретиков, как Эмиль Дюркгейм [5] и Талкотт Парсонс [11], которые связывали социальные ценности с обеспечением порядка и интеграции в обществе.

Кроме того, феномен патриотизма важно рассматривать в контексте групповой идентичности, где обобщенные понятия *мы, наши* становятся ключевым элементом формирования патриотического сознания. В этом контексте становится понятной сумма этнической и культурной идентичности в рамках теорий культурной традиции и преемственности [3], которые передаются из поколения в поколение и обеспечивают единство национального самосознания.

Что может быть силой, противостоящей патриотизму как чувству общности и социального единства? Нигилизм по отношению к социальным ценностям, который ведет к потере патриотического сознания и дезинтеграции общества. Говоря о социальных ценностях, важно подчеркивать культурное, этническое и этическое богатство страны, народов, населяющих ее. При таком подходе наиболее отчетливо видны границы между подлинным патриотизмом и радикальным его выражением. Подлинный патриотизм основан на конструктивном и созидающем начале, ложный ведет к агрессии и социальной деструкции [7].

В медиаполе семантические и визуальные паттерны помогают определить характер патриотических настроений пользователей. Подробный анализ медиадискурса поможет скорректировать работу по выстраиванию патриотического концепта на уровне научных, образовательных и других государственных практик по продвижению патриотизма в контексте традиционных национальных ценностей.

Данные об уровне патриотизма в России сегодня высоки. Исследование ВЦИОМ [27], проведенное в 2022 году, включало 1600 респондентов из взрослого населения России (18+). Опрос представлял собой стратифицированную случайную выборку, охватывающую более 80 регионов, 500 городов и поселков городского типа, а также 100 сел. Метод сбора данных – формализованное телефонное интервью.

За восемь лет (с 2014 до 2022 года, когда был проведен опрос) доля респондентов, считающих себя патриотами, возросла на 11%, достигнув 92%.

Новые инициативы в системе образования (еженедельное поднятие флага и исполнение гимна в школах) поддерживает 69% респондентов.

Представление о патриотизме у большинства молодых людей означает следующее: быть патриотом – это работать во благо страны (54%) и стремиться к улучшению условий для достойного будущего (45%), защищать свою страну от любых нападок и обвинений (44%).

Государственные учреждения, общественные организации и пользователи транслируют свое понимание патриотизма в социальных сетях на различных медиаплатформах. В современном обществе социальные сети и медиаплатформы стали ключевыми каналами коммуникации, влияющими на формирование общественного мнения и гражданской идентичности. По данным исследования компании Mediascope [23], которое охватывает период с марта по май 2024 года, общая аудитория интернета в России охватывает 103 млн человек (85% населения), в среднем пользователи проводят онлайн 4,5 часа ежедневно. 47% времени пользователи тратят на социальные медиа и блоги; также популярны видеоресурсы (22%) и мессенджеры (18%). Для сравнения – среднее время просмотра телевизора – 3 часа 22 минуты.

Среди социальных сетей лидеры – «ВКонтакте», «Telegram» и «ТикТок», они доминируют с точки зрения охвата, при этом «Telegram» активно используется для новостного и политического контента. Популярность платформ варьируется по возрастным группам, с акцентом на развлекательный и новостной контент для молодежи и политический – для старшего поколения.

Мессенджеры «WhatsApp» и «Telegram» – лидеры по охвату, особенно среди более молодых возрастных групп. «Telegram» также выделяется активным потреблением каналов новостного характера, что делает его популярной площадкой для информационного потребления.

Основная часть. В онлайн-среде патриотические настроения активно проявляются на различных платформах, таких как социальные сети, блоги и форумы. Эти пространства позволяют пользователям выражать свои взгляды в формате постов, видео и прямых трансляций. Технологии создают открытый доступ к аудитории, которая раньше была недоступна, и позволяют людям активно участвовать в обсуждениях тем, касающихся национальных ценностей, исторических и общественно значимых событий.

Онлайн-среда дает возможность мгновенно реагировать на подобные сообщения, что придает распространению патриотических настроений особую динамику. Например, национальные праздники, памятные даты и события мирового значения быстро становятся поводом для создания контента, который часто сопровождается символами, цитатами и культурными атрибутами. Патриотические посты и видео могут набирать популярность за считанные часы, усиливая массовый эффект и стимулируя участие других пользователей.

Семантические паттерны в интернет-среде становятся основой патриотического дискурса. В патриотическом контенте в социальных сетях и медиа часто используются устойчивые смысловые конструкции, которые призваны вызывать у аудитории определенные чувства и ассоциации, такие как гордость за страну, уважение к истории или приверженность культурным традициям. Эти конструкции включают ключевые слова, выражения и образы, которые становятся повторяющимися и узнаваемыми элементами в патриотическом дискурсе. Их постоянное использование помогает в продвижении определенных идей и ценностей в общественном сознании, а также является определенным семантическим кодом для узнавания интернет-ресурсов пользовательскими группами. Например, в социальных сетях в качестве лозунга в

разных контекстах фигурируют выражения «Мы – русские, с нами Бог!», «Слава Богу, мы – русские», «Это Россия, детка!», «Победа будет за нами» и т.п.

Сервис Яндекс Wordstat фиксирует [35], что количество запросов по словосочетанию «Мы – русские с нами Бог» в 2020 году в среднем составляет 6827, а в 2024 году это число выросло до 17143 запросов, то есть увеличилось на 151%.

Подобные лозунговые конструкции пользователи часто используют не только в сообщениях (постах) в социальных сетях, но и в подписях к фотографиям, мемам, названиях интернет-ресурсов, телеграм-каналов. В каталоге русскоязычных телеграм-каналов встречаются каналы, в названии или в описании которых используются сходные идиоматические конструкции: «RU Мы русские – с нами Бог!», «РОССИЯ ru С НАМИ БОГ», «МЫ РУССКИЕ ru», «Новости РФ⚡С НАМИ БОГ⚡», «НЕ ЗЛИ РУССКОГО МЕДВЕДЯ ru», «Русский меч», «Русский формат», «БОЕВОЕ БРАТСТВО РУССКОГО МИРА "ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО!"» и т.д.

Для реализации семантических паттернов в языке патриотического дискурса используются особая лексика, метафоры и вербальные обозначения визуальных символов. Особую роль играют названия государственных атрибутов (флага, герба, национальных цветов), а также устойчивые метафоры, такие как «наше общее будущее», «сильная страна» и «дух нации» и т.п. Примеры использования: «Наш флаг – это не просто символ единства, это **символ единства силы и надежды**» [24], «россияне – уникальные люди с **сильным духом и глубоким чувством патриотизма** от рождения» [28], «Сегодня прошла еженедельная линейка, на которой мы **с гордостью подняли флаг** России. Этот момент объединяет нас, напоминает о нашей истории и ценностях. Давайте вместе будем **гордиться своей страной...**» [30].

Лексические средства апелляции к указанным концептам часто включают эмоционально окрашенные слова, такие как *слава, верность, долг, геройзм, гордость, традиция*, что усиливает чувство причастности к единому национальному сообществу: «Посетителям было предложено ознакомиться с выставкой **"Слава защитникам Отечества"**, включающая в себя патриотическую литературу, делали фото на память возле фотозоны **"Гордись Отчизна, славными сынами"**, читали свои любимые стихотворения» [14]. Такие лексические паттерны не только формируют положительный образ страны, но и создают у пользователей ощущение национального единства и преемственности поколений. Важно отметить, что использование подобных семантических паттернов в большей степени характерно не для персональных аккаунтов, а для аккаунтов групп – государственных организаций, общественных объединений и т.п.

Для передачи патриотического контента в социальных медиа используются простые, легко понимаемые языковые конструкции и популярные жанровые форматы – мемы, стикеры, короткие видео, хештеги (например, среди популярных хештегов по этой теме – #СлаваГероям, #МыВместе, #СильнаяРоссия), что делает контент доступным и легко воспринимаемым широкой аудиторией, особенно молодежью.

Хештеги – это метки в соцсетях, блогах, YouTube и Telegram-каналах, которые состоят из символа # и ключевого слова или словосочетания. Цель хештегов – объединить тематически связанные публикации, сформировать определенную информационную волну в Сети, а кроме того, тегирование информации позволяет пользователям быстрее находить нужные ресурсы и участвовать в продвижении идей и собственных комментариев. Владение навыком работы с хештегами стало важным элементом коммуникативной компетенции. «Для популяризации своего нарратива пользователю необходимо умение расставлять теги, для получения доступа к интересующим текстам – умение осуществлять поиск по тегам» [13, с. 264]. Сообщения, помеченные хештегами, способствуют быстрому распространению

контента, превращая патриотические сообщения в вирусные. Например, по данным ресурса hashtags.com в англоязычном сегменте сети «TikTok» хештег #Russia использовался в более чем 8 млн постов, которые собрали более 119 млрд просмотров [36]. Важно отметить, что с 2022 года социальная сеть «TikTok» работает в России с ограничениями: пользователи из России не могут добавлять свой контент и проводить стримы без использования способов обхода блокировки.

Лингвистические конструкции патриотического дискурса часто ориентированы на выражение чувств и убеждений, что проявляется в использовании восклицаний, прилагательных с положительной коннотацией и призывов. Часто встречаются модальные конструкции, выражающие долженствование и обязательство (например, *мы обязаны, долг каждого, дань памяти*), которые усиливают чувство личной ответственности и причастности: «Каждый из нас должен мобилизовать все имеющиеся ресурсы от собственного труда до возможностей оказания любой помощи нашим солдатам. Оказывая помощь солдатам, мы вместе приближаем Победу!» [33]. «Такие встречи способствуют воспитанию чувства гордости за свою страну. На конкретном примере ученики школы увидели, что настоящие герои живут рядом, что мужество, храбрость, любовь к Родине – это качества настоящего человека» [18], «Наши парни сражаются с настоящим злом, за правду, мир и свет! Мы не можем их бросить! Мы должны, обязаны помочь!» [26]. Эмоциональная насыщенность патриотического дискурса делает его более привлекательным и запоминающимся.

Еще одним важным элементом патриотического контента является кодовая оппозиция «свои – чужие». В патриотическом дискурсе часто используется бинарная структура, разделяющая *мы и они*, где *мы* ассоциируются с национальными ценностями, единством и традициями, а *оны* противопоставляются как угроза или вызов. Такая конфликтная семантика способствует усилению групповой идентичности и сплоченности вокруг национальных идей. Наиболее отчетливо подобная дихотомия прослеживается в сообщениях публицистического вектора: «Запад 30 лет был нашим другом. Мы чуть не загнулись от такой дружбы» [17], «...так называемый свободный мир не только лгал, воровал и убивал, как и нам не снилось, но и занимался саморазрушением через продвижение абсолютно тоталитарной идеологической повестки» [15], «У американцев есть деньги, а у нас – люди» [22], «Современная Европа разделилась на две – Европу традиционных христианских ценностей и антихристианскую Европу, – когда теряется идентичность и пришельцев, и местного населения» [21].

Кроме лексических апелляций паттерны патриотизма в социальных сетях и на медиаплатформах прослеживаются через устойчивые визуальные элементы, активно используемые для выражения патриотических идей в онлайн-среде. Основные визуальные средства передачи патриотического контента – это государственные символы, такие как флаг и герб. Национальные цвета российского флага часто присутствуют в графическом оформлении публикаций: в элементах фона, текстовых вставках или как часть фильтров для фотографий и видео. Этот визуальный код создает мгновенную ассоциацию с государством, национальной идентичностью и усиливает чувство общности среди пользователей.

Часто в патриотическом контенте используются изображения известных исторических деятелей: основателей государства, героев войн, деятелей культуры, покорителей космоса. Одной из популярных форм оформления постов стало использование сочетания «портрет деятеля + его цитата». Важно отметить, что пользователи не всегда отмечают источники цитирования. Также зачастую присутствуют квазицитаты.

Популярны изображения достопримечательностей, памятников и мест, связанных с ключевыми историческими событиями России. Эти изображения помогают подчеркнуть преемственность поколений и значимость сохранения исторической и культурной памяти, а также провоцируют у пользователей эмоциональный отклик. Часто встречающиеся в патриотическом контенте виды природы страны – горы, реки, поля и леса. Эти образы символизируют красоту и богатство родной земли и вызывают у зрителей гордость за свою страну.

Визуальные паттерны патриотизма часто включают сцены группового взаимодействия, такие как митинги, парады, общественные мероприятия, сборы или флешмобы, что символизирует единство и солидарность. Изображения людей, стоящих вместе или выполняющих коллективные действия (например, держащих флаг, поющих гимн, выстраивающихся в букву Z), передают ощущение сплоченности вокруг общих целей и ценностей. Вот некоторые сообщения в социальной сети «ВКонтакте»: «В Центре культуры и досуга состоялась церемония торжественного посвящения в ряды юнармейцев вновь принятых участников движения... Завершилась торжественная встреча флешмобом "Мы За мир!"» [34], «Подрастающее поколение также приглашают принять участие в краевом фестивале школьных музеев и клубов патриотической направленности, акциях «Обелиск», «Окна Победы», «Песни Победы», а также творческих конкурсах, спортивных соревнованиях и флешмобах» [22], «Стало доброй традицией в Дни Воинской Славы проводить в нашей патриотической зоне танцевальный флешмоб "Вальс Победы"» [31], «Патриотический флешмоб прошёл на ВДНХ. Представители «Молодой гвардии Единой России» и «Волонтёрской роты» развернули 300-метровую георгиевскую ленту, а также выстроились в силуэт памятника «Родина-мать» с надписью «Зовёт» [16], «Кулинарный мастер – класс прошел в рамках республиканского флешмоба «Мое национальное блюдо» по приготовлению национальных блюд и изделий в рамках Года поддержки участников специальной военной операции и членов их семей» [19].

Военная символика и атрибутика – еще один популярный визуальный элемент патриотического контента. Фотографии и видео с военными парадами, реконструкциями боев, а также изображение военной техники, формы и наград передают важные аспекты защиты страны, героизма и долга. Такой контент обычно появляется в дни государственных праздников и памятных дат, связанных с военной историей. Примеры из социальных сетей: «Во-первых, это – красиво: ЗРК "Тор-М1" охотится на вражеские дроны» [20], «Страна начала серийный выпуск новейших ракет "Вихрь-1" для ударных вертолётов. Ни одна техника НАТО не выживает после встречи с такой ракетой» [32], «Российский ракетный комплекс "Искандер-1000" – угроза Европе» [29].

Патриотизм часто выражается через мемы и более креативные формы, которые адаптируют традиционные патриотические образы под современный визуальный язык. Такие мемы могут включать элементы юмора, фильтры, анимацию или стилизацию под популярные тренды (например, в «TikTok»), что делает патриотический контент более привлекательным для молодежной аудитории. Например, в мемах часто используются изображения президента России В.В. Путина: «Россию изолировать? А изоленты хватит» (рис. 1); «Это что же, у них санкции закончились что ли?» (рис. 2).

Молодежные субкультуры, особенно в социальных медиа, часто придают новые смыслы старым символам, создавая гибридные визуальные паттерны: «Госдепу из России с любовью» (рис. 3).

Таким образом, визуальные паттерны патриотического контента в социальных медиа и на медиаплатформах разнообразны и многослойны. Эти образы и символы создают узнаваемый визуальный код, который на уровне символов и ассоциаций

транслирует идеи единства, гордости и исторической преемственности, укрепляя патриотический дискурс в восприятии зрителей и пользователей социальных сетей.

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Заключение. В интернет-среде патриотические настроения интерпретируются по-разному, что часто приводит к обсуждениям и полемике. В отличие от традиционных медиа, где патриотизм может подаваться в одном ключе, онлайн-пространство позволяет сталкиваться с разными взглядами на патриотизм: от поддержки государственных инициатив до более критического восприятия или альтернативных взглядов на историю и культуру. Это приводит к формированию различных сообществ, объединенных схожими взглядами. Такие процессы способствуют дискуссиям и обмену идеями.

В онлайн-среде блогеры и лидеры мнений играют значимую роль в формировании патриотических настроений. Их личное мнение, подкрепленное популярностью и доверием аудитории, позволяет формировать новые взгляды и освещать патриотизм с необычных сторон. Влияние блогеров способствует

распространению идей, таких как социальная ответственность, культурное наследие и активное гражданское участие.

Интернет-платформы часто способствуют усилению определенных тем через алгоритмы, настраивая ленту новостей под интересы пользователей. Патриотический контент, получающий интенсивный отклик аудитории, становится видимым в поисковых агрегаторах для большего числа пользователей. Это способствует не только его быстрому распространению, но и поддержанию общей атмосферы патриотизма в определенных группах, а также на уровне широкой аудитории.

В патриотическом контенте можно выделить общие темы и нарративы, которые повторяются в различных постах и публикациях. Часто встречаются темы исторической памяти, защиты культурных ценностей, национального суверенитета, а также подчеркивается роль государства в создании условий для процветания нации. Повторяющиеся нарративы о прошлом и настоящем, связанны с идеями преодоления трудностей, стойкости и национальной гордости. Эти темы актуализируются в контексте современных событий и укрепляют патриотический дискурс.

Таким образом, патриотические семантические и визуальные паттерны создают стабильные и узнаваемые элементы медийного дискурса, через которые идеи национальной идентичности и солидарности не только поддерживаются, но и распространяются, приобретая новые формы, адаптированные под язык и культуру онлайн-среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюкова Ю.В. Новые медиа как современная коммуникационная среда для взаимодействия СМИ и аудитории / Ю.В. Бирюкова, Э.А. Новгородова, Е.Г. Кичкина // Международный научно-исследовательский журнал [Электронный источник]. – 2021. – №2 (104). doi: 10.23670/IRJ.2021.103.2.057 – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/2-104-2021-february/novye-media-kak-sovremenennaya-kommunikacionnaya-sreda-dlya-vzaimodejstviya-smi-i-auditorii> (дата обращения: 23.01.2025).
2. Бирюлин И.В. О роли новых медиа в трансформации информационного пространства России / И.В. Бирюлин, Ю.В. Сорокина // Вестник СГЮА. – 2020. – №4 (135). – С. 191–199.
3. Гуссерль Эдмунд. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб. : Наука: Ювента, 1998. – 315 с.
4. Денисова И.Н. Социальные сети как источник информации в журналистских расследованиях / И.Н. Денисова // Меди@льманах. – 2022. – №4 (111). – С. 38–46.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии / Э. Дюркгейм [Пер. с фр.]; Изд. подгот. А.Б. Гофман; [Примеч. В.В. Сапова]. – М. : Наука, 1991. – 572 с.
6. Жовтун Д.Т. Подходы к научному определению патриотизма / Д.Т. Жовтун, В.И. Меркушин // Социология власти. – 2006. – №1. – С. 112–124.
7. Кузьмин А.В. Патриотизм и антипатриотизм как диалектические противоположности / А.В. Кузьмин, Ю.Н. Трифонов // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2018. – №10. – С. 150–160.
8. Латышевский С.И. Роль патриотизма в современной идеологии России / С.И. Латышевский // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. – Том 6. № 3А. – С. 208–216.
9. Мозговой В.И. Причины и последствия языковых манипуляций с понятием «патриотизм» и критерии его разграничения с национализмом / В.И. Мозговой // Неофилология. – 2024. – №2 (38). – С. 282–293.
10. Павлова Е.Л. Феномен патриотизма в России: смысл, создаваемый заново / Е.Л. Павлова // Kant. – 2023. – №3 (48). – С. 148–155.
11. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М.С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
12. Сивкова Н.И. Традиционные СМИ и новые медиа как источник новостей / Н.И. Сивкова, А.Н. Новгородцева // Культура и природа политической власти: теория и практика : сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 277–281.
13. Слышик Г.Г. «Яжмать»: от пейоративизации концепта к системным изменениям в языке, концептосфере и коммуникации / Г.Г. Слышик, Е.Д. Смирнова // Современная лингвоаксиология: Россия

– Кыргызстан в научном диалоге. – М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. С. 261–281.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. 8 февраля в библиотеке состоялся очередной маршрут выходного дня "Российский воин бережет родной страны покой и славу" // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 8 февраля 2024 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-87351097_7667 (дата обращения 25.12.2025).
15. Алешковский А. И неоднозначности письмо // А. Алешковский // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall255196726_6594 (дата обращения 08.02.2025).
16. Более 3 тысяч активистов почтили память героев Сталинградской битвы в Москве / СМИ Сейчас | Волосово | ЛО // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 3 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-185773667_15661 (дата обращения 08.02.2025).
17. Борисов А. Потрясающе верная статья! / А. Борисов // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall234108529_54 (дата обращения 10.02.2025).
18. В рамках Всероссийского проекта "Классные встречи" от Движения Первых / Движение Первых | Баганский район // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-218185232_4591 (дата обращения 10.02.2025).
19. В СДК с. Балтика в рамках патриотического часа прошла беседа о мужестве и героизме наших солдат / Сельское поселение Балтийский сельсовет // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 28 января 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-217341640_1144. (дата обращения 01.02.2025).
20. Во-первых, это - красиво: ЗРК "Тор-М1" охотится на вражеские дроны. // Вежливые Люди / Армия / Россия / СВО // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-79798470_2657135 (дата обращения 08.02.2025).
21. Глущенко Д. Европейское единство и великие замещения // Д. Глущенко // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall34897327_6976 (дата обращения 08.02.2025).
22. Зеленов А. Я думаю, России все-таки нужна национальная идеология / А. Зеленов // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall385843303_1429 (дата обращения 08.02.2025).
23. Лукьянова А. Аудитория социальных медиа / А. Лукьянова // Исследовательская компания Mediascope [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3mufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf (дата обращения: 10.11.2024)
24. Мы помним, мы гордимся / Вести-Таймыр // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 5 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-223566103_8924 (дата обращения 08.02.2025).
25. Наш флаг – это не просто три цвета, это символ единства, силы и надежды / МОУ ВЦО №1 Детский сад №5 "Светлячок" // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 22 августа 2024 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-204555360_8443 (дата обращения 25.12.2025).
26. Наших ребят убивают! / Благотворительный фонд ПОБЕДА ЗА НАМИ // ВКонтакте [Электронный ресурс]. -м8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-113437040_61497 (дата обращения 10.02.2025).
27. Патриотизм: мониторинг // ВЦИОМ Новости [Электронный ресурс]. – 11 апреля 2023. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 25.01.2025).
28. Пырикко С. С Днём народного единства! / С. Пырикко // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 4 ноября 2024 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall864528942_451 (дата обращения 25.12.2025).
29. Российский ракетный комплекс "Искандер-1000" – угроза Европе / ! ----- Космонавтика и Космос ----- ! // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – 6 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-4497038_175333 (дата обращения 07.02.2025).
30. Сегодня в МКОУ «Курушская СОШ №2 им Я. С. Аскандарова» прошла еженедельная линейка / МКОУ «Курушская СОШ №2 им Я. С. Аскандарова» // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 11 ноября 2024 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-216864229_1072 (дата обращения 25.12.2025).
31. Стало добной традицией в Дни Воинской Славы проводить в нашей патриотической зоне танцевальный флэшмоб / Центр детских инициатив | Хохольский лицей // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 3 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-220279635_846 (дата обращения 08.02.2025).

32. Страна начала серийный выпуск новейших ракет "Вихрь-1" для ударных вертолётов / ВОЕННЫЕ СВОДКИ ★ АРМИЯ РОССИИ ★ ЧВК // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-72627612_411250 (дата обращения 08.02.2025).
33. Фурмановский СДК / МАУ Нестеровский РЦК // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-206361171_5400 (дата обращения 10.02.2025).
34. Юнармейцы - будущее России / Газета "Заря" Кромской район // ВКонтакте [Электронный ресурс]. 8 февраля 2025 года. – Режим доступа: https://vk.com/wall-207146544_10817 (дата обращения 08.02.2025).
35. Яндекс Вордстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordstat.yandex.ru/?region=all&view=graph&words=мы%20русские%20с%20нами%20Бог> (дата обращения: 25.12.2024).
36. #russia / TikTok hashtags // TikTok [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tiktokhashtags.com/hashtag/russia/> (дата обращения: 12.12.2024).

REFERENCES

1. Biryukova Yu.V., Novgorodova E.A. & Kichkina E.G. (2021). Novy'e media kak sovremennaya kommunikacionnaya sreda dlya vzaimodejstviya SMI i auditorii [New media as a modern communication environment for interaction between mass media and its audience. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Scientific Research Journal], 2(104). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.057> (in Russian).
2. Biryulin I.V. & Sorokina Yu.V. (2020). O roli novy'x media v transformacii informacionnogo prostranstva Rossii [The role of new media in the transformation of the Russian information space]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 4 (135), 191–199. doi: 10.24411/2227-7315-2020-10117 (in Russian).
3. Gusserl E'(1998). Kartezianskie razmy' shleniya [Cartesian reflections]. SPb: Nauka (in Russian).
4. Denisova I.N. (2022). Social'ny'e seti kak istochnik informacii v zhurnalistskix rassledovaniyax [Social networks as a source of information in investigative journalism]. Medi@l manax, 4 (111), 38–46. doi: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.3846 (in Russian).
5. Durkheim E' (1991). O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labor. The method of sociology]. Moscow (in Russian).
6. Zhovtun D.T., & Merkushin V.I. (2006). Podxody' k nauchnomu opredeleniyu patriotizma. [Approaches to the scientific definition of patriotism]. Sociologiya vlasti [Sociology of Power], (1), 112–124 (in Russian).
7. Kuz'min A.V., & Trifonov Yu.N. (2018). Patriotizm i antipatriotizm kak dialekticheskie protivopolozhnosti [Patriotism and antipatriotism as dialectical opposites.]. Ucheny'e zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU [Scientific Notes of the Tambov Branch of RoSMU], (10), 150–160 (in Russian).
8. Laty'shevskij S.I. (2017) Rol' patriotizma v sovremennoj ideologii Rossii [The role of patriotism in modern ideology of Russia]. Teorii i problemy' politicheskix issledovanij [Theories and problems of political research]. Vol. 6, № 3A, 208–216 (in Russian).
9. Mozgovoj V.I. (2024). Prichiny' i posledstviya yazy'kovy'x manipulyacij s ponyatiem «patriotizm» i kriterii ego razgranicheniya s nacionalizmom [Causes and consequences of linguistic manipulation of the concept of "patriotism" and criteria for its differentiation from nationalism]. Neofilologiya [Neophilology], 10, 2 (38), 282–293. doi: 10.20310/2587-6953-2024-10-2-282-293 (in Russian).
10. Pavlova E.L. (2023). Fenomen patriotizma v Rossii: smy'sl, sozdavaemyj zanovo [The phenomenon of patriotism in Russia: a meaning being created anew]. KANT, 3 (48), 148–155. doi: 10.24923/2222-243X.2023-48.25 (in Russian).
11. Parsons T. (1998) Sistema sovremennyyx obshhestv [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt-Press (in Russian).
12. Sivkova N.I. (2023) Tradicionny'e SMI i novy'e media kak istochnik novostej [Traditional Media and New Media as a Source of News]. Kul'tura i priroda politicheskoy vlasti: teoriya i praktika : sbornik nauchny'x trudov [Culture and the nature of political power: theory and practice : a collection of scientific papers]. Ekaterinburg: UrGPU, 277–281 (in Russian).
13. Slyshkin G.G., Smirnova E.D. (2023). "Yazhmat": ot pejorativizacii koncepta k sistemnym izmeneniyam v yazyke, konceptosfere i kommunikacii ["Yazhmat": from the pejoratization of a concept to systemic changes in language, the conceptual sphere and communication]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina [Pushkin State Russian Language Institute], 261–281 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.02.2025 г.

SEMANTIC AND VISUAL PATTERNS OF PATRIOTISM IN SOCIAL NETWORKS AND MEDIA PLATFORMS

A.A. Sorokin

The article examines the transformation of patriotic discourse in the digital space. The author analyzes how social networks and media platforms contribute to the formation of patriotic sentiments using specific semantic constructions and visual symbols. The research is based on examples of content including state symbols, quotes from historical figures, as well as popular slogans and hashtags. The paper highlights key patterns of patriotic discourse, such as the binary opposition of «friends» and «strangers», the use of emotionally tinged vocabulary, as well as the dissemination of patriotic content through viral mechanisms, including memes and flash mobs. The author emphasizes that modern media allow not only to broadcast the official ideology, but also to form alternative interpretations of patriotism, creating various social groups and communities. The findings of the study demonstrate that the digital environment not only enhances patriotic narratives, but also changes their perception through new communication tools. This is confirmed by statistical data on user engagement, the growth of patriotic rhetoric, and changes in the mechanisms for distributing patriotic content.

Keywords: patriotism, social networks, new media, blogs, semantic patterns, online environment, national idea, historical memory, media discourse.

Сорокин Андрей Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

ORCID: 0000-0002-2432-4179.

E-mail: andsorokin@mail.ru.

Sorokin Andrey Alexandrovich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Expert of the Scientific Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact»

ORCID: 0000-0002-2432-4179.

E-mail: andsorokin@mail.ru.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.15109591

«ТВОЁ ЛИЦО ДА БОГУ В УШИ»: О МОДИФИКАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ В ЦЕЛЯХ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

© 2025 Е.А. Громова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID 0009-0005-7532-0740

В настоящем исследовании были рассмотрены особенности функционирования лексической сочетаемости как ведущего приёма создания комического образа женщины в интернет-пространстве. Статья представляет собой анализ модифицированных устойчивых единиц, собранных из коротких видеороликов различных блогеров: составлена их классификация по типу лексической сочетаемости и вида нарушения лексической сочетаемости как приёма языковой игры. Интерес также заключался в выявлении ключевых языковых инструментов для создания междийными личностями комического образа женщины. В исследовании также были проанализированы следующие вопросы: почему нарушение лексической сочетаемости как приём языковой игры распространён, и с какой целью междийные личности используют именно этот приём для достижения комического эффекта. Более того, в ходе исследования был проведён опрос с целью определения узнаваемости языковой игры среди обычных слушателей. Респондентам было предложено привести исходную единицу некоторым ситуациям нарушения лексической сочетаемости из видеороликов. По результатам опроса модифицированные устойчивые выражения были разделены на менее и более узнаваемые, а также были предоставлены выводы о том, что именно влияет на узнаваемость языковой игры.

Ключевые слова: нарушение лексической сочетаемости, языковая игра, лингвокреативное мышление, речевые маски, связанные значения, свободные значения, комический эффект, модифицированные устойчивые выражения.

Для цитирования: Громова Е.А. «Твоё лицо да богу в уши»: о модификации устойчивых единиц в целях создания комического образа женщины в интернет-пространстве / Е.А. Громова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 191–205. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15109591>.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению приёма нарушения лексической сочетаемости (далее – НЛС) для создания комического образа женщины с целью выявления его особенностей. Материалом работы послужили 23 коротких видеоролика, размещённые на интернет-площадках «YouTube» и «Instagram»¹⁴. Для анализа были собраны 25 примеров нарушения лексической сочетаемости как приёма языковой игры у трёх разных блогеров: В. Островский [28], С. Круглицкий [45] и А. Любимова [22]. Выбор обусловлен уникальностью каждого образа. Так, Островский изображает женщин разных профессий старшего поколения, Круглицкий – молодую девушку в любовных отношениях, а Любимова является примером того, как женщина создаёт комический образ женщины.

Поставленная цель потребовала решения следующих задач:

¹⁴ «Instagram» принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской организацией и запрещённой в РФ.

- 1) проанализировать теоретические основы языковой игры и нарушения лексической сочетаемости;
- 2) рассмотреть различные примеры языковой игры, построенной на нарушении лексической сочетаемости на «YouTube» и в «Instagram»;
- 3) определить с помощью собранных примеров значение и особенности приёма нарушения лексической сочетаемости;
- 4) выяснить, какие стереотипы транслируются через приём нарушения лексической сочетаемости для создания комического женского образа.

Объектом исследования является нарушение лексической сочетаемости как средство языковой игры, а предметом – особенности использования этого средства при создании комического эффекта женского образа в коротких видеороликах. Основной метод работы – описательный.

Нарушение лексической сочетаемости – один из распространённых приёмов языковой игры в современной русской разговорной речи. На данный момент работы, посвящённые использованию этого приёма для создания комического женского образа, мною не были найдены, несмотря на высокий интерес современных лингвистов к теме языковой игры. Понятие языковой игры ввёл Л. Витгенштейн, который воспринимал язык как совокупность языковых игр [2, с. 5]. Немаловажный вклад внесли Е.А. Земская, М.А. Китайгородская и Н.Н. Розанова, которые составили классификацию приёмов языковой игры [4]. В указанной работе авторы касаются нарушения лексической сочетаемости, но не рассматривают его подробно. Спустя более чем 20 лет выходит книга Ю.О. Коноваловой «Языковая игра в современной русской разговорной речи», в которой представлена иная классификация приёмов языковой игры [8]. Однако нарушение лексической сочетаемости опять же не рассматривается на более детальном уровне.

Более того, языковая игра в блогинге ранее не исследовалась. Существуют работы, посвящённые изучению особенностей функционирования языка в рамках достижения комического эффекта в литературе [3], в СМИ [7] и кино [5], но не в развлекательном медиа.

По этим причинам актуальность настоящего исследования обусловлена значимостью изучения особенностей функционирования языка в рамках языковой игры и создания комического эффекта не только в кино, литературе и медиа, но и в коротких видео, ставших в последнее время особенно популярными среди молодёжи, а также и более старшего поколения.

В основе создания медиийными личностями комического образа женщины в коротких видеороликах лежит приём речевой маски. По М.В. Шпильман, речевая маска – «коммуникативная стратегия, в основе которой лежит чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата; это временная и ситуативная эксплуатация чужого речевого поведения, основанная на зафиксированном в сознании носителей языка обобщенном представлении о том или ином типе коммуникантов» [11, с. 78].

Одной из функций речевых масок является поиск образца изображаемой языковой личности. При использовании речевой маски блогер чаще всего ориентируется на модельную личность, представляющую собой, по определению В.И. Карасика, «стереотип поведения, который оказывает существенное воздействие на культуру в целом и служит своеобразным символом данной культуры для представителей других этнокультур» [6, с. 11]. Получается, что речевой образ женщины, создаваемый медиийными личностями, основан на стереотипах лингвокультуры.

Другой функцией речевых масок является оценочность. Обычно они используются для иронической оценки популярного образа.

Самой же главной функцией речевых масок является комическая, заключающаяся в использовании нестандартных языковых средствах, а именно – языковой игры. Многие лингвисты [9, с. 17; 10, с. 353-354] подразумевают под ней особую форму лингвокреативного мышления, являющегося результатом осознанного отклонения от языковой нормы с целью достижения определённого эффекта (чаще всего комического). При этом слушающий или читающий должен понимать, что это языковая игра, иначе она не сработает.

Одним из самых распространённых приёмов языковой игры является НЛС, которое по классификации приёмов языковой игры Ю.О. Коноваловой относится к необычности формы и значения [8, с. 50]. Существуют слова, свободно и несвободно связанные лексическими значениями. Так, В.В. Виноградов выделяет фразеологически связанные значения слов, которые имеют ограниченные возможности сочетаемости [1]. Существует также номинативное значение слова, представляющее собой, по Виноградову, «общественно осознанный фундамент всех других его [слова] значений и применений» [1, с. 171]. Эти значения более свободны, нежели фразеологические. В основном, круг связей номинативного значения слова соответствует «связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира» [1, с. 171].

Необходимо отличать НЛС как лексическую ошибку и как приём языковой игры. Как утверждалось выше: языковая игра – это всегда преднамеренное, осознанное нарушение нормы для создания комического эффекта. НЛС как приём языковой игры может реализоваться благодаря неправильному употреблению синонимов и паронимов, плеоназму, метафорам и так далее. Подробнее рассмотрим это на примере коротких видеороликов блогеров в интернет пространстве.

Круглицкий изображает молодую девушку в отношениях, смеясь над стереотипным поведением и личностными качествами молодых представительниц женского пола. Например, над нелогичностью, отношением к подругам и бывшим мужчинам, изменчивым настроением и так далее. Разберём самые интересные примеры из его видеороликов.

- (1) *Не нужно в себя загонять рамы никакие* [36] (контекст: девушка говорит, что нужно быть собой). Нарушение основано на неправильном употреблении паронимов *рама* и *рамки*. Последнее имеет только фразеологически связанное значение – *загонять себя в рамки*.
- (2) *Твоё бы лицо да богу в уши* [39] (контекст: девушка успокаивает подругу, говоря, которая переживает за отношения с парнем). НЛС происходит из-за нелогичной сочетаемости языковых единиц и модификации устойчивого выражения, что могло бы вести к бессмыслице, если бы это не была языковая игра. Существует пословица *твои бы слова да богу в уши* [14, с. 289], означающая надежду на исполнение сказанного собеседником. Игра реализуется с помощью соединения устойчивого выражения и конкретной ситуации. Можно предположить, что девушка завуалировано надеялась, что её подруга станет красивой. Она, может, хочет поддержать, но из-за «незнания», наоборот, оскорбляет.
- (3) *Ты даже ухом не моргнул* [40] (контекст: девушка ссорится с парнем, говорит, что звонила ему, а он «даже ухом не моргнул»). Как в предыдущем примере, так и здесь НЛС образовано благодаря нелогичной совместимости языковых единиц: моргнуть ухом физически нельзя. В основе языковой игры в этом примере лежит контаминация идиом. В НКРЯ есть вариант *даже ухом не моргнул*, а также другие варианты с НЛС – *бровью не моргнул*, *усом не моргнул*, однако это НЛС и, видимо, довольно распространённая языковая игра [18]. Скорее всего эти варианты образованы от

фразеологизмов *брювью не ведёт, глазом не ведёт, ухом не ведёт*, означающие ‘совсем не реагирует на что-либо, не обращает внимания’ [19, с. 60]. *Глазом не моргнул* имеет другие значения: ‘решительно, без колебаний начал что-либо’ или ‘не проявил признаков волнения, страха’ [19, с. 379]. В данном контексте этот фразеологизм может быть исходной единицей только во втором значении: ‘без колебаний начал игнорировать’, но больше, на мой взгляд, подходит под эту роль *ухом не ведёт*.

- (4) *Солнце стало длиннее, а луна короче* [44] (контекст: девушка говорит, что пришла весна). То, что по природе овальное, длинным быть не может. Отсюда НЛС, основанное на замене прототипа на периферию. Очевидным кажется, что прототипом *солнца* является *день*, а *луны – ночь*. В основе этой замены лежит метонимия, которая создаёт в данном примере языковую игру.
- (5) *Пресса нету ни в одном глазу* [36] (контекст: девушка говорит, что уже лето, а пресса у неё нет ни в одном глазу). В этом примере нарушение реализуется опять же за счёт модификации устойчивого выражения и нелогичной сочетаемости. Исходной единицей языковой игры могут быть два разных фразеологизма. В словаре Ю.А. Ларионовой есть фразеологизм *сна ни в одном глазу*, означающий ‘сон не идет, не спится’ [17, с. 253]. Однако в словаре Фёдорова этот фразеологизм не упоминается, но есть *ни в одном глазу* ‘независимо от количества выпитых спиртных напитков оставаться трезвым’. Контекстуально оба фразеологизма на роль исходной единицы не подходят, но они оба включают в себя отрицательный компонент в синтаксической структуре, и поэтому коннотацию ‘отсутствия чего-либо’ (сна, опьянения). В примере из видеоролика *ни в одном глазу* явно используется для усиления видимого отсутствия прессы.
- (6) *Будешь локти на ногах кусать* [43] (контекст: девушка уходит от парня и говорит ему эту фразу). Здесь НЛС образовано по тому же принципу, как и в предыдущем примере. Исходной единицей языковой игры является фразеологизм *кусать себе локти*, означающий ‘очень сильно сожалеть, сокрушаться о непоправимом, упущенном’. Учитывая контекст видеоролика, ситуацию ухода, можно предположить, что языковой компонент *на ногах* употреблён для уточнения, что молодой человек, если не пойдёт за девушкой, будет очень жалеть об этом.
- (7) *Самые заметные желания* [42] (контекст: девушка говорит, что на Старый Новый год сбываются самые заметные желания). НЛС основано на созвучности *заметный* и *заветный*. Игра также реализуется благодаря созвучности. Более того, эти два прилагательных имеют общее значение чего-то особенного: *заметный* ‘выделяющийся среди других’, *заказанный* ‘самый дорогой для кого-л., задушевный’ [15].
- (8) *Заставляет жевать лучшего* [46] (контекст: девушка ест мясо и говорит: «моя избирательность в еде заставляет жевать лучшего»). Исходной единицей этого примера является фразеологизм *оставляет желать лучшего* ‘что-либо не соответствует определённым требованиям’ [19, с. 440]. Игра реализуется на нарушении употребления паронимов *жевать* и *желать*, а также созвучности *заставлять* и *оставлять*. Соединение конкретной ситуации (девушка ест мясо) и модификации фразеологизма меняет отрицательную коннотацию исходной единицы на положительную: девушка в этом примере говорит, что предпочитает есть только самое лучшее благодаря своей избирательности.
- (9) *7 пятниц в понедельник* [41] (контекст: девушка говорит подруге эту фразу, когда та ей неверно указывает дорогу). НЛС основано на модификации фразеологизма *7 пятниц на неделе*, означающего ‘что-либо не соответствует определённым

- требованиям’ [19, с. 552]. Комический эффект образуется, кажется, благодаря окказиональной замены *недели* на *понедельник*, что усиливает образ глупой девушки.
- (10) *Воды набрал в лицо* [40] (контекст: девушка жалуется на парня, который не говорит, какой подарок хочет). НЛС основано на модификации фразеологизма *воды в рот набрал* ‘(будто) онемел, лишился речи’ [19, с. 387]. Замена *рта* на *лицо* может быть обусловлена тем, что лицо выражает эмоции, намекающие на что-нибудь. Получается, молодой человек героини видеоролика молчит, и даже его лицо ей ни о чём не говорит, не даёт подсказку.
- (11) *Ты меня за дуру взял?* [37] (контекст: девушка думает, что парень ей изменяет, и говорит ему эту фразу). НЛС реализуется нарушением употребления синонимов *держать* (длительное действие) и *взять* (короткое действие). *Держать* помимо значения ‘не давать выпасть’ может толковаться как ‘обращаться с кем-л., относиться к кому-л. тем или иным образом’ [15]. Именно поэтому единственно верным заполнением в данном примере может быть глагол *держать*, а не *взять*. Игра скорее всего реализуется благодаря разной длительности действия глаголов: *ты меня за дуру взял*, то есть единожды неправильно выразился по отношению к девушке, сказал не то, что нужно.
- (12) *Кем ты себя возобновил?* [38] (контекст: девушка жалуется мастеру по маникюру на парня, пересказывая ей их диалог: «я ему говорю: "кем ты себя возобновил?"»). НЛС основано на нарушении употребления паронимов *возобновить* и *возомнить*.
- Как можно заметить, Круглицкий использует НЛС как приём языковой игры для усиления образа глупой неграмотной девушки в разговорах с молодым человеком или подругой. Её ошибки в речи будто бы случайны, из-за чего создаётся комический эффект.
- Островский изображает женщин разных профессий старшего поколения, чаще всего – учителей или работников в сфере образования. Далее будут рассмотрены некоторые примеры языковой игры в его коротких видеороликах.
- (13) *Творческий, так сказать, увал* [29] (контекст: психолог объясняет, почему он не может провести открытое занятие). НЛС реализуется на созвучности *увал* и, скорее всего, *упадок*: *творческий упадок*. Однако здесь может быть также закодировано устойчивое выражение «творческий кризис». Более того, в словаре русского арго *увал* ‘увольнение из армии; увольнительная’ [16]. Таким образом, в основе языковой игры в этом примере может лежать словосочетание *творческий отпуск*, продолжительный перерыв в работе.
- (14) *По венам почувствуете, как идут деньги* [30] (контекст: коуч даёт подписчикам советы, как с помощью энергопрактик получить деньги). Во фразеологическом словаре А.И. Фёдорова есть следующий фразеологизм: *кровь бурлит*, означающий ‘кто-либо ощущает в себе избыток сил, энергии’ [19, с. 324]. Энергия часто понимается как жидкость в теле. В НКРЯ есть следующий пример: *Вся беда в том, считают китайские врачи, что нарушена циркуляция жизненной энергии (ци), которая помогает выравнивать уровни «инь» и «ян»* [18].
- Важно заметить, что второй по популярности коллокат при ключе *циркуляция – кровь*. Получается, деньги в этом примере понимаются как источник наполнения жизненной энергией.
- (15) *Думайте уже сами дальше там на уме* [33] (контекст: директриса собирается организовать родительское собрание и говорит об этом ученикам). НЛС основано на плеоназме. Исходной единицей языковой игры является фразеологизм *быть себе на уме*, использующийся, когда речь идёт «о хитром, скрытном человеке» [17, с. 380]. Именно

поэтому единственный глагол, который может стоять в этой конструкции – *быть*, то есть ‘быть хитрым, скрытым человеком’, а не ‘думать хитрым, скрытым человеком’.

(16) *Расцвет феминистки в тебе* [34] (контекст: диагноз психолога ребёнку). В МАСе *расцвет* в переносном значении tolкуется как ‘высшая степень развития чего-либо., подъем’ [15]. Получается, психолог говорит о развитии личности ребёнка, процессе изменений: девочка стала феминисткой. *Расцвет* может управлять родительным падежом только с одушевлёнными категориями. Более того, конструкция *расцвет* в NP, где NP – одушевлённая группа, – ненормативна.

(17) *Мы за лето второго настрияпали* [32] (контекст: чья-то беременная мама общается с другими родителями на 1 сентября). В МАСе приводятся 2 значения глагола *настриять*: ‘приготовить’ и ‘легко и быстро что-то создать, сделать’ [15]. Логично предположить, что в примере из видеоролика реализуется второе значение: быстро и легко забеременела. Из-за этого создаётся комический эффект.

(18) *Денежные богатства буквально из ушей польются* [31] (контекст: гадалка предсказывает будущее людям с определённым знаком зодиака). С одной стороны, исходной единицей языковой игры может быть фразеологизм *литься рекой* ‘обильно, в большом количестве’ [19, с. 348]. Таким образом, в видеоролике говорится об огромном количестве денег, которое придёт зрителям. Но, с другой стороны, в толковом словаре русского арго существует выражение *заливать в уши глину*, синонимом которого является *вешать лапшу на уши*, то есть ‘обманывать’. Получается, можно контаминировать эти два устойчивых выражения и получить следующий общий смысл фразы из видеоролика: гадалка настолько сильно врёт об огромном богатстве, что у зрителей враньё из ушей льётся.

Таким образом, Островский высмеивает женщин из разных сфер деятельности: психологов, учителей, гадалок, коучей и так далее. Он показывает своё отношение к некомпетентным представительницам этих профессий. Здесь также укрепляется стереотип о «женских» профессиях: только женщины работают в представленных сферах и всегда они ведут себя некомпетентно.

И, наконец, образ Любимовой, представляющий пример того, как женщина создаёт комический образ женщины. Далее будут рассмотрены некоторые примеры НЛС как приёма языковой игры из её коротких видеороликов.

(19) *У вас денежная недостаточность* [21] (контекст: врач ставит диагноз). Существуют 2 значения *недостаточности*. Первое ‘свойство по знач. прил. недостаточный’. Недостаточность принятых мер. За недостаточностью улик следствие по ее делу прекратилось’ [15]. Как можно заметить, в этом значении *недостаточность* употребляется чаще всего с существительным. Второе ‘недостаточная, не соответствующая физиологическим потребностям функция какого-л. органа’ [15]. Например, *сердечная недостаточность, почечная недостаточность* и так далее. Таким образом, игра реализуется благодаря соединению этих двух значений: недостаток денег как диагноз.

(20) *Для очищения твоего личика и токсичного ротика* [20] (контекст: визажист объясняет, зачем нужен определённый крем). *Токсичный* помимо значения ‘ядовитый’ обозначает человека, создающего «вокруг себя нездоровую обстановку» [13]. Исходя из этого, *токсичный ротик* может объясняться тем, что человек много сквернословит. Получается, исходной единицей этого примера может быть поговорка *вымыть рот с мылом*, означающая ‘наказать кого-либо, промыв рот с мылом, особенно за нецензурную брань (обычно это шутливая угроза)’ [35, с. 564].

- (21) *Упаковка из попугающей кожи* [24] (контекст: визажист достаёт разноцветный праймер и говорит, что его упаковка из попугающей кожи). Самым популярным заполнением слота в конструкции *из АР кожи* является лемма *крокодиловый* [18]. Вещи из крокодиловой кожи говорят о высоком качестве. *Попугающая кожа* явно, наоборот, намекает на низкое качество. Получается, визажист хочет казаться профессиональнее, имея брендовую косметику.
- (22) *Большие землетрясения на коже* [27] (контекст: визажист советует крем: «если у тебя большие землетрясения на коже, то <...>»). Здесь в основе НЛС лежит метафора: землетрясения на земле как линии морщин на лице. Земля как лицо нередко используется для образности речи. Так, в фразеологическом словаре Ларионовой можно встретить *стереть (снести) с лица земли* ‘расправиться, истребить кого-либо; полностью уничтожить’ [17, с. 407]. Получается, в видеоролике визажист использует крем, чтобы убрать (стереть) землетрясения (неровности лица, морщины) у клиентки.
- (23) *Чистоплотно сидеть* [26] (девушка говорит: «все планы нарушились из-за твоей неряшливости? Визажист научит тебя не только чистоплотно сидеть, но и <...>»). В словаре Л.Г. Бабенко приводятся следующие синонимы к прилагательному *чистоплотный*: *аккуратный, опрятный*, первый из которых может сочетаться с глаголом *сидеть* нормативно. Более того, *чистоплотный* означает ‘склонный к чистоте и порядку, тщательно следящий за внешним видом, чистотой одежды, вещей, бережно и заботливо относящийся к ним (о человеке)’ [12, с. 128]. Именно поэтому в примере из видеоролика обнаруживается НЛС: *чистоплотным* может быть человек, сидеть можно только *аккуратно*. Игра реализуется благодаря смещению значения: *чистоплотно сидеть* ‘сидеть так, чтобы не пачкать пространство вокруг себя’.
- (24) *Устроил перхотную метель* [23] (контекст: парикмахер спрашивает: «что делать, если клиент во время стрижки устроил перхотную метель?»). В основе НЛС лежит метафора: перхоть сравнивается со снегом. Более того, метель устроить нельзя, она сама появляется. Игра реализуется благодаря гиперболизации: у клиентки во время стрижки столько перхоти, что она похожа на метель.
- (25) *На глазах меняется национальность* [25] (контекст: визажист делает мужчине корейский макияж, рисует стрелки на глазах и говорит эту фразу). НЛС образуется благодаря модификации фразеологизма *на глазах меняется* ‘довольно быстро; так, что можно наблюдать, замечать’ [19, с. 135]. Однако значение в примере из видеоролика буквальное, то есть с помощью макияжа на глазах клиент становится похожим на представителя другой национальности. С помощью этого реализуется языковая игра.

Таким образом, Любимова высмеивает непрофессиональных работниц в сфере красоты, которые думают, что являются мастерами, а на самом деле ничего не умеют.

У всех анализируемых блогеров прослеживается оценочная функция речевой маски: изображая тот или иной тип женщин, они иллюстрируют своё отношение к нему. В основном медийные личности высмеивают глупость и халатность, как бы случайно нарушая лексическую сочетаемость слов при иллюстрации женского образа. Для узнаваемости зрителем языковой игры блогеры часто используют знакомый языковой шаблон, в основном фразеологизмы. После их модификации получается языковая игра.

Ниже представлена классификация языковых примеров из видеороликов по типу лексической сочетаемости и вида НЛС как приёма языковой игры.

Таблица 1 .Классификация языковых примеров из видеороликов

Тип лексической сочетаемости	НЛС как приём языковой игры	Языковой пример
Фразеологически связанные значения	Созвучность/ нарушение, связанное с паронимами	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Не нужно в себя загонять рамы никакие</i> • <i>Заставляет жевать лучшего</i>
	Контаминация	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Денежные богатства из ушей польются</i> • <i>Ты даже ухом не моргнул</i>
	Метафора	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Твоё бы лицо да богу в уши</i> • <i>Будешь локти на ногах кусать</i> • <i>Для очищения твоего личика и токсичного ротика</i>
	Семантический сдвиг	<ul style="list-style-type: none"> • <i>На глазах меняется национальность</i> • <i>7 пятниц в понедельник</i> • <i>Воды набрал в лицо</i>
	Плеоназм	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Думайте уже сами дальние там на уме</i>
	Гиперболизация	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Пресса нету ни в одном глазу</i>
Конструктивно обусловленные значения	Созвучность/ нарушение, связанное с паронимами	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Кем ты себя возобновил?</i> • <i>Творческий так сказать увал</i>
	Нарушение употребления синонимов	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Ты меня за дуру взял?</i> • <i>Расцвет феминистки в тебе</i>
	Семантический сдвиг	<ul style="list-style-type: none"> • <i>У вас денежная недостаточность</i>
Свободные значения	Метафора	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Большие землетрясения на коже</i> • <i>Упаковка из попугающей кожи</i> • <i>По венам почувствуете, как идут деньги</i>
	Гиперболизация	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Устроил перхотную метель</i>
	Нарушение употребления синонимов	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Чистоплотно сидеть</i>
	Семантический сдвиг	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Чистоплотно сидеть</i> • <i>Мы за лето второго настрияли</i>
	Созвучность/ нарушение, связанное с паронимами	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Самые заметные желания</i>
	Метонимия	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Солнце стало длиннее, а луна – короче</i>

Как упоминалось ранее, по В.В. Виноградову, лексическая сочетаемость значения слов делится на свободные и несвободные. В свою очередь, несвободные разграничиваются на фразеологически связанные и синтаксически обусловленные, в составе последних Виноградов выделяет конструктивно организованные (обусловленные) значения. В представленной выше классификации примеров из видеороликов к несвободным значениям были отнесены фразеологизмы, пословицы и поговорки как фразеологически связанные значения. К синтаксически обусловленным – конструктивно обусловленные. В эту категорию Виноградов относит слова, которые «неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами. При этом данные формы сочетаемости зависят не только от принадлежности слов к тем или иным грамматическим категориям <...>, но и от связи этих слов с такими семантическими группами, которые обладают устойчивым типом конструкции» [1, с. 186]. К свободным значениям были отнесены те примеры, которые легко могут быть заполнены другими языковыми единицами (но не теми, которые представлены в видеоролике). Большинство таких языковых ситуаций, оказалось, построены на метафоре или метонимии.

Важно заметить, что в каждой категории лексической сочетаемости используются приёмы семантического сдвига и созвучности (или нарушения употребления паронимов) для нарушения в целях создания языковой игры. Исходя из этого, можно утверждать, что они являются самыми распространёнными способами НЛС для реализации языковой игры. Возможно, это происходит потому, что при создании комического образа женщины блогеры нередко пытаются высмеять глупость изображаемой языковой личности. Нарушение, основанное на созвучности с знакомым языковым шаблоном, во-первых, кажется зрителю случайным (что подкрепляет образ глупой женщины), а во-вторых, наиболее узнаваемым для зрителя. Нарушение, основанное на семантическом сдвиге, также кажется наиболее узнаваемым для зрителя. Сюда были отобраны те примеры, в которых, во-первых, слово, из-за которого появляется НЛС, не является синонимом к исходной единице, относится к похожим понятиям: например, *понедельник* вместо *недели* (понедельник – один из дней недели), *лицо* вместо *рта* (рот – часть лица), а во-вторых, примеры, реализуемые на смещении смысла на буквальное (например, 19, 25). Интересен 23 пример, который был отнесён не только в эту категорию, но и в категорию нарушения употреблений синонимов. Здесь, на мой взгляд, трудно точно определить, какую цель языковой игры преследовала Любимова: окказиональная замена *аккуратно* на *чистоплотно*, или же смещение смысла на ‘сидеть так, чтобы не пачкать пространство вокруг себя’.

Метафора также является одним из популярных средств для создания языковой игры и реализуется только в фразеологизмах и свободных значениях (среди собранного материала). Важно заметить, что в каждом примере, который основан на этом способе НЛС как приёма языковой игры, необходим контекст для распознавания образа. Например, 2: языковая игра распознаётся именно тогда, когда зритель понимает, что девушка говорит эту фразу, чтобы поддержать подругу, которая считает себя некрасивой.

Гиперболизация используется для усиления комического образа. 24 пример можно также отнести к категории метафор (так как *перхоть* сравнивается со *снегом*), однако в реализуемом значении в видеоролике, правильнее, как мне кажется, будет отнести этот пример только к гиперболизации: *перхотная метель* – слишком много перхоти, а не то, что она напоминает снег.

Благодаря корпусу и фразеологическим словарям процесс поиска исходных языковых единиц модифицированных устойчивых выражений не составляет труда.

Однако в рамках настоящего исследования возникает вопрос, насколько та или иная языковая игра видеоблогеров узнаваема? Работает ли она на обычного слушателя? Ведь, как упоминалось ранее, языковая игра работает только тогда, когда она понятна слушателю/читателю.

В ходе работы был проведён опрос с помощью «Google Forms». Респондентам было предложено привести исходную единицу некоторым ситуациям НЛС из видеороликов. Для опроса были отобраны примеры каждого видеоблогера из разных категорий с разными способами НЛС. На основе полученных результатов первоначально собранный материал был распределён на более и менее узнаваемые устойчивые выражения.

В опросе приняли участие 90 респондентов. Ниже представлена «пирамида узнаваемости» исходной единицы языковой игры: от менее узнаваемых к самым узнаваемым. Число на каждой ступени означает количество опрашиваемых, которые смогли привести исходную единицу к языковым примерам.

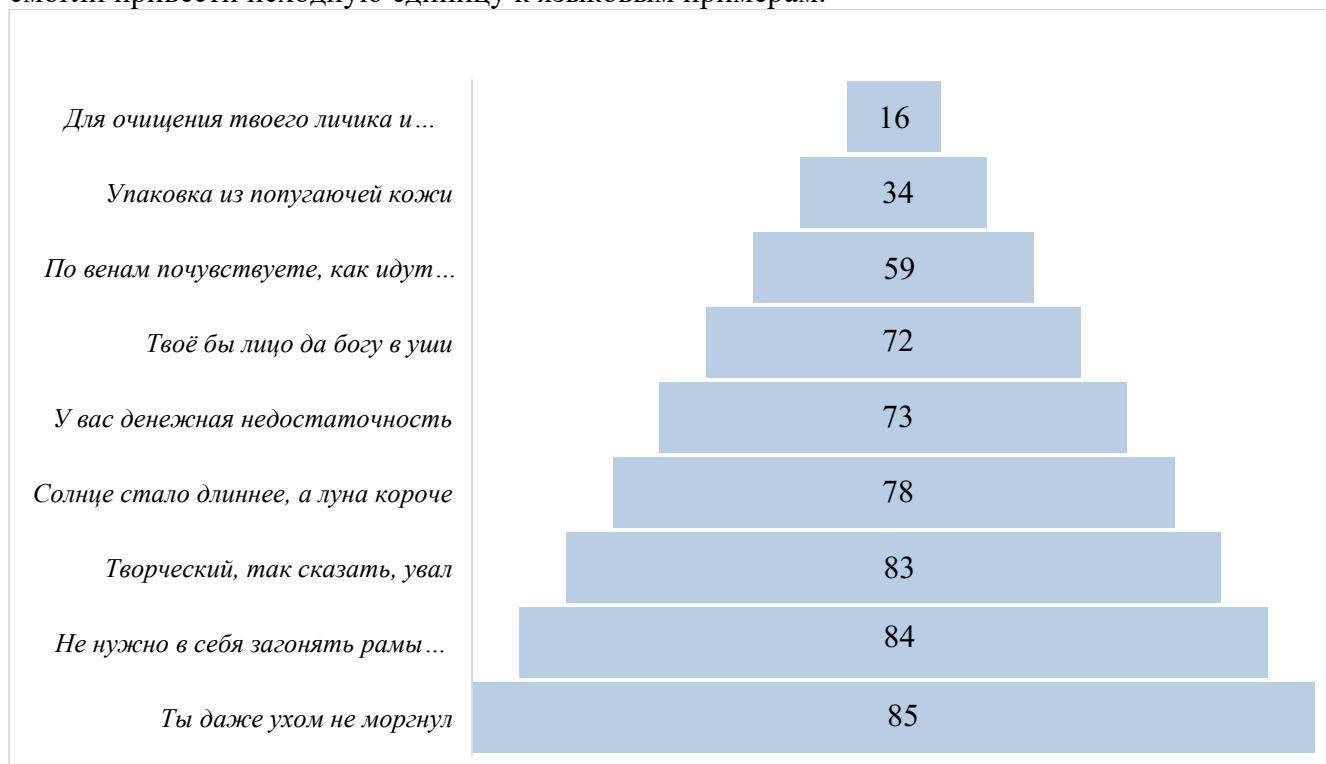

Рисунок 4. «Пирамида узнаваемости» исходной единицы языковой игры видеоблогеров

Самыми тяжело узнаваемыми языковыми играми стали примеры Любимовой: примеры 20 и 21. Лишь 16 и 34 респондентов, соответственно, смогли привести исходную единицу. Самыми узнаваемыми примерами стали: 13 (83 человека привели исходную единицу), 1 (84) и 3 (85).

Далее будут рассмотрены самые интересные ответы респондентов к самым тяжело узнаваемым модификациям устойчивых выражений.

1. *Для очищения твоего личика и токсичного ротика.*

Лишь 7 респондентов указали фразеологизм *вымыть рот с мылом*. 6 опрашиваемых привели *для очистки совести/души* как исходную языковую единицу. В словаре Фёдорова *для очистки совести* означает ‘в оправдание себя, своих поступков, чтобы не жалеть о чём-либо’ [19, с. 452]. Источником *для очистки души* же скорее всего является *духовное очищение*, означающее практику ‘очищения’ духа от негативной энергии. Более того, 3 человека указали как исходную единицу словосочетание *токсичный человек*, ставшее в последнее время популярным в молодёжном сленге. На

мой взгляд, оно лишь отдалённо может соотноситься с данным примером, так как в нём отсутствует коннотация *преобразования, очищения*.

2. *Упаковка из попугающей кожи.*

Большинство респондентов, которые смогли подобрать исходную единицу к этому примеру, указали либо *крокодиловую* (19), либо *змеиную* (7) *кожу*. В НКРЯ из змеиной кожи входило в первые десять самых частотных употреблений (напомню, что *из крокодиловой кожи* было самым частотным) [18]. Среди других вариантов встречались такие заполнения, как *собачья/рыбья/свиная/верблюжья/эко/натуральная/прессованная кожа*. Самым, на мой взгляд, необычным ответом стала *собачья кожа*, так как вещи из собачьей кожи не изготавливают. На просторах интернета мне удалось узнать, что существует пластиры «Собачья кожа». Возможно поэтому респондент на ассоциации со знакомым предметом вспомнил и привёл именно этот пример.

3. *По венам почувствуете, как идут деньги.*

Самой вариативной языковой игрой стал пример *по венам почувствуете, как идут деньги*. Часть респондентов приводила исходную единицу к первой части фразы, часть – ко второй, а некоторые приводили варианты по общему смыслу, исключая все компоненты самой фразы.

Ниже представлены самые частотные варианты по степени отдалённости их к языковой игре в виде схемы.

По венам почувствуете, как идут деньги

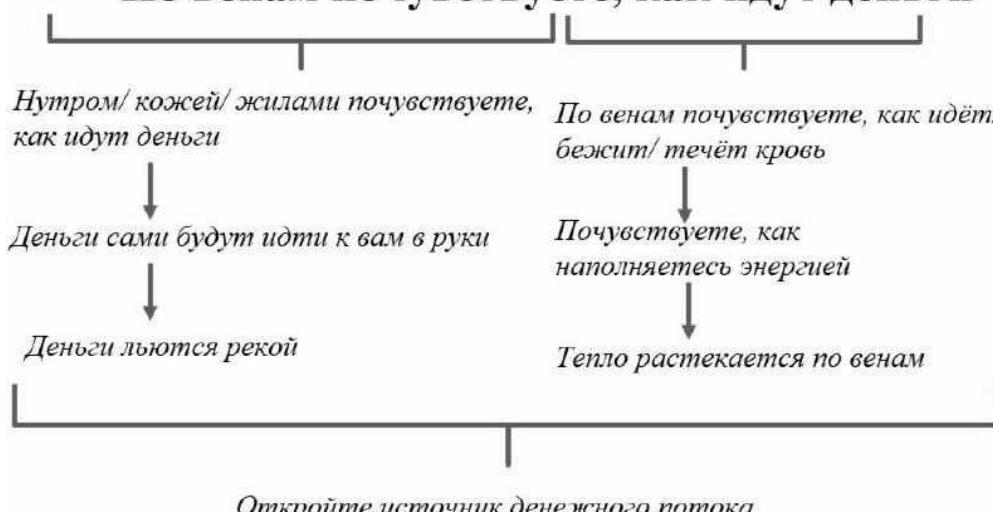

Рисунок 2. Схема отдалённости вариантов исходной единицы к источнику

Можно заметить, что в первой части фразы компонент *деньги* остаётся неизменным, а во второй – *жидкость, придающая силы, внутри тела*.

Уникальным вариантом стал пример *откройте источник денежного потока*, содержащий в себе сразу оба компонента: деньги как жидкость, придающая силы (энергия).

4. *Творческий, так сказать, увал.*

Самым популярным заполнением в конструкции *творческий NP* стало существительное *кризис* (42). Менее распространённым употреблением оказалось *творческий упадок* (7). Был также вариант исходной единицы как *творческий завал* (14), которая ранее мной не рассматривалась. Возможно, этот вариант был приведён по принципу зозвучности *увал* и *зaval*. Более того, по контексту *зaval* в значении ‘много работы’ подходит.

5. *У вас денежная недостаточность.*

В этом примере варианты ответов респондентов можно разделить на 2 категории: те, кто писал *сердечная недостаточность* (41) и те, кто приводил *почечная недостаточность* (32). В НКРЯ *сердечная недостаточность* и *почечная недостаточность* также являются самыми частотными вариантами [18]. Более того, по степени частотности *сердечная недостаточность* также превосходит *почечную недостаточность*.

6. *Ты даже ухом не моргнул.*

Интересно, что контекстуально более правильная, на мой взгляд, исходная единица *ты даже ухом не повёл* была указана лишь 7 раз, в отличие от *ты даже глазом не моргнул*, которую привели в пример как исходную единицу 56 респондентов. Оба фразеологизмы привели 19 респондентов. Возможно, такой результат получился потому, что потенциальная вершина в структуре составляющих является глагольная группа. Зависимым вершины *моргнул* является *ухо*, по этой причине респонденты изменили лишь зависимое от вершины, а не саму вершину.

Таким образом, приём НЛС как средство для создания языковой игры оказался довольно распространённым при создании комического образа женщины. Это происходит потому, что, во-первых, у него есть много способов для реализации: начиная от контаминации идиом, заканчивая семантическим сдвигом в отдельно взятом слове. Благодаря этому появляется возможность показать свои творческие способности, ведь создать, например, метафору, которая бы произвела комический эффект на зрителя и соотносилась бы с изображаемым типом женщины – непростая задача. Во-вторых, этот приём довольно хорошо узнаётся. Зритель сразу замечает лексическую ошибку и может соотнести её с образом глупой, необразованной женщины.

В рамках настоящей работы также был исследован вопрос узнаваемости исходной единицы языковой игры. Как оказалось, чем сильнее модификация устойчивого выражения, тем сложнее её распознать и тем больше расхождений в поиске источника. Интересно также, что во многих примерах (в независимости от узнаваемости) не существует единственно правильной исходной единицы. Это, на мой взгляд, связано с типом лексической сочетаемости. У фразеологически связанных значений и синтаксически менее модифицированных расхождений практически не наблюдалось, в отличие от примеров свободных значений или конструктивно обусловленных в независимости от их степени модификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162–189.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – 1953. – 384 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте / Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2008. – С. 157–163.
4. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект // Т.Г. Винокур, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М. : Наука, 1993. – С. 90–135.
5. Зыкова И.В. Языковая игра в конструировании поэтики комедийного кинодискурса / И.В. Зыкова // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2019. – № 19. – С. 205–215.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
7. Кириленко Н.П. Место языковой игры в текстах современной рекламы / Н.П. Кириленко, Т.И. Сафонова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 566.
8. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи / Ю.О. Коновалова. – Владивосток: ВГУЭС, 2008. – 196 с.

9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 652 с.
10. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 426 с.
11. Шпильман М.В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок / М. В. Шпильман // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – Вып. 3. – С. 78–82.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Бабенко Л. Словарь синонимов русского языка / Л. Бабенко. – М. : Астрель, АСТ, 2011. – 688 с.
13. Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 12.04.2024).
14. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. / В.И. Даль. – 1862. – 1095 с.
15. Малый академический словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1988. – 797 с.
16. Елистратов В.С. Словарь русского арго / В.С. Елистратов. – 2002. – 696 с.
17. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю.А. Ларионова. – М. : Аделант, 2014. – 512 с.
18. НКРЯ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.04.2024).
19. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.
20. kroxxa_. Девчулечки, график салона красоты Светлана зависит от количества добрых слов на ресепшне внизу [любительское видео] / kroxxa_ // Instagram, 22.10.22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CkBPqOOofbx/?igsh=b2JqZnhmbzBvZnAy> (дата обращения: 29.05.2024).
21. kroxxa_. Скорая красоты в твоем городе [любительское видео] / kroxxa_ // YouTube, 27.07.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtube.com/shorts/9EgxQjeKT9s?si=zwkxvPXrcA5Ns8R> (дата обращения: 29.05.2024).
22. kroxxa_. ALENA LUBIMOVA [Электронный ресурс] / kroxxa_ // YouTube. – Режим доступа: <https://youtube.com/@kroxxa ?si=SbbVu6wZeALuiVgQ> (дата обращения: 25.05.2024).
23. kroxxa_. Девчульки, моделька на видео Neatsvor t30 [любительское видео] / kroxxa_ // Instagram, 13.09.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CicMWEoIN5x/?igsh=OW03b2w0bGYyZGw2> (дата обращения: 29.05.2024).
24. kroxxa_. Полное видео у меня на ютубе в шапке профиля [любительское видео] / kroxxa_ // Instagram, 08.07.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/Cub4FOho4LO/?igsh=b3ViZTM5MGZ5emF0> (дата обращения: 29.05.2024).
25. kroxxa_. Корейский макияж для мужчин [любительское видео] / kroxxa_ // Instagram, 09.09.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/Cw923WnIOlk/?igsh=MTb0OH15NW1lbzBk> (дата обращения: 29.05.2024).
26. kroxxa_. Вместо тысячи средств [любительское видео] / kroxxa_ // Instagram, 11.09.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CxDKYDYoBIP/?igsh=MWd4emcyZHgxY3FjYQ==> (дата обращения: 29.05.2024).
27. kroxxa_. Когда попросила визажиста нанести базу под макияж [любительское видео] / kroxxa_ // YouTube, 13.01.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtube.com/shorts/ZmVTmiKEB-0?si=XQr5ERjeVoVN3cmW> (дата обращения: 29.05.2024).
28. Mamka Ostrovchanka [Электронный ресурс] / Mamka Ostrovchanka // YouTube. – Режим доступа: <https://youtube.com/@mamkaostrovchanka?si=SSANJO694Khs0v3W> (дата обращения: 25.05.2024).
29. mamkaostrovchanka. Учимся сливаться у Психологии [любительское видео] / mamkaostrovchanka // Instagram, 25.06.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CfOalB6Fe0p/?igsh=MW9tcTZmeGZjNTdrOA==> (дата обращения: 29.05.2024).
30. mamkaostrovchanka. Подпишись, научу превращать лайф в кайф! [любительское видео] / mamkaostrovchanka // Instagram, 23.01.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.instagram.com/reel/C2b_w9eo6SQ/?igsh=cDVwNTFmemtpOTkz (дата обращения: 29.05.2024).
31. mamkaostrovchanka. То самое видео [любительское видео] / mamkaostrovchanka // YouTube. 22.03.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/ClTGXsDsZAJ/?igsh=MW55a2lpMGJjODd6MQ==> (дата обращения: 29.05.2024).

32. mamkaostrovchanka. А вы пошли в этом году в школу? [любительское видео] / mamkaostrovchanka / Instagram, 01.09.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CwpG46-LRWC/?igsh=NmoxMjRxcmwcmNs> (дата обращения: 29.05.2024).
33. mamkaostrovchanka. Вечно отвлекают... [любительское видео] / mamkaostrovchanka // Instagram, 15.11.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/Czq2ohnLzNZ/?igsh=MW1kcnhkdwTvbHpmYQ==> (дата обращения: 29.05.2024).
34. mamkaostrovchanka. Психологина трактует рисунки [любительское видео] / mamkaostrovchanka // Instagram, 23.11.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CITGXsDsZAJ/?igsh=MW55a2lpMGJjODd6MQ==> (дата обращения: 29.05.2024).
35. Richard A. Spears. Ph. D. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs / Spears Richard A. – 2005. – 1098 p.
36. STASPROSTOKLASS. А вы готовы к лету? [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // YouTube, 25.05.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtube.com/shorts/hLjUUw29XkU?si=SBvo3vGsTnYvbrwl> (дата обращения: 29.05.2024).
37. STASPROSTOKLASS. Выбираем подарок на ДР МЧ [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // Instagram, 15.11.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CkhG8qqGFS/?igsh=MXJpNzF3Z3c4MWxpOQ==> (дата обращения: 29.05.2024).
38. STASPROSTOKLASS. Знаете, в этой жизни каждый должен заниматься своей прерогвицей [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // Instagram, 11.02.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/tv/CZ1gNOXDmp2/?igsh=MXJ2d2t2a2J1bG1iNg==> (дата обращения: 29.05.2024).
39. STASPROSTOKLASS. Обсуждаем с подругой её парня [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // YouTube, 22.12.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtube.com/shorts/UgVAtrI-fjk?si=EnDO3ERKOak-5lN2> (дата обращения: 29.05.2024).
40. STASPROSTOKLASS. Приревновала чуть-чуть [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // Instagram, 10.11.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CkxxmgJKsUC/?igsh=bzU2cmE0d2xoZ25o> (дата обращения: 29.05.2024).
41. STASPROSTOKLASS. Пристерегите ремни, когда мы с Анжелкой на дорогах общего пользования! [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // Instagram, 20.07.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/Cu7U-iTuH8L/?igsh=MWw5eDVvazVneGlrMQ==> (дата обращения: 29.05.2024).
42. STASPROSTOKLASS. Совсем немного осталось до Нового года [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // Instagram, 22.12.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/C1JyQo0uvlq/?igsh=YXg5NDA5MmJmb3Zn> (дата обращения: 29.05.2024).
43. STASPROSTOKLASS. Ухожу от парня на холостяк [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // YouTube. 21.03.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtube.com/shorts/Y9gM3Z9ZTwE?si=3hDv7Mly3FwUPuiD> (дата обращения: 29.05.2024).
44. STASPROSTOKLASS. Чокасаемо весны [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // YouTube. 01.03.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://youtube.com/shorts/GK49JwoDRdY?si=EZ_BPT6bOj6alhEc (дата обращения: 29.05.2024).
45. STASPROSTOKLASS. [Электронный ресурс] / STASPROSTOKLASS // YouTube. – Режим доступа: <https://youtube.com/@stasprostoklass?si=nvdBPHd5Q2eKzfXl> (дата обращения: 25.05.2024).
46. STASPROSTOKLASS. Используй промокодец ВКУСЛЕТА [любительское видео] / STASPROSTOKLASS // Instagram, 30.07.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/CvUT2Qig2A1/?igsh=eWUwcG4wcm56MzN1> (дата обращения: 29.05.2024).

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. (1977). Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova [The main types of lexical meanings of a word]. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and lexicography]. (pp. 162–189). Moscow. (In Russian).
2. Wittgenstein L. (1953). Filosofskie issledovaniya [Philosophical research]. 384 p. (In Russian).
3. Gridina T.A. (2008). Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste [Language game in a literary text]. (pp. 157–163). Yekaterinburg (In Russian).
4. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.A., Rozanova N.N. (1993). Osobennosti muzhskoj i zhenskoj rechi [Features of male and female speech]. Vinokur T.G., Glovinskaya M.Ya., Golanova E.I., Ermakova O.P., Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Rozanova H.N. Russkij yazyk v ego funkcionirovani. Kommunikativno-pragmatischeskij aspekt [The Russian language in its functioning. The communicative and pragmatic aspect] (pp. 90–135). Moscow: Nauka (In Russian).

5. Zykova I.V. (2019). Yazykovaya igra v konstruirovaniii poetiki komedijnogo kinodiskursa [Language game in constructing the poetics of comedic film discourse]. Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. No. 19. (pp. 205–215) (In Russian).
6. Karasik V.I. (2002). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] (331 p.). Volgograd: Peremeny (In Russian).
7. Kirilenko N.P., Safronova T.I. (2013). Mesto yazykovoy igry v tekstah sovremennoj reklamy [The place of language play in the texts of modern advertising]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. (p. 566). No. 5 (In Russian).
8. Konovalova Yu.O. (2008). Yazykovaya igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi [Language game in modern Russian colloquial speech]. (196 p.). Vladivostok: VGUES (In Russian).
9. Sannikov V.Z. (2002). Russkij yazyk v zerkale yazykovoy igry [The Russian language in the mirror of the language game]. (652 p.). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (In Russian).
10. Shakhovsky V.I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emocij [Linguistic theory of emotions]. (426 p.) Moscow: Gnozis (In Russian).
11. Shpilman M.V. (2012). Ob osobennostyah ispol'zovaniya yazykovoy lichnost'yu raznyh tipov rechevyh masok [On the peculiarities of the use of different types of speech masks by a linguistic personality]. Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity] i. 3 (pp. 78–82) (In Russian).

Поступила в редакцию 01.02.2025 г.

«TVOYO LICO DA BOGU V USHI»: SET EXPRESSIONS MODIFICATION AS WAY OF CREATING WOMAN'S COMIC IMAGE IN INTERNET

E.A. Gromova

This contribution deals with functioning of lexical compatibility as the principle technique for creating a comic image of a woman in the Internet space. The analysis of modified set expressions collected from short videos of various bloggers is provided. Their classification according to the type of lexical compatibility and the type of lexical compatibility violation as a way of language play is suggested. The key language tools for creating by media personalities of a woman's comic image are identified. The following research questions have been analysed: Why is lexical compatibility violation so frequent as a technique of language play? For what purpose do media personalities use this particular technique to achieve a comic effect? A survey has been conducted in the course of the study aimed at determining the language game recognition degree among ordinary listeners. The respondents were asked to provide from videos the initial unit for some situations of lexical compatibility violation. According to the survey results, modified set expressions have been divided into less and more recognizable ones. The conclusions have been made about the factors affecting the language game recognition.

Key words: lexical compatibility violation, language game, linguocreative thinking, speech masks, fixed meanings, free meanings, comic effect, modified set expressions.

Громова Елена Алексеевна.

Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация.

Студент.

ORCID 0009-0005-7532-0740.

E-mail: eagromova@edu.hse.ru

Gromova Elena Alekseevna.

Higher School of Economics, St. Petersburg,
Russian Federation.

Student.

ORCID 0009-0005-7532-0740.

E-mail: eagromova@edu.hse.ru

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.15109547

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ ЮНОШЕЙ-ПРИЗЫВНИКОВ

© 2025 Е.И. Барышева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего

образования «Луганский государственный педагогический университет»

ORCID 0009-0005-6496-1729

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье отражены результаты исследования содержательного отношения юношей призывников к воинской службе. Данные получены при помощи качественных методов исследования – анкетирования, содержащего открытые и закрытые вопросы, контент-анализа, используемого для обработки данных анкетирования. Анкета была направлена на решение следующих исследовательских задач: исследование содержательного наполнения базовых и ценностно-смысовых убеждений молодых людей; содержательное наполнение отношения к воинской профессии и связанные с этим отношением корреляты, а именно чувство патриотизма и защита родины, отношение к воинской профессии и собственная готовность к защите родины, своих близких, различные виды мотивации в ситуации принятия воинской профессии. При помощи корреляционного анализа получено подтверждение взаимосвязи данных анкетирования и данных других методик анкетирования. Выборка исследования включила 75 юношей призывного возраста.

Ключевые слова: жизнестойкость, ценностные представления, жизненные смыслы, базовые убеждения, картина мира, отношение к воинской службе, личностные качества, патриотизм, юношеский возраст.

Для цитирования: Барышева Е.И. Содержательные особенности отношения к воинской службе юношей-призывников / Е.И. Барышева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2 – С. 206–215. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15109547>.

Введение. Постановка проблемы. На юношеский возраст приходится много критических социальных событий. Юность – это психологический возраст перехода к самостоятельности, период личностного и профессионального самоопределения, приобретения психической, идейной и гражданской зрелости, формирования мировоззрения и самосознания. В этот период у юношей возникают чувства тревоги и беспокойства, появляется определенная внутренняя кризисность, содержание которой связано именно со становлением процессов самоопределения (как профессионального, так и личностного), рефлексии, способов самореализации в социальном пространстве.

Именно в этот период своей жизни юноши призываются на службу в вооруженные силы страны. Для Донбасса это особенно актуально, поскольку связано с защитой своей земли (малой родины) в условиях вооруженного конфликта. Ни в одном виде

деятельности юноши не встречаются с такими трудностями и сложностями, как во время прохождения воинской службы. Жесткая субординация, строго регламентированные обязанности, смена среды привычного пребывания, эмоциональная и физическая перегруженность, отличие реальной службы от идеальных представлений. Состояние стресса у военнослужащих определяется необходимостью выполнения поставленных задач в любых условиях, с возможным риском для жизни.

Ученые в области военной психологии подчеркивают: для понимания смысловых аспектов отношения к высоким социальным дефинициям важнейшее значение имеет понимание системы ценностей и базовых убеждений личности, их трансформации под воздействием экстремальных и трудных жизненных ситуаций, социальных потрясений и ситуаций, требующих осознания и рефлексии по поводу происходящего в мире.

Проведенный анализ существующих на сегодня исследований показал, что в современной психологии пересматриваются и актуализируются исследования системы ценностей и смыслов личности на современном этапе истории, определение особенностей картины мира людей различных возрастных и социальных категорий под воздействием экстремальных и трудных жизненных ситуаций, роли жизнестойкости в совладании с ними.

Требует расширения изучение особенностей и структурных компонентов жизнестойкости людей, находящихся в сложных жизненных ситуациях, и базовых убеждений личности, которые связаны с этим ресурсом. В настоящее время недостаточно изучены личностные особенности жизнестойкости юношества, ресурсные и потенциальные возможности ее формирования.

Теориями, описывающими жизнестойкость и близкие к ней концептуальные построения, являются: концепция жизнестойкости С. Мадди, теория экзистенциальной отваги, мужества П. Тиллиха, психология смысла и экзистенциальный подход в психологии С. Кьеркегора, Р. Мэя, В. Франкла, Э. Фромма, концепция самоэффективности А. Бандуры, концепция личностного потенциала Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой, Л.А. Александровой и др. Известны исследования Е.П. Белинской, О.А. Тихомандрицкой, Б. Ван Дер Хорст, Р. Мак-Маллина, С. Эпштейна, Р. Янофф-Бульман и др., раскрывающих аспекты взаимосвязи базовых убеждений человека, его смыслов и жизнестойкости, ресурсности его поведения. Современные психологические исследования таких авторов, как Ю.Е. Водяха, Е.Г. Денисова, А.Е. Сарелайнен, С.И. Кудинов, С.С. Кудинов, Л.Э. Кузнецова, Ю.А. Панасенко и др. показывают различные аспекты взаимосвязи базовых убеждений, ценностно-смысловой сферы и жизнестойкости как ресурса личности в ее готовности противостоять трудным жизненным ситуациям [1–10].

Проблема взаимосвязи и взаимообусловленности особенностей и структурных компонентов жизнестойкости и базовых убеждений юношеской призывного возраста на сегодняшний день является актуальной в силу того, что жизнедеятельность юношеской реализуется в постоянно меняющихся неблагоприятных (нестабильных) условиях, предъявляющих разнообразные требования и оказывающих различное влияние.

Таким образом, в исследовании особенностей жизнестойкости и базовых убеждений юношеской призывного возраста возникает острая необходимость в дополнении теоретических построений, относящихся к изучаемому явлению, в новых фактах, которые позволяют расширить теорию и практику их применения, а также в методах или технологиях, имеющих более широкие возможности и эффективность психологического воздействия.

Материалы и методы исследования.

Выборка исследования. В нашем исследовании участвовали 75 юношей призывного возраста (18–27 лет). Мы исходили из предположения о том, что компоненты

жизнестойкости и содержание базовых убеждений юношей-призывников, желающих служить в армии и не желающих служить в армии, отличаются. В связи с этим выборка была разделена на 2 группы: 37 юношей, желающих служить в армии, и 38 юношей, не желающих служить в армии, имеющих другие жизненные цели.

Диагностический инструментарий: 1) Шкала базовых убеждений (Р. Янофф-Бульман, 1989, 1992); 2) Тест жизнестойкости С. Maddi в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой; 3) Методика «Ценностные ориентации» М Рокич; 4) Анкетирование.

Основная часть. В рамках данной статьи уделим особое внимание результатам анкетирования. Нами разработана анкета, решающая несколько исследовательских задач: 1) исследование содержательного наполнения базовых и ценностно-смысловых убеждений молодых людей; 2) содержательное наполнение отношения к воинской профессии и связанные с этим отношением корреляты, а именно чувство патриотизма и защита родины, отношение к воинской профессии и собственная готовность к защите родины, своих близких, различные виды мотивации в ситуации принятия воинской профессии. В анкете 21 вопрос: 11 открытых и 10 закрытых.

В описании сразу будем осуществлять сравнительный качественный анализ суждений, полученный на двух группах нашей выборки: молодые люди, положительно относящиеся к службе в армии и желающих служить (1 группа); молодые люди, не желающие служить, имеющие другие жизненные цели (2 группа).

В ответе на вопрос «Что является для Вас наиболее значимым в жизни?» сразу стоит отметить обнаруженную разницу между группами: в группе юношей, не желающих служить, жизненных значимостей, важных для молодых людей сторон жизни отмечено значительно больше, чем у тех, кто служить готов. Из наиболее значимых сфер жизнедеятельности у представителей 1-й группы (те, кто готовы служить) названы семья (упоминается у 60% представителей этой группы), здоровье (важно для 27%), уровень благосостояния (10,8%) и такой же показатель ценности жизни. Названные ценности перекликаются с ценностями в методике М. Рокича, что подтверждает достоверность полученных результатов.

Во второй группе (те, кто служить не готов) самыми значимыми в жизни являются семья (отмечают 26,3% респондентов 2-й группы), здоровье (23,7%), финансовое положение, деньги (13,15%), карьера и развитие, активная жизнедеятельность (важна для 10,5% респондентов). Кроме того, как важные стороны жизни названы наличие верных друзей (10,5%), работа, саморазвитие, честность, искренность, жизнь, упорство в достижении целей, понимание, любовь, знания и др. Как видим, разнообразие и высокая вариативность значимых сфер жизни характерны для молодых людей, не готовых к воинской службе. Можно предположить у них более разносторонние интересы, широкий круг социальных контактов. Из названных значимостей обращает на себя внимание также наличие в перечне абстрактных понятий, касающихся человеческих качеств, характеристики отношений между людьми, темы саморазвития, что характеризует представителей выборки как имеющих широкие социальные интересы.

В ходе опроса уточняем, предполагают ли респонденты связать свой успех в жизни с военной карьерой. Данный вопрос только подтверждает логичность разделения нашей выборки на две группы: 73% респондентов из 1-й группы согласились с такой возможностью, а 27% – не связывают свою жизнь с вооруженными силами, а просто хотят отслужить в армии. Во 2-й группе 92,1% респондентов не рассматривают возможной в своей жизни военную карьеру, и только 7,9% (тех, кто не хотел бы служить в армии) считают, что такое возможно.

Вопрос, который коррелирует по своему содержанию с проанализированным вопросом, но рассматривает жизненные значимости более широко, в общечеловеческом контексте: «Что самое ценное в мире, на ваш взгляд?». Здесь присутствуют снова семья, дети, но и такие понятия, как доброта, честность, также указания на способность радоваться жизни, чувствовать окружающий мир: такие понятия, как воздух; значимость какого-то периода жизни: детство (1-я группа). Стоит отметить, что и на этот вопрос во 2-й группе вариативность ответов намного выше. Они касаются, как и в 1-й группе, ценности семьи, взаимопониманий, здоровья, любви, но, в отличие от 1-й группы, присутствуют такие указанные ценности, как хорошая работа, свобода, природа, время, наука, знания, уважение, доверие и др.

Формулировать жизненное кредо – всегда для респондентов задача, связанная с определенной степенью рефлексивности и осознанности своей жизни. Этому был посвящен отдельный вопрос анкеты. Жизненное кредо – это квинтэссенция направленности личности, смысл ее активности. Степень рефлексивности и осознанности здесь играет большую роль, поскольку нас интересовал не просто какой-то красивый лозунг, понравившийся человеку (хотя это тоже в определенной степени проекция), но и основополагающий принцип, которым молодые люди пытаются руководствоваться в своей жизни. Как мы и предполагали, для части респондентов это оказалось непосильной задачей: в 1-й группе без ответа этот вопрос оставили 27% испытуемых, во 2-й – 15,7%. Если исходить из нашего предположения, то мы наблюдаем более высокий уровень рефлексивности, осознанности и способности сформулировать абстрактные тезисы собственной активности во 2-й группе (молодые люди, далекие от службы в армии).

Содержательно ответы респондентов можно подразделить на следующие группы. Самая распространенная группа утверждений касалась мотивирующих слоганов, направленных на достижение успеха в жизни: «Никогда не останавливайся!», «Никогда не сдавайся!», «Вперед!», «Бери и делай» – в 1-й группе это самая многочисленная группа утверждений. Во 2-й группе мотивация к успеху тоже занимает лидирующие позиции, но также присутствуют формулировки, ориентированные на личные интересы, значимые для собственной жизни: «Живи так, как хочешь ты!», «Удача любит смелых!». Часть суждений (в обоих группах респондентов) касалась необходимости жить сегодняшним днем: «Новый день, новая жизнь», «Жить сегодняшним днем!». Также суждения, касающиеся достижения каких-то личных выгод: «Хочешь жить, умей вертеться!», «Ничто не истинно, все дозволено», получения удовольствий: «Живи и не тужи!»; суждения, касающиеся долженствований: «Никто ничего никому не должен!». Также ряд суждений, касающийся вопросов справедливости и воздаяния за поступки: «Все воздастся», «Жизнь – бумеранг, как ты, так и тебе» и собственной активной позиции в выборе: «Кто, если не я», «Не плыви по течению!», «Лучше сделаю я, или это сделает кто-то другой» (сомнительное утверждение). В некоторых утверждениях поднималась тема значимости семьи и близких людей.

Ценостные суждения подводят нас к пониманию целей в жизни, которые ставят молодые люди. Это суть следующего вопроса. Все ответы мы разделили на несколько подгрупп по содержанию целей. Первая подгруппа целей – это *достижение успеха, карьера, авторитет, достижение профессиональных высот*: молодые люди, желающие служить, ставят эти цели чаще (30% респондентов), чем те молодые люди, которые не хотят в армию (21%). Следующая группа целей касается *семьи и детей* (создание семьи, дети и их благополучие, здоровье и счастье близких): для молодых людей, не желающих служить, эти цели более значимы (31,6%), чем для тех, кто хочет в армию (13,5%).

Следующая группа важных целей касалась *материального благополучия*, достатка своего и семьи (заработать деньги, ни в чем не нуждаться, быть материально обеспеченным) – среди молодых людей, желающих служить, эти цели важны для 13,5% респондентов, в то время как для не желающих в армию – 21%. Часть респондентов в обеих группах молодых людей ответила на вопрос, указывая не содержание целей, а *уровень притязания*: «высокие цели, только вперед» или «достигаемые, средние», или «сложные, глобальные цели» (таких респондентов 30% и 10,5% соответственно). Из целей, характерных для обеих групп нашей выборки есть цели, касающиеся воплощения в жизнь собственных планов, реализовать собственные способности. В группе молодых людей, не желающих служить, присутствуют *цели саморазвития* (10,5%), чего нет в группе респондентов, желающих служить. Также в 1-й группе респондентов указана цель «оправдать ожидания родителей», чего нет в противоположной группе выборки. Такой ответ, на наш взгляд, характеризует молодого человека как не сформировавшего пока что автономные ценности, не прошедший кризис автономности («отделения от родительской семьи») и ориентирующийся в своей целеполагающей деятельности на оценки родителей.

Следующая группа вопросов анкеты касается отношения к военной службе и содержательных моментов этой деятельности. Так, продолжая предложение «*Быть военным – это ...*» представители обеих групп выборки указали «защищать свою Родину, свою семью», «ответственность», «честь, гордость». Среди ответов респондентов 1-й группы наблюдались ответы: перспективно, престижно, солидно; быть мужчиной, мужественность; иметь закаленный характер. В то время, как представители 2-й группы отмечали: жертвовать своей жизнью ради других; повиноваться кому-то, быть подчиненным; быть готовым к любым обстоятельствам. Мы видим, что призывники, рассматривающие возможность военной карьеры, упоминают момент престижности и перспективности (то есть мотивация построения карьеры и некоторая мотивация выгоды), в то время как противоположная выборка говорит о риске для жизни и высоких требованиях к личности военнослужащего.

Среди качеств, важных для военных и привлекательных для молодых людей, обе группы респондентов назвали (с некоторой вариативностью) следующие (перечисляем от более значимых): дисциплинированность; смелость, бесстрашие, отвага, мужество; самоотдача, служение Родине; самоконтроль, организованность; внешний вид, аккуратность, строгость, сдержанность; ответственность. Характеристики такого содержания отмечены в обеих группах выборки. Молодые люди обеих групп выборки демонстрируют уважение к военнослужащим, обладателям таких качеств.

Среди непривлекательных (постыдных) качеств военных отмечены единодушно в обеих группах выборки: алкоголизм (самая высокая позиция); безответственность, превышение полномочий; низкий интеллект, непрофессионализм. В 1-й группе названы: высокомерие; распущенность; скопость, алчность; измена, предательство. Для 2-й группы характерны следующие высказывания: отсутствие собственного мнения, выполнение любых приказов; черствость, агрессивность; возможность отнять жизнь; грубость, нецензурная брань. Как видим, отличия в восприятии военнослужащих в какой-то степени объясняют неприятие одной из групп деятельности военнослужащих.

Деятельность военнослужащего и служба в армии всегда ассоциируются с выполнением гражданского долга, служения Родине, защите интересов государства, что во многом определяет патриотическую направленность деятельности. Поскольку в нашем исследовании речь идет о базовых убеждениях личности, для нас важно было выяснить понимание патриотизма как высокой социальной ценности, связанной с идеей

служения и глубинными этническими ценностями. Вопрос, выясняющий «*Что такое, на ваш взгляд, патриотизм?*» и являлся открытым, нами получены следующие определения. Большинство ответов в обеих выборках звучат: любовь к Родине, стране, народу; любовь к месту, где родился (75,7% ответов в 1-й группе выборки). Также в этой группе представляют патриотизм как вера в идеалы, целеустремленность, гордиться своей Родиной (10,8% респондентов). При этом 10,8% респондентов не смогли ответить на этот вопрос, а 5,4% считают, что патриотизм – это слишком фанатичная любовь к Родине (то есть оценивается, как неадекватное свойство личности).

Большая вариативность и содержательность ответов наблюдается во 2-й группе выборки. Как мы уже говорили, большинство ответов респондентов в обеих группах связывают патриотизм с любовью к Родине (звучит правильно, но в некоторой степени как устоявшееся клише, для нас же важно было понять истинные, прочувствованные ценности, которые в ситуации Донбасса становятся вполне осознаваемыми и рефлексируемыми). Такое разнообразие оценок и определений мы наблюдаем во 2-й группе выборки. Ответы отличаются развернутыми формулировками, в них присутствует личностное отношение. Итак, патриотизм как любовь к Родине: «место, в котором ты родился и всем сердцем его любишь». Но чувство патриотизма молодыми людьми понимается и как готовность выносить трудности, постигающие родину. Патриотизм рассматривается как «желание улучшить свою родину, сделать ее передовой страной», «любовь к своей родине, какой бы тяжелой жизнь не была»; «отстаивать интересы свои и государства, до последнего не терять надежду»; «желание служить и всячески поддерживать родину» – такие ответы говорят об осмысленном, прочувствованном отношении к своей малой родине, о том, что молодые люди думали о своем отношении к подобным вещам, они были важны для них. Таких ответов 71%. Часть респондентов связывают патриотизм с готовностью поддерживать мир во всем мире, с желанием защитить семью, близких, гордость за свою страну и уважение к другим народам и странам (по 3% каждый вариант). Во 2-й группе выборки более выраженной является и массив ответов, имеющих отрицательную коннотацию, трактуя патриотизм как «инструмент в руках власти для управления массами», «способ контроля», «это утопия», «чрезмерно фанатичный способ привлечения молодежи к военной службе» – таких ответов 10,5%.

Интересным является и вопрос, выясняющий, считают ли юноши себя патриотами и в чем это проявляется. Абстрактные рассуждения, что такое патриотизм, вполне доступны и не требуют каких-либо доказательств. Когда вопрос требует прояснения собственной позиции, ее аргументации, осознания собственных действий, это представляется более сложной задачей. Именно этим объясняется то, что в 1-й группе выборки 51,4% не смогли ответить на этот вопрос, во 2-й группе – 52% респондентов.

Патриотами себя считают 64,8% 1-й группы и 36,8% 2-й группы респондентов, при этом, как нам говорят предыдущие данные, не могут сказать, в чем же это проявляется. Те, кто смог сформулировать свою патриотическую позицию, дали следующие ответы: 1-я группа – «хочу служить в армии своей страны», «защищать родину и людей», «защищать свой дом» (16,2% ответов), патриотизм связывают с памятью и историей: «дедушки и бабушки нас защищали, так и мы должны их защищать» (2,7%); о вере и любви к Родине, о любви к людям, проживающим здесь, говорят 16,2% юношей. Преданность своей малой родине звучит в следующих ответах: «патриотизм в том, что я остался жить на родине, не смотря на происходящее» (2,7%), «переживаю за происходящее», «меня беспокоит будущее нашей страны» (13,5%).

Во 2-й группе выборки собственную патриотическую позицию видят в любви к своей родине, «люблю людей, проживающих здесь», «горжусь успехами, переживаю за сложности» (18,2 % юношей), «учусь на благо Республики», «активная жизненная позиция», «хочу помочь в развитии своей Родины», «хочу стать профессионалом, чтобы работать на благо своей страны» (15,8% юношей).

Изучение широких социальных мотивов и жизненной направленности призывников нам представляется важным. Это имеет непосредственное отношение к тому, что определяет их желание или нежелание служить в армии, поскольку связано с фундаментальными ценностными аспектами личностного отношения.

В исследовании базовых убеждений личности юношей призывающего возраста нас интересовали их широкие социальные значимости, то есть те, которые важны не только для них, их семьи, а имеют широкое социальное значение для многих людей, своей родины. Один из вопросов звучал так: «*Что Вас больше всего в жизни огорчает?*». В предлагаемых вариантах были как более частные значимости (состояние здоровья близких, личная жизнь, уровень доходов и др.), так и широкие социальные проблемы, имеющие отношение к организации жизни общества, социальным проблемам. Рейтинг тревог в каждой подгруппе получен следующий.

И в первой, и во второй группах нет существенной разницы в доминирующих тревогах молодых людей, рознятся только рейтинговые позиции и значимость фактора в выборке. В ответах такие содержательные варианты: уровень алкоголизации, наркомании, курения в обществе (единодушно 1-я позиция в обеих группах); количество негативной информации в СМИ, на ТВ; загрязнение окружающей среды, уровень культуры и нравственности в обществе; уровень беззакония в стране; бюрократия и уровень коррупции – это пятерка социальных проблем, которые наиболее огорчают молодых людей обеих групп.

Как видим, в обеих группах выборки преобладают широкие социальные значимости, тревоги касаются важных социальных вещей, влияющих на судьбы многих людей, государства и социальных процессов – то, что во многом определяет процветание страны, вскрывает социальные пороки, недостатки, непрофессионализм, неразумную организацию социальной жизни. Из личных значимостей в обеих группах выборки самой существенной тревогой оказалось «здоровье близких». Удивительно незначительные позиции занимает «угроза жизни», что можно воспринимать либо как философское отношение к тому, «чему быть, того не миновать», либо некоторую привычку и утрату бдительности в довольно рискованных условиях действительности Донбасса.

Таким образом, данные, полученные при помощи анкеты, раскрыли как особенности личностного отношения к задаваемым вопросам, так и раскрыли тенденции отношения молодых людей к важным социальным явлениям, характеризуя их как неравнодушных к серьезным социальным проблемам, готовых участвовать в социальной организации более совершенного общества и проявлять активность в сферах, более для себя приемлемым.

Разнообразие и высокая вариативность значимых сфер жизни характерны для молодых людей, не готовых к воинской службе, что дало нам основание предположить у них более разносторонние интересы, широкий круг социальных контактов. Из названных значимостей обращает на себя внимание также наличие в перечне абстрактных понятий, касающихся человеческих качеств, характеристики отношений между людьми, темы саморазвития, что характеризует молодых людей, не желающих служить, как имеющих широкие социальные интересы.

Среди юношей, желающих служить в армии, основными ценностями-целями являются ценности социального взаимодействия, социальной успешности и профессиональной реализации. Молодые люди с положительным отношением к службе в армии отдают предпочтение таким ценностям, как здоровье, счастливая семейная жизнь и жизненная мудрость, интересная работа. Это указывает на желание жить полной, насыщенной жизнью в обществе и на присутствие в личных перспективах целей профессиональной реализации. Для профессиональной реализации юноши, желающие служить в армии, выбирают такие ценности-средства, как воспитанность, аккуратность, жизнерадостность (оптимизм, чувство юмора), ответственность (чувство долга, умение держать свое слово), честность и рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения). Юноши, желающие служить в армии, придерживаются в своих предпочтениях тех ценностей, которые свойственны специалистам с профессиональным видением мира. На наш взгляд, это можно объяснить высоким уровнем готовности юношей из этой группы к профессиональной (военной) деятельности.

Среди ценностей-целей у юношей, не желающих служить в армии, основными являются ценности личной жизни и индивидуальные ценности, что говорит о стремлении к индивидуальной самореализации, самостоятельности, независимости в суждениях и поступках, к стремлению постоянно духовно и физически совершенствоваться. Для реализации своих индивидуальных ценностей и ценностей личной жизни юноши, не желающие служить в армии, выбирают нравственные ценности и ценности межличностного общения. В отличие от юношей, желающих служить в армии, они большее значение придают честности (правдивости, искренности), самоконтролю (сдержанности, самодисциплине), образованности (широкоте знаний, высокому культурному уровню). А это очень важно для создания счастливой семьи и сохранения хороших отношений с друзьями.

Исследование структурных компонентов жизнестойкости показало, что у всех юношей уровень жизнестойкости достаточно высокий. Различия в уровне жизнестойкости происходят за счет различия в показателях структурных компонентов жизнестойкости. Юноши с положительным отношением к службе в армии показывают более высокий уровень жизнестойкости, включенности в действительность, они получают большее удовольствие от собственной деятельности. Полученные данные позволяют нам характеризовать молодых людей, положительно относящихся к службе, как способных самостоятельно выбирать собственную деятельность, свой путь. Высокие значения уровня контроля свидетельствуют о способности брать на себя ответственность, чувствовать себя уверенно в жизни, что перекликается с полученными данными методики исследования базисных убеждений. Присущий юношам этой категории высокий социальный интерес, чувство общности, солидарности, способствует их максимальной включенности в социальные отношения с окружающими и жизненные события.

Большинство юношей с отрицательным отношением к службе в армии уверены в том, что происходящее с ними способствует их развитию, дает им опыт как положительный, так и отрицательный, они убеждены в том, что способны повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован, готовы действовать при отсутствии гарантий успеха, на свой страх и риск для полного воплощения в жизни собственных способностей.

Заключение. Таким образом, анкетирование дало нам обширный материал, касающийся исследования базовых убеждений юношей, содержательных характеристик

их ценностно-смысловой сферы. Данные, полученные при помощи анкеты, раскрыли как особенности личностного отношения к задаваемым вопросам, так и тенденции отношения молодых людей к важным социальным явлениям, характеризуя их как неравнодушных к серьезным социальным проблемам, готовых участвовать в социальной организации более совершенного общества и проявлять активность в сферах, более для себя приемлемых. *При помощи корреляционного анализа переменных стандартизованных методик и данных анкетирования получено подтверждение взаимосвязи данных анкетирования и данных других методик исследования.*

Выявленные особенности жизнестойкости и базовых убеждений юношей призывающего возраста позволяют проводить адресную психологическую работу, как с будущими призывниками, так и с теми молодыми людьми, которые уже находятся на этапе выполнения воинского долга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинская Е.П. Проблемы социализации: история и современность : учебное пособие для вузов / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М. : Юрайт, 2024. – 141 с.
2. Водяха Ю.Е. Условия и особенности формирования психологической готовности к воинской службе в юношеском возрасте / Ю.Е. Водяха, Е.Е. Лаврова // Молодой ученый. – 2017. – №39. – С. 73-76.
3. Денисова Е.Г. Базисные убеждения как компонент ценностно-смысловой сферы личности / Е.Г. Денисова, А.И. Сарелайнен // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2016. – Т.5, № 5А. – С. 34–43.
4. Кудинов С.И. Жизнестойкость как предиктор самореализации личности в трудных жизненных ситуациях / С.И. Кудинов, С.С. Кудинов, С.М. Хаммад // Известия Саратовского университета. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, вып. 3 (23). – С. 229–238.
5. Леонтьев Д.А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях: вызовы и ресурсы / Д.А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2014. – № 3. – С. 97–106.
6. Леонтьев Д.А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова // Личностный потенциал: структура и диагностика. –М. : Смысл, 2011. – 680 с. – С. 178–209.
7. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения / С. Мадди // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 6. – С. 87–101.
8. Падун М.А. Методика исследования базисных убеждений личности / М.А. Падун, А.В. Котельникова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. №4. – С. 98–106.
9. Падун М.А. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности / М.А. Падун, Н.В. Тарабрина // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – № 1. – С. 121–142.
10. Панасенко Ю.А. Феноменология «жизненного мира» воинской службы / Ю.А. Панасенко // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, вып. 1. – С. 30–34.

REFERENCES

1. Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A. (2024) Problemy sotsializatsii: istoriya i sovremennost' [Problems of socialization: history and modernity]. (141 p). Moscow: Yurayt (In Russian).
2. Vodyakha YU.E., Lavrova E.E. (2017). Usloviya i osobennosti formirovaniya psikhologicheskoy gotovnosti k voinskoj sluzhbe v yunosheskom vozraste. [Conditions and features of the formation of psychological readiness for military service in adolescence]. Molodoy uchenyy, 39, 73–76 (In Russian).
3. Denisova E.G., Sarelaynen A.I. (2016). Bazisnyye ubezhdeniya kak komponent tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti [Basic beliefs as a component of the value-semantic sphere of personality]. Psichologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya, 5A, 34–43 (In Russian).
4. Kudinov S.I., Kudinov S.S., Khammad S.M. (2017) Zhiznestoykost' kak prediktor samorealizatsii lichnosti v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh [Hardiness as a predictor of personal self-realization in difficult life situations]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psichologiya razvitiya. 3 (23), 229–238 (In Russian).
5. Leont'ev D.A. (2014). Razvitiye lichnosti v norme i v zatrudnennykh usloviyakh: vyzovy i resursy [Personality development in normal conditions and in difficult conditions: challenges and resources]. Kul'turno-istoricheskaya psichologiya, 3, 97–106 (In Russian).

6. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. (2011) Zhiznestoykost' kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala [Hardiness as a component of personal potential]. Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika. (pp. 178–209). Moscow: Smysl. (In Russian).
7. Maddi S. (2005). Smysloobrazovaniye v protsessakh prinyatiya resheniya [Sensemaking in decision-making processes]. Psikhologicheskiy zhurnal, 6, 87–101 (In Russian).
8. Padun M.A., Kotel'nikova A.V. (2008). Metodika issledovaniya bazisnykh ubehdeniy lichnosti [Methodology for studying basic beliefs of an individual]. Psikhologicheskiy zhurnal, 4, 98–106 (In Russian).
9. Padun M.A., Tarabrina N.V. (2003) Psikhicheskaya travma i bazisnyye kognitivnyye skhemy lichnosti [Mental trauma and basic cognitive schemas of personality]. Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal, 1, 121–142 (In Russian).
10. Panasenko YU.A. (2019). Fenomenologiya «zhiznennogo mira» voinskoy sluzhby [Phenomenology of the "life world" of military service]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika, 1, 30–34 (In Russian).

Поступила в редакцию 13.02.2025 г.

CONTENT FEATURES OF YOUNG CONCRUITS' ATTITUDE TO MILITARY SERVICE

E.I. Barysheva

The article deals with the results of a study of the meaningful attitude of young conscripts to military service. The data was obtained using qualitative research methods, i.e. by means of questionnaires containing open and closed questions. The questionnaire was aimed at solving the following research problems: research into the content of the basic and value-semantic beliefs of young people; the content of the attitude towards the military profession and the correlates associated with this attitude, namely a sense of patriotism and defense of the homeland, attitude towards the military profession and readiness to defend the homeland, one's loved ones, various types of motivation in the situation of accepting the military profession. The survey data confirms correlation relationships with other variables of standardized research methods. 75 young men of military age took part in the study.

Key words: resilience, value ideas, life senses, basic beliefs, worldview, attitude to military service, personal qualities, patriotism, age of youth

Барышева Елена Ивановна.

Кандидат психологических наук, доцент
Луганский государственный педагогический
университет, г. Луганск, Российская Федерация.
Доцент кафедры психологии.
ORCID 0009-0005-6496-1729.
E-mail: helenbar2008@rambler.ru

Barysheva Elena Ivanovna

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Russian Federation,
Associate Professor of Psychology Department.
ORCID 0009-0005-6496-1729.
E-mail: helenbar2008@rambler.ru

Обзорная статья

УДК 159.99

DOI: 10.5281/zenodo.15109515

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ ВЗРОСЛОЙ ЛИЧНОСТИ

© 2025 E.B. Великанова

Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова» Министерства обороны Российской Федерации

ORCID 0000-0002-1274-2226

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье приводятся основные подходы к классифицированию трудных жизненных ситуаций личности. В начале статьи приведены специфические черты трудных жизненных ситуаций личности: они выступают некими стимулами, которые активируют систему сопротивления стрессу. Степень интенсивности стресса всегда зависит от субъективной оценки ее личностью. Наличие значимой трудной ситуации может приводить к кризису и к внутренним изменениям личности. Наличие значимой трудной жизненной ситуации может влиять на образ мира личности. Трудная жизненная ситуация может требовать пересмотра существующих установок, ценностей и целей личности. В качестве критерии классифицирования трудных жизненных ситуаций выделяются следующие: по степени интенсивности; по длительности воздействия; по источнику возникновения; по природе возникновения; по степени управляемости; по эмоциональной окраске. Поясняется специфика стрессовой ситуации каждого вида. Перечисленные критерии могут дополняться и другими способами классификации: по возрасту; по сферам жизнедеятельности; по ресурсам разрешения; по характеру адаптации и др. Возможность построения единой классификации трудных жизненных ситуаций приблизит нас к более полному пониманию индивидуальной специфики поведения личности в стрессе.

Ключевые слова: повседневный стресс, экстремальный стресс, трудная жизненная ситуация, классификация, черты трудной жизненной ситуации.

Для цитирования: Великанова Е.В. Проблема классификации трудных жизненных ситуаций взрослой личности/ Е.В. Великанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 216–225. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15109515>.

Введение. В настоящее время приобретают все больший научный интерес вопросы, связанные с преодолением личностью стресса. Исследование жизненных трудностей и преодолевающего поведения личности напрямую связано с актуальными проблемами современной жизни – каждый день человек сталкивается с необходимостью совладать с разнообразными источниками стресса (обилием агрессивных информационных воздействий, повседневными неприятными ситуациями, с серьезными стрессовыми обстоятельствами). Для того чтобы сохранять психическое благополучие и душевный комфорт, личность должна успешно справляться с возникающими и надвигающимися стрессовыми вызовами, формировать собственную эффективную систему защиты от тревоги.

Система защиты личности от тревоги предполагает уникальный, индивидуально обусловленный арсенал паттернов защитно-совладающего поведения (как комплекс интрапсихических защитных механизмов и стратегий осознанного совладающего

поведения личности). Тесная связь внутрисистемных защитных комплексов обуславливается тем, что в реальном поведении личности неосознанные защитные реакции и осознанные копинги слиты, действуют нераздельно. Многочисленные эмпирические исследования подтверждают указанные связи [3; 4; 5]. Помимо подтверждения указанных связей уточняется также и их специфика: преобладание проблемно-разрешающего совладания основывается на действии «зрелых» защитных механизмов (сублимации, рационализации, интеллектуализации и пр.), а эмоционально-ориентированный копинг и избегание базируются на незрелых механизмах: отрицании, вытеснении, проекции, формировании реакции и других.

Индивидуальные паттерны защитно-совладающего поведения личности формируются в течение всей жизни – закладываются в период раннего онтогенеза, приобретают уникальные черты в более поздние периоды. Система защитно-совладающих паттернов каждой личности неповторима как отпечатки пальцев – обуславливается она как спецификой интрапсихического профиля, так и особенностями общения человека с окружающими, влиянием значимых жизненных ситуаций и опытом их преодоления.

Основная часть. Многие ученые постарались охарактеризовать трудные жизненные ситуации. К. Левин указывал на то, что при анализе поведения в трудной жизненной ситуации личности мы должны учитывать всю палитру субъективных восприятий личности – только так мы можем приблизиться к психологическим аспектам индивидуальной оценки личностью происходящего [1].

Сходным является понятие «кризисная ситуация» – Д.Н. Исаев описывает ее как ситуацию повышенного риска, которая может приводить к риску, к дезадаптации личности. Т.М. Титаренко указывает, что проживает трудных жизненных ситуаций, влечет за собой функционирование личности на полном ее адаптационном пределе и все более может способствовать утрате субъектности [8].

В. Мишель указывает на то, что при всем многообразии трудных ситуаций, они могут быть «сильными» и «слабыми». Автор подтверждает свои тезисы полученными коллегами данными. Группа ученых провела исследование со студентами колледжа, которым необходимо было соотнести типы поведения с типичными жизненными ситуациями. Результаты позволили несколько объяснить поведение личности в трудных ситуациях. В «слабых» из них личность может проявлять многообразие вариантов разрешения (исходя из личных характеристик), тогда как в «сильных» ситуациях вариантов поведения не много и поведение личности в них строится, скорее, на основе объективных жизненных обстоятельств [7].

Более тонкая дифференциация трудных жизненных ситуаций отмечается представителями нейролингвистического программирования Р. Бэндлером и Дж. Гриндером. Авторы предлагают пять уровней интенсивности оценки трудной жизненной ситуации (интенсивности эмоциональной оценки ситуации). Ситуации первого уровня кажутся человеку обыденными – это слабые ситуации повседневного стресса. Ситуации второго уровня характеризуются некоторыми затруднениями, у личности сокращается арсенал стратегий поведения. Ситуации третьего уровня переживаются как большие трудности, в которых «не работают» привычные стратегии решения. В ситуациях четвертого уровня стрессовые переживания все более глубоки, человек не может решить проблему, воспроизводя привычные для него, неадекватные обстоятельствам паттерны поведения. В ситуациях пятого уровня человек переживает глубочайший стресс – всеми силами он старается пережить трудную, непосильную ситуацию, ему кажется, что выхода нет совсем, поведение носит деструктивный характер [6].

Дифференциация трудных ситуаций принадлежит не только зарубежным ученым, но и отечественным. Л.И. Анцыферова составила классификацию, в которой предлагает делить жизненные трудности на три категории: обыденные неприятности, негативные происшествия (связанные с возрастными периодами), а также – непредвиденные горести и несчастья. Социальные условия и личностные свойства могут, как ослаблять, так и усиливать действие стрессовой ситуации [1].

Е.А. Бурдуковская и О.Г. Филиппенко рассматривают трудную жизненную ситуацию как проблему, которая нарушает привычный ход течения жизни человека, она может нарушать привычное функционирование личности. В трудной жизненной ситуации человек не может единолично решать проблемы, нуждается в помощи [10].

Трудные жизненные ситуации для человека могут определяться как особые состояния, наступающие вследствие изменения объективных и субъективных факторов; перенапряжение из-за невозможности решать проблемы привычным способом; состояния, которые возникают по поводу наступающих неприятных событий.

Н.Г. Осухова отмечает, что трудная жизненная ситуация провоцируется внутренними и внешними факторами, приводит к нарушению адаптации личности и невозможности ею удовлетворять базовые потребности привычным способом [7].

В настоящее время накоплены описания трудных жизненных ситуаций. А.Н. Фоминов отмечает, что сложная ситуация для личности всегда является уникальной по степени ее субъективной оценки, жизненного опыта, возраста личности, стереотипов ее поведения. Ф.Е. Василюк описывает такие виды трудных жизненных ситуаций как стресс, фрустрация, внутренний конфликт и жизненный кризис. Указанные ситуации автор представляет как критические – ситуации невозможности реализации собственных устремлений – ценностей, смыслов, целей и пр. Особое значение автор придает кризису, которые действует все внутренние ресурсы человека и создает условия для самоактуализации. Такой подход высоко оценивает конструктивный опыт преодоления жизненных кризисов человеком [1].

Е.Н. Туманова указывает на то, что степень интенсивности воздействия на личность трудной ситуации зависит не столько от ее объективной специфики, сколько от ее субъективной значимости для человека. Соответственно, приведет ли трудная ситуация к кризису, к кризисным состояниям зависит от субъективной оценки обстоятельств личностью [7].

Трудная жизненная ситуация – своеобразный вызов, проверка системы защиты личности. Авторы приводят следующие специфические черты трудной жизненной ситуации.

1. ТЖС – некие стимулы, вызовы, которые поступают из внешней (иногда – из внутренней среды). Жизненные трудности всегда вынуждают личность адаптироваться к новым условиям, ожидая в последующем стабилизации ситуации;

2. ТЖС являются стрессовыми для личности, причем интенсивность стрессового воздействия зависит от субъективной его интерпретации личностью. Принято разделять ситуации повседневного стресса и интенсивного (экстремального) для личности стресса.

3. Поведение человека в ТЖС – результат взаимодействия в нем внутренних и внешних условий. На поведение влияют: особенности интерпретации личностью происходящего; условия ТСЖ; опыт преодоления предыдущих трудных обстоятельств; особенности нервной системы (и актуального психофизического состояния); наличие ресурсов и пр.

4. ТЖС, интерпретирующаяся личностью как особо значимая и трудная - ситуация повышенного стресса – создает условия для внутренних изменений, для роста личности.

Некоторые авторы используют понятия «кризис» и «трудная ситуация» как синонимы, соответственно – ряд ТСЖ может вызывать кризисные переживания личности, субъективные ощущения тупика, необходимость пересмотреть привычные способы преодоления трудных ситуаций [1].

5. Наличие значимой трудной жизненной ситуации может влиять на картину образа мира личности. Являясь своеобразным мифом человека о себе и окружающих, образ мира регулирует отношения человека к себе, другим и миру в целом. Трудная жизненная ситуация может требовать пересмотра существующих установок, ценностей и целей личности [7].

6. Большинство авторов указывают на то, что ТЖС повышенного стресса являются дестабилизирующими факторами для личности. Появляются проблемы с привычными способами удовлетворения значимых потребностей, реализацией значимых ценностей и целей.

Несмотря на научную проработанность вопросов жизненных трудностей личности, существуют темы, нуждающиеся в тщательном изучении: во-первых – в классификации трудных жизненных ситуаций, с которыми может сталкиваться личность, во-вторых, в субъективной оценке интенсивности стрессоров, выявлении того, по каким критериям личность оценивает для себя степень трудности встреченных обстоятельств; в-третьих – крайне важным является вопрос о личностных характеристиках, которые помогают держаться «на плаву» даже в самых трудных обстоятельствах (индивидуальные качества, установки, личностные ресурсы). Предполагаем, что исследование последнего пункта может включать помимо традиционных психодиагностических методик, также методы нарративной психологии – описание уникального индивидуального опыта личности по преодолению трудных обстоятельств.

Таким образом, трудная жизненная ситуация – вполне естественное явление в жизни взрослого человека. Взрослый онтогенез наполнен разнообразными трудными ситуациями. Важно отметить, что жизненный трудности с одной стороны – «проверяют на прочность» систему жизнеспособности и жизнеустойчивости личности, с другой стороны – существенно обогащают ее адаптивный потенциал.

Справедливо стоит отметить, что попытки классификации ТЖС многообразны, и, в настоящий момент нет единого общепринятого мнения по этому поводу. Проблема классификации трудных жизненных ситуаций схожа с целым рядом методологических проблем взрослого онтогенеза – слишком уникальны обстоятельства жизни, варианты развития взрослого человека. Тем не менее, существующее многообразие трудных жизненных ситуаций взрослой личности требует некоторого упорядочивания и систематизации. Авторами укладываются разные критерии в основу классификации, обобщая, рассмотрим каждый из них.

1. По степени интенсивности: повседневная ситуация / экстремальная ситуация.

Отличительным признаком *повседневных* ситуаций является привычный, беспроблемный порядок жизни. Человек занимает свою «нишу» в определенном социальном пространстве – он имеет устоявшиеся представления о себе и других людях, воспроизводит ежедневные действия – ходит на работу, проводит время с семьей, организует свой досуг и свободное время, и даже мысли и чувства его вполне привычны. Социальный круг его относительно постоянен – с окружающими выработана устойчивая система отношений. Еще одним признаком повседневных ситуаций является типизация отношений – ежедневно люди взаимодействуют в определенных схемах отношений:

«мужчина – женщина», «руководитель – подчиненный», «учитель – ученик» и т.д. Каждая схема предполагает социальную роль, варианты поведения, ожидания окружающих.

Но, конечно, далеко не все ситуации повседневной жизни являются беспроблемными – некоторые нарушают привычный ход жизни, заставляют перестраиваться. Субъективно подобные условия воспринимаются как трудности. К их числу можно отнести существенные изменения рабочего функционала, конфликты с окружающими, обострение хронического заболевания или появление нового. Перечисленные условия редко приводят к длительным негативным переживаниям, к кризису, тем не менее, они влияют на психологическое самочувствие личности, заставляют искать пути выхода из проблемной ситуации.

Явным признаком перехода к полюсу *экстремальной ситуации* является невозможность человеком применять привычные способы действий в трудных обстоятельствах – они оказываются неэффективными. Круг выбора действий существенно сужен или отсутствует. В трудной ситуации экстремального уровня человек может сначала воспроизводить непродуктивные паттерны поведения. Он может находиться некоторое время в замирании, оцепенении, не понимая, что лучше предпринять, либо – демонстрировать хаотичную нецелесообразную активность. В сильно трудных обстоятельствах личность испытывает глубочайший стресс, на первое место входит просто желание пережить существующие условия, выдержать непосильную нагрузку. Вариантов выхода из подобных ситуаций человек может не видеть вообще, либо – не иметь возможности выбрать тот вариант, который его удовлетворит. К подобным ситуациям можно отнести разного рода значимые утраты: близких, здоровья (молодости, красоты), жилья; а также рождение больного ребенка, шантаж, стихийные бедствия и техногенные аварии, насилие (физическое, сексуальное), локальные конфликты, террористические акты. По степени разрушительности для личности ситуации экстремального стресса существенно отличаются от экстремального – человек переживает то, что выходит за рамки своего опыта. На континууме от повседневного до экстремального стресса четко заданы только конец и начало, середину труднее заполнить структурированно, поскольку во многом иерархия стрессов будет обуславливаться субъективной оценкой событий личностью.

2. По длительности воздействия: краткие, переменные, длительные.

Краткие трудные ситуации требуют быстрого разрешения, либо необходимости перетерпеть неудобные обстоятельства. К числу кратких можно отнести события повседневного стресса – нарушение планов на непродолжительный промежуток времен; сдача экзамена; необходимость решать задачи с новыми людьми; изменение погодных условий; пробки на дорогах и др.

Переменные ситуации требуют адаптации человека к стрессовым условиям, необходимости привлекать разные ресурсы для разрешения проблемы. К числу переменных ситуаций можно отнести увольнение и поиск человеком нового места работы; лечение обострения хронического заболевания; поступление ребенка в вуз; творческий/профессиональный кризис. Переменные ситуации невозможно разрешить сразу, они создают условия для анализа и поисков вариантов действий, а также для различных проб – человек применяет в новых условиях задуманные алгоритмы, а затем оценивает их эффективность. Переменные трудные жизненные ситуации «тренируют» стрессоустойчивость человека, его возможность действовать в непривычных обстоятельствах. Без опыта преодоления «переменных» стрессоров, человек оказался бы уязвим и совершенно беспомощен в ситуациях длительного стресса.

Длительные трудные жизненные ситуации, как правило, невозможно разрешить в короткий срок, поэтому, несмотря на допустимость и эффективность реализации проблемно-разрешающих стратегий совладания, от личности они требуют и эмоционально-ориентированных действий (эмоциональное отреагирование, положительная переоценка, изменение отношения к ситуации, осознанное дистанцирование). Предполагаем, что с возрастом человек становится более подготовленным к длительным стрессам за счет увеличения в арсенале стратегий эмоционально-ориентированного копинга. К длительным трудным ситуациям можно отнести: переживание серьезного соматического заболевания (онкология, сердечно-сосудистые заболевания и заболевания мозга); кризис утраты (вдовство; развод; синдром «опустевшего гнезда»; смерть детей, родителей), необходимость ухода за лежачим больным; пребывание в зоне военных действий (добровольное или вынужденное). Длительные трудные ситуации могут истощать ресурсный арсенал личности, приводить к дезадаптивным формам поведения (невроз, ригидное использование неэффективных способов преодоления, излишнее стремление к стабильности, внутренний запрет на обращение к другим людям за помощью). Длительные значимые ситуации могут приводить к кризису – необходимости глобальной перестройки как внешней социальной ситуации, так и внутриличностных условий. В состоянии глубоко кризиса человек проявляет покорность, он не чувствует себя хозяином собственной жизни. Возникает необходимость в психотерапевтической работе, пересмотре привычных установок, ценностей и жизненных замыслов [9].

Стоит отметить, что не все длительные трудные ситуации являются экстремальными для личности. Это могут быть ситуации повседневного диапазона стресса, например, необходимость работать в условиях натянутых отношений с определенными коллегами; низкая зарплата; физически неудобные условия работы (низкие температуры, повышенный шум, нерегламентированный график и т.д.); беременность; переезд и пр.

3. По источнику возникновения: внутренние, внешние.

Очевидно, что не всегда трудной жизненной ситуацией могут становиться события внешней жизни личности. Внутренний мир с его многообразием может создавать почву для конфликтов.

Трудной жизненной ситуацией могут стать события *внутренней жизни личности*. Благополучие внутренней жизни личности зависит от рефлексивности, от способности человеком осознавать и разрешать внутриличностные конфликты, принимать решения. К трудным жизненным ситуациям внутреннего плана можно отнести:

- а) субъективные образы неприятных событий прошлого или предполагаемого будущего (проекции на будущее, страхи);
- б) трудности принятия себя, поиска своего призвания и самореализации, самоактуализации;
- в) личностные кризисы (кризисы развития, кризис «смысла», кризис отношений и пр.);
- г) значимые для личности осознавания, создающие почву на перестройки ценностно-смысловой системы.

Важно отметить, что события, как внутренней жизни, так и внешней, если это *значимые события* всегда находят отражение во внутреннем плане. Ситуация не может интерпретироваться личностью как трудная, если она не получила такую оценку в субъективном поле. В обыденном сознании личности реальный жизненный мир и субъективный образ мира слиты в единое целое.

Преодоление трудных жизненных ситуаций внутреннего характера осуществляется путем осознавания того, что вызывает дискомфорт; выявление

возможных причин; использование адекватных ситуаций стратегий совладания; при необходимости - обращение за профессиональной помощью.

4. По природе возникновения: субъективные и объективные.

Объективные ситуации возникают по причинам, находящимся во внешней среде (жизненные ситуации, относительно не зависящие от личности). *Субъективные* жизненные ситуации возникают и зависят от личностных причин: особенности характера, темперамента и других индивидуально-психологических особенностей участников трудной ситуации. Авторы отмечают, что в объективных трудных ситуациях у личности остается меньше вариантов поведения (большую роль играют объективные условия), а в субъективной трудной жизненной ситуации вариативность поведения личности значительно шире [8; 10]. Субъективный анализ трудной жизненной ситуации подталкивает к учету индивидуальных особенностей взаимодействующих сторон. На основе индивидуально-психологических признаков людей формируются научные исследовательские группы, воинские боевые расчеты, спортивные команды, творческие группы крупных компаний. При учете индивидуальных особенностей людей нивелируются возможные проблемы при взаимодействии, сводится к минимуму вероятность возникновения конфликтов между людьми.

Большинство же ученых сходится на том, что поведение человека в жизненной ситуации – результат взаимодействия внутренних и внешних факторов. И понимание особенностей прохождения человека через трудную жизненную ситуацию и всех переживаний, в связи с этим – это определение связей между двумя «сторонами» трудной жизненной ситуации – внутренней и внешней. Важно находить внутренние структуры личности, которые позволяют искать равновесие, как в повседневных стрессовых ситуациях, так и в самых тяжелых условиях.

Анализ основных отечественных и зарубежных психологических исследований по проблеме «человека в трудных жизненных обстоятельствах» позволяет констатировать тенденцию перехода от человека «изолированного» к человеку в реальных жизненных условиях; к всестороннему взгляду на личность и ее жизненные условия. Всё чаще используется методы нарративной психологии для выявления уникальной феноменологии конкретных обстоятельств жизни личности.

5. По степени управляемости: управляемые и неуправляемые.

Проблема управляемости трудной жизненной ситуацией максимально близко приближает нас к феноменологии совладающего поведения. В ситуации возможности использования проблемно-ориентированных стратегий совладающего поведения, исход ее становится более управляем. В данном случае субъекту копинга доступны: анализ проблемной ситуации, планирование решения проблемы, активные действия по разрешению с учетом собственного опыта и ресурсов). В некоторых случаях личность не может влиять и управлять ситуацией, тогда на основных ролях действуют стратегии эмоционально-ориентированного стиля и избегание: погружение в собственные переживания, вовлечение других в переживания, самообвинение, изменение значимости ситуации и т.д. Важно отметить то, что в случае неуправляемости ситуации проблемно-ориентированный копинг тоже может быть применим: он позволяет лучше адаптироваться в существующих условиях, привлекать дополнительные ресурсы.

6. По эмоциональной окраске: радостные и неприятные.

Стоит отметить, что современная психология до настоящего времени накопила не так много работ, посвященных теме счастья и радости. Тем не менее, любое счастливое событие, резко меняющее привычный ход жизни человека, обладает не меньшим

стрессовым воздействием, чем неприятный эпизод. Помимо того, что оно может вызвать сильный стресс, оно может также привести к полномасштабному кризису.

Х. Томэ отмечает, что даже очень *ожидаемое и желанное событие* может нести негативные компоненты: приносить напряжение и страх. И это естественно: даже самое приятное событие может нарушать привычный ход событий, иметь далее непредвиденный поворот жизненного пути. Многим психологам-практикам известно, к каким кризисам может привести долгожданное и радостное событие (создание семьи, рождение первого ребенка и пр.). К кризису может привести и окончание обучения в вузе, защита диссертации, выход на пенсию [7].

Можно привести и другие критерии для классификации трудных жизненных ситуаций:

- *по возрасту*: детские, подростковые, юношеские, взрослые;
- *по сферам жизнедеятельности*: профессиональные, творческие, семейные, личные;
- *по ресурсам разрешения*: те, которые человек может разрешить самостоятельно/сможет решить при участии социума;
- *по характеру адаптации*: активные, пассивные.

Не менее важным в контексте преодоления трудной жизненной ситуации является вопрос о ментальном здоровье взрослой личности. Ментально здоровье создает индивидуальные паттерны сопротивляемости стрессу разнообразных трудных жизненных ситуаций. И он зависит от возможности привлекать в стрессовой ситуации разнообразные копинг-ресурсы. В обобщенном виде копинг-ресурсы можно объединить в несколько групп. К внутренним ресурсам можно отнести следующие три группы. *Эмоционально-волевая группа* объединяет, преимущественно черты личности – устойчивость, независимость, твердость и силу характера, целеустремленность, решительность, хладнокровие, гибкость, оптимизм, а также особые умения – избавляться / не накапливать стрессовое напряжение; находить необходимую социальную поддержку, способность подняться «над» ситуацией и легко переносить трудности; хорошее чувство юмора; умение «переключаться». *Мотивационная группа* характеризует понимание личностью своей значимости и видение перспективы собственной жизни – наличие значимых целей жизни; вера в себя; интерес к жизни и к ее различным проявлениям (даже – негативным); желание развивать себя в новых направлениях. *Интеллектуальная группа* представлена возможностью человека находить необходимую информацию о проблеме, анализировать; иметь критическое мышление, препятствующее возникновению панических настроений в условиях дезинформации; умение рационально мыслить, желание и возможность заниматься творческой работой; мудрость; умение из любого опыта извлекать полезный. К внутренним ресурсам также можно отнести физическое здоровье человека (сила, выносливость, управляемость физического состояния даже при наличии физических болезней). Помимо внутренних ресурсов, можно перечислить ряд *внешних*. *Материальный ресурс* предполагает имущество, деньги. *Социальная группа ресурсов* включает наличие поддерживающего социального круга общения; возможность обращения к референтной профессиональной группе. *Этническая (родовая) группа ресурсов* включает в себя чувство национальной гордости; традиции преодоления народом природных и социальных катализмов; «наследственный» межпоколенный опыт совладания. Оптимальное сочетание разных видов ресурсов совладающего поведения позволяет личности в разные периоды жизни выстраивать свое поведение и успешно преодолевать стресс, сохраняя и укрепляя собственное ментальное здоровье.

Заключение. Перспектива разработки темы состоит в построении единой классификации трудных жизненных ситуаций личности. На настоящий момент

основную проблему составляет субъективный характер оценки трудной жизненной ситуации, сильную ее зависимость от личностного фактора. Сейчас только представляется возможным выделение критериев обозначения трудной жизненной ситуации, отнесение ее к конкретному классу схожих явлений.

Возможность построения единой классификации трудных жизненных ситуаций приблизит нас к более полному пониманию индивидуальной специфики поведения личности в стрессе – дополнит теорию феноменологии стресса. И, помимо теории – поможет осуществлять эффективную психотерапевтическую помощь людям, находящимся в трудной жизненной ситуации в настоящий момент; тем, кто находится в кризисе по причине проживания трудных обстоятельств, либо лицам, испытывающим посттравматические стрессовые переживания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Е.Ф. Василюк. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
2. Водопьянова Н.Е. Проблема благополучия в контексте переживания ситуаций неопределенности, трудных жизненных ситуаций / Н.Е. Водопьянова, А.В. Глебова // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ханты-Мансийск. – 2022. – С. 10–17.
3. Воеводина Т.М. Современные тенденции в изучении копинг-поведения и психологической защиты личности / Т.М. Воеводина // Актуальные проблемы теории и практики спортивной тренировки и оздоровительной физической культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Самара, 2022. – С. 31–38.
4. Карча А.Г. Адаптивное поведение, копинг-стратегии и психологические защиты человека: сущность и соотношение понятий / Карча А.Г. // Психология развития и образования: (российский журнал прикладных исследований). – 2020. № 1. – С. 34–36.
5. Лапкина Е.В. Об организованности и возрастной изменяемости защитно-совладающего поведения личности / Е.В. Лапкина // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 5 (142). – С. 217–224.
6. Мышко В.В. Теоретические подходы к изучению понятия трудной жизненной ситуации в психологии / В.В. Мышко, С.И. Баляев // Наука в жизни человека. – 2023. – № 3. – С. 95–101.
7. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Г. Осухова. – 2-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 288 с.
8. Реан А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика : монография / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – М. : МПГУ, 2022. – 524 с.
9. Суворова Т.А. Механизмы адаптации в трудных жизненных ситуациях / Т.А. Суворова // Система научных ценностей российского общества: междисциплинарные исследования. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Стерлитамак, 2024. – С. 31–33.
10. Федосов И.В. Подходы к классификации ситуаций в научной литературе / И.В. Федосова, А.В. Кибальник // Воспитание в контексте социализации: современные вызовы и практики. Материалы открытой региональной конференции Всероссийского научно-практического форума // Под редакцией М.В. Шакуровой. 2019. – С. 435–439.

REFERENCES

1. Vasilyuk F.E. (1984) Psixologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskix situacij) [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations) [Moscow University Press] 200 p. (In Russian).
2. Vodopyanova N.E., Glebova A.V. (2022) Problema blagopoluchiya v kontekste perezhivaniya situacij neopredelennosti, trudnyx zhiznennyx situacij Aktualnye voprosy blagopoluchiya lichnosti: psixologicheskij, social'nyj i professionalnyj konteksty [The problem of well-being in the context of experiencing situations of uncertainty, difficult life situations [Current issues of personal well-being: psychological, social and professional contexts. collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference] Xanty`-Mansijsk. p. 10–17 (In Russian).
3. Voevodina T.M. (2022) Sovremennye tendencii v izuchenii koping-povedeniya i psixologicheskoy zashchity lichnosti [Modern trends in the study of coping behavior and psychological protection of personality [In the

- collection: actual problems of theory and practice of sports training and recreational physical culture. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation] Samara. p. 31–38 (In Russian).
4. Karchaa A.G. (2020) Adaptivnoe povedenie, coping-strategii i psixologicheskie zashhitnye cheloveka: sushhnost' i sootnoshenie ponyatiy [Adaptive behavior, coping strategies and psychological protection of a person: the essence and correlation of concepts [Psychology of development and Education] № 1. p. 34–36 (In Russian).
5. Lapkina E.V. (2020) Ob organizovannosti i vozrastnoj izmenyaemosti zashhitno-sovladayushhego povedeniya lichnosti [On the organization and age-related variability of protective and coping behavior of a person [Kazan Pedagogical Journal] № 5 (142). p. 217–224 (In Russian).
6. Myshko V.V., Balyaev S.I. (2023) Teoreticheskie podxody k izucheniyu ponyatiya trudnoj zhiznennoj situacii v psixologii. Nauka v zhizni cheloveka [Theoretical approaches to the study of the concept of a difficult life situation in psychology [Science in a person's life]. № 3. p. 95–101 (In Russian).
7. Osuxova N.G. (2007) Psixologicheskaya pomoshh v trudnyx i ekstremalnyx situaciyax : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Psychological assistance in difficult and extreme situations : studies. student's handbook. higher. studies. Institution [Publishing center "Academy"] 2007. 288 p. (In Russian).
8. Rean A.A. (2022) Psixologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika : monografiya [Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice [Moscow: Moscow State University] 524 p. (In Russian).
9. Suvorova T.A. (2024) Mekhanizmy adaptacii v trudnyx zhiznennyx situaciyax [Mechanisms of adaptation in difficult life situations [Education in the context of socialization: modern challenges and practices [The system of scientific values of the Russian society: interdisciplinary research. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific and practical conference with international participation] Sterlitamak. p. 31–33. (In Russian).
10. Fedosova I.V., Kibalnik A.V. (2019) Podxody k klassifikacii situacij v nauchnoj literature [Approaches to the classification of situations in scientific literature [Education in the context of socialization: modern challenges and practices. Materials of the open regional conference of the All-Russian Scientific and Practical Forum] p. 435–439 (In Russian).

Поступила в редакцию 16.01.2025 г.

PROBLEM OF CLASSIFYING DIFFICULT LIFE SITUATIONS OF ADULT PERSONALITY

E.V. Velikanova

The article presents the main approaches to classifying difficult life situations of a person. At the beginning of the article, the specific features of difficult life situations of a person considered. They act as certain stimuli that activate the stress resistance system. The degree of stress intensity always depends on its subjective assessment by a personality. A difficult significant situation can lead to a crisis and internal personality changes. A difficult significant life situation can influence the personality's world image. A difficult life situation may cause a revision of the individual's existing attitudes, values, and goals. The following criteria for classifying difficult life situations have been distinguished: by degree of intensity; by duration of exposure; by source of occurrence; by nature of occurrence; by degree of manageability; by emotional colouring. The specifics of the stressful situation of each type is explained. The criteria mentioned above can be supplemented by other ways of classification: by age; by spheres of activity; by permission resources; by the nature of adaptation, etc. The possibility of building up a universal classification of difficult life situations will bring us closer to a more complete understanding of the individual specifics of a person's behaviour under stress.

Key words: everyday stress, extreme stress, difficult life situation, classification, features of a difficult life situation.

Великанова Елена Валерьевна.

Кандидат психологических наук, доцент.

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

Преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах)
ORCID 0000-0002-1274-2226.
E-mail: elena-lapkina@inbox.ru

Velikanova Elena Valerevna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov.

Lecturer at the Department of Military and Political Work in the Armed Forces.

ORCID 0000-0002-1274-2226.

E-mail: elena-lapkina@inbox.ru

Научная статья

УДК 159.923.2

DOI: 10.5281/zenodo.15109477

ФАШИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2025 М.И. Яновский

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID: 0000-0002-9265-6917

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Цель статьи – анализ черт самосознания, моральных установок и мышления личности, подверженной влиянию фашистской идеологии. Автор полагает, что важную роль в создании данной идеологии сыграла реформа моральной философии, предпринятая И. Кантом. Кант отвергает представление, что человеческое сознание (разум) имеет какую-либо форму внутренней связи с чем-либо трансцендентным (Богом, идеями в платоновском смысле и т.п.). Вместо веры в Бога в классическом смысле в качестве основы морали им предлагается «категорический императив». Это декларирование принуждения себя к «вере» в нормы, устанавливаемые самому себе. Так создается основа для чувства избранности. Отрицание рефлексии своего Я, продекларированное Кантом, приводит к «капсуляции» «Я», что проявляется в т.ч. в чувстве себя жертвой. Ложное ощущение себя жертвой становится центральным псевдоморальным элементом фашистского мировоззрения, охватывает целые группы – нацию и т.п., что становится основой группового эгоизма. Недооцениваются когнитивные особенности фашизированной личности. Отрицание трансцендентных факторов в мышлении коррелирует с блокировкой мыслительных операций обобщения и абстрагирования, что закрывает возможность понимания сущностного равенства между людьми, делает мышление статичным и бессвязным, и «консервирует» личность внутри фашистской идеологии, построенной на принципе неравенств.

Ключевые слова: психология фашизма, нацизм, фашизированная личность, категорический императив, «Жертва».

Для цитирования: Яновский М.И. Фашизм: психологический анализ / М.И. Яновский // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 226–236. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15109477>.

Российский социолог и политолог С.Г. Кара-Мурза подчеркивает, что «такое колоссальное событие в истории Запада, как фашизм, осталось практически не изученным и не объясненным» [9, с. 11]. Это мнение подтверждается достаточно активным существованием данного феномена в наше время, например, системным развитием (или, может быть, внедрением) фашизма на Украине с 2014 г. На наш взгляд, понимание фашизма затрудняется тем, что объективный анализ часто заменяется субъективными оценками. Хотя такие оценки могут быть оправданы, их преобладание над трезвым анализом является проблемой. Цель данной статьи – исследовать психологические основы фашизма. Мы будем использовать термин «фашизм» в широком смысле, включая в него и «нацизм». Мы полагаем, что оценка различий между этими терминами нередко неадекватна и может использоваться для осуждения одного и неявного оправдания другого. Наши предки, которые вели прямую борьбу с фашизмом и нацизмом, и имели о нем непосредственное знание, еще не запутанное различными манипулятивными политологическими концепциями, – такие различия не воспринимали как значимые. Вспомним, как часто употреблялся термин «немецко-фашистские захватчики».

Исследование ярославских психологов А.А. Смирнова и Е.В. Соловьевой демонстрирует, насколько сложным является феномен фашизма. Ученые пытались выявить факторы, которые могут препятствовать развитию черт личности, которые соответствуют ее фашизации (принятию и ассилияции данной идеологии). Традиционно фашизм ассоциируется с бездушной машинообразностью, потерей способности к обычной человеческой эмоциональности. Исходя из этого представления, А.А. Смирнов и Е.В. Соловьева выдвинули предположение, что залог предотвращения развития черт, характерных для фашизированной личности¹⁵ – в развитии эмпатии. Однако оказалось, что эмпатия не только не служит препятствием, но отчасти даже способствует им [15; 16]. Этот неожиданный вывод подчеркивает, что механизмы формирования фашистской идеологии гораздо сложнее, чем представлялось ранее, и требуют более глубокого изучения. Вывод данного исследования также противоречит нашим теоретическим представлениям и моральным убеждениям, но не является случайным результатом. С 2014 года на Украине наблюдается системная фашизация населения, что подтверждается множеством фактов (один из красноречивых фактов будет упомянут ниже). Однако при этом привычная сентиментальность и эмоциональность, присущая украинскому менталитету, не исчезает (что содействует поддержанию образа «жертвы» украинским режимом перед разнообразной публикой: от российских родственников до западных обывателей и политиков). Эти наблюдения подчеркивают, что наши представления о психологической природе фашизма остаются недостаточными. Мы не знаем, какие изменения происходят в самосознании и мышлении человека, подвергающегося соответствующей индоктринации.

Определенную путаницу в понимание психологии фашизма внес известный итальянский культуролог и писатель Умберто Эко. Список характеристик фашизма, составленный им [18], часто оценивается как бесспорный ввиду авторитетности самого Эко как писателя-гуманиста и ученого. Однако у подхода У. Эко есть методологические изъяны. Во-первых, четырнадцать характеристик, перечисляемые ученым, – это больше признаки, эмпирические проявления. Но эмпирические проявления не есть константа, они могут меняться в зависимости от обстоятельств. Анализ должен быть нацелен на поиск «ядра» – сущностного ключевого свойства, из которого как из зерна вырастает феномен. Отсутствие такой нацеленности является, по нашему мнению, причиной второго недостатка исследования Эко: противопоставление фашизма и нацизма. Действительно, если оставаться в рамках описательного подхода, то эти две идеологии и их адепты выглядят по-разному. Но, конечно, предпочтительным является объяснительный подход, который не ограничивается перечислением набора свойств, а стремится рассматривать их как следствие искомой причины. Такие попытки предпринимались, в частности в рамках психологии.

Психологические исследования фашизма в основном проводились представителями психоанализа. Например, Э. Фромм рассматривал фашизм как замену любви к жизни на стремление к разрушению и смерти. Он полагал, что фашизм искажает жизненные инстинкты, что приводит к развитию садистских и мазохистских наклонностей. К. Юнг связывал фашизм с коллективным бессознательным, утверждая, что он активирует архетипы, такие как Вотан (германское языческое божество) и Тень. А. Адлер интерпретировал фашизм как механизм сверхкомпенсации, возникающий из чувства неполноценности. В. Райх, в свою очередь, указывал на подавление сексуальной

¹⁵ В исследовании использовался опросник, составленный Т. Адорно с сотрудниками, на основании выявления девяти черт индивида, которые делают его потенциально более восприимчивым к фашистской индоктринации [1].

энергии как на основную причину фашистских тенденций. Т. Адорно с группой сотрудников описал фашизированную личность как сочетание особого склада ума с определенными чертами характера [1]. Он назвал такой тип личностной структуры «авторитарной» личностью, поскольку в основе ее формирования, по его мнению, лежит поклонение власти [там же]¹⁶.

На наш взгляд, не только концепция Т. Адорно, но и другие перечисленные теории обусловлены пониманием фашизма как формы иррационального насилия и стремления к власти. Однако подобное представление во многом обусловлено оценочной моральной реакцией на этот феномен. Несмотря на обоснованность, оправданность и определённый объяснительный потенциал, такая точка зрения, тем не менее, одностороння. Она выдает частное возможное следствие за причину, поэтому может приводить к упрощённым и противоречивым выводам. Постмодернистские течения, например, используя подобные интерпретации, иногда приходят к сотрудничеству с данной идеологией.

Понимание фашизма как крайней формы тоталитаризма, который стремится контролировать все сферы жизни человека, властвовать над всем, укоренилось, и, как следствие, сложилось мнение, что фашизм есть альтернатива свободе. Из этого логично делается вывод, он является антиподом либерализма. Противопоставление этих идеологий стало почти аксиомой. Однако из этого возникает следствие: в общественном сознании либерализм часто представлен как главный оппонент фашизма. Вот почему он присваивает себе статус победителя данной идеологии и государств-носителей ее, что, по сути, не так. Дело в том, что абсолютная власть, которая является антиподом свободы, существовала и в различных монархиях. Но очевидно фашизм как идеология не имел к ним никакого отношения. Ничего близкого к фашизму при французских королях, испанских монархах или восточных деспотиях, конечно, не было. Фашизм как идеология основывается на принципе субстанциализации неравенства между различными группами людей [9]. Он разделяет человечество на «людей», «сверхлюдей», «недолюдей» и «антилюдей». Эта классификация не трактуется как оценочная и относительная; она преподносится как объективная. Примером такого подхода служит позиция создателя так называемого «украинского интегрального национализма» Д. Донцова, который утверждал, что русские, именуемые им «московитами», представляют собой не народ, а дочеловеческий биологический вид, находящееся на низшей ступени эволюции. Донцов, переводчик известной книги «Майн кампф» на украинский язык, писавший: «Политический и морально-психологический дух, которым дышат украинские националисты, бесспорно, является фашизмом» (статья «Чи ми фашисти?»; см.: [10]), – является для бандеровского движения идеологической основой [там же]. Красноречивым фактом является то, что его именем после 2014 г. названы улицы в двенадцати городах Украины [7]¹⁷.

Хотя фашизм использует концентрацию власти и контроля, он не является принципиально чужеродным либерализму. Так, после 1945 г. многие сторонники фашистских идей искали убежище именно в либеральных странах, таких как США и Канада, а не в «тоталитарном» СССР. Либерализм и фашизм даже имеют сродство по некоторым ценностям. Так, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, «фашизм доводит до логического завершения либеральную идею конкуренции», рассматривая человека как

¹⁶ См. заслуживающий внимания обзор соответствующих психологических концепций, выполненный И.В. Ситновой [13; 14].

¹⁷ Искать признаки фашизации нужно не в усилении властолюбия и авторитаризма, а в появлении убеждений и «невинных» (порой карикатурных) теорий о биологическом превосходстве.

хищное животное [9, с. 24]. Т.е. характерным ценностным ориентиром для обеих идеологий служит социал-дарвинизм.

Действительно противоположные фашизму идеологии – принимают идею исходного природного и духовное равенства людей, единства человечества. Таковы, например, буддизм и христианство. Но следует упомянуть также марксизм, который стал основой идеологии СССР. Ведь победа СССР над фашистской Германией была не только материальной, но и морально-ментальной. Неудивительно, что после войны сторонники фашизма избегали искать убежище в СССР, – фашистская и коммунистическая идеи находятся в полной оппозиции друг к другу. Адепты данной идеологии предпочитали искать укрытие в либеральной Америке.

Фашистские идеи складывались под влиянием различных теорий, включая социал-дарвинизм, концепцию волонтизма (Шопенгауэр), культ сверхчеловека и воли к власти (Ницше), иррационализм и антирационализм философии жизни (Зиммель, Дильтея, Ницше, Бергсон).

Однако подлинная основа, квазиморальный базис фашизма, который находит воплощение в идеологии неравенства, связан с более «тонким» фактором: он – в характерном умонастроении, который актуализирован «коперниканским» переворотом в философии, в т.ч. в философии моральной, осуществленным И. Кантом (см. наш анализ понимания Кантом основ морали [20]). Кант утверждал, что основой человеческой морали должен стать принцип «категорического императива»: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [8, с. 347]. Считается, что эта формула перекликается с известным «золотым правилом» морали, которое в той или иной форме является частью, а иногда даже основой, моральных кодексов большинства религий: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Евангелие от Матфея) (аналогичное правило можно найти практически во всех мировых религиях [2]). «Золотое правило» предполагает такое свойство взаимодействия между людьми, которое основано на симметрии действий и позиций людей – от «меня» к «ним» и, симметрично этому, от «них» ко «мне». Представляется важным, что это коррелирует с известной концепцией «обратимости» умственных действий, которую описал Ж. Пиаже. Напомним, по Пиаже обратимость – существенное условие перехода от конкретно-эмпирического эгоцентрического мышления к понятийному. Он, а затем и Л. Кольберг, применили категорию обратимости и для анализа уровней морального сознания [11].

Моральная формула Канта, однако, отличается от «золотого правила» по своей сути. Она не предполагает обратимость как характеристику межличностных отношений. При внимательном и беспристрастном её анализе, без наслаждений различных заведомо «дружественных» к Канту трактовок, становится очевидным, что Кант поднимает личную волю до уровня закона, который должен действовать для всех. Таким образом, мораль заключается в том, что «Я» делает или может сделать свою волю универсальной (в т.ч., например, придать своеобразию статуса основы морали).

Кант расширяет свою концепцию базиса морали, утверждая: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице каждого другого как к цели, а не только как к средству» [8, с. 270]. Однако этот «благонамеренный» запрет на употребление других людей, или себя, как средства не отменяет эгоцентризм и волонтизм кантовской морали. Он даже ее усиливает, придавая ей оттенок как бы возвышенной морально-ценостной позиции, которая дает обоснованность эгоцентризму. В итоге это можно выразить так: я и моя воля – закон для самих себя, я – самоцель.

Чтобы понять психологическую природу «категорического императива», необходимо учитывать общие черты кантовской теории. Авторитетные философы, представители русского идеализма П.А. Флоренский и В.Ф. Эрн, отмечали, что Кант отстаивал идею невозможности постичь Трансцендентное Начало, то есть Бога, с помощью разума [17; 19]. Причем, по мнению Эрна, эта невозможность была им даже в определенном смысле привнесена искусственно: «контакт разума с Сущим, т.е. с Богом был "законодательно" перерезан именно Кантом» [19, с. 311]. «Острие Кантовой мысли <...> сводится к двум принципам: к абсолютной феноменалистичности всего внешнего опыта и к абсолютной феноменалистичности всего опыта внутреннего» [там же, с. 309]. Это значит, что по Канту в составе человеческого сознания (в т.ч. в разуме и воле) нет Трансцендентного Начала ни в каких формах, в т.ч. в форме идей-ноуменов (место которых у Канта заняли непознаваемые «вещи-в-себе» и подобные условным постулатам априорные категории [17]). Поэтому представление о Боге, по Канту, возникает как искусственный, условный, но нужный и полезный продукт человеческого воображения. Он должен быть закрепляем моральным самовнушением и сознательным стремлением принимать это как социально полезную иллюзию. Так создается позиция как-бы-веры в искусственно создаваемого «бога», даже при отсутствии реального ощущения его существования, т.е. подлинного религиозного чувства. В этом контексте Кант вводит понятие «категорического императива», где термин «императив» как раз подчеркивает элемент насилия над собой, самопринуждения.

Таким образом, у Канта место Бога занимает абсолютизация личной воли: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла <...> иметь силу <...> всеобщего законодательства». Из этой формулы легко выводится и... абсолютизация эгоизма. Внешне это может выглядеть как надличная воля или самопожертвование, но по сути быть эгоистической волей. Таков парадокс возникающего здесь феномена самопожертвования ради собственного эгоизма. Возникает квазирелигиозная вера, вера без Бога, что в конечном итоге формирует умонастрой, присущий фашизму (проницательный В.Ф. Эрн характеризовал умонастрой,ственный самому Канту и многим его последователям, «люциферианским романтизмом» [19, с. 310]).

Категорический императив можно понимать как форму внутреннего принуждения, которое индивид оказывает по отношению к собственному сознанию. Это проявление максимализма, основанного на самообмане и внушении себе ослепления, преданности «долгу», который человек или сам себе искусственно устанавливает, или устанавливается социальной группой¹⁸. Может не только создаваться своя собственная мораль, но может приниматься и искусственная мораль, моральные принципы, созданные другими (коллективным «я»). Так я создаю своего «бога». Субъект, создающий самого «бога», чувствует себя как бы его «владельцем». Он – хозяин, собственник «бога» (что выражается в чувстве уникальности и квази-избранности). Это характерно и для фашистского самосознания, при котором личность чувствует свою как-бы-уникальность и превосходство, руководствуясь волевым максимализмом, воспринимаемым как нечто, аналогичное религиозной вере.

Чтобы понять влияние принципа категорического императива на сознание, следует отметить, что Иммануил Кант постулирует невозможность попыток рефлексии корней этого императива (для Канта субъект – непознаваемая «вещь-в-себе»). Он утверждал, что размышление о его основе невозможно, подобно тому, как глаз не может увидеть себя.

¹⁸ В.Ф. Эрн в качестве примера приводит слова последователя Канта, известного философа Виндельбанда: «Категорический императив заставляет меня голосовать за национал-демократов» [19, с. 312].

Поэтому рефлексия и самоанализ здесь заменяется эгоцентричным чувством собственности на себя, укреплением ощущения личности, которая осознается как нечто самоценное и непроницаемое. Непроницаемость «я» для рефлексии ведет его к самокапсулированию. Одним из результатов этого является замена морального самосознания жалостью к себе, защищающей носителя от внутреннего и внешнего анализа. Жалость к себе формирует виктимизированный образ своего «я», что становится источником квазиморальных переживаний и придает особую специфику подобному моральному сознанию, включая стремление наказать «плохих». Мы полагаем, что виктимизированный образ «я» есть неявное квазиморальное ядро сознания фашизированной личности. (Так, журналист Андрей Бабицкий отмечал, что фашизация в разных обществах как правило сопровождается мифологизацией тотальных национальных обид, когда нация воспринимает себя как жертву [4]. Образ себя как «жертвы» и чувство своей «особости», «избранности» – оказываются двумя сторонами одной медали, по сути эгоцентризма.)

О парадоксе эмпатии, упоминавшейся в начале статьи, – как черте, которая не отсутствует у «фашизированных» личностей. Жалость «жертвы» к себе может экстраполироваться на коллективное «Я». Это формирует групповую эгоистичность, которая не противоречит, а даже коррелирует с агрессивным отношением к «чужим». Эмпатия может становиться в этом случае даже более значимой, так как она заменяет общечеловеческие универсальные моральные нормы. Здесь – различия эмпатии и сострадания: сострадание – это универсальная эмоциональная чувствительность, тогда как эмпатия – сопереживание «своим». Неслучайно в религиях, полагающих единое Трансцендентное Начало для всего человечества, ценностью является сострадание. Напротив, фашизм создает своего особого «бога» для «своих», что предполагает эмпатию к «своим».

Проницательный психолог Ф.М. Достоевский увидел появление такого психотипа еще в XIX в. Это – «Великий инквизитор», в котором соединяется эмпатия и в то же время презрение к человеческому «стаду», жестокость и безразличие, жалость к себе и претензия на элитарность. Подобный психотип не придуман, его можно увидеть, например, в главном герое фильма «Крестный отец» (считающегося в США лучшим фильмом мирового кинематографа).

А-рефлексивность адепта фашизма также влияет на его самосознание. Формируется неспособность объективно оценивать себя с моральной точки зрения, что приводит к диффузии реального «Я», идеала и антиидеала. В результате происходит смешение этих полюсов: реальное «Я» начинает идеализироваться, негативные поступки воспринимаются как позитивные, позитивные – как равные негативным. Такое слияние всех аспектов самосознания устраниет внутренние конфликты и сомнения. Идентификация себя с условно кем-то названными «воинами света» ведет к убежденности в собственном моральном превосходстве (при блокировке моральной рефлексии, т.е. совести).

Фашистское сознание связано с некоторыми особенностями мышления. Вследствие волевого максимализма, ценностно окрашенного эгоцентризма и эгоизма, охарактеризованных выше, создается нагнетение сознания собственной личности. Это коррелирует с ощущением ограниченности собственного «я». Усиление чувства ограниченности себя как личности может колебаться от чувства себя как «маленького человека» (образ себя как «жертвы») до ощущения себя «сверхчеловеком» (образ себя как «караторя»). При этом, несмотря на разницу, в обеих формах самопереживания актуализируются именно чувство ограниченности, границ личности. Но переживание

своей ограниченности – это частный случай неравенства как фундаментальной когнитивной структуры. Данное ощущение исчезает только в условиях равенства, уступая место чувству «мы». Таким образом, гипертрофированная личность у приверженцев фашизма (что, между прочим, сближает адептов фашизма со сторонниками либерализма) формирует такой тип мышления, где неравенство рассматривается как единственный возможный вид взаимоотношений между людьми. Это выходит за рамки простого признания неравенства среди людей или социальных групп; здесь затрагивается сама способность к мыслительному акту, направленному на установление равенства. В результате, отношения равенства и тождественности становятся когнитивно недоступны для подобного сознания. Этот феномен можно рассматривать как результат отказа от идеи Трансцендентного в широком понимании, в том числе от трансцендентных элементов мышления: идей и обобщенных понятий в человеческом сознании. Например, разница между «холодным» и «теплым»: эти категории являются относительными, они обе выражают общую, по сути трансцендентную идею – температуру. Но если трансцендентное отвергнуто, тогда «холодное» и «теплое» расцениваются как два отдельные субстантивные свойства. Неравенство больше не представляется временным или относительным состоянием, способным перейти в равенство. Поэтому абсолютизация неравенства коррелирует с утратой способности видеть общее в различном и снижением способности оперировать абстрактными обобщенными понятиями и строить полноценные умозаключения.

Поэтому принцип расового неравенства возникает не только из-за искаженных моральных представлений, но и вследствие таких когнитивных ограничений, которые являются следствием кантовского отказа от допущения наличия трансцендентных факторов внутри сознания. Эти ограничения в итоге блокируют способность к полноценному абстрактному понятийному мышлению. Фашизм, таким образом, представляет собой не только и, возможно, не столько систему взглядов, сколько искаженный способ мышления, придающий абсолютное, биологическое значение относительным различиям между социальными группами, включая этнические¹⁹. Мы полагаем, что данная когнитивная деформация играет важную роль в процессе фашизации личности. Пропаганда может способствовать этому, подменяя логические связи ассоциативными, понятия – образами (а также «синкетами» и «комплексами» по Л.С. Выготскому), анализ информации – принятием личных позиций, поиск сущностных характеристик объектов – реакциями на их внешние признаки и т.п.

Философский аспект упрощения когнитивной структуры сознания интересен для изучения. Автор принципа «категорического императива» отказался от признания присутствия Трансцендентного в человеческом разуме и как Божественного Начала, и как идей в платоновском смысле: они для него – непознаваемые «вещи-в-себе». Отрицание трансцендентных элементов в мышлении характерно для средневековой концепции «концептуализма», близкими к которой были Аристотель и Дж. Локк. Удивительно, но именно эти философы могли бы считаться отдаленными предшественниками фашизма (а не Платон, на которого как на такого предшественника указывал Карл Поппер, – философ, поспособствовавший появлению очевидно ложных социальных теорий Джорджа Сороса [12]). Так, Аристотель высказывал мысль о том, что существуют две разные породы людей – господа и рабы: «одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и

¹⁹ Отказ от признания трансцендентных факторов работы познания и понимания чего-либо ведет к осознаванию себя и других в биологических категориях [19, с. 312].

справедливо» [3, с. 384]. «Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает по своей природе не может быть свободен» [3, с. 383]. Собственно, эта идея и была экстраполирована на этносы и использована идеологами фашизма для обоснования своей концепции расового превосходства [5; 6]. Дж. Локк – идеолог британского и американского либерализма, автор теории души как «чистой доски» и принципа, что нет ничего в уме, чего прежде не было в ощущениях. Но данная теория подразумевает отсутствие внутренней духовной сущности человека, что ведет к тому, что насилие над человеком не считается насилием. Оно становится оправданным, а в конечном счете снимает моральные ограничения и на физическое насилие для переделывания человека [21]. Идеи евгеники, нацеленные на улучшение человеческой расы путем селекции, действительно впервые приобрели популярность в странах, считающих себя колыбелью либерализма, в Великобритании и США. Хотя впоследствии эти идеи активно использовали фашисты, важно отметить, что их истоки лежат в среде либерализма. Георгий Димитров в одной из своих известных речей определил фашизм как форму правления, обслуживающую интересы финансового капитала, что снова отсылает нас к наличию возможной внутренней связи между либерализмом и фашизмом. Поэтому концепция тоталитаризма, уравнивающего фашизм и коммунизм, вероятно является следствием подмены понятийного мышления ассоциативным.

Иrrациональное насилие и стремление к власти, отмечаемое многими философами, психологами, психоаналитиками как признак носителей анализируемой идеологии, является чрезвычайно социально и морально значимым, но не первичным их свойством. По-видимому, первичным является принимаемый человеком, в силу его определенной ментальной ограниченности, в частности потери способности различать за формой явления его подлинное содержание, – принцип субстантивного неравенства людей, доводимый до расчеловечивания «чужих». Это подтверждается избирательностью жестокости и властности, с одной стороны, и избирательностью эмпатии, с другой стороны.

Выводы. Таким образом, следующие психологические черты свойственны личности, ассилированной в фашистскую идеологию.

Отказ от признания присутствия Трансцендентного в человеческом сознании и замена его самопринуждением к вере в искусственные идеалы. Блокировка оперирования трансцендентными элементами мышления – абстрактными обобщенными понятиями; тем самым способность к полноценному понятийному мышлению снижается, что затрудняет понимание сложных социальных процессов и явлений. Приписывание относительным неравенствам субстанционального характера: различиям, обусловленным ситуативными, преходящими факторами, придается статус объективных и неизменных свойств, что закрепляет иерархию и неравноправие как норму. Элитаризм: возникающее чувство собственной исключительности и превосходства над другими, что ведет к убеждению в праве диктовать свои правила и нормы поведения. Блокировка рефлексии и замена ее саможалением: вместо анализа собственных действий и мыслей личность погружается в состояние эгоцентрического самовозвеличивания, что с легкостью оборачивается ощущением себя жертвой. Принятие идеи априорного неравенства людей: вера в изначальное неравенство всех людей становится основополагающей идеей, оправдывающей дискриминационные практики. Отказ от морали как универсальных норм, что позволяет оправдывать любые действия ради достижения целей, если это касается «несвоих».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно / Под общ ред. д. философ. н. В.П. Култыгина. – М. : Серебряные нити, 2001. – 416 с.
2. Апресян Р.Г. Генезис золотого правила / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 39–50.
3. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Аристотель / Общ. ред. А.И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
4. Бабицкий А. Тридцать восемь попугаев совсем бывшего президента Украины / А. Бабицкий // Информационное агентство «News Front», 6 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news-front.su/2017/04/06/tridtsat-vosem-popugaev-sovsem-byvshego-prezidenta-ukrainy-andrei-babitskij/> (дата обращения 25.02.2025).
5. Вахтеров А.В. Фашизация группового сознания бюрократии Европы – основной источник мировых конфликтов XX века и локальных военных конфликтов современности / А.В. Вахтеров // Актуальные проблемы современного международного права : Материалы XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, апрель 2015 г.): в 2 частях. Том 2. – М. : ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2015. – Ч. II. – С. 524–540.
6. Вахтеров А.В. Философская парадигма противостояния российского общества попыткам возрождения фашизма западными бюрократиями / А.В. Вахтеров // Актуальные проблемы противодействия реабилитации нацизма в современном обществе : Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции (Москва, 18 мая 2022 года). – Волгоград : Изд-во ИП Черняева Юлия Игоревна (Издательский дом «Сириус»), 2022. – С. 18–23.
7. Донцов Дмитро Іванович // Вікіпедія [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uk.wikipedia.org/wiki/Донцов_Дмитро_Іванович (дата обращения 25.02.2025)
8. Кант И. Сочинения: в 6 тт. Т. 4, ч. 1. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – 544 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Немецкий фашизм и русский коммунизм – два тоталитаризм / С.Г. Кара-Мурза // Коммунизм и фашизм: Братья или враги? / Ред.-сост. И. Пыхалов. – М. : Язуа-пресс, 2008. – С. 7–57.
10. Новиков В. Истоки украинского национализма / В. Новиков / Яндекс Дзен, 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZiQVok_Iy3yppNmV (дата обращения 25.02.2025)
11. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка / Ж. Пиаже / Пер. с фр. В. Большакова. – М. : Академический проект, 2006. – 479 с.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / К. Поппер / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
13. Ситнова И.В. Зеркало нацизма на Украине: американские неэтичные эксперименты / И.В. Ситнова // Российский военно-психологический журнал. – 2024. – № 4(6). – С. 65–76. – DOI: 10.25629/RMPJ.2024.04.07.
14. Ситнова И.В. Наследие фашизма: западный психологический дискурс XX в. / И.В. Ситнова // Власть. – 2015. – № 4. – С. 93–98.
15. Смирнов А.А. Взаимосвязь подверженности фашизму и каналов эмпатии у студентов / А.А. Смирнов, Е.В. Соловьева // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Социокинетика, – 2021. – № 27(1). – С. 71–76. – DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76.
16. Смирнов А.А. Фашизм как подверженность антидемократии и общий уровень эмпатии у студентов / А.А. Смирнов, Е.В. Соловьева // Вестник интегративной психологии. Журнал для психологов. – 2020. – № 21. – С. 367–370.
17. Флоренский П.А. Космологические антиномии Иммануила Канта / П.А. Флоренский // Сочинения в 4 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 3–33.
18. Эко У. Вечный фашизм / Умберто Эко // Вестник МГПУ. – Серия: философские науки. – 2016. – 1(17). – С. 96–105.
19. Эрн В.Ф. От Канта к Круппу / В.Ф. Эрн // Сочинения. – М. : Правда. 1991. – С. 308–318.
20. Яновский М.И. Проблема различения добра и зла через призму конфликта «Донбасс – Киев» / М.И. Яновский, К.В. Черкашин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 3–4. – С. 141–151.
21. Яновский М.И. Философско-психологические идеи Дж. Локка как ключ к пониманию американских ценностей / М.И. Яновский, В.Н. Ягодкин // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. – Т. 3. – 2019. – № 1 (6). – С. 65–76.

REFERENCES

1. Adorno T. (2001). Issledovanie avtoritarnoj lichnosti [The study of authoritarian personality]. Moscow: Silver Threads (In Russian).
2. Apresyan R.G. (2013). Genezis zolotogo pravila [The genesis of the Golden Rule]. Voprosy filosofii, 10, 39–50 (In Russian).
3. Aristotl (1983). Sochineniya: V 4-h t. T. 4 [Essays: In 4 volumes vol. 4]. Moscow: Mysl' (In Russian).
4. Babitsky A. (2017). Tridcat' vosem' popugaev sovsem byvshego prezidenta Ukrayny [Thirty-eight parrots of the very former president of Ukraine]. April 6, 2017. URL: <https://news-front.su/2017/04/06/tridtsat-vosem-popugaev-sovsem-byvshego-prezidenta-ukrainy-andrej-babitskij/> (In Russian).
5. Vakhterov A.V. (2015). Fashinizaciya gruppovogo soznaniya byurokratii Evropy – osnovnoj istochnik mirovyh konfliktov XX veka i lokal'nyh voennyh konfliktov sovremennosti [Fascination of the group consciousness of the bureaucracy of Europe is the main source of world conflicts of the 20th century and local military conflicts of our time]. Actual problems of modern international law: Proceedings of the XIII International Congress "Blishenkov Readings" (Moscow, April 2015): in 2 volumes. Volume 2. Moscow: Federal State Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia", 2015, Part II, 524–540 (In Russian).
6. Vakhterov A.V. (2022). Filosofskaya paradigma protivostoyaniya rossijskogo obshchestva popytkam vozrozhdeniya fashizma zapadnymi byurokratiyami [The philosophical paradigm of Russian society's opposition to attempts to revive Fascism by Western bureaucrats]. Actual problems of countering the rehabilitation of Nazism in modern society: Proceedings of the interuniversity student scientific and practical conference (Moscow, May 18, 2022). Volgograd: Publishing house of IP Chernyaeva Yulia Igorevna (Sirius Publishing House), 18–23 (In Russian).
7. Dontsov Dmytro Ivanovich in Wikipedia. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Донцов_Дмитро_Іванович (In Ukrainian).
8. Kant I. (1965). Sochineniya: V 6-h t. T. 4, ch. 1 [Essays: in 6 volumes. Vol. 4, part 1]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
9. Kara-Murza S.G. (2008). Nemeckij fashizm i russkij kommunizm – dva totalitarizm [German fascism and Russian communism are two totalitarianisms]. Communism and Fascism: Brothers or enemies? Moscow: Yauza Press, 7–57 (In Russian).
10. Novikov V. (2024). Istoki ukrainskogo nacionalizma [The Origins of Ukrainian Nationalism]. URL: https://dzen.ru/a/ZiQVok_Iy3yppNmV (In Russian).
11. Piaget J. (2006). Moral'noe suzhdenie u rebenka [A child's moral judgment]. Moscow: Academic Project (In Russian).
12. Popper K. (1992). Otkrytoe obshchestvo i ego vrati. T. 1: Chary Platona [The Open Society and its Enemies. Vol. 1: The Charms of Plato]. Moscow: Phoenix, International Foundation for Cultural Initiative (In Russian).
13. Sitnova I.V. (2024). Zerkalo nacizma na Ukraine: amerikanskie neetichnye eksperimenty [The Mirror of Nazism in Ukraine: American Unethical Experiments]. Russian Military Psychological Journal, 4(6), 65–76, DOI: 10.25629/RMPJ.2024.04.07 (In Russian).
14. Sitnova I.V. (2015). Nasledie fashizma: zapadnyj psihologicheskij diskurs XX v. [The legacy of fascism: the Western psychological discourse of the twentieth century]. Power, 4, 93–98 (In Russian).
15. Smirnov A.A. & Solovyova E.V. (2021). Vzaimosvyaz' podverzhennosti fashizmu i kanalov ehmpatii u studentov [The relationship between exposure to fascism and empathy channels in students]. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 27(1), 71–76, DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76 (In Russian).
16. Smirnov A.A. & Solovyova E.V. (2020). Fashizm kak podverzhennost' antidemokratii i obshchij uroven' ehmpatii u studentov [Fascism as a susceptibility to anti-democracy and the general level of empathy among students]. Bulletin of Integrative Psychology. Journal for Psychologists, 21, 367–370 (In Russian).
17. Florensky P.A. (1996). Kosmologicheskie antinomii Immanuela Kanta [Cosmological antinomies of Immanuel Kant]. Essays in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl', 3–33 (In Russian).
18. Eco U. (2016). Vechnyj fashizm [Eternal fascism]. Bulletin of Moscow State University. Series: Philosophical Sciences, 1(17), 96–105 (In Russian).
19. Ern V.F. (1991). Ot Kanta k Kruppu [From Kant to Krupp]. Essays. Moscow: Mysl', 308–318 (In Russian).

20. Yanovsky M.I. & Cherkashin K.V. (2020). Problema razlicheniya dobra i zla cherez prizmu konflikta «Donbass–Kiev» [The problem of distinguishing good and evil through the prism of the Donbass–Kiev conflict]. Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology, 3–4, 141–151 (In Russian).

21. Yanovsky M.I. & Yagodkin V.N. (2019). Filosofsko-psihologicheskie idei J. Locka kak klyuch k ponimaniyu amerikanskih cennostej [Philosophical and psychological ideas of J. Locke as a Key to Understanding American Values], Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Man and the World. Vol. 3. 1(6), 65–76 (In Russian).

Поступила в редакцию 03.03.2025 г.

FASCIZATION OF PERSONALITY: PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

M.I. Yanovsky

The purpose of the work is to study the traits of self-awareness, moral attitudes and thinking of a personality influenced by fascist ideology. The author believes that the reform of moral philosophy undertaken by I. Kant played a certain role in the creation of this ideology. Kant rejects the notion that human consciousness (mind) has any form of internal connection with anything transcendent (God, ideas in the Platonic sense, etc.). The "categorical imperative" is the declaration of forcing oneself to "believe" in norms that are self-imposed. This creates the basis for a sense of being chosen. The denial of Self-reflection, declared by Kant, leads to the "encapsulation" of the "I", which manifests itself, among other things, in the feeling of being a victim. The false sense of being a victim becomes the central pseudo-moral element of the fascist worldview, embracing entire groups – the nation, etc., which becomes the basis of group egoism. The cognitive features of a fascist personality are underestimated. The denial of transcendental factors in thinking correlates with the blocking of mental operations of generalization and abstraction, which closes the possibility of understanding the essential equality between people, makes thinking static and incoherent, and "preserves" personality within the fascist ideology built on the principle of inequalities.

Keywords: psychology of fascism, Nazism, fascized personality, categorical imperative, "Victim".

Яновский Михаил Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Доцент кафедры общей психологии.

ORCID 0000-0002-9265-6917.

E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Yanovsky Mikhail Ivanovich.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Associate Professor of General Psychology
Department
ORCID 0000-0002-9265-6917.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

- 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;
- 5.9.3. Теория литературы;
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России;
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редакция принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редакция не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректура статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редакции (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T. A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высыпается автору после приема статьи к публикации).

6. ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полуторный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... ..." ...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редактором).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноски к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. **Ключевые слова:** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 Т.А. Дьякова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда

и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59–68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20–31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskie iazyki [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
 2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
 3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. Indogermanische Forschungen, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). *Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques* [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyj slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznanija*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороны, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: Вильдрубе Светлана Александровна, канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2025. – № 2

На русском и английском языках

Технический редактор: Д.И. Борозенец